

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61024 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р филос. наук, проф. Б.Л. Губман (*глав. редактор*);
чл.-кор. РАН, д-р филос. наук, проф. И.Т. Касавин;
Ph.D., Prof., University of Marburg М.Е. Соболева (ФРГ);
Ph.D., Prof. of Eastern Washington University,
Spokane И.Э. Клюканов (США);
д-р филос. наук, вед. науч. сотр. И.И. Блауберг;
д-р филос. наук, проф. В.А. Михайлов;
д-р филос. наук, проф. В.Э. Войцехович;
д-р филос. наук, глав. науч. сотр. Э.М. Спирина;
чл.-кор. РАО, д-р пед. наук,
канд. филос. наук, проф. М.А. Лукацкий;
канд. филос. наук, доц. С.В. Рассадин (*отв. секретарь*);
канд. филос. наук, доц. С.П. Бельчевичен

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 204
Тел.: +7 (4822) 34-78-89

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2021

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61024 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Philosophy

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

D.Sc. in Philosophy, prof. B.L. Gubman (*editor-in-chief*);
Corresponding Member of RAS, D.Sc. in Philosophy, prof. I.T. Kasavin;
Ph.D., prof., University of Marburg, Maya E. Soboleva (Germany);
Ph.D., prof. of Eastern Washington University, Spokane Igor E. Klyukanov (USA);
D.Sc. in Philosophy I.I. Blauberg, D.Sc. in Philosophy, prof. V.A. Michailov;
D.Sc. in Philosophy, prof. V.E. Voicechovich; D.Sc. in Philosophy E.M. Spirova;
Corresponding Member of RAE; Dr. of Pedagogical Sciences,
Cand.Sc. in Philosophy, prof. M.A. Lukatsky;
Cand.Sc. in Philosophy, assoc. prof. S.V. Rassadin (*executive secretary*);
Cand.Sc. in Philosophy, assoc. prof. S.P. Belchevichen

Editorial Office:

Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31, office 204
Phone: (4822) 63-01-51, (4822) 34-78-89 (*editor-in-chief*)

*All rights reserved. No part of this publication may be
reproduced without the written permission of the publisher.*

Содержание

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА -----	7 -
Лебедев С.А. Уровневая структура научного знания-----	7 -
Ильин В.В., Сапегина О.П., Яловенко Я.В. Философия и наука: проблема интерактивного соотношения -----	21 -
Редникина В.Е. Трансдисциплинарность как вектор развития современных биологических исследований-----	34 -
Кольцов И.В., Морозова О.Ю. Философские аспекты математического моделирования и вычислительного эксперимента-----	41 -
Удалова Л.В. Технологическое совершенствование здоровья человека: правда и обман -----	48 -
Иванов А.Г. «Работа над мифом». Уровень – семья-----	58 -
Равочкин Н.Н. Идеи как технологии управления социальными процессами -----	68 -
Ксенофонов В.А. Военная сфера национальной безопасности Республики Беларусь: объективная необходимость и вектор развития- 80 -	
Козлова Н.Н., Овчарова О.Г., Рассадин С.В. Образы будущего России и молодежная политика: социально-философский анализ-----	100 -
Филиппов И.М. Проблема лидерства в государственно-ориентированной молодежной среде -----	110 -
Бааль Н.Б. Государственная молодежная политика как инструмент профилактики политического экстремизма в молодежной среде-----	121 -
Жук В.Н. Закат политической теории? -----	131 -
Майкова В.П., Данилова О.А. Волонтерство как важный фактор консолидации общества-----	134 -
Тихонова В.Л., Закутнов О.И. Эволюция супергероя в американском кинематографе-----	143 -
Лыков Э.Н. Общественный порядок и возникновение полиции -----	154 -
ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ -----	161 -
Заложных Ю.С. Развитие славянофильских представлений о национальной государственности и власти в общественной мысли современной России -----	161 -
Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Инверсивный семиотический анализ романа Ф. Сологуба «Мелкий бес»-----	170 -
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР-----	181 -
Фролова И.А. Основные категории неоконфуцианства и монадология Лейбница-----	181 -
Матвейчев О.А. Новейшие зарубежные исследования о Гиперборее (2010–2020 гг.)-----	189 -
Давлетшина А.М. Возможны ли универсальные (вневременные) ценности? Этический проект М. Шлика -----	200 -

Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Метафизика конечности М. Хайдеггера: история как предмет осмысления -----	216 -
Потамская В.П. Интеллектуальная история И. Берлина: трактовка ценностного плюрализма-----	234 -
Аванесян А.А. Проблема индивидуального опыта исторического познания в философии истории Б. Кроче -----	246 -
Ицкович Г.С. «Историческая репрезентация» в философии Ф. Анкерсмита -----	269 -
Гашков С.А. Философская проблема классификации знания: теория классификации vs постструктурализм -----	279 -
Правила представления рукописей авторами в журнал «Вестник ТвГУ. Серия Философия» -----	291 -

Contents

MAN, SCIENCE, CULTURE -----	-7 –
Lebedev S.A. The Level structure of scientific knowledge -----	7 -
Ilyin V.V., Sapagina O.P., Yalovenko Ya.V. Philosophy and Science: the problem of interactive correlation -----	21 -
Rednikina V.E. Transdisciplinary as a vector of the development of modern biological research -----	34 -
Kolcov I.V., Morozova O.Y. Philosophical aspects of mathematical modeling and computational Experiment -----	41 -
Udalova L.V. Technological improvement of human health: truth and deception -----	48 -
Ivanov A.G. «Work on Myth»: the family level -----	58 -
Ravochkin N.N. Ideas as social process management technologies -----	68 -
Ksenofontov V.A. Military sphere of national security of the Republic of Belarus: objective necessity and vector of development-----	80 -
Kozlova N.N., Ovcharova O.G., Rassadin S.V. Images of the Future of Russia and youth policy: a socio-philosophical analysis-----	100 -
Filippov I.M. The problem of leadership in the state-oriented youth environment-----	110 -
Baal N.B. Annual youth policy as a tool for preventing political extremism in youth environment-----	121 -
Zhouk V.N. The decline of political theory? -----	131 -
Maikova V.P., Danilova O.A. Volunteering as an important factor in the consolidation of society-----	134 -
Tikhonova V.L., Zakutnov O.I. The evolution of a superhero in american cinematograph-----	143 -
Lykov E.N. Public order and the emergence of the Police-----	154 -
PROBLEMS OF RUSSIAN PHILOSOPHY -----	- 181 -
Zalozhnych Y.S. Development of slavo-philic concepts of national statehood and power in public thought of modern Russia-----	161 -
Lebedev V.Y., Prilutskij A.M. Inversive semiotic analysis of roman of F. Sologub «Little demon»-----	170 -
WESTERN PHILOSOPHY AND CONTEMPORARY WORLD -----	Ошибка! Закладка не определена.
Frolova I.A. Main categories of neo-confucianizm and Leibniz's monadology-----	181 -
Matveychev O.A. The latest foreign research on Hyperborea (2010-2020) ---	189 -
Davletshina A.M. Do universal (timeless) values exist? Ethical project of Moritz Schlick-----	200 -

Gubman B.L., Anufrieva C.V. M. Heidegger's metaphysics of finiteness: history as the subject area of understanding----- 216 -
Potamskaya V.P. I. Berlin's intellectual history: interpretation of pluralism of values----- 234 -
Avanesyan A.A. The problem of individual experience of historical knowledge in the B. Croce's philosophy of history----- 246 -
Itscovich G.S. «Historical representation» in F. Ankersmit's philosophy----- 269 -
Gashkov S.A. Philosophical problem of knowledge classification: Classification theory vs Poststructuralism----- 279 -

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 02.31

УРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

С.А. Лебедев

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова», г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.007

В отличие от классической теории научного познания, где выделялось только два уровня научного знания в любой из конкретных наук: эмпирический и теоретический, в современной эпистемологии выделяют четыре качественно различных уровня научного знания: чувственный, эмпирический, теоретический, метатеоретический. Все они отличаются друг от друга по происхождению (эпистемологии), содержанию (онтологии), методам обоснования и критериям истинности (методологии). Несмотря на то, что указанные уровни относительно независимы друг от друга, все они связаны между собой при функционировании любой конкретной науки как некоей целостной системы знания. Основной методологической процедурой обеспечения ее целостности является интерпретация. Она представляет собой конструктивно-волевую деятельность мышления по идентификации содержания понятий разных уровней знания. Любая интерпретация всегда включает в себе существенный момент риска и может быть неверной. Современная неклассическая концепция уровневой структуры научного знания позволяет осуществлять более глубокий и конкретный анализ закономерностей функционирования и развития науки по сравнению с классической эпистемологией.

***Ключевые слова:** наука, уровни научного знания, чувственное знание, эмпирическое знание, теоретическое знание, метатеоретическое знание.*

Структура научного знания – одна из главных проблем эпистемологии, или теории научного познания. От ее решения напрямую зависит решение другой важной проблемы эпистемологии: раскрытие закономерностей функционирования науки и научного знания. Дело в том, что именно структура любого предмета определяет внутренние закономерности его функционирования и развития, а вовсе не его внешняя взаимосвязь с другими предметами, сколь бы значительной она не была. Структура любого предмета либо учитывает внешние воздействия путем их преобразования в соответствии с собой, либо отторгает их (не реагирует на них). С точки зрения синергетики как общей теории функционирования и эволюции любых физических систем других вариантов взаимодействия объектов с внешней средой просто не существует. Любая система может существовать как качественно отличающаяся от всех

других только тогда, когда имеет собственную внутреннюю структуру (свой «аттрактор»). В системе научного знания как особой области информации можно выделить такие ее основные структурные элементы, как области научного знания, отдельные науки, входящие в эти области, а также различные уровни и виды научного знания внутри каждой науки. Основанием различения разных уровней знания является либо их предметная (онтологическая) специфика, либо гносеологическая, либо та и другая вместе [10].

Качественное различие не только предметов, но и методов таких областей научного знания, как естествознание (науки о природе) и обществознание («науки о духе»), впервые было глубоко обосновано в неокантианской эпистемологии (конец XIX – начало XX вв.). В первой половине XX в. столь же обстоятельно была обоснована онтологическая и гносеологическая специфика двух других областей научного знания: математики и технических наук. Было показано их качественное отличие не только между собой, но и в сравнении с естествознанием и социально-гуманитарными науками. Сложнее обстояло дело с определением онтологической и методологической специфики разных уровней научного знания в рамках каждой конкретной науки. Как известно, в классической эпистемологии, как в эмпиризме (теории отражения и позитивизме), так и в рационализме (априоризме и конструктивизме), считалось, что структура знания любой науки состоит только из двух уровней: эмпирического и теоретического. При этом каждый из них понимался не одинаково. Например, эмпирический уровень нередко отождествлялся как учеными, так и философами с чувственным знанием, с данными наблюдения и эксперимента, а теоретический уровень познания – с логическим обобщением чувственных данных. Несостоятельность первого вида отождествления была показана уже в 30-х гг. XX в. логическими позитивистами, правда ценой отказа чувственным данным (sense data) в статусе научного знания. С другой стороны, полагая, что научное знание обязательно является дискурсно-понятийным, логические позитивисты (и даже постпозитивисты) пытались свести (хотя бы частично) теоретический уровень научного знания к эмпирическому знанию. Закономерным следствием таких попыток стало то, что логические позитивисты вынуждены были отказаться в статусе научных не только математическим теориям (поскольку они не имеют эмпирического содержания), но и (по той же причине) многим естественнонаучным и социальным теориям (механика Ньютона, молекулярно-кинетическая теория Больцмана, электродинамика Максвелла, политическая экономия, психоанализ, теоретическая философия). С другой стороны, сторонники эпистемологии рационализма, разделяя идею о двухуровневой структуре научного знания, считали (в отличие от позитивистов) первичным и главным в науке не эмпирический уровень знания, а теоретический. Они старались показать, что любое эмпирическое знание в

науке не может быть ничем иным, как конкретизацией некоторой теории. Само теоретическое знание трактовалось рационалистами вслед за Платоном, Декартом и Кантом как имеющее априорный характер. Онтологической опорой сведения эмпирического знания к теоретическому была высказанная еще Платоном идея о том, что вещи (и знание о них) суть не что иное, как лишь несовершенное воплощение лежащих в их основе идей – подлинного предмета научных теорий. Доказательством именно такого соотношения между эмпирическим и теоретическим знанием для греков было очевидное превосходство доказательной теоретической геометрии Эвклида по сравнению с логически недоказательным и лишь приблизительно истинным эмпирическим геометрическим знанием египтян, вавилонян и Демокрита. Как известно, при построении Ньютоном классической механики, первой подлинной физической теории, он сознательно ориентировался на геометрию Эвклида как образец любой научной теории.

В отличие от классической эпистемологии, в современной эпистемологии в структуре научного знания любой науки выделяют уже не два, а четыре качественно различных уровня: чувственный, эмпирический, теоретический, метатеоретический [13]. Рассмотрим особенности этих уровней знания.

1. Чувственный уровень научного знания

Это исходный уровень знания для всех наук, но особенно естественных. Он содержит данные научных наблюдений и экспериментов, полученных с помощью чувственного восприятия человека (зрение, слух, показания приборов). Анализ как истории науки, так и функционирования современного научного познания убедительно свидетельствует о том, что получаемые в науке чувственные данные об объектах исследования во многом зависят от теорий, на основе которых проводится эксперимент и основаны механизмы действия измерительных приборов. Интерпретация данных наблюдения также во многом зависит от используемой научной теории. Таким образом, можно справедливо утверждать, что знания чувственного уровня в науке объективны и самостоятельны лишь в той же степени, в какой теория, на основе которой они были получены или проинтерпретированы. С другой стороны, следует принять во внимание тот факт, что чувственное познание ученых имеет ту же природу, что и чувственное познание человека вообще. Природа чувственного познания людей, как и его норма, находятся вне науки и имеют биологическую природу. Эта норма сформировалась в ходе многовековой приспособительной эволюции человека как одного из видов организмов и уже давно не зависит от конкретных людей. Как известно, основными видами чувственного познания любого человека являются:

1) ощущение – элементарный сенсорный акт, фиксирующий воздействие объектов на нервную систему познающего субъекта. Можно изолированно ощущать вкус, цвет, запах, звук и т. д.;

2) восприятие – фиксация нервной системой воздействия предметов как целостностей; в результате происходит формирование неких чувственных образов различных предметов. Под «образом» понимается некая совокупность ощущений, но не просто как механическая группа, а как нечто связанное между собой;

3) представление – образ, отпечаток в памяти некоторого предмета или действий с ним. Очевидно, что в представлении отсутствует непосредственное воздействие предмета на органы чувств. Можно отметить также, что представление не имеет своей целью воспроизводство всего содержания прежних восприятий предметов или ситуаций, а только некоторых из их свойств, соответствующих ситуативным потребностям субъекта.

Признание биологической природы чувственного познания дает все основания полагать, что чувственное знание является не только относительно самостоятельной, но и объективной единицей научного знания [14].

Главное отличие чувственного знания в науке от обыденного чувственного знания человека состоит в том, что содержание первого формируется в основном за счет восприятия показаний различных приборов, используемых в науке в качестве средств максимально точного наблюдения и измерения свойств познаваемых объектов.

Однако чувственные данные сами по себе не являются полноценным научным знанием. Это своего рода заготовка, сырье для получения некоторого исходного, одинакового для восприятия всех ученых знания. Эта одинаковость восприятия является необходимым условием признания учеными полученного чувственного материала как объективного знания. На этой основе создается рациональное научное знание, имеющее дискурсно-понятийную форму.

Таким образом, чувственное знание – это только первый уровень научного знания. Далее первичная чувственная информация об объектах исследования подвергается осмыслению и моделируется с помощью языка и мышления. Первым уровнем, на котором имеет место дискурсно-мысленное моделирование данных, полученных в ходе сенсорного взаимодействия ученого с познаваемыми им объектами, является эмпирический уровень научного познания как синтез чувственного знания, языка и мышления.

2. Эмпирический уровень научного знания

На этом уровне происходит взаимодействие чувственного уровня знания с мышлением и языком. Данные наблюдения подвергаются

осмыслению, и на этой основе формулируются протокольные высказывания, научные факты, эмпирические законы и феноменологические теории.

Деятельность ученого на эмпирическом уровне познания предполагает:

1. Описание множества единичных данных наблюдения и измерения с помощью атрибутивных высказываний формы «А есть В» с фиксацией места и времени наблюдения и измерения. Множество таких предложений называется протоколами. Языком протоколов является либо специальный технический, либо естественный язык. Истинность протокольного предложения является функцией сравнения значений терминов протокольных предложений с чувственными образами объектов. Протокольное предложение считается истинным, если установлено тождество его содержания с наблюдавшимся в этот момент положением дел. Во многом решение о наличии или отсутствии такого тождества имеет конвенциональный или консенсуальный характер. Это обусловлено тем, что между чувственным знанием (множество чувственных образов) и эмпирическим знанием (множество высказываний о чувственных данных) имеет место содержательный и, как следствие, логический разрыв. Между чувственным знанием и эмпирическим (рациональным) знанием не существует отношения логической выводимости одного вида знания из другого. Поэтому следует признать ложными как утверждение, что эмпирическое знание является логическим обобщением данных наблюдения и эксперимента, так и утверждение, что из эмпирического знания якобы можно чисто логически вывести данные наблюдения и эксперимента [6]. Более верно полагать, что эмпирическое знание является рациональной надстройкой над чувственным знанием, его мысленной моделью, а чувственное знание – возможной областью интерпретации эмпирического знания.

2. Анализ протоколов наблюдения с целью их обобщения. Главной целью такого анализа является формулировка научных фактов. Научные факты – это общие высказывания (результат обобщения протоколов). Подавляющее большинство научных фактов имеет форму статистических высказываний. Факты – это всегда результат применения к протоколам логического мышления как средства их обобщения. Факты (как и протоколы) также имеют форму атрибутивных высказываний «А есть В». Но в отличие от протокольных предложений они являются не единичными высказываниями, а общими. Основным логическим методом производства фактов является перечислительная индукция. Поэтому их истинность является логической функцией от истинности соответствующего множества протоколов.

3. Формулировка (производство) эмпирических законов. Эмпирические законы – это универсальные высказывания об отношениях между наблюдаемыми событиями, состояниями или свойствами объек-

тов, для которых характерно постоянство: функциональное, причинно-следственное, структурное. Главное отличие эмпирических законов от фактов состоит в том, что в них утверждается всеобщий и необходимый характер такого постоянства. Это делается мышлением путем введения в структуру общих высказываний о законах таких модальных операторов, как всеобщность и необходимость. Под всеобщностью подразумевается потенциально бесконечная область примеров действия закона при повторении определенных условий (фиксированной в части «если» закона).

Под необходимостью имеется в виду, что связь между частями «если» и «то» в законе имеет строго однозначную направленность: при реализации «если» всегда будет иметь место и «то». Поскольку в наблюдениях, протокольных предложениях и научных фактах не содержится знание о всеобщности и необходимости, а фиксируется только то, что было или что есть, постольку эмпирические законы в принципе не могут быть выведены ни из опыта, ни из фактов. Они могут быть введены мышлением только конструктивно, только как гипотезы, хотя возможно и на основе фактов. В последнем случае для их введения может быть использован такой индуктивный метод, как обратная дедукция (Ст. Джевонс) [2], но он не является однозначным по отношению к исходным фактам. На основе одних и тех же фактов с помощью индукции как обратной дедукции можно вполне законно ввести бесконечное множество самых разных гипотез. Эмпирические факты могут быть логически законно выведены из эмпирических законов, но обратное – логически невозможно, так как содержание законов всегда выходит за содержание фактов (Д. Юм) [7]. Повторение одних и тех же явлений позволяет рационально утверждать только о существовании некоего тренда (возможно случайного), однако оно не является достаточным основанием для утверждения о наличии закона. Реальный опыт всегда конечен, а потому в принципе не способен обосновать всеобщность и необходимость любого закона. Поэтому принятие любого эмпирического закона в качестве элемента эмпирического знания – это всегда когнитивно-волевой акт: результат либо конвенции, либо консенсуса научного сообщества. Целесообразность введения эмпирических законов в структуру эмпирического знания обусловлена только одним: возможностью на контролируемой научным сообществом основе рационально прогнозировать события и процессы, которые еще не были осуществлены эмпирически (Р. Фейнман) [15].

4. Построение феноменологических теорий, представляющих собой организованную (как правило, субординированную) систему эмпирических законов некоторой предметной области на основе некоторых онтологических принципов. Феноменологические теории представляют собой наиболее высокий уровень эмпирического знания о наблюдаемых свойствах объектов. Важно отметить, что структура эмпирического зна-

ния обеспечивает возможность логического обобщения содержания своих подуровней при переходе от одного к другому, но только в рамках самого уровня. Таким образом, различия между подуровнями эмпирического знания являются скорее количественными, нежели качественными, и отличаются лишь аспектами и степенью общности репрезентации содержания чувственного уровня научного знания (данных наблюдения, эксперимента и измерения). Большое количество феноменологических теорий было построено и по-прежнему существует и сегодня в разных областях науки: естествознании (астрономия, химия, биология, география, геология, медицина и др.), социальных науках (история, экономика, демография социология и др.), технических и технологических науках.

Но на эмпирическом уровне познания не заканчивается процесс научного познания в современной науке. Он является лишь подготовительным к переходу научного познания на более высокий уровень знания – теоретический, который уже является имманентным, собственным продуктом самого мышления и реализации присущих ему особых конструктивных средств и методов построения научных теорий как главного продукта мышления. Необходимо при этом подчеркнуть, что качественное различие содержания научных теорий и эмпирического знания является еще более глубоким, чем различие содержания между чувственным и эмпирическим уровнем научного знания. И главное качественное различие между эмпирическим и теоретическим уровнем знания заключается в различии их онтологии, их непосредственных предметов познания. Тогда как предметом эмпирического уровня знания являются абстрактные, обработанные мышлением объекты, но имеющие при этом наблюдаемое в опыте содержание, объекты научных теорий имеют чисто мысленное, принципиально не наблюдаемое в опыте идеальное содержание [11]. Поэтому переход от эмпирического уровня знания в науке к ее теоретическому уровню может быть только конструктивным, но отнюдь не процессом логического обобщения эмпирических фактов и законов.

3. Теоретический уровень научного знания

На теоретическом уровне научного знания существует два подуровня (В.С. Степин) [8]:

1) фундаментальные законы, описывающие поведение определенного исходного множества идеальных объектов (материальная точка и их инерциальное движение в классической механике, идеальный газ в молекулярно-кинетической теории, абсолютно черное тело и абсолютно белое тело в оптике и др.);

2) частные теоретические модели и законы, описывающие поведение производных теоретических объектов (небесная механика Ньютона, закон математического маятника, закон свободного падения тел

Галилея, закон возрастания энтропии в термодинамике изолированных систем).

Очевидно, что научные теории с практической (прагматической) точки зрения создаются для того, чтобы объяснять и предсказывать результаты опыта, и поэтому должны сопоставляться с эмпирическим материалом. Такое сопоставление является сложной, многоступенчатой процедурой. При этом в теории происходит имманентное развертывание ее собственного содержания и часто не на основе контакта сознания с эмпирической реальностью, а по конструктивным правилам самого мышления. Сущность деятельности теоретического разума может быть определена как свободное мыслительное творчество, самодостаточное в себе и для себя. Основными логическими операциями теоретического мышления является идеализация, логика и интеллектуальная интуиция. Их целью и результатом является создание (конструирование) и описание теоретической реальности как реальности особого рода, а именно как множества идеальных объектов. Мир этого рода объектов, их свойств, отношений и законов и образует специфическую онтологическую базу теоретического уровня знания в ее отличие от онтологии эмпирического уровня научного знания.

При переходе от абстрактных объектов эмпирического уровня знания к идеальным объектам теоретического уровня знания существуют три основных аспекта:

1) исходным пунктом движения теоретической мысли в большинстве случаев является эмпирический объект, его определенные свойства и отношения;

2) само мысленное движение от эмпирии к теории заключается в количественном усилении или ослаблении степени интенсивности «наблюдаемого» свойства до максимально возможного, предельного ее значения (0 или 1);

3) самый главный момент: в результате такого, казалось бы, чисто количественного движения, мышление создает качественно новый объект, обладающий свойствами, которые уже принципиально не могут быть наблюдаемы. То есть к абстрактным эмпирическим объектам мышлением добавляются такие свойства, которые делают их уже ненаблюдаемыми. В качестве примера может выступить базовый объект теории электрического поля – электрон, как заряженная и обладающая вполне конкретным зарядом частица, однако, с другой стороны, как принципиально ненаблюдаемая, т. е. являющаяся лишь идеализацией реальных частиц при полном абстрагировании от всех других их свойств.

Применение научных теорий на практике и их опытное подтверждение возможно только после их эмпирической интерпретации. На опыте проверяется и обосновывается не сама по себе теория, а только ее конкретная эмпирическая интерпретация (например, небесная механика

как одна из эмпирических интерпретаций механики Ньютона, или гидродинамика, или оптика). При этом как эмпирическое подтверждение конкретной интерпретации некоторой теории, так и ее опытное опровержение сами по себе (автоматически) не свидетельствуют ни об истинности теории, ни об ее ложности, поскольку на опыте проверяется не сама теория, а только ее конкретная интерпретация. То есть на опыте проверяется система «теория + ее конкретная эмпирическая интерпретация», где ответственной как за подтверждение этой системы, так и за ее опровержение может быть любая из составляющих этой системы или обе вместе. Это должен определить последующий анализ каждой ситуации подобного рода. Обоснование истинности самой по себе научной теории осуществляется не с помощью опыта, а другими способами. Главными из них являются:

- а) доказательство правильности ее построения,
- б) доказательство ее внутренней непротиворечивости,
- в) доказательство ее совместимости с другими истинными теориями,
- г) признание указанных доказательств научным сообществом.

Все эти проблемы являются предметом четвертого, наиболее общего уровня научного знания – метатеоретического уровня.

4. Метатеоретический уровень научного знания

Метатеоретический уровень научного знания имеет место во всех науках и во всех научных дисциплинах. Он играет важную роль в обосновании теорий как в естественных и социально-гуманитарных науках, так и в современной математике. В математике этот уровень представлен даже в виде особых математических дисциплин: метаматематики и металогии [1].

Как и на всех уровнях научного знания, на метатеоретическом уровне также существует несколько подуровней:

- 1) парадигмальные научные теории (общепринятые в той или иной области науки фундаментальные теории);
- 2) общенаучное знание;
- 3) философские основания науки.

Рассмотрим содержание двух последних подуровней метатеоретического знания. Общенаучное знание состоит, в свою очередь, из двух видов: онтологического (картина мира: частнонаучная или общенаучная) и гносеологического (идеалы и нормы научного исследования).

Частнонаучная картина – это общие представления о мире, которые преобладают в каком-либо разделе науки. На основе знаний об этом разделе человеческого знания дополняется и достраивается полная картина предметной области. Эти знания состоят в основном из онтологических принципов парадигмальных теорий в той или иной области

науки. Как правило, частнонаучная картина мира является также конкретизацией определенной философской онтологии.

Общенаучная картина мира образуется двумя способами: либо распространением на всю науку некоторой преобладающей частнонаучной картины мира, либо путем синтеза частнонаучных картин мира из различных областей науки.

Содержанием идеалов и норм научного исследования являются принятые научным сообществом определенной эпохи гносеологические, аксиологические и методологические принципы научного познания [3].

Важное место в структуре метатеоретического уровня научного знания занимают философские основания науки. Философские основания науки являются конкретизацией философских положений о бытии и познании применительно к науке или ее отдельным областям. Взаимодействие философии и науки протекает в двух направлениях: с одной стороны, это более общее, философское основание научных теорий, а с другой стороны, это путь, по которому научное знание проникает в мировоззрение и культуру [12].

Важно помнить и о «тупиковых» представлениях о соотношении между философией и наукой:

1) философия первична, наука вторична. Это взгляд, характерный для натурфилософии, он ведет к замещению научного познания философской идеологией;

2) наука первична, философия вторична. Это подход позитивизма и сциентизма, приводящий к обесцениванию всеобщих рациональных норм и стандартов человеческого познания.

Говоря о философских основаниях науки, необходимо отметить специфическую структуру этого рода знания, а именно: философские основания науки – это гетерогенные по своей структуре суждения, включающие в свой состав как философские, так и конкретно-научные понятия и термины.

В соответствии с основными разделами философии в каждой науке можно выделить различные виды ее философских оснований: онтологические, гносеологические, аксиологические, праксиологические и др. Так, важнейшими гносеологическими основаниями квантовой механики являются принципы принципиальной наблюдаемости, неопределенности, дополнительности при описании объектов микромира. Среди аксиологических оснований науки различают внешние и внутренние:

1) внешние направлены вовне науки и регулируют ее отношения с практикой, культурой и обществом. Сюда относят практическую полезность научного знания, его мировоззренческую значимость, его роль в повышении интеллектуального и образовательного потенциала общества и др.;

2) внутренние основания направлены вовнутрь науки и выступают идеалами и нормами научного исследования, его стандартами, определяющими оценку истинности, обоснованности и универсальности конкретных эмпирических и теоретических научных знаний.

Метатеоретическое научное знание выполняет в функционировании научного познания следующие функции:

1) «дедуктивное» обоснование фундаментальных научных теорий с позиций общенаучного и философского знания;

2) гармоничное вписывание содержания отдельных научных теорий в общую систему научного и философского знания;

3) мировоззренческая оценка содержания научного знания и особенно фундаментальных научных теорий;

4) обеспечение взаимосвязи конкретно-научного и философского знания как двух главных видов рационального знания;

5) трансляция содержания новых научных теорий в культуру и обратно для их усвоения обществом [9].

Заключение. Выделение в структуре научного знания любой конкретной науки только эмпирического и теоретического уровней не описывает полную структуру научного знания. Уровневое строение научного знания в любой из наук является более сложным. В структуре любой конкретной науки имеется четыре уровня научного знания: чувственный, эмпирический, теоретический и метатеоретический. Каждый из них качественно отличается от других по своему предмету, природе, содержанию, методам и функциям в научном познании.

Между указанными выше уровнями научного познания имеет место вертикальная связь, но она является не формально-логической, а содержательно-конструктивной. При конструктивном переходе от более низких уровней или подуровней знания к более высоким мышление всегда добавляет некое новое содержание. Это осуществляется путем принятия субъектом познания когнитивного волевого решения, всегда несущего в себе определенный риск. Движение же научного познания от более высоких уровней научного знания к более низким возможно только с помощью другого когнитивного волевого действия: интерпретации (отождествления) знания более высокого уровня в терминах менее высокого уровня (например, с помощью эмпирической интерпретации теории).

Все уровни научного познания имеют не только специфические предметы исследования, но и специфические кластеры методов. Предметом чувственного уровня познания являются реальные объекты действительности как «вещи в себе» (Кант), а результатом – чувственные (сенсорные) модели «вещей в себе». Предметом эмпирического уровня познания являются чувственные модели «вещей в себе», а результатом – абстрактные эмпирические объекты как аспекты чувственных моделей.

Предметом теоретического уровня научного познания являются абстрактные объекты эмпирического уровня, а результатом – множество идеальных (ненаблюдаемых) объектов. Предметом метатеоретического уровня научного познания являются реальные научные теории, а результатом – оценки их доказательности, обоснованности, истинности с позиций определенных метатеорий (парадигмальных теорий, общенаучного знания, философии). Столь же существенно различаются между собой и множества методов познания на каждом из уровней научного познания. Так, в кластер методов чувственного уровня познания в науке входят наблюдение, эксперимент, измерение. Кластер методов эмпирического уровня научного познания образуют уже другие методы: абстрагирование, введение абстрактных объектов, все виды индукции, гипотеза эмпирического закона, классификация, физическое моделирование, эмпирическое подтверждение, эмпирическое опровержение, объяснение, предсказание, экстраполяция. Кластер методов теоретического уровня познания в науке образует другое множество методов: введение исходных и производных идеальных объектов, разбиение всего множества истинных высказываний на аксиомы и теоремы, доказательство, мысленный эксперимент, математическое моделирование, интерпретация теории. На метатеоретическом уровне существует свой особый кластер методов: формализация теорий, доказательство непротиворечивости и полноты теорий, общенаучное и философское их обоснование, описание практической, мировоззренческой, социальной и культурной значимости. Таким образом, в системе научного знания любой науки имеет место не только онтологический плюрализм разных уровней знания, но и их методологический плюрализм [5]. Закономерным следствием такого плюрализма является тот факт, что для разных уровней научного знания существуют свои особые критерии истинности. Они включают в себя разные наборы средств удостоверения истинности знания разных уровней [4]. Общим для критериев истинности разных уровней знания является только одно: их консенсуальный характер, т. е. принятие результатов оценки знания на истинность дисциплинарным научным сообществом. Однако существующий в науке плюрализм предметов и методов различных областей научного знания, различных входящих в эти области конкретных наук, а также плюрализм уровней знания в каждой науке отнюдь не является непреодолимым препятствием для функционирования науки в целом и ее различных областей как целостных систем. Такая интеграция достигается только путем специальных усилий научного сообщества по обеспечению единства науки и практики, науки и культуры, науки и философии.

Список литературы

1. Гильберт Д., Бернайс П. Основания математики. М.: Наука, 1982. 416 с.

2. Джевонс Ст. Основы науки. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1881. 713 с.
3. Лебедев С.А. Аксиология науки: ценностные регуляторы научной деятельности // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 82–92.
4. Лебедев С.А. Истинность уровней и видов научного знания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 87–94.
5. Лебедев С.А. Культурно-исторические типы науки и закономерности ее развития // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 3. С. 7–18.
6. Лебедев С.А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект, 2018. 448 с.
7. Лебедев С.А. Проблема Юма // Журнал философских исследований. 2015. Т. 1, № 4. С. 2.
8. Лебедев С.А. Уровневая методология науки. М.: Проспект, 2020. 208 с.
9. Лебедев С.А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.
10. Лебедев С.А., Губанов Н.Н. Уровневая методология науки и ее сущность // Гуманитарный вестник. 2021. № 2(88). С. 708. DOI: 10.18698/2306-8477-2021-2-708
11. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Онтология научных теорий // Известия Российской академии образования. 2017. № 1(4). С. 20–40.
12. Лебедев С.А., Лебедев К.С. Существует ли универсальный научный метод? // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 56–72.
13. Лебедев С.А., Чистяков О.А. Четырехуровневая модель структуры научного знания // Вопросы философии и психологии. 2020. № 7(1). С. 9–17.
14. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
15. Фейнман Р. Дюжина лекций: шесть попроще и шесть посложнее. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2009. 318 с.

THE LEVEL STRUCTURE OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

S.A. Lebedev

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow

In contrast to the classical theory of scientific knowledge, where there were only two levels of scientific knowledge in any of the specific sciences: empirical and theoretical, in contemporary non-classical epistemology there are four qualitatively different levels of scientific knowledge: sensory, empirical, theoretical and metatheory. All of them differ in their content (ontology), means of genesis (epistemology), method of justification and criteria of truth (methodology). At the same time, although all these levels of scientific knowledge are relatively independent from each other in terms of their ontology and epistemology, they are all interrelated within the framework of the functioning of any particular science as the integrality system of knowledge. The means of

achieving such integrity is a procedure of interpretation (identification) of the content of concepts of different levels of scientific knowledge. It is the constructive strong-willed activity. Every interpretation always consists of essential moment of risk and may produce an error. The non-classical approach to the level structure of scientific knowledge developed in the article allows for a deeper and more specific analysis of the laws of the functioning and development of real science, than the classical philosophy of science allowed.

Keywords: *science, levels of scientific knowledge, sensory knowledge, empirical knowledge, theoretical knowledge, metatheoretical knowledge.*

Об авторе:

ЛЕБЕДЕВ Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», г. Москва. SPIN-код: 9996-0832, e-mail: saleb@rambler.ru

Author information:

LEBEDEV Sergey Aleksandrovich – PhD (Philosophy), Professor, Senior Researcher of Philosophical Department, M.V.Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: saleb@rambler.ru

УДК 101.1:316

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА: ПРОБЛЕМА ИНТЕРАКТИВНОГО СООТНОШЕНИЯ

В.В. Ильин, О.П. Сапегина, Я.В. Яловенко

*Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.021

Наука и философия – принадлежат различным ареалам когитальной культуры – дополняют друг друга. Знание предметноцентрично, метафизика идеалоцентрична, но они равным образом обслуживают запросы человека как существа символического, погруженного в условное, однако стремящегося достичь безусловного.

Ресурсы науки с ее жесткими правилами в деле перекрытия барьеров условностей непригодны. Надежду вселяет метафизика, духовно осваивающая существование в менее ригидных рамочных кондициях.

Ключевые слова: философия, наука, культура, жизненный мир.

Наука – категориально-логична, имплекативна, концептуализирует действительность через связку «причина–следствие» (каузальность), аналитична, нацелена на постижение объективного порядка вещей («самого по себе»). Ей присущи: intersubъективность (устранение индивида из контекста исследования); однозначность семантических единиц (максимальная уточненность используемого аппарата); безымянность (для науки не важен «фон личности» – его поглощают общезначимые теоретические курсы, включающие дискурсивную (начало достаточного основания) всесторонне обоснованную истину); воспроизводимость результатов (сериация); верифицируемость (потенциальная опытная опробуемость утверждений); преходящность основоположений и установлений – предыдущие занятия ученых впоследствии неизбежно становятся «детской игрой» (Гегель); линейность прогресса (наука развивается от постановок проблем к поискам их решений с очередной проблематизацией найденного).

Будучи познанием «из основания» (Гуссерль), наука даёт наиболее прочные (из известных) гарантии обладания истиной. Между тем универсализация приемов научной процедуры как в генерации, так и трансляции конечных продуктов никак и ничем не оправдана; доподлинно наука не способна быть всеобъемлющей наставницей жизнедеятельности; ее принципы не в состоянии выступать правилами, мыслимыми при всех условиях в качестве абсолютно соблюдаемых.

Не впадая в поверхностную критику науки и не борясь с самонадеянным сциентизмом, подчеркнем лишь следующее.

1. Проблемный комплекс: наука – культура.

В основе человеческой деятельности – порядок нормосообразия, тип регуляризации [5]. Канонизация, стандартизация единиц науки осуществляется весьма жесткими правилами операционализации, верификации, логизации, квантификации, метризации, каузализации, естественной детерминации. Рациональное призвание данных регулятивов – задать логически и практически обоснованное право субъекта на обладание истинной, уверенность в достижении достоверности. Отсюда ригоризм в отношении содержательной формации, не достигшей надлежащей опытно-логической упорядоченности. Подозрения в ненадежности продуктов ненаучного поиска влекут воинственную охранительную позицию, в крайних своих проявлениях принимающую форму организационного пуризма. Сошлемся на Юма. Если, удостоверившись в истинности научных принципов (опытно-логическая дисциплина мысли), – пишет он, – «мы приступим к осмотру библиотек, какое опустошение придётся нам здесь произвести! Возьмём в руки, например, какую-нибудь книгу по богословию или школьной метафизике и спросим: содержит ли она какое-нибудь абстрактное суждение о количестве или числе? Нет. Содержит ли она какое-нибудь основанное на опыте рассуждение о фактах и существовании? Нет. Так бросьте её в огонь, ибо в ней не может быть ничего, кроме софистики и заблуждения» [18, с. 229]. Что даёт расчистка библиотек, сиречь избавление от «софистики, заблуждений», прочей доморощенной ереси? Ответ в самом сциентистском пафосе налаживания духовной санации. Избавление духа от богословско-метафизической (культурно-символической) беллетристики преследует тотальный перевод продуктов символосферы на язык строго оформленных логически и метрически систематизированных понятий. Возможно ли это?

Как быть с невыразимым в словах, категориальных присутствиях божественным голосом в душе, совести? (Здесь, не пускаясь в комментарии, позволим себе ссылку на Фета:

...

«Могуч и мне не постижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной» [15, с. 14].)

Как быть с откровением, самораскрытием и т. п., что делает нечто совершенно понятным, ясным. (Здесь также без комментариев, обратимся к Толстому. В «Смерти Ивана Ильича» разбирается расхожий силлогизм:

«Все люди смертны.
Кай человек.
Кай смертен» [13].

Умиравший герой из последних сил сопротивляется натиску логизирующей машины: «то был Кай – человек, вообще человек, и это

было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек ... он ... был совсем, совсем особенное... существо... Разве Кай целовал так руку матери и разве для Кая так шуршал... шелк складок её платья; разве Кай не был влюблён» [13] и т. д.) Как быть с наитием – внезапно приходящей верной вдохновенной мыслью? Как быть..?

Если пространство духовной жизни уместить в интервал: высокая, будирующая существование мечта (идеал) – пустопорожнее бесплодное мечтание (гоголевский собирательный тип – философ Кифа Мокиевич, бытие которого «обращено более в умозрительную сторону»), то из него (пространства) вследствие выборок по прихоти или по произволу узурпаторов окажутся изъятыми многочисленные предметные зоны. Что останется? Наука? Но и она, как продемонстрировали болезненные перипетии позитивизма, не может быть сведена к набору логических тавтологий и фактуально удостоверенных представлений. Пользуясь нагелевским: что всё это значит? – приходишь к одному. «Я конечно могу, – заключает Джемс, – поставить себя в позицию фанатичного сциентиста и вообразить, что мир научных законов и объектов может охватить всё. Но когда я делаю это... тотальное выражение человеческого опыта невидимо зовёт меня за узкие пределы «научных» ограничений... Реальный мир имеет совсем иной характер – он устроен более сложно... чем это позволяют обнаруживать... науки» [4, с. 509–510].

Духовный мир включает прорву того, что науке неведомо, что не может возыметь познавательных эквивалентов. Постигание этого даётся опытом, многотрудным практическим мужанием, жизненным умудрением. Радостное служение знанию по «внутреннему убеждению» исключает культуурокарательные меры. Понять аргументы сциентистов можно, согласиться с ними нельзя. Ум, изнуренный работой, только на том и стоит: «Мне... казалось, – признается Борн, – что научный метод предпочтительнее других, более субъективных способов формирования картины мира – философии, поэзии, религии... Теперь я смотрю на мою прежнюю веру в превосходство науки перед другими формами человеческого мышления и действия как на самообман» [1, с. 7].

2. Проблемный комплекс: логистическая процедура науки – неподпадающая под научную логизацию действительность.

Сугубо ошибался Витгенштейн, проводя некритический логизм и гипертрофируя дискурсивно выразимое: «Так как все присутствует здесь и всё открыто, то не нужно ничего объяснять. Так как то, что скрыто, нас не интересует». Странная линия. И в жизни, и в духе многое скрыто. Но объявлять это неинтересным по меньшей мере недальновидно. Нас радикально интересует именно скрытое. Открытое – лежащее на поверхности – тривиально, неглубоко – несерьезно. Скрытое же – существенно, серьезно, глубоко. Мы выстраиваем межсубъективные связи не по логическим операциям, а по «неощутимому, невнятному, неразличимому почти», от чего «щемит в груди».

Человеческое не сводимо к логистическим схемам, обрекающим общение на духовный провинциализм. Основоположения логики не могут быть отнесены ко всему содержанию духовной сферы, – они применимы локально – как императивы текущих рассуждений. (В противном случае мыслесфера – собрание тривиальностей, сковывающих продуктивный процесс теснинами истинностной двузначности).

Человек производит смыслы, значимости в логически неупорядоченном общении, где посредниками в деле отличия истины от лжи выступают не матрицы истинности, а экзистенциалы (Белинский в данной связи указывал на смех), являющиеся плодотворными инструментами установления истинностных значений. Как говорил Пирс, логика коренится в социальном (лучше – экзистенциальном) принципе [19, p. 73].

3. Проблемный комплекс: каузальная – некаузальная организация материальной и духовной реальности.

Комплект каузальности – закон основания; причинно-следственный строй рядов вещей и идей; номологичность. То многое, что предоставляет это немногое, – законосообразность, естественность, обоснованность.

Перед лицом многоликой полиморфной реальности, однако, не избежать вопроса: является ли (логическое, практическое) удостоверение результатов через законосообразность, естественность, обоснованность исчерпывающим? В разные жизненные моменты на щит поднимается не рационально демонстрированная достоверность, а по обстоятельствам – то одухотворение, то ритуальная связь, то свобода выбора, то чувство собственного достоинства, то... Как обобщенно высказал Цицерон, «*historia magistra vitae est*» («история – учительница жизни») [16], в чем в полной мере сказывается значение «научно необоснованного» суждения.

Речь не о провале науки – речь о фундируемости *Lebenswelt* вне-научными ценностями, позволяющими избегать, как минимум, сведения жизнеобеспечивающего процесса к рационально выверенной схематике. Рациональная всеобщность, необходимость науки в житейском плане оборачивается обезличением, деперсонализацией, репрессивным подчинением частной судьбы универсальным установлениям (тоталитарные цели тоталитарной организации). В жизни на деле встречаются такие отсеки, однако в норме а priori они имеют жесткую локализацию. Разумеется прекращение всех «нормальных» человеческих функций в технологических контурах 5К: «келья», «казарма», «камера», «клиника», «кладбище».

Проблематизация всеобщности «научного разума» имеет исток античную Грецию, где в противоположность сциентологической парадигме Платона (мир самоотждественных дискурсивно постигаемых идеалей) обозначается доксологическая парадигма Диогена, утрирующего чувственно-конкретную, глубокую в своей безыскусственности,

идушую от самой бытийственности правду существования. Вопреки Ленину – правильно говорить не о линиях Платона и Демокрита, а о линиях Платона и Диогена. Одна – средоточие отрешенных фикций, другая – средоточие полноценных самоосуществлений [12]. Сказанное налаживает полноценную критику удостоверительной стати науки.

Законосообразность. Подоснова научного разума – идеология объективного причинения, в которую практически не вписываются эффекты целесообразности, целеполагания, мотивности, достигательности, самоорганизуемости, прогрессивной адаптации, творческого роста, ароморфоза, арогенеза. Из введенного в оборот Аристотелем учения о четырех причинах наука (пока?!) активно освоила лишь одну (материальную). Что же до конечных, целевых, формальных типов причинения, знание (опять же пока?!) кредитов не открывает. Возникающие колоссальной остроты эпистемологические проблемы локализуются в телеологии (от Августина, Вольфа, Лейбница, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Э. Гартмана до адептов антропоцентрической, утилитарной, имманентной телеологии, витализма, провиденциализма, эсхатологизма, неотомизма), так или иначе эксплуатирующей модель «телоса» (антитеза физиологических доктрин досократиков).

Отсутствие прорывов в трактовке механизма «законосообразия» – того, что считать номологически состоятельным – многократно осложняет развитие:

1. Макросоциологии: эвристическое ударение современной модели большой социальности – подпадающее под статистику поведение массы. Между тем «личность каплей льется с массами» лишь в заорганизованном массовом обществе. В гуманистически либерально-демократически оснащенном социуме личность самоценна. И будучи таковой, именно этим привносит в историю продуктивное начало. Отсюда: общество – для человека; человек – для людей. А не наоборот. Личность, обладающая потенциалом гражданственности, активности, утвердительности, – энтелехия прогрессивных сдвигов. Сущность ее – не «совокупность всех общественных отношений» [10, с. 262], а самовозвышение, самостроение, – творчество (из картины, к несчастью, сугубо выбивается Россия, население которой в силу сложившегося не становится «сознательным и историческим деятелем» (Ленин). Для захваченной исканиями личности в нашем обществе не создается простора реализации. Продуктивный самодостаточный человек от нас эмигрирует. И это – беда и вина отечества).

2. Биологии: синтетическая теория эволюции, сфокусированная на видообразовании, опускает вопросы динамики биоценозов. Из доктрины микроэволюции не вытекает сценария макроэволюционного процесса. СТЭ не вмещает морфологию, анатомию, эмбриологию (теории целостных живых форм). В геноме кодируются видоспецифические признаки, что подрывает рычаг рассуждений – «творческую роль отбо-

ра»; игнорируются немутационные модификации изменчивости (хромосомное видообразование).

Вероятно, по этой причине на переднем плане науки (где спрягаются «сумасшедшие идеи») просматривается двоякая тенденция: апелляция, с одной стороны, к паранаучным конструкциям – витализм, аристокенез, автогенез, психоламаркизм; с другой стороны – к «малообоснованным» построениям типа «эволюции без отбора», аутопоэзиса, номогенеза, холизма, моделей синхронизированности слабо связанных удаленных нелинейных систем, некаузальных обусловленностей (несиловых) явлений в разных частях Вселенной (ср. с парадоксом Эйнштейна–Подольского–Розена), идеям автомодельных закономерностей мегаразвития, концепций геомерадды (глобальная экологическая схема живого покрова).

3. Экономике: современный воспроизводственный контур поддерживается не вещными, а информационными связями. Товарными ценностями выступают не стандартные изделия, а нестандартные интеллигибельные образцы, когнитивные образы, знания. Налицо сдвиг с универсальных умений к уникальным навыкам, с предметности к символичности, становящейся локомоцией продуктивной деятельности. Между тем экономика, согласно традиционной изыскательской культуре, натеревшая в освоении «труда», «капитала», «природного богатства» как основоположений производства, (пока?!) не способна тематизировать образно-символическую формацию («знание») как рычаг инновационного развития. Кроме того, поскольку символический труд – всеобщий, в экономике знаний возрастает роль не конкуренции, а кооперации, консолидации, что во многом лишает экономику автономного предметного статуса, обязывая расценивать ее фрагментом всеобъемлющей доктрины сбалансированного обмена деятельностью – общесоциальной интеракции, гуманитарной коммуникации.

4. Истории: задание номологичности в истории сводится к методикам оформления типичной сциентистской номологии [7]. Необходимость учета «поступков и лиц», «деяний индивидов» в выстраивании порядков полных причин нацеливает на формулировку мостонаводящих законов – инструментов привнесения смыслов, значений в казалось бы лишнюю всякой ценности мировую бесконечность. Противопоставление одного другому не корреспондирует плоской дихотомии естествоведение–культуроведение в неокантианской редакции: действительность «становится природой», когда рассматривается с точки зрения общего и «становится историей», если рассматривается с точки зрения особенного [20, S. 255].

В данном случае речь – не о субстрате (рефлексивный просчет баденцев и следовавшего за ними Вебера, – недопонимание того, что в науках о культуре достигается освоение общего, закономерного; другой вопрос, что последнее гносеологически специфично – не альтернативно, но видоразличительно, сопоставительно с получаемым в науках о приро-

де, где также имеет место эпистемологическое ветвление, – скажем, качественный тип формулировок в науках палео-, эволюционного цикла), а о характере интеллектуальных процессов, не о структурных началах реальности, а о поисковых усилиях, потенциях мыследеятельности [6].

5. Антропологии: имплицативный строй мысли науки, комбинирующей связями вида $P(x) \rightarrow Q(x)$, неизбежно корректируется гуманитарно-антропологическими рассматриваниями, осваивающими телеологические связи вида $P(x) \leftarrow Q(x)$ [17, с. 603]. Предорганизуемое движение от следствия к причине позволяет вводить в содержательный оборот проекционные, мотивные, идеально-конституирующие, интенциональные, позиционные опоры поступков [8]. Поступок, говоря строго, не физическое действие. Это акт «любви и ненависти», навязывание субъектом действительности через инициативное усилие с персональным таинством оттенков (антропные хронотопы); реконструкция его не поддается логоцентристской операционализации.

Естественность. Нерв научного сознания – природная норма, натурализм, признание существующим того, что отвечает законам природы. Посторонние вмешательства, скрытые силы, аномалии выводятся вовне, объявляясь «фикциями», «фидеизмом». Концентрация на естественно узакониваемых установлениях легализует каскад стандартных регулятивов типа «воспроизводимость», «сериация», «верификация», «объективация», отсекает разлагающую мысль «сверхъестественное» (призрачное, предрассудочное, мнимое). Но действуя так, концептуальная культура впадает в необоснованный консерватизм (охранительство): гиперболизируя «обычное», она исходно дискредитирует необычное («паранормальное»), которое и должно быть предметом исследования без оттенка пейоративности (почему «гравитация», о которой мало что известно, – «нормальное», а «левитация», о которой известно не более, – «ненормальное» взаимодействие?). По крупному счету наука должна интересоваться картинами необыкновенными (ср. с сюрреалистическим кредо: чудесное в повседневном). Это – во-первых. Во-вторых, коренной предмет осмысления – существо «естественности». Наука в контекстах объективных причин апеллирует к всеобщим, необходимым факторам, утрирующим «общие места», типичные случаи. Так, заболевание как стандартная форма патологии квалифицируется в терминах этиологии, вирулентности, патогенеза, спрягается в фигурах не личностного, но физиологического, анатомического материала. Нездоровье трактуется в понятийной сетке болезнетворного. Почему не злокозненного? Почему обдумывание превратностей соматического адресует к натуральным зависимостям, а не супранатуральным изъянам судьбического? В чём преимущество номологии перед эсхатологией, закона перед предопределением?

Представители южно-суданского племени азанде в качестве объяснения причин заболевания указывают на «колдовство». Человек повредил

конечность, она не заживает. Ссылки на общие основания инфицирования организма в ход не идут: до этого в аналогичных случаях все выздоравливали, а тут... Ситуация, связанная со спецификацией, персонализацией, не получая толкования в границах науки, находит осмысление в терминах мифа, чародейства. Вопрос «почему» в формулировке «всегда – везде» (в общем) наукой освещается. Интригующий же вопрос «почему» в формулировке «здесь – теперь» (в частности) наукой обходится. Содержательный вакуум заполняется провиденциализмом. Мир наводняется скрытыми силами, магическими влияниями (удвоение миров – контрапункт мифологии, оккультизма). Пределы рациональности раздвигаются.

Американские индейцы вводили компенсирующее обстоятельство – «оренда», древние перуанцы – «хуака». В трансляции на наш язык обнаруживается подходящий эквивалент – «духовная сила», заполняющая лакуны «детерминизма», «практически оправдываемого», «каузального» [3]. Исключаемая наукой «потусторонняя реальность» активно вмешивается в экспликацию «существа дела» применительно к случаю.

Обоснованность. Обоснованным (доказательным) знанием считается знание рационально организованное. В идеальной логической реконструкции при переводе познавательной информации из «контекста открытия» в «контекст оправдания» дело выглядит так: оформляется древовидная ветвящаяся структура именуемая дедукцией, – из обособливаемого более или менее убедительного запаса посылок по логически систематизированным алгоритмам выводятся когнитивно каузальные следствия. Научная обоснованность, следовательно, стоит на 5 китах: закон основания, логическая опосредованность, ментальная детерминированность, демонстративность, имплицативность.

Не смазывая идеальный взгляд на вещи подчеркиванием выпадения из картины ситуации с индуктивным, гуманитарным знанием, знанием «переднего края науки» – активных исканий, с невозможностью полной и непротиворечивой формализацией богатых теорий, обратим внимание лишь на принципиальные упущения обосновательного потенциала традиционного знания (рациональный империализм сциентизма).

(1) Не разделяя ньютоновской линии на реабилитацию «первопричины» [11, с. 287], равно как кантовской трактовки целесообразности в терминах *als ob*, констатируем досадную отстраненность науки от феномена цели на субстанциальном уровне. Действительно, наука не работает с целью в линейке ее производных – целеориентация, целесообразность, целеустремленность, целенаправленность, целевоплощение, значение, назначение, предназначение, предопределение, предназначение, предустановление. Точки роста, пункты ожидаемых прорывов в мысли намечают антропный принцип в космологии, аристократизм в биологии, глобальный эволюционизм в методологии, взыскующие создания инновационной телеологической доктрины, где имплицативно-дискурсивные, причинно-следственные типологизации явлений расши-

ряются включением ценностно-целевых автоморфных связей. Цель, как и ценность, задавая особый мотивный модус кристаллизации энергии, концептуализируемый аппаратом «самоиндукции», «самоорганизации», буквально ломится в плотно закрытую дверь современных исследований (приятные исключения – расположенные на периферии изысканий модели ритмодинамики, энерго-информационных полей, опережающих потенциалов, несилевого взаимодействия и т. п.).

(2) Слияние двух форм объективного процесса (природы и целеполагающей деятельности) в единый синтетический процесс человеко-природного развития (антропо-социо-техно-натурный комплекс) взыскует оформления мегатеорий, представляющих симбиоз фундаментального знания с аксиологией и деонтологией. Познавательная экипировка данных только складывающихся единиц интеллекта – последовательный расчет свойств реальности через призму принципов ее конструирования (сценарии бытия как потребной целевоплотительной среды обитания с позиций перспектив выживания, обеспечения родового призвания).

(3) Логика прогресса обществознания диктует пересмотр тематизации малой социальности в терминах большой социальности: индивид – совокупность общественных ролей, отношений. Практикуемый эвристический редукционизм, фундаментализм никак и ничем не оправдан. Влекущие деперсонализацию индивида эпистемологические конвенансы в виде общесоциологических критериев повторяемости (история без человеческого лица) должны быть скомпенсированы императивами антропологии: каузальность вовлечена в контекст казуальности. В фигурах действия человека требуется, наконец, усматривать пробивание не тенденций, а внутренних побуждений, получающих адекватное осмысление в символических терминах (аппарат понимающей социологии, глубинной психологии, герменевтики, культурной антропологии).

(4) Когнитивная сфера не покрывается ареалом «понятийности»: категоральная ипостась духовности пронизывается как «образностью», так и «откровением». Тезис о логической всеобщности как необходимой атрибуции «мира идей» есть плод крайне искусственных допущений классической когитальной философии (от Аристотеля до Гуссерля), вводящей нежизнеспособную презумпцию субъективной идентичности. Весьма проблематично добиться общности мысли (пикировки: формализм – конструктивизм; фиксизм – мобилизм; преформизм – эпигенез; коммунизм – социал-демократизм и т. д.); оппонентов в науке не переубеждают – по правилам естественного отбора они либо вымирают, либо воспроизводятся. Практически невозможно достичь общности вкуса: суждения и предпочтения партикулярны, как партикулярны питающие их онтогенетические инстанции (шлейфы «семьи», «школы», «эпохи»). Содержательный тонус науки поддерживается институциональными группами, понимание чего влечёт дополнение гносеологии социологией. «Каждое познание, – замечает Манхейм, – направлено... на опреде-

лѐнный предмет и применяется прежде всего к нему. Однако характер подхода к предмету зависит от природы субъекта... ибо для того, чтобы стать сознанием, видение должно быть формализовано и концептуализировано, а формализация и концептуализация зависят от состояния теоретико-понятийной системы отсчета. Какие понятия и уровни соотношения существуют... не в последней степени зависит от историко-социального положения ведущих (*de facto*), мыслящих представителей определённых групп» [9, с. 77]. Причастность группе, упраздняя «свободно (логически) текущую мысль», привносит момент эвристической (символической) ангажированности, с которой соотносятся концептуальные стандарты. Вследствие давления групп (не важно каких) Зворыкин, Сикорский не нашли себя в России, Уфимцев – в СССР. Кто выиграл от их эмиграции? Оставляя за рамками серьёзный вопрос, – почему в какой-то период саморазвития творческой личности становится тесно, душно (ср.: Пушкин) в отечестве, – требующий столь же серьёзного ответа (т. е. специальной проработки), в данном месте подчеркнём только несостоятельность классической гносеологической модели универсальности истины и способов к ней прихождения.

(5) Методологические регулятивы теоретической науки не обслуживают теорию символа. В эпистемологии – генерализация, объективация, детерминация. В символогии – инициация, целеориентация, самореализация. На основе первых возникают «факты», «предметы», на основе вторых – «события», «поступки».

Болтающаяся на верёвке самодельная чайка – не муляж (макет, чучело, фигура) птицы, а символ. Для агента действия – сверхцель, сверхценность жизни. Для внешнего заинтересованного наблюдателя (живописателя, хрониста, биографиста) – индикатор бесконечного трагизма прожитого единым устремительным порывом и не нашедшего творческого разрешения существования.

Человеческое несчастье Караваевой – в подчинении жизни несвязанным с жизнеобеспечением символическим ценностям. Такой казус, естественно, бессмысленно описывать средствами науки (психиатрии?). Тут правильно применять приёмы мотивной реконструкции, вскрывающей основания отягощения жизненных обстоятельств целевыми, ценностными значимостями.

Говоря об этом, нельзя не отметить плодотворность введенного Луманом понятия «контингенция» (сгусток предметно-смысловых связей), являющегося заместителем традиционной причинности и оттеняющего изложенное выше (2), – наука, включающая в свой фарватер целевоплотительные, инициативные отношения, не может не обогащать собственный экспликативный арсенал представлениями символостимуляции.

Символ – жизненная утопия. Применительно к человеку (используя оборот Т. Молнара) она проявляется как «вечная ересь». «Судьба

любого человека, – утверждает Борхес, – как бы сложна и длинна она ни была, на деле заключается в одном единственном мгновении – в том мгновении, когда человек раз и навсегда узнаёт, кто он» [2, с. 144].

(Здесь трудно не вспомнить Тютчева:

«Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаём
Себя самих – лишь грёзою природы.
Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной» [14].)

Узнавание самого себя производится человеком по осознанию способности производить символы. Имманентная сущность человека – символотворчество, исключаящее отрешение от него как от занятия еретического.

Философия сближается с наукой формально, способом дискурсивно-выразительной, логико-теоретической обработки осваиваемого материала, но удаляется от нее содержательно – идейно-тематическим контуром предметных рассматриваний, эвристической канвой интеллектуального космоса.

Фикс-пункт философствования – освоение сверхнаучных реалий. Мы пребываем в конечном мире, нам желательно знать, что происходит за его границами – объять мир в целом (выход за физически осмысленные рубежи Вселенной; в прошлой интеллектуалистике забота рациональной космологии). Мы пребываем в брэнной юдоли, где душа обречена взаимодействовать с телом, нам желательно знать, что происходит за ее пределами – объять сущее, определяемое суверенитетом души (выход за физиологически осмысленные рубежи телесного мира; в прошлой интеллектуалистике забота рациональной психологии). Мы пребываем в подлунном царстве, выполненные по «образу и подобию», нам желательно знать, что происходит за линией раздела земного-неземного, – объять бытие божественное (выход за Операциональные рубежи опытно данного мира; в прошлой интеллектуалистике забота рациональной теологии).

Если перекрывать традицию, не отмененную, а только усиленную кантианством, правильно указать на прорву примыкающих и сопутствующих указанным судьбоносных проблемных пластов, составляющих предмет забот рациональной антропологии – «Человек»; рациональной гносеологии – «Истина»; рациональной аксиологии – «Благо»; рациональной аретологии – «Добродетель»; рациональной праксиологии – «Польза»; рациональной амитологии – «Любовь» и т. д.

Есть много того, что исключает тематизацию ресурсом науки, но не утрачивает исключительной человеческой жизненной значимости.

Сфера экзистенциального не покрывается сферой эссенциального. И в данном «непокрытии» – благодатная почва простору философствования.

Список литературы

1. Борн М. Физика в жизни моего поколения. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 536 с.
2. Борхес Л. Проза разных лет. М.: Радуга, 1989. 320 с.
3. Голдстейн М., Голдстейн И. Как мы познаем. М.: Знание, 1984. 256 с.
4. Джемс В. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ. В.Г. Малахеевой-Мирович и М.В. Шик; под ред. С.В. Лурье. М.: «Русская мысль», 1910. 518 с.
5. Ильин В.В. Аксиология: учебное пособие / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. 192 с.
6. Ильин В.В. Философия гуманитарного знания. *Studia Humaniora*. Гуманитаристика: учебник. М.: Проспект, 2019. 256 с.
7. Ильин В.В. Философия истории. М.: Издательство Московского университета, 2003. 380 с.
8. Ильин В.В. Философская антропология: учебное пособие / 2-е изд. М.: Книжный дом Университет, 2008. 231 с.
9. Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; отв.ред. и сост. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. 700 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения // изд. 2. М.: Политиздат, 1962. Т. 22. 805 с.
11. Ньютон И. Оптика или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. Классика естествознания. Книга семнадцатая. М.; Л.: Госиздат, 1927. 326 с.
12. Слотердаик П. Критика цинического разума / пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург: Издательство Урал, 2001. 584 с.
13. Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича. М.: Худ. лит-ра, 1964. 46 с.
14. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. 478 с.
15. Фет А. Вечерние огни. М.: Наука, 1981. 816 с.
16. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. 470 с.
17. Шиллер И.Х.Ф. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. Ф.П. Шиллера. М.; Л.: Гослитиздат, 1937. Т. 7. 690 с.
18. Юм Д. Исследования о человеческом разумении / пер. С.И. Церители. М.: Прогресс, 1995. 240 с.
19. Pierce Ch. *Chance, Love and Logic*. New York: Harcourt, Brace & Co., Inc., 1923. 720 p.
20. Rickert H. *Die Grenzen der Naturwissenschaftlichen Begriffsbildung*. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1891–1902. 756 S.

PHILOSOPHY AND SCIENCE: THE PROBLEM OF INTERACTIVE CORRELATION

V.V. Ilyin, O.P. Sapegina, Ya.V. Yalovenko

Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga

Science and philosophy, belonging to different areas of cogitative culture, complement each other. Knowledge is object-centered; metaphysics is aimed at the ideal meanings, but equally serves the needs of man as a symbolic being, involved in the conditional circumstances, but striving to achieve the unconditional. The resources of science with its rigid rules are not suitable for overcoming the barriers of conventions. Metaphysics is able to support hope dealing with spiritual mastering of the world under the less rigid framework conditions.

Keywords: philosophy, science, culture, Lebenswelt.

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры «Общественные науки» Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», г. Калуга. SPIN-код: 9523-5338, e-mail: vvilin@yandex.ru

САПЕГИНА Ольга Петровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Общественные науки» Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», г. Калуга. SPIN-код: 7500-4001, e-mail: sapegina1@mail.ru

ЯЛОВЕНКО Яна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Общественные науки» Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)», г. Калуга. SPIN-код: 6024-7808, e-mail: yana2307@rambler.ru

Authors information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – PhD (Philosophy), Professor of the Department of Social Sciences of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

SAPEGINA Olga Petrovna – PhD (Economic Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: sapegina1@mail.ru

YALOVENKO Yana Viktorovna – PhD (Economic Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: yana2307@rambler.ru

УДК 16.165.165.3

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.Е. Редникина

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
г. Самара

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.034

В последнее время наблюдается тенденция трансформации проблематики, возникающей в общественно-исторической практике, из проблематики частной, конкретной в комплексную, меж- и трансдисциплинарную. Место объектов изучения гуманитарными и естественными науками постепенно, но вполне заметно занимают развивающиеся системы. Вещи, раньше казавшиеся монолитными и неделимыми, как правило, предстают теперь внутренне расчлененными и организованными. Простое, цельное уступает место сложному, системному. Все больше исследований носит трансдисциплинарный характер, которые идут сквозь границы многих дисциплин, выходят за пределы частных наук, что следует из смысла самой приставки «транс». Эта многогранная сложность существует не сама по себе, она «открывается» в ходе человеческой деятельности и обусловлена тем или иным ее состоянием. В этой связи для гуманитаристики в интеграции с естественными науками открываются возможности более глубокого изучения реальности.

Ключевые слова: *трансдисциплинарность, системность, холистическое видение, гениальная инженерия, биоэтика, человеческий генофонд, биоинженерия, трансформация, ДНК.*

Стремление достичь полноты и целостности знаний о явлениях и процессах в современном мире основано на предположении о потенциальной возможности возникновения полилога между носителями разных знаний об одном и том же объекте (одной проблеме). Это создает целостное видение предмета исследования. Эта возможность появилась как естественный результат развития постнеклассического типа научной рациональности. Как явление трансдисциплинарность стоит в одном ряду с системностью, взаимодействием – категориями, в которых отражается целостность окружающего нас мира. В самом общем плане данная тенденция представляется не развитием в рамках традиционной методологической парадигмы, а разработкой исключительно новой методологии. Происходит интеграция исследовательских подходов различных наук в общую методологию, получившую название синергетической. В рамках данного подхода констатируется существенное расширение возможностей познания законов функционирования таких сложных, эволюционирующих систем, как общество и человек.

Эта многогранная сложность существует не сама по себе, она «открывается» в ходе человеческой деятельности. Но постепенно, в ходе преобразующей деятельности открылись возможности более глубокого воздействия на реальность. Человек начал применять новые методы в биологических исследованиях и проникать за пределы границ на генетическом уровне. Субъект познания включил в диапазон практического действия так называемый микромир (молекулярный уровень познания) – реальность новых масштабов, непосредственно несоизмеримую с его биологическими и физиологическими возможностями (атомная, субатомная реальность).

В 2010 г. появляется первая в мире ДНК с искусственным генетическим кодом. Все эти исследования являются важными для будущего человечества. Человек является и генетическим и социальным существом одновременно, а потому совершенно естественно, что развитие генетики связано с множеством социокультурных проблем. Это и проблемы применения методов биологических исследований (например, экстракорпоральное оплодотворение). Генетика объясняет возможные связи между биологическими и социально-культурными факторами сознания человека. Взаимодействие генетического и социального в человеке становится объектом изучения многих исследователей.

Возможности генетической инженерии создали мнение, что на ее основе возможно решить многие социальные проблемы. Если идти от мысли о том, что главную роль в нынешнем обществе играют новые технологии, и что гены больше, чем окружающая среда действуют на поведение как отдельных личностей, так и большинства людей, можно предположить, что биотехнологии могут регулировать поведение людей. Поэтому вопросы биоэтики уходят далеко за пределы науки – в область мировоззренческих и культурных проблем [2, с. 165]. Вмешательство генной инженерии дает два взаимоисключающих способа сохранения жизни. Первый – биологическое модернизирование человеческого генофонда. Результатом которого могут возникнуть изменения, влияющие на личностную определенность. Второй – так называемое «невмешательство», т. е. сохранение индивидуальной личности, не пытаясь целеустремленно изменять биологическую основу. Сравнение этих мнений – это сопоставление ценностных ориентаций. В первом способе обосновывается желание помочь человечеству, путем изменения генов человека. У второго главным является путь, несущий менее всего негатива для человека.

Биотехнологии почти не имеют ограничений – для решения исследовательских задач, возможны различные манипуляции, следовательно возникают этические проблемы. Перемещая гены, мы не можем быть уверены, что контролируем изменения. К генной инженерии нельзя относиться как к конструктору [9, р. 171]. Только человек может действовать на основе настоящего выбора, принимать решения, планиро-

вать создание новых объектов и ситуаций, изменять их, совершенствовать себя и претворять в жизнь свои желания, строить будущее, задачи и возможности для их осуществления. Одновременно человек должен принять свою конечность – в овладении ситуацией и достижении определенной цели, также в возможности предусматривать: подвластна ли она времени и его влиянию. Поэтому действия человека неразрывны с риском. В данной ситуации встает вопрос: «Кто в ответе за последствия?» [6, с. 83]. Так в 1996 г. состоялось грандиозное научное достижение: в Рослинском институте профессором Ганом Вилмутом был клонирован ягненок из клетки взрослой особи. В этот момент состоялось этическое разделение общества в отношении того, что нас ждет дальше: одни считали, что человечество шагнуло в будущее, а другие, что человеку это несвойственно. Каждый человек – это личность, независимо от своего состава генов. В итоге сейчас имеем то, что новейшие научные достижения порождают вопрос: «Что такое человек в новой биоэтической плоскости?».

Очевидно, что такой упрощенный подход к пониманию человека, как простого результата генетических преобразований, не только игнорирует социальную природу человека, но и может иметь ужасающие последствия. История помнит плачевный опыт фашистской идеологии и репрессий 1930-х гг. в Советском союзе, когда человек рассматривался всего лишь как материал для строительства идеологического общества. Юридическая наука сегодня, помня негативный опыт использования науки и паранауки в антигуманных целях, ищет новые формы правового регулирования. Так, правительство Великобритании ввело запрет на репродуктивное клонирование после успешного эксперимента с овечкой Долли, ссылаясь на риск изменения генетической структуры человека, последствия которого могут быть необратимы. Клонирование человека сегодня остается, с точки зрения правительства мировых держав, вне научной этики.

Активное развитие биологических исследований ближе к концу XX столетия создало немало проблем, требующих решения с правовой и моральной точки зрения [7, с. 36]. В целях их разрешения, а также учета специфики социальной повседневности в этическом, аксиологическом, прагматическом и экзистенциальном аспектах, возникла необходимость дисциплинарной синергии. Натурализация общей этики привело к созданию биоэтики, теоретической основой которой является философия выживания, создание моста между научной и нравственно-гуманитарной культурами. Так, например, известны попытки ввести в эмбрион гены, компенсирующие один из тяжелейших генетических дефектов – иммунодефицит. На сегодняшний день случай диагностирования этого заболевания на ранних сроках является показателем для прерывания беременности. Серьезной проблемой становится установление

границ между отношением к человеку как объекту исследования и отношением к человеку как объекту использования.

Трансдисциплинарность в этой связи ассоциируется с межотраслевой синергией в науке с целью получения всеобъемлющего знания о самых разных элементах окружающей действительности. Это предполагает разноаспектную трансформацию готового знания посредством привлечения ученых разного профиля для поиска ответов на возникающие в ходе исследований вопросы. Другими словами, в идеале трансдисциплинарность есть объединение усилий самых разных экспертов, ученых, представителей социальной сферы с целью разрешения постоянно возникающих проблем. Подобного рода практическая трансдисциплинарная направленность имеет свои фундаментальные основы, что предполагает холистический взгляд на бытие в целом. На данном основании трансдисциплинарный подход релевантен в поисках разрешения сложных проблем эпистемологического и аксиологического характера, что в полной мере вписывается в парадигмальные ориентиры современного постнеклассического типа рациональности. Современная наука, обозначаемая термином «постнеклассическая», отказывается от многих постулатов, на которых строилась классическая научность [3, с. 87]. Меняется также структура научного знания. Как отмечает В.А. Лекторский, гносеология всегда онтологически обоснована. Дисциплинарное устройство сохраняется, но все больше места занимают междисциплинарные программы и трансдисциплинарные исследования.

Современное общественное развитие выдвигает проблемы, носящие по преимуществу трансдисциплинарный характер, для решения требуется объединение междисциплинарных усилий представителей различных областей знания. Окружающая действительность на наших глазах усложняется («проблематизируется»). Это бросает вызов способностям и возможностям человека преодолевать возникающие перед ним трудности (личного, глобального характера). Надеясь его небывалым могуществом, научно-технический прогресс ставит задачи, для решения которых нужны все более эффективные средства, что предполагает их постоянное обновление и совершенствование. Трансдисциплинарный подход порождается самой жизнью, потребностями познания, управления различными сферами нашей деятельности. В этом состоит практическое значение его теоретической разработки и знакомства с достигнутыми здесь результатами как можно более широкого круга людей. Трансдисциплинарность, как один из важных механизмов, позволяющих выстраивать определенные комплексы знаний и применения высокотехнологического оборудования в контексте решения тех или иных практических задач (проблем). В.И. Вернадский констатировал: «мы все больше специализируемся не по наукам, а по проблемам» [1, с. 67]. Трансдисциплинарность органично вошла в практику науки и особенно актуальна в связи с активным развитием биотехнологий.

Итак, активное развитие биотехнологий¹ неизбежно диктует новую гносеологическую и этическую стратегию и в этом качестве нуждается во всестороннем осмыслении аксиологических проблем в контексте NBIC-процессов. Двигателем этого трансдисциплинарного комплекса можно считать биотехнологии, которые привели не только к технологическому прорыву, но и к тесному взаимодействию и ускоренному развитию как всего комплекса, так и отдельных технологий. Но как считают многие исследователи, биотехнологии сейчас интенсивно развиваются на базе трансдисциплинарных исследований и имеют огромный потенциал роста. И в этом процессе становления возникает много этических, философско-методологических и других проблем, связанных как с практической экспликацией, так и теоретическим обоснованием оснований биотехнологий. Генная инженерия создала средства и методы, позволяющие вмешиваться извне в человеческую природу и господствовать над ней, что кардинально меняет фундаментальное отношение субъекта и объекта (практики и познания). Классическое представление о субъекте, обладающем свободой воли и возможностью творить свою судьбу, начинает трансформироваться. Субъект становится объектом, и, по сути, вещью, которая создается в самом непосредственном смысле другим объектом. По сути, изменяется способ бытия человека в мире. Наступает эра покорения человеком самого себя. Предметом целенаправленного преобразования становится уже не внешняя человеку природа, а его собственная природа, природно-биологические основания его жизнедеятельности. Иначе говоря, по отношению к самому человеку складывается тот тип управления, который ранее применялся исключительно по отношению к природным вещам, предметам и системам. Таким образом, на современном этапе является актуальным установление реальных пределов использования научно-технических возможностей генетической инженерии. Причем такие решения должны быть всесторонне взвешенными, а любые жесткие инвективы против научного прогресса должны принимать во внимание совершенно неоспоримый факт его обнадеживающих перспектив.

Сегодня в связи с биотехнологиями, которые являются огромной преобразующей силой, возник вопрос о том, до какого предела мы готовы пойти в этих преобразованиях, когда они касаются человека? Это вопрос, в котором затронуты не только сфера самопознания, саморазвития, но и самосохранения (аксиологический аспект). По мнению Ю. Хабермаса, «...индивид вообще представляет из себя нечто ценное, если сопоставляется с трансцендентным (носит его в себе)» [8, с. 65]. Особенность биотехнологии в том, что ее объекты не предметная реальность в картезианской дуалистической картине мира, а так называе-

¹ Все биомедицинские технологии, включающие генодиагностику и генотерапию, клонирование, экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство.

мые человекообразные объекты [4, с. 42]. В биотехнологиях размывается привычная грань между естественным и искусственным, поскольку конструируются не только модели реальности, но и естественный мир наполняется искусственно созданными «продуктами». Современные методы генетической инженерии открывают возможности биологического манипулирования человеком, воспроизведения жизни в условиях *in vitro*. Эти успехи ставят человека в новое положение в отношении к своей биоприроде. Современное человечество оказалось способным активно трансформировать саму телесность человека, это придает проблеме самоидентичности и ее будущему качественно иное звучание. Академик В.А. Садовничий отмечая всю сложность и актуальность данной проблемы, особо подчеркнул, что «...современная наука в лице молекулярной биологии прямо вторглась в святая святых человека – в регулирование его жизни. Следовательно, наука приобрела качественно новое, до сих пор неизвестное моральное измерение» [5, с. 10].

Достижения науки сами по себе не являются чем-то позитивным или, наоборот, негативным. История науки знает немало примеров интеллектуальных достижений, которые обернулись против человека, самым ярким из которых является атомная энергия. Нельзя не обратить внимания, что феномен биотехнологий нередко приравнивается именно к такому рода явлениям. На самом же деле, биотехнологии, в т. ч. и генная инженерия, не должны однозначно квалифицироваться в качестве угрозы всему человечеству и имманентной человеческой природе, хотя, несомненно, они обладают таким потенциалом.

В настоящее время трансдисциплинарные исследования нередко организуются при необходимости выработки стратегии действия по социально значимому вопросу в отношении систем сложной природы. Это вызвано тем, что, хотя многообразные подходы к объекту могут непротиворечиво сосуществовать на уровне познания, на уровне деятельности они приводят к противоречащим друг другу решениям, в каждом из которых учтена лишь часть онтологических уровней системы. В таких ситуациях социальная практика выявляет и заставляет преодолевать фрагментарность картины мира, атрибутивную для современной науки с ее дисциплинарной структурой, создавая социальный запрос на целостную картину мира.

Список литературы

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
2. Ермишин А.П. Биотехнология. Биобезопасность. Биоэтика. Минск: Тэхналогія, 2005. 430 с.
3. Киященко Л.П. Постнеклассическая философия – опыт трансдисциплинарности // Постнеклассика: философия, наука, культура:

- коллективная монография / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: 2009. С. 155.
4. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М.: 2002. 352 с.
 5. Садовничий В.А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире. Доклад на пленарном заседании ГУ Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации» (24 мая 2005 г., МГУ, Москва). М.: 2005. С. 10–11.
 6. Смирнов И.Н. Философские измерения биоэтики // Вопросы философии. 1987. № 12. С. 83–97.
 7. Тищенко П.Д. К началам биоэтики // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 36–37.
 8. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы (Пер. с нем.). М.: «Весь Мир», 2002. 144 с.
 9. Michael Peel. Human rights and medical ethics // Journal of the Royal Society of Medicine. 2005. № 98(4). P. 171–173.

TRANSDISCIPLINARY AS A VECTOR OF THE DEVELOPMENT OF MODERN BIOLOGICAL RESEARCH

V.E. Rednikina

Samara State Technical University, Samara

There has been a recent, tendency for the transformation of the problematics, which manifests itself in socio-historical practice, from a concrete problematics into a complex, inter- and transdisciplinary one. The developing systems are gradually taking the place of subjects studied by the humanities and natural sciences. Things that previously seemed monolithic and indivisible, as a rule, now appear internally dismembered and organized. The simple and holistic gives way to the complex and systemic. More and more research of a transdisciplinary nature go beyond the scope of many disciplines and limits of individual sciences as the meaning of the prefix «trans» presupposes. This multifaceted complexity does not exist on its own, it is «revealed» in the course of human activity and is conditioned by one of its states. In this regard, the humanities open up opportunities for a deeper study of reality in integration with the natural sciences.

Keywords: *transdisciplinarity; consistency; holistic vision; genetic engineering; bioethics; human gene pool; bioengineering; transformation; DNA.*

Об авторе:

РЕДНИКИНА Валентина Евгеньевна – ассистент кафедры философии ФГБОУ ВО Самарский государственный технический университет, г. Самара. SPIN-код: 8946-9306, e-mail: valentina-8107@mail.ru

Author information:

REDNIKINA Valentina Evgenevna – assistant at the Department of Philosophy, Samara State Technical University, Samara. E-mail: valentina-8107@mail.ru

УДК 167.2

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

И.В. Кольцов, О.Ю. Морозова

ФКУ НИИИТ ФСИН России, г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.041

С философской точки зрения рассматриваются различные аспекты применения математического моделирования и вычислительного эксперимента. Анализируя взаимосвязь вычислительного эксперимента и моделирования, авторы поднимают вопросы их разумного сочетания для познания процессов, происходящих в реальной жизни.

Ключевые слова: *моделирование, эксперимент, программа, познание, система, исследование, производство.*

Философская мысль никогда не стояла на месте, благодаря философам и ученым в течение всей истории человечества многие науки развились в последующем в прикладные дисциплины, такие как химия, физика, астрономия и другие.

Ученые старались обосновать происходящее вокруг при помощи аналогий, проведения экспериментов или построении моделей реально происходящих явлений и процессов. Например, механические модели движения планет, модели летательных аппаратов Леонардо да Винчи, химические опыты алхимиков древности [1; 2].

Моделирование как инструмент познания индивидом окружающего мира ставит целый ряд серьезных философских вопросов, главный из которых – познание человеком мира вокруг себя в целом и себя самого в частности. Именно по этой причине еще во времена античной Греции математическое моделирование привлекло внимание адептов двух лидирующих в те времена концепций – платонизма и эмпиризма.

Обе доктрины одинаково нравились философам с точки зрения восприятия математики как науки, однако ни одна из них не давала наиболее полного ее понимания. Идеи эмпиризма привлекали математиков тем, что он рассматривал их род деятельности как часть общей Науки, имеющей дело не с абстракциями, а с реальными естественными процессами. Платонизм же удовлетворял математиков тем, что результаты их деятельности с использованием формул и аксиом полностью соответствовали основам этой системы.

Однако своеобразный конформизм математиков привел к накоплению огромного множества проблем и парадоксов, которые прежние концепции были объяснить не в состоянии. Точкой невозврата в фило-

софском восприятии математической науки стало XX столетие – наступил «кризис основания».

Под влиянием работ Бертрانا Рассела и других выдающихся математиков и философов сформировались три новые концепции восприятия науки: интуиционизм, формализм и логицизм. Первый подход стал прибежищем для тех, кто превозносил интуицию в процессе работы с числами на вершину топологии. Интуиционисты видели в математике самодостаточную дисциплину, которую следует оптимизировать, убрав громоздкие, неудобные и малоэффективные абстракции. Логицисты в этой парадигме выступали полной им противоположностью: они считали, что математика нужна только тогда, когда результаты ее использования отражают реально существующее положение дел, став таким образом продолжением идей эмпиризма. Однако в этом случае вставал вопрос об объективности наблюдения. Формализм же в этой системе координат стал результатом аксиоматизации, накопления значительного количества наблюдений и выводов, не требующих доказательства и обоснования. Адепты этого течения следовали двум основным требованиям:

аксиоматизация основных математических дисциплин;
доказательство непротиворечивости аксиоматических теорий в рамках метаматематики.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о двух главных философских проблемах, которые стоят перед математическим моделированием в частности и математикой как наукой в целом:

1. Интеллектуальное созерцание или чистое чувственное восприятие?

2. Истоки интеллектуального созерцания: является ли математика настолько самодостаточной дисциплиной, чтобы не искать источников подтверждения в других областях знания и подвергать все проверке на прочность эмпирикой?

Далее для рассмотрения философских аспектов математического моделирования необходимо первоначально определить, что такое модель. Определение можно сформулировать так: модель – это, как правило, более простая версия какого-либо объекта. Модели могут быть разными, но определенное подобие оригинальному объекту должно присутствовать всегда, а уровень детализации может быть различным.

В процессе формирования модели для начала необходимо определить базовый объект. Впоследствии рассматриваемый объект заменяется другим, более упрощенным, однако обладающим сходствами по ключевым вопросам, в рамках которых проводится анализ. Благодаря модели можно структурировать информацию о рассматриваемом объекте и выявить наиболее важные характеристики.

Однако необходимо помнить, что модель никогда не будет полностью тождественна изучаемому объекту. Поэтому модель должна ис-

пользоваться ограниченно, лишь в рамках тех характеристик, которые изначально определены как подобные.

Модели используются для разных целей. Перечислим некоторые из них.

объяснение сути объекта;

прогнозирование;

принятие решение на основе существующих условий.

В свою очередь, математическая модель представляет собой совокупность математических объектов и отношений, которые отображают объекты и отношения, существующие в некоторой области реального мира (предметной области).

Моделирование – представление объекта моделью для получения информации об этом объекте путем проведения экспериментов с его моделью.

В том числе рядом аспектов в деятельности исследователя являются проблемы выбора технологии проведения моделирования и соответственно вычислительного эксперимента, а также интерпретации результатов в дальнейшем [3].

В ряде случаев после проведения эксперимента на выходе может получиться набор каких-либо данных, которые сложно интерпретируются, особенно если нет четко выраженной линии, которую возможно принять за основу. Сложность, которая предстает перед исследователем, выражается в том, правильно ли он выбрал технологию моделирования и построил соответствующую модель, насколько результаты соответствуют ожиданиям и так далее.

Нередко такое может возникнуть при моделировании сложных процессов или при сравнении различных теорий и взглядов на те или иные процессы, так как в ряде экспериментов данные могут настолько различаться, что сложно выбрать в итоге, какие из них правильные.

В данных аспектах и встает перед исследователем философский вопрос выбора интерпретации результатов. И от выбора зависит дальнейшее направление исследовательской работы.

Проведение экспериментов посредством ЭВМ с моделями в отличие от натуральных экспериментов при помощи современных вычислительных методов и технических решений позволяет детально изучать объекты в необходимом объеме, что невозможно при использовании одного только теоретического подхода.

В связи с этим в настоящее время широкое распространение получила методология математического моделирования, начиная с анализа сложнейших социальных и экономических процессов и заканчивая проектированием технических систем и управлением ими.

Математическое моделирование используется во всех типах систем, изучаемых современной наукой. Их далеко не всегда получается исследовать теоретическими методами в требуемом объеме. В случаях,

когда непосредственное проведение эксперимента нецелесообразно или невозможно, применение вычислительного эксперимента дает возможность провести моделирование различных процессов на виртуальном объекте.

Математическое моделирование тесно связано с вычислительным экспериментом, суть которого состоит в эксперименте над математической моделью объекта. Он состоит в том, что по одним параметрам модели вычисляются другие ее параметры, и это дает возможность судить о свойствах явления, описываемого моделью. При исследовании новых гипотез вычислительный эксперимент служит для тех же целей, что и обыкновенный эксперимент.

При исследовании сложных и опасных процессов, таких как жизнь и здоровье человека, космические явления, сложные химические и физические процессы, он просто незаменим, так как позволяет безопасно проводить исследования на основе созданных моделей и программных средств.

Манипуляции не непосредственно с самими объектами, процессами и явлениями, а с их аналогами (моделями), позволяет в короткие сроки, безопасно и без существенных затрат проводить исследования свойств и работу в различных ситуациях.

Тем самым вычислительный эксперимент с использованием адекватных моделей дает возможность всестороннего изучения объектов в достаточной полноте, которую невозможно (или крайне сложно) получить в ходе теоретического изучения [3].

Как было сказано ранее, важным аспектом проведения вычислительного эксперимента является интерпретация результатов, так как часто ожидание не всегда совпадает с реальным положением дел и примененные допущения и упрощения могут свести на нет ценность полученных результатов.

К примеру, в результате теоретических математических расчетов зависимости одних параметров процесса от других могут иметь прямую зависимость, а экспериментальные данные могут показать обратное, и задачей исследователя в данном случае будет правильная их интерпретация и, соответственно, поиск ошибки в расчетах или эксперименте либо изменение различных допущений для достижения целей исследования соответствующих процессов.

В качестве примера успешного практического применения математического моделирования и вычислительного эксперимента рассмотрим моделирование производства химических волокон [4–7].

Необходимо отметить, что такие изделия текстильной промышленности, как, ткани, одежда, постельное белье, производятся не только из натуральных материалов, но и часто комбинированным способом или вообще полностью из синтетических материалов (химические волокна (нити) полиэстерные, полиэфирные, полиамидные и другие) [8; 9].

Производство химических волокон часто называют термином формование (рис. 1).

Формование химических волокон – комплекс процессов, протекающих при образовании элементарных нитей из тонких струек расплава или раствора полимера, вытекающих из отверстий фильеры, и процессов структурообразования в отвержденном волокне. Формование является одной из ответственных стадий технологического процесса и оказывает решающее влияние на структуру и свойства получаемого волокна.

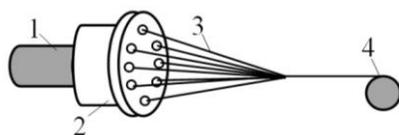

Рис. 1. Схема процесса формования волокон (1 – прядильный раствор; 2 – фильера; 3 – готовые нити; 4 – приемное устройство).

Существует несколько технологий получения химических волокон формованием, имеющих свои преимущества и недостатки, а именно:

- формование из расплава полимера;
- мокрое формование из раствора полимера;
- сухое формование из раствора полимера;
- сухо-мокрое формование из раствора полимера;
- формование из дисперсии полимера;
- гель-формование.

Способом формования из расплава полимера получают полиолефиновые, полиэфирные, полиамидные и другие волокна, сухим способом из раствора полимера формуют ацетатные и полиакрилонитрильные волокна, мокрым способом – вискозные, полиакрилонитрильные, поливинилхлоридные и другие, сухо-мокрым – термостойкие волокна на основе ароматических полиамидов и полиэфиров.

Основная задача отрасли производства химических волокон и, соответственно, моделирования – создание волокон с заданными свойствами. [4–7]. Для исследования существующих и разработки новых технологий применяется моделирование. Оно позволяет определять количественные зависимости между условиями процессов получения материала, структурой его волокон и свойствами. Свойства волокон в основном обусловлены их структурой. Моделирование позволяет определять технологические режимы, минимизируя дорогостоящие опытные работы.

Стадия предпроектных исследований и расчетов в свою очередь является определяющей при разработке современных технологических процессов формования химических волокон. Эти исследования основаны на взаимосвязанном рассмотрении комплекса одновременно дей-

ствующих сложных физико-химических явлений при элонгационном течении тонких неизотермических струй расплавов и растворов полимеров.

Реализовать и использовать математические модели технологических процессов формирования химических волокон возможно только в программной системе. Это обусловлено следующим: во-первых, процессы формирования описываются нелинейными уравнениями с подвижной границей, что требует их исключительно численного решения [4; 7]; во-вторых, решение ряда отдельных повторяющихся вычислительных задач при моделировании в форме унифицированных программных модулей обусловило их объединение в систему; в-третьих, необходимо использовать базы данных для структурирования данных различных видов формирования, используемых элементов схем технологического процесса, свойств полимеров растворов и расплавов и других исходных данных.

Необходимо отметить, что математическое моделирование и вычислительный эксперимент как методы познания применяются исследователями не только в подробно рассмотренной отрасли производства химических волокон, но и в других не менее важных отраслях промышленности, науки, строительства и искусства.

Математическое моделирование и вычислительный эксперимент как один из способов философского познания, применяемый в различных отраслях, не может полностью заменить натурный, настоящее и будущее – за их разумным сочетанием.

Список литературы

1. Изобретения Леонардо да Винчи. [Электронный ресурс]. URL: <http://kakizobreli.ru/izobreteniya-leonardo-da-vinchi/> (дата обращения 25.06.2021).
2. Милушкина Е.А., Бабанов С.А. Макетирование от древности до наших дней. eLIBRARY ID: 41237552.
3. Вычислительный эксперимент. [Электронный ресурс]. URL: <http://knowledge.su/v/vychislitelnyy-eksperiment> (дата обращения: 25.06.2021).
4. Калабин А.Л. Элонгационное течение струй растворов и расплавов полимеров: монография. Тверь: ТвГТУ, 2011. 144 с.
5. Калабин А.Л., Керницкий А.В., Пакшвер Э.А. Программная система предпроектных исследований технологических процессов формирования химических волокон // Программные продукты и системы. 2008. № 1. С. 16–19.
6. Калабин А.Л., Удалов Е.В., Хабаров А.Р. Программная система исследований динамики технологических процессов формирования химических волокон Программные продукты и системы // Software & Systems .2015. № 1 (109). С. 139–144.

7. Зябицкий А. Теоретические основы формирования волокна. М.: Химия, 1979. 504 с.
8. Использование химических волокон в химической промышленности. [Электронный ресурс]. URL: <http://intraros-fibers.com/stati/ispolzovanie-khimicheskikh-volokon-v-tekstilnoy-promyshlennosti/> (дата обращения: 25.06.2021).
9. Применение -- химическое волокно // Большая энциклопедия нефти и газа. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ngpedia.ru/id316962p1.html> (дата обращения: 25.06.2021).

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF MATHEMATICAL MODELING AND COMPUTATIONAL EXPERIMENT

I.V. Kolcov, O.Y. Morozova

The Rlit of the FPS of Russia, Tver

The article discusses the philosophical aspects of the application of mathematical modeling and computational experiment. Analyzing the relationship between computational experiment and modeling, the authors raise questions of their reasonable combination for the knowledge of real processes occurring on the planet.

Keywords: *modeling, experiment, program, cognition, system, research, production.*

Об авторах:

КОЛЬЦОВ Игорь Викорович – ФКУ НИИИТ ФСИН России, начальник отдела организации межведомственного информационного взаимодействия, аспирант ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университете», г.Тверь. SPIN-код: 6233-1325, e-mail: seffseff@rambler.ru

МОРОЗОВА Ольга Юрьевна – ФКУ НИИИТ ФСИН России, старший научный сотрудник отдела внедрения ЦРИТ, аспирант ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университете», г.Тверь. SPIN-код: 1369-0735, e-mail: moroz-75@mail.ru.

Authors information:

KOLCOV Igor Victorovich – Head of Department of Research Institute of information technologies of the Federal penitentiary service, Tver; PhD Student of Tver State Technical University, Tver. E-mail: seffseff@rambler.ru

MOROZOVA Olga Yuryevna – chief specialist of the Department of implementation of Research institute of information technologies of Federal penitentiary service, PhD student of Tver State Technical University, Tver. E-mail: moroz-75@mail.ru

УДК 16.165

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА: ПРАВДА И ОБМАН

Л.В. Удалова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.048

Утверждается, что сегодня динамично изменяющийся техногенный мир, индустриализация и ноотехносферизация человеческой жизнедеятельности требуют философского осмысления проблемы человека и его здоровья. Анализ патологических явлений указывает на то, что техногенное развитие меняет образ жизни человека, формирует новый, провоцирует прогрессирующую его деградацию – физическую, психическую, генетическую, социальную. Использование современных возможностей биотехнологии для усовершенствования физических и интеллектуальных качеств человека приведет к его конструированию с новыми границами физических, психологических, а значит и социальных возможностей.

Ключевые слова: *цифровизация, цифровые технологии, биотехнологии, человек, природа человека, здоровье, трансгуманизм, нано-био-инфо-когно-социо-технологий, бессмертие, правда, обман.*

В XXI в. растет воздействие на человека разных, в том числе канцерогенных, факторов, таких как излучение, химические мутагены, манипулирование геномом человека, неоевгенические проекты, генная инженерия. В этой связи вопрос охраны самого человека и его здоровья приобретает большую актуальность и становится глобальной проблемой современности. Это затрагивает жизненные вопросы и интересы человека, его будущее.

Процесс глобальной цифровизации, развитие новых технологий – это вызов человеческому бытию. Цифровизация – это эпохальное явление. О ней все говорят, с ней связывают социально-экономическое развитие государств, финансовую и социальную сферы, административное управление, обороноспособность стран, идет цифровизация биомедицины. В настоящее время мы наблюдаем, как во время пандемии цифровизация стремительно охватывает область образования. Цифровизация предусматривает использование искусственного интеллекта. Современный человек уже не может существовать без цифровизации, он погружен в огромные информационные потоки и интегрирован в цифровую виртуальную реальность и не представляет себе другой жизни. Современные мыслители все чаще говорят об антропологическом взрыве или об антропологической катастрофе, когда человечество стоит перед лицом экзистенциального вызова.

Сегодня антропологический кризис обрел новые черты, он связан с новыми, особыми рисками, это не только проблемы отчуждения, самоидентификации человека в изменяющейся социальной среде, эти риски связаны с изменением биологической природы человека, когда применение новых технологий позволит усилить физические и психофизиологические функции организма человека, генетически изменив его. Такие риски затрагивают основу социальной жизни человека, а не только биологической [7, с. 30–31].

Радикальные изменения, происходящие в мире, столь значительны, что ряд исследователей называют их четвертой промышленной революцией. Суть этих изменений проявляется в процессе сближения технологий, когда стираются границы на наноуровне между миром биологическим и цифровым. Цифровые технологии, внедряясь в материально-вещественные технологии, взаимодействуя с технологиями органического мира, выходят за пределы информационных процессов. Происходит соединение технологического потенциала живой природы с потенциалом авангардных технологий. С одной стороны, происходит технологическое копирование органических структур, усовершенствование и копирование природного потенциала, где, например, человеческую руку имитирует подъемный механизм, зрение – оптический прибор, мозг человека – полупроводниковая микроэлектроника и т. п. Здесь базой имитирования выступает неорганическая сред. С другой стороны, осуществляется воспроизведение систем живой природы на основе нанобиотехнологий [4, с. 25–26].

Современные мыслители и исследователи констатируют, что сегодня не существует кардинальной разницы между живым и не живым. Эта разница определяется признаками, связанными с жизнью, где живое – это какая-то структурная сложность, а не форма существования материи, где стирается граница между системой мыслящей и системой без наличия разум, системой запрограммированной.

В последнее время исследователи в области философии науки и технологии в своих междисциплинарных дискурсах говорят о такой инновационной идеи, как «конвергирующие технологии». М. Кастельс отметил, что «технологическая конвергенция все больше распространяется на растущую взаимозависимость между биологической и микроэлектронной революциями, как материально, так и методологически» [5, с. 78].

Национальным научным фондом США уже в 2001 г. была озвучена NBIC-инициатива, в которой было определено два разных целевых направления, но внутренне взаимно связанных.

В первом, его называют экономико-технологическим, направлении внимание акцентируется на объединении в единое целое исследований в нанометрическом диапазоне, что в будущем даст толчок самым

разным технологическим инновациям и глобально трансформирует сам способ развития человеческой цивилизации.

Во-втором внимание акцентируется на вопросе «улучшения человека», «человеческой функциональности», «расширения человека». Сторонники трансгуманистического движения Ник Бостром, Вернон Виндж, Рэй Курцвейл и др. увидели в NBIC-модели конвергирующих технологий инструмент, который позволит создать следующее поколение постчеловеческих существ [2].

Понятие «трансгуманизм» ввел английский биолог Дж. Хаксли в 1957 г. В статье «Трансгуманизм» Дж. Хаксли, применяя это понятие, уточнил, что «этот процесс начнет с того, что будет разрушать идеалы и институты, которые встанут на пути нашего осознания своих собственных возможностей (или даже само отрицание того, что эти возможности следует осознавать), и далее продолжит в направлении начала реального конструирования истинной человеческой судьбы» [15, р. 14]. Дж. Хаксли отмечает: «Человеческий род может, если того захочет, превзойти самого себя... Нам необходимо дать название этому новому убеждению. Возможно, здесь подойдет слово “трансгуманизм”: человек останется человеком, но превзойдет себя, реализуя новые возможности своей собственной природы» [15, р. 17].

В XXI в. отличительной чертой трансгуманизма стала тема преобразования человека, как функционального технологического проекта, с учетом усовершенствования параметров здоровья и изменением представления о норме и патологии. Трансгуманизм и его радикальная форма – постгуманизм – это мировоззренческая и идеологическая программа для исследований в области биотехнологий. Сегодня идет дискурс вокруг совершенствования природных возможностей человека. Предлагается увеличение использования медицинских технологий, нежели требует восстановление здоровья человека. Возникает вопрос – как понимать здоровье, как цель или как средство в антропологическом бытии?

Как отметил Б.Г. Юдин, понятие «здоровье» имеет много смыслов и поэтому невозможно его охватить какой-то конкретной областью знания, здоровье – это одно из основополагающих характеристик человеческой жизни, оно «так или иначе осмысливается в любой культуре и переосмысливается всякий раз, когда культура переживает глубокие и радикальные трансформации» [10, с. 61].

Понятие «здоровье» и способы его поддержания и достижения разнятся в философских мировоззренческих подходах. По мнению В.М. Розина, здоровье – это открытая система, требования к здоровью изменяются в процессе изменения социальных условий, появляются новые медицинские технологии и услуги, все это ведет к изменению образа жизни человека и изменению его представления о здоровье [10, с. 49]. В своих работах Д.И. Дубровский пишет о том, что мы вступили в новый

этап цивилизации, который называется «информационное общество», что существует необходимость по-новому осмыслить понятие «здоровье человека» [10, с. 86].

Л.В. Фесенкова, А.Т. Шаталов пишут, что теоретическое представление о здоровье человека «претендует на интеграцию» разных областей знаний о его здоровье (телесного, духовного, социального), которые имеют свои теоретические основы и понятия о сущности человека [10, с. 112].

Дискутируя о совершенствовании человека, имеются ввиду практики, находящиеся в зоне между лечением и улучшением организма человека, но сегодня мы все чаще слышим и о других типах совершенствования человека, таких как биомедицинское вмешательство с целью телесного или психологического адаптирования к современным условиям жизни, имплантация электронных чипов в тело человека, где медицинское вмешательство выходит за пределы лечения.

Ближайшая перспектива развития медицины и генетических исследований заключается в генетическом формировании, когда при подборе терапии лекарственные средства будут создаваться под определенные генетические группы людей. Однако у такого «прикладного трансгуманизма» есть и обратная сторона. Человеку придется переосмыслить сложившиеся представления о своей автономии и понять, в какой мере он готов воспользоваться технологическими возможностями, которые ему предлагают. Уважение личностного самоопределения – это одна из проблем медицины. Современный подход к медицине, формирующийся на оцифровывании генетических данных, ведет к осложнению соблюдения принципа автономии.

Также вызывает тревогу и введение обязательного фармакогенетического тестирования. С одной стороны, это новая перспектива, которая формируется на индивидуальной цифровой медицине и расширяет персональную автономию человека. С другой стороны, результаты таких тестов могут повлиять на выбор деятельности и образа жизни человека и возложить на него ответственность за подбор лечения, которое опирается на генетический профиль.

Важно понимать, что все NBIC-технологии, включая биотехнологии имитируют и моделируют работу человеческого организма, живой клетки, мозга человека. Однако возникает вопрос о том, что мы знаем о целостности человеческого организма.

В.В. Ильин в работе «Теория познания. Критика инструментального разума. *Spesiosa Miracula: тотальный мировейник*» разложил NBICS на составляющие, где:

«Nano – поставляет новейшую модель материального морфогенеза через атомно-молекулярное манипулирование, упорядочение высокомолекулярных соединений.

Bio – внедряет в конструирование неорганических материалов биологическую составляющую, позволяет получать гибридные субстанции. (Блок Nano + Bio в лице наномедицины, нанобиологии добивается управления биологическими процессами атомно-молекулярного и клеточного уровня).

Info – подключает гибридные системы к быстродействующим вычислительно-информационным устройствам... (Блок Nano + Info через миниатюризацию дает крайне важный эффект уплотнения магнитной записи информации (до 10 тиррбит на см²). Блок Bio + Info налаживает распечатку органов из клеточных структур с использованием биоклея).

Cogno – содействует трансляции на язык технологии оригинальных перцептивных, ментальных процессов, вытекающих из нейрофизиологической, молекулярно-биологической человеческой жизнедеятельности. <...>

Socio – модельная адаптация запущенных антропотехнических систем к большой социальности, экспертиза enhancement – трансгуманизма, постчеловечности, высокоскоростного 3D выпуска компонентов органического и неорганического мира» [4, с. 26–27].

В рамках NBICS вектор конвергенции наук и технологий ведет от атомно-молекулярных систем к гибридным антропоморфным биоробототехническим образованиям через биоадаптивное трансформирование информации и энергии, от воспроизводства функций органов к созданию живых тканей, от неодушевленных к одушевленным природоподобным технологиям, роботам, которыми управляют живые нейроны.

Представленный глубокий анализ сути и предназначение технологий показывают, что все они разрабатываются как аналоги человеческой жизни, его организма и его здоровья. Отсутствие ясного ответа на вопросы «что есть жизнь?», «что есть целостность организма?», «что есть здоровье?» не позволяет высказать однозначное суждение о том, что есть технологическое и функциональное совершенствование человека, где правда, а где обман.

В гносеологическом и аксиологическом плане возникает также вопрос о правде и обмане роли значительности современных технологий. По Д.И. Дубровскому, обман – это неверная, ложная информация, которая вводит в заблуждение человека, обман может быть как намеренным, так и непреднамеренным, правда – это истинное, верное, отвечающее высшим ценностям человека. Однако за правду часто принимается то, что таковым не является. Необходимо дифференцировать обман как действие, при котором преследуются конкретные интересы, и обман как результат, достижение цели, в противном случае эта цель или результат могут оказаться нерациональными [3, с. 96].

Улучшение человека путем модификации его телесности и интеллекта [2, с. 96], расширения его возможностей и функциональности,

переход от естественной эволюции человеческой природы к ее искусственной трансформации, ведет к дегуманизации, и осмыслению в философском дискурсе ряда сложных вопросов.

Одним из первых обратил внимание научной общественности на опасности евгеники был Ю. Хабермас. По его мнению, превращение человека в продукт генетических манипуляций ведет к разрушению его самоидентичности и автономности [14]. Продолжая эту тему, Ф. Фукуяма отметил, что вторжение в человеческую природу приведет к разрушению гуманистических ценностей, которые определены биосоциальной природой человека. Ф. Фукуяма призывал к обозначению той «красной линии», за которую вторгаться с помощью новейших технологий опасно, так это может привести к изменению моральных универсалий, связанных с природой человека [13].

Анализируя программу «улучшения» человека с помощью биотехнологий, Б.Г. Юдин подчеркнул, что «относительно любого конкретного биотехнологического воздействия на человека, даже если оно, по замыслу его разработчиков, направлено на то, чтобы сделать человека лучше, далеко не все и не всегда согласятся, что данное воздействие действительно является улучшающим, и притом во всех аспектах» [8, с. 8]. Б.Г. Юдин оправдывал применение биотехнологий для лечения людей, чтобы вернуть их к обычному состоянию, вернуть им здоровье, и отмечал, что совершенствование человека до возможностей более высокого уровня, чем тот, которым человек обладал или не обладал, ведет к рискам, этическим проблемам и опасностям.

В философском дискурсе есть сторонники и противоположного подхода к этой проблем. К ним относится один из представителей самых влиятельных футурологов мира Р. Курцвейл, получивший всемирную известность благодаря своим работам в области футурологии, обоснованиям технологической сингулярности и заявивший, что начиная с 2029 г. наука и медицина смогут неограниченно продлить жизнь человека [17]. По мнению Р. Курцвейла, нанороботы способны заменить врожденную иммунную систему человека, устранить болезнь и тем самым противостоять заболеваниям и патогенам.

Поддерживает эту тему и американский астрофизик Нил де Грасс Тайсон, считая, что терапия стволовыми клетками, генная инженерия, загрузка сознания, печать органов и многое другое ликвидируют старение и позволят человеку жить бесконечно [6].

Р. Фрайтас в работе «FAQ по наномедицине – все о нанороботах!», сравнивая развитие наномедицины с компьютерной индустрией, тоже говорит о том, что с помощью нанороботов возможно сохранить здоровье человека в течение неопределенного времени. Р. Фрайтас отмечает, что нанотехнологии уже производят биороботов, на основе модернизированной ДНК в ближайшем будущем появятся синтетические белки и гибридные роботы; нанороботы, управляемые компьютерным

программным обеспечением, будут защищать клетки организма человека от болезней [11]. По мнению Р. Фрайтаса, болезнь – это неправильный процесс в нездоровом теле, а старение или «естественная смерть» – заболевание, при котором клетки организма не могут устранить изъян.

Положительно настроенные футурологи считают, что существует спрос со стороны человека на здоровье и счастливую долгую жизнь, обретение бессмертия, а значит надо продолжать действия по совершенствованию человека, его здоровья и увеличению продолжительности его жизни.

Но жизнь, по мнению Н.А. Бердяева, чтобы быть ценностью, должна иметь смысл, жизнь имеет смысл, потому что есть смерть, если бы ее не было, то жизнь лишена смысла, так как из самого процесса жизни нельзя обрести смысл [1].

Современные технологии обещают ликвидировать большинство заболеваний, которые сегодня существуют, скептики задумываются над тем, как изменится взгляд на человечество при их применении, над возможными негативными аспектами, связанными с совершенствованием человека.

Как отмечает Дж. Кураньи, «“улучшение” человека является «наиболее важным разногласием в науке и в обществе ... цели улучшения выходят далеко за пределы всего того, что было в прошлом. Они направлены не меньше, чем на тотальное перепроектирование человека, его разума и тела, чтобы преодолеть все присущие ему ограничения. В этот план включено все то, что мы считаем в себе главным: когнитивные способности и таланты, эмоции, строение и границы наших тел, наши отношения друг к другу и к миру вокруг нас, сами наши личности» [16, р. 983].

Израильский историк Ю. Харари считает, что каким бы ни был исход этих дискуссий, жизнь предложит свой подход к ситуации, несмотря на все сомнения и опасения, человечество будет стремиться путем своего апгрейда достичь бессмертия и блаженства, и «выбор этих проектов может быть грандиозной ошибкой. Но история полна грандиозных ошибок» [12, р. 71]. Судя по нынешним ценностям, отмечает автор, человечество все-таки будет реализовывать эти цели, даже если в итоге это его и погубит.

Сегодня динамично изменяющийся техногенный мир, индустриализация и ноотехносферизация человеческой жизнедеятельности требуют философского осмысления проблемы человека и его здоровья. Анализ таких патологических явлений указывает на то, что техногенное развитие, трансформируя образ жизни человека, создает новый, вызывая его деградацию – физическую, психическую, генетическую, социальную и т. п. Использование современных возможностей биотехнологии для усовершенствования физических и интеллектуальных качеств

человека приведет к его конструированию с новыми границами физических, психологических, а значит и социальных возможностей.

Исследования современной биомедицины смещаются с терапии на оптимизацию, усиление и улучшение человека, за пределы терапии также выходит и развитие генетических технологий, современные нейро- и информационные технологии все чаще используются не только с целью восстановления или поддержания человеческого здоровья, но и улучшения человеческой природы.

В эпоху распространения генетических технологий идентичность человека, его антропологические границы становятся подвижными. Такие антропологические величины, как выносливость, повышение внимания, изменение телесной красоты и т. д., а в перспективе – увеличение неограниченной продолжительности жизни, становятся новыми антропологическими величинами, заданными прежде всего не столько природным, сколько биотехнологическим происхождением.

Действительно, в сознании современника глобализирующий мир, представленный как переход от V информационно-технологического уклада к VI и VII укладам, к эпохе господства авангардных нано-биоинфо-когно-социо-технологий, демонстрирует то, что они направлены на трансформацию человека в различных целях [9, с. 107].

Прежде чем дать оценку рискам при реализации проектов улучшения и совершенствования возможностей человека путем генетическо-кибернетического его перекодирования, человека необходимо рассматривать как прогрессирующую биосоциальную систему, а не только как биологический организм. Риски сопровождают трансформацию человека как биосоциальную систему. С точки зрения биологического фактора, если изменить код одного гена для перепрограммирования конкретных свойств организма, нет гарантии, что не изменятся и другие его свойства. Трансгуманизм предполагает кардинальное изменение биологического тела человека, вплоть до создания мыслящего киборгообразного существа. Тогда, учитывая социальную составляющую часть жизнедеятельности человека, необходимо будет пересмотреть основополагающие ценности человека. При таком преобразовании биологического тела человека произойдет переход от человека к постчеловеку, и тогда это уже будет иное общество, управляемое новыми закономерностями, где существующие нормы окажутся ненужными.

Технологическая революция не сможет решить порождаемые современной цивилизацией проблемы и кризис. Связанные с ней NBIC-технологии могут способствовать их обострению. Решение кризисных ситуаций должно сопровождаться поиском новых ценностей, которые способны сохранить человечество.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 382 с.
2. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с.
3. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: Изд-во «РЭЙ», 1994. 120 с.
4. Ильин В.В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Spreciosa Miracula: тотальный мировейник: монография.* М.: Проспект, 2020. 160 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: Информационная эпоха, 2000. 606 с.
6. Медицина может дать нам бессмертие уже к 2030 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo/hi-news.ru/s/technology/medicina-mozhet-dat-nam-bessmertie-uzhe-k-2030-godu.html> (дата обращения: 30.04.2021).
7. Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн науки о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? / Российская акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролов; предисл. С.Н. Корсаков. М.: ЛЕНАНД, 2016. 270 с.
8. Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б.Г. Юдина. М., Изд-во Московского гуманитарного университета, 2015. 166 с.
9. Удалова Л.В. Проблемы влияния современного терроризма на саморазвитие личности (Социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. н. Мытищи, 2018. 173 с.
10. Философия здоровья / Рос. акад. наук. Ин-т философии; редкол.: О.Е. Баксанский и др. М.: ИФ РАН, 2001. 239 с.
11. Фрайтас Р. FAQ по наномедицине – все о нанороботах! / пер.: Ю. Свидиненко. [Электронный ресурс]. URL: <https://krorius.ru/news/FAQ-po-nanomedicine-vse-o-nanorobotah> (дата обращения: 30.04.2021).
12. Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. А. Андреев, ред. Е. Колябина. М.: Синдбад, 2020. 496 с.
13. Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. New York: Farrar, Straus and Giroux. 2002. 272 p.
14. Habermas J. Die Zukunft der menschlichen Natur. Auf dem Weg zu einer liberalen Eugenik? Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. 256 p.
15. Huxley J. Transhumanism // *New Bottles for New Wine.* London: Chatto & Windus, 1957. P. 13–17.
16. Kourany J.A. Human Enhancement: Making the Debate More Productive. *Erkenntnis.* 2014. № 79(S5). P. 981–998.

17. Kurzweil R. The singularity is near: When humans transcend biology. New York: PG, 2005. 625 p.

TECHNOLOGICAL IMPROVEMENT OF HUMAN HEALTH: TRUTH AND DECEPTION

L.V. Udalova

Tver State Technical University, Tver, Russia

The article is based on the idea that today the dynamically changing technogenic world, industrialization and nootechnosferization of human life requires a philosophical understanding of the problem of man and his health. The analysis of pathological phenomena shows that technogenic development changes the way of life of a person, forms a new one, provokes its progressive degradation-physical, mental, genetic, social, etc. The use of the contemporary opportunities of biotechnology to improve the physical and intellectual qualities of a person will lead to its construction with new boundaries of physical, psychological, and therefore social capabilities.

Keywords: *digitalization, digital technologies, biotechnologies, man, human nature, health, transhumanism, nano-bio-info-cogno-socio-technologies, immortality, truth, deception.*

Об авторе:

УДАЛОВА Лариса Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологии и связи с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. SPIN-код: 7005-5090, e-mail: lv.udalova@mail.ru

Author information:

UDALOVA Larisa Viktorovna – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Media Technology and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: lv.udalova@mail.ru

УДК 130.122

«РАБОТА НАД МИФОМ». УРОВЕНЬ – СЕМЬЯ¹

А.Г. Иванов

Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Липецк

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.058

Оценивается применимость взаимосвязанного (ситуационного) подхода к мифу в отношении интерпретации нарративов о семейной памяти. Повседневная мифология семейной памяти понимается как особое пространство актуализации социальной мифологии, включающее преломление автобиографической памяти, семейного опыта в сферах повседневности. Отмечается, что в случае с семейными историями «работа над мифом» охватывает все виды бытия мифа – от индивидуального до социального. Для характеристики совокупности постоянно воспроизводимых в семейных рассказах и практиках мифологизированных представлений предлагается использовать термин «семейный мифоландшафт», конфигурация которого специфична для каждой семьи, но содержит устойчивые компоненты.

Ключевые слова: *социальная мифология, повседневность, взаимосвязанный (ситуационный) подход, «работа над мифом», автобиографическая память, семейная память, «семейный мифоландшафт».*

В том, что социальная мифология достаточно ярко проявляет себя на обыденном уровне, в сфере повседневной жизни, мы смогли убедиться при интервьюировании респондентов (серия нарративных интервью, собранных у жителей Липецкой области в течение 2018 г.), которым предлагалось рассказать об истории своей семьи и, в частности, ответить на вопросы о проявлениях мифологического. Основной вопрос, предполагающий развернутый ответ респондента, был таким: можете ли вы рассказать историю вашей семьи, вы можете говорить так долго, как пожелаете, я не буду вас прерывать и останавливать. Уточняющими нарративный импульс вопросами, позволяющими прояснить место и роль мифологизированных аспектов в истории семьи, были следующие: *могли бы вы подробнее рассказать о каких-либо легендах, легендарных историях, чудесах, связанных с вашей семьей и вашим родом* (этот вопрос проверял уровень мифологизации тех или иных семейных знаний; важно было понять насколько эмоционально респондент будет говорить об этом или вообще говорить не будет); *что бы вы могли сказать о*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта «Социальный миф как фактор конструирования образа будущего России: возможности, границы применения» № 21-011-31064.

наиболее важных и значимых событиях истории вашей семьи; с кем они в большей мере связаны; что бы Вы могли рассказать об этих людях (эти вопросы проверяли особенности интерпретации сакральных и наиболее важных событий, структурирующих семейную память).

Системный подход vs ситуационный подход

Ранее нами был предложен системный подход к изучению социальной мифологии, применимость которого была продемонстрирована на примере политической сферы [5]. Однако данный подход к социальной мифологии имеет свои пределы применения, если, например, речь идет о повседневной мифологии семейной памяти. Объясняется это тем, что работа над мифом может происходить как осознанно, так и на бессознательном уровне. Под термином «работа над мифом» мы понимаем процесс постоянного, с одной стороны, рассказывания, с другой стороны, знакомства с мифом; т. е. совокупность трансляции таких рассказов-пересказов нарративов, разворачивающихся вокруг какой-либо, например, фигуры, события, сюжета.

При обработке результатов вышеупомянутого интервьюирования в центре внимания находилась повседневная мифология семейной памяти как особое измерение социальной мифологии, охватывающее сферы повседневности. В свою очередь, мифология повседневности является одной из частей фундамента, на котором строится социальная мифология. Повседневная мифология – это важная часть, конкретизация социальной мифологии, охватывающая сферы повседневной жизни – быт, труд, досуг. Причем такая конкретизация легче достигается на уровне семьи, когда мифы объективируются в виде семейных рассказов. То есть в каждом варианте проявления мифов (если такое происходило) при интервьюировании респондентов, предлагая им рассказать о семейной истории, мы имели дело с мифологией повседневности.

Системный подход к мифу мог бы быть эффективным, если бы рассказчики, отвечая на вопросы о чудесных событиях и легендах в своих семейных историях, давали бы развернутое изложение фактов, выстраивали бы вокруг событий оформленный сюжет. Это позволяло бы проводить определенную классификацию мифологизированных семейных событий в соответствии со следующими критериями: какая из основных частей социальной мифологии – онтологическая, гносеологическая, аксиологическая или праксиологическая – оказывалась задействованной в большей или меньшей степени; какой мифоконтентный феномен (например, герой или жертва) проявлял себя; какой мифогенный фактор (например, идеология) влиял бы на процессы мифологизации и т. п. Однако лишь незначительная часть ответов содержала воспоминания и рассказы, которые можно было бы отнести к порядку мифологического в соответствии с вышеприведенным подходом.

Но если мы будем учитывать также и так называемый бессознательный уровень (т. е. в данном случае речь идет о спонтанных отсылках к мифологическому, случайных упоминаниях и т.п.), то продуктивным представляется предлагаемый К. Боттичи «взаимосвязанный (ситуационный) подход» («interrelational approach»), в котором акцент делается на трех чертах мифа в контексте так называемой работы над мифом: миф использует образные средства выражения; миф имеет дело со всеми видами контента; миф представляет из себя нарратив [15, р. 114].

Многое здесь также зависит от того, как воспринимают мифы сами рассказчики. Так, в социологии социального мифа есть такой классификационный критерий как «знание/незнание», в соответствии с которым мифы могут быть непроявленными, проявленными (или проявляющимися) и явными [12, с. 84–85, 141]. Так вот, если в работе с явными мифами продуктивным представляется системный подход, то в работе с непроявленными и проявляющимися мифами – взаимосвязанный (ситуационный) подход.

И здесь также необходимо выделить два измерения мифологии: осознаваемую семейную мифологию и творимую (создаваемую) в процессе рассказа семейную мифологию. Если первая включает в себя вполне определенный комплекс семейных мифов, передаваемых из поколения в поколение; и именно в этом значении термин «семейный миф» применялся психологами и психиатрами, работающими с семьями. Так, термин «семейный миф» был предложен испанским психиатром А. Феррейрой, который обозначил его как «определенный защитный механизм для поддержания единства в дисфункциональных семьях» [16]. В коллективной работе «Парадокс и контрпарадокс. Новая модель терапии семьи, вовлеченной в шизофреническое взаимодействие» итальянских психиатров М. Сельвини Палаццоли, Л. Босколо, Д. Чеккина и Д. Праты именно оформленный и передаваемый из поколения в поколение семейный миф рассматривался в качестве одного из факторов неспособности семьи адаптироваться к быстро меняющемуся итальянскому обществу середины XX в. (см. параграф «Ритуал в борьбе с беспощадным мифом») [10].

Семейный нарратив также концептуализируется в виде оформленных мифов при постоянном, длительном ностальгировании. В частности, исследователь В.В. Нуркова, определяя содержание автобиографической памяти, отмечала следующее: «В ностальгии происходит “просветление” реальных фактов прошлого, которое приводит к созданию субъективно убедительного ностальгического мифа о Родине» [7, с. 21]. В этих случаях у человека складывается определенный образ прошлого с внятной сюжетной линией с возникающими мифологемами. Такая сознательная работа над мифом корреспондирует с системным подходом к мифу, в котором мы ясно представляем себе, о каком мифологическом комплексе или фигуре идет речь.

Противоположный взгляд на семейные рассказы как пространство экстерииоризации мифологии заключается в том, что каждый рассказ представляет собой «творимую мифологию», в которой постоянно создаются, пересматриваются, предаются забвению или – чаще – выставляются напоказ наиболее значимые события, возникающие здесь и сейчас образы прошлого. В ходе интервьюирования приходилось иметь дело преимущественно с такого рода нарративами: когда задавались дополнительные вопросы о чудесных и легендарных событиях в истории семьи, у респондентов не находилось развернутого ответа, и они отделялись общими словами, обычно сводящимися к отрицанию таковых историй.

И в этом – втором – случае, предлагаемый К. Боттичи подход вполне работает. Рассказчик истории своей семьи неизбежно оказывается окутанным сетью символов, каждый из которых имеет особое значение для семейной истории, отсылает к семейным тайнам и преданиям. Неявные отсылки к мифу в рассказах происходят спонтанно и принимают абсолютно любые формы – от эмоционально окрашенных фрагментов нарратива до многозначительного молчания, сигнализирующего об отсутствии какого-то важного элемента цепи событий (и это – еще одно подтверждение незавершенности и несформированности, и, в конечном счете, неосознанности, сюжетной линии мифа).

Иными словами, если, применяя системный подход к мифу, мы работаем исключительно с тем, что сам респондент относит к порядку мифологического; и, пока сам рассказчик не назовет что-либо мифом или священной историей, мы не можем брать на себя смелость относиться к содержанию рассказа как к потенциально наполненному мифами. В случае же с ситуационным подходом относиться к содержанию рассказов можно, определяя что-то как, например, «общий гипертекст интервью», давая свои названия для такого рода гипертекстов: «мы гордимся своей семьей»; «мы выжили, хотя нам было тяжело» и т.п. Однако все эти определения общих гипертекстов выглядят как искусственно сконструированные, демонстрируют стремление к систематизации, классификации, фактически оказываются возвратом к системному подходу, так сказать, «на выходе».

Автобиографическая память: между индивидуальным и социальным

Как правило, и в случае с осознанным мифом, и в случае с мифологемами, транслируемыми неосознанно, мы встречаемся с прошлым, присутствующем в настоящем. Т. е. память о прошлом оказывается существенным фактором, влияющим на содержание и форму мифологических проявлений. В связи с этим обстоятельством, возможно, лучше понять принцип деления мифов на оформленные и осознанные, с одной стороны, и проявляющиеся, творимые (конструируемые) или даже неосознанные, с другой стороны даст обращение к работам специалистов

по автобиографической памяти, в которых, в частности, мы можем также встретить примерно такое же двухчастное деление. Так, Б. Росс фиксирует широкое и узкое понимание автобиографической памяти [17]. В узком смысле автобиографическая память – это только осознаваемая часть содержаний, которые открываются в вербальном автобиографическом отчете. В широком смысле в автобиографическую память должны включаться и содержания, находящиеся вне актуально осознаваемой индивидом сферы. Факт их существования выявляется косвенными методами, в числе которых автор называет символические замещения, навязчивые действия и неадекватные эмоциональные отклики на ситуации, возникающие произвольно [7, с. 55].

Рассмотрение повседневной семейной мифологии в контексте социальной мифологии или автобиографической памяти, делает актуальным обращение к так называемым индивидуальным мифам. Ведь, в конечном счете, мы имеем дело с рассказом отдельного человека, самостоятельно определяющего для себя и – далее – для интервьюера совокупность наиболее значимых семейных историй, которые можно либо автоматически (раз они имеют значимость для рассказчика) относить к мифологическим, либо использовать как своеобразное поле для поиска очевидных мифоисторий.

Стоит далее заметить, что само понятие «индивидуальный миф» оказывается довольно спорным, так как бытие индивидуальных мифов в отрыве от социального не очевидно; или индивидуальное и коллективное в мифе так тесно переплетены, что выделить что-то «в чистом виде» практически невозможно.

С одной стороны, отмечается следующее: «Независимо от того, концептуализируется ли биографический нарратив в понятиях эпифании или в понятиях нарративного повествования, все сводится к единой позиции: каждый частный жизненный случай может быть понят только при условии рассмотрения его в рамках социального (публичного) нарратива. Индивидуальные мифы не могут существовать отдельно от мифов неформальных групп (например, семьи) или более формализованных (например, СМИ)» [9, с. 12]. В своей автобиографической работе известный американский антрополог К. Гирц фактически подтверждает факт влияния на отдельного человека событий, происходящих на социетальном уровне: «Нашумевшие события современной истории, которые определяют происходящее сегодня, редко появляются в антропологических описаниях, посвященных, как считается, более глубоким и более долговечным вещам. Но от них все труднее держаться в стороне – особенно сейчас, когда мир стал настолько взаимосвязанным» [2, с. 137].

С другой стороны, мифы, являющиеся источниками подъема современного национализма (воспоминания о «золотом времени» и «родине предков») как и мифы вообще «...не могут рассматриваться как существующие только на общем социетальном уровне (на уровне институ-

тов и общества в целом). Национализм может принимать более скрытые, повседневные формы как представления и образцы, которые существуют на уровне рутинной повседневности и одобряемых обыденных образцов поведения. Это, возможно, самые сильные мифы, поскольку они используются при описании и понимании повседневности» [9, с. 13].

Отмечая эту двойственность индивидуальных мифов, Б. Робертс тем не менее дает им определение: «Индивидуальные мифы придают форму и упорядочивают многочисленные события повседневности. Мифы о своей жизни, которые мы рассказываем себе и другим, создают обрамление и придают упорядоченность прошлому и являются руководством для настоящего и будущего» [9, с. 11].

Зафиксировать индивидуальные мифы, конечно, проще при знакомстве с семейными историями. Рассказанная история жизни человека, как правило, представляет собой смешение истории его семьи и его собственной жизни. Кроме того, по мнению П. Томпсона, при этом возникает ощущение, что за историями «...стоит история всего общества...» [11, с. 111]. Далее: «Эту историю можно в равной степени прочесть и как рассказ о реальных событиях, и как миф. В ней соединяются непосредственное свидетельство очевидца и коллективная память о прошлом; в результате такого слияния человек выстраивает свою индивидуальную автобиографию, определяет себя как личность» [11, с. 112].

Индивидуальные, семейные, социальные мифы постоянно взаимодействуют друг в друга, формируя специфический как повседневный, так и социальный мифоландшафт. Концепт «мифоландшафт» был предложен Д. Беллом: «Сложное взаимопроникновение мифа и органической памяти (воспоминаний) наилучшим образом могут быть сформулированы в контексте (и в отношении) “национального мифоландшафта”. Такой мифоландшафт может быть понят как дискурсивная сфера, образованная с помощью и посредством временных и пространственных измерений, в которых мифы нации постоянно формируются, передаются, реконструируются и обсуждаются. Темпоральное измерение обозначает исторический промежуток, повествование о прошедших годах, и это повествование, скорее всего, будет включать в себя, в частности, историю происхождения нации и последующих важных событий и героических фигур» [13, р. 75–76]. На наш взгляд, также существует семейный мифоландшафт, формирующийся в пространстве повседневности, включающий наиболее значимые и судьбоносные семейные – от трагических до торжественных – события, выкристаллизовывающиеся в постоянных пересказах, передачах друг другу, вырастающих до сюжетов, сравнимых с архетипическими.

От повседневности к семейной мифологии

Но каковы механизмы таких взаимодействий, существуют ли они вообще? В какой момент, например, среди множества этих индиви-

дуальных мифов, облегчающих процесс передачи информации о семейной памяти, возникает семейный миф? Одни авторы [6], утверждая, что сегодня не существует методов и алгоритмов определения семейного мифа, выделяют тем не менее (разделяя точку зрения сторонников психоаналитической концепции мифа) ряд семейных мифологем и несколько типов семейных мифов для диагностики «семейного самосознания». Другие [3] обращают внимание на два образа семьи – внутренний и внешний, полагая, что семейные мифы являются частью «внутреннего образа» семьи, в формировании и сохранении которого участвуют все члены семьи: «Этот “внутренний образ” следует отличать от “внешнего”, социально-ориентированного образа, который семья как группа демонстрирует окружающим. Семейный миф выражает общее мнение о членах семьи и их взаимоотношениях внутри семьи, а также их ролевых позициях» [3, с. 115].

Для того, чтобы ответить, например, на вопрос, является ли миф семьи Казанти «Один за всех и все за одного» (из исследования итальянских специалистов [10]) ориентированным на внутренний или на внешний образ семьи или на то и на другое одновременно, необходимо подходить к каждому мифу, члену семьи, семье, социуму, в котором событие имело место, индивидуально, стремясь уловить смысл мифа, учитывая всю совокупность внутренних и внешних факторов, также и охватывая всю «работу над мифом».

Истории и мифы, с точки зрения П. Белей [14], помогают нам упорядочить представления о семье и интегрировать опыт в стремлении преемственности и связи поколений. В конечном счете, сбор и систематизация таких историй и мифов проливает свет на разворачивающуюся в повседневной жизни семейную мифологию, на повседневную мифологию семейной памяти как часть социальной мифологии. Здесь следует согласиться с Е.А. Петровой, отмечавшей, что история семьи есть совокупность «знаний о членах семьи старших поколений, их жизни и личностных особенностях, а также семейных традициях, правилах, ритуалах, фиксированных в семейной памяти в частично мифологизированной форме, осознанно или неосознанно передаваемых из поколения в поколение как семейный нарратив» [8, с. 154].

Попытки систематизировать семейные мифы предпринимались как зарубежными, так и отечественными специалистами. Но если уже упомянутые итальянские специалисты («миланская группа») давали определения семейным мифам (тот же «Один за всех и все за одного»), основываясь на наблюдениях и экспериментах из своей психиатрической практики, то, например, отечественный исследователь Нестерова А.А. специально разработала опросник «Анализ семейного мифа», ответы на вопросы которого позволили выделить наиболее типичные мифы. К таковым автор отнесла «Миф о вечной любви и неразделимости членов семьи», «Миф о волшебной силе любви», «Миф абсолютной

зации семейных ситуаций», «Миф о злых силах, атакующих семью», «Миф о необходимости жертвовать ради семьи и ее членов», «Миф о постоянстве семейного благополучия» [6, с. 39–41]. Следует заметить, что критерием выделения семейных мифов, по признанию самого автора, была «сопричастность архетипическому содержанию» [6, с. 45], а результаты применения опросника свидетельствуют «об уровне насыщенности мифологемами семейного самосознания» [6, с. 45]. То есть обращение к устойчивым образованиям оказывается продуктивным при классификации семейных мифов.

Однако семейная мифология может быть разной. Так, в последней прижизненной работе известного специалиста по мифам XX в. Р. Барта «Camera lucida. Комментарий к фотографии» [1] была сделана своеобразная попытка конструирования семейной мифологии, разворачивающейся, правда, вокруг фигуры матери писателя, олицетворявшей семью для французского исследователя. По прочтении книги Р. Барта напрашивается вывод, что фотография представляет собой уникальное и мифологизированное пространство памяти, дополняющее семейную мифологию целым калейдоскопом сюжетов, разворачивающихся в сферах повседневности; что «...огромную роль в трансляции семейных мифологических установок играют фотографии как визуальные средства констатации очевидных фактов прошлого» [4, с. 25].

В чем же специфика семейной мифологии и ее отличие от повседневной и от социальной мифологии? На наш взгляд, ключевые критерии (во всех мифологиях: в социальной, семейной или повседневной) одни и те же: онтологические – часть и целое, пространство и время, причина и следствие. Различается лишь предмет. Так, например, в семейной мифологии речь идет преимущественно о семейном опыте, который, как правило, включает сферы повседневности (это, судя по собранному нарративным интервью, имеет место почти везде), но также и сферы социального порядка. Причем в тех семьях, члены которых не были причастны к значимым социальным событиям (т. е. в истории семьи отсутствуют моменты, связанные с крупными историческими событиями), мифологизируются повседневные вещи (причем герои, жертвы и другие выделяются так же, но уже на более, так сказать, «низовом» уровне). Разный предмет определяет специфику классификации и по другим критериям. Память – не только набор знаний и ценностей, но и практики труда, быта и досуга, передаваемые из поколения в поколение (праксиологический критерий), а отсюда уже – гносеологический, аксиологический и другие критерии. Соответственно, различаются и мифологии: в семейной мифологии познавательный и ценностный аспекты напрямую зависят от объема полученной информации об истории семьи от тех ли иных членов, от сопутствующих этому оценок. Кроме того, в семейной мифологии именно сферы повседневности выступают в качестве первичных очагов распространения и хранения опыта и информа-

ции. В дальнейшем семейная мифология может охватывать все более широкий спектр проявлений, становясь частью социальной мифологии (следует, например, вспомнить акцию «Бессмертный полк»).

Таким образом, «работа над мифом» пронизывает все уровни бытия индивида, от индивидуального до социетального. Повседневная мифология семейной памяти предстает своеобразным посредником между индивидом и обществом, предлагая уникальные устойчивые семейные мифоландшафты.

Список литературы

1. Барт Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии; пер. с фр. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 192 с.
2. Гирц К. Постфактум. Две страны, четыре десятилетия, один антрополог / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 288 с.
3. Городилина М.В. Диалог с историей своей семьи: зарубежный опыт исследования // Педагогика и психология образования. 2017. № 2. С. 110–119.
4. Иванов А.Г. Конструирование семейной мифологии: «Camera lucida» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 3. С. 15–26.
5. Иванов А.Г. Система современной социальной мифологии. СПб.: Алетейя, 2019. 182 с.
6. Нестерова А.А. Разработка и валидизация диагностического опросника «Анализ семейного мифа» // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2017. № 1. С. 33–49.
7. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.
8. Петрова Е.А. История семьи как ресурс совладающего поведения // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. Т. 16, № 3. С. 153–156.
9. Робертс Б. Конструирование индивидуальных мифов; пер. с англ. // Интер. 2004. № 2–3. С. 7–15.
10. Сельвини Палаццоли М., Босколо Л., Чеккин Д., Прата Д. Парадокс и контрпарадокс. Новая модель терапии семьи, вовлеченной в шизофреническое взаимодействие / пер. с итал. М.: Когито-Центр, 2001. 220 с.
11. Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека // Хрестоматия по устной истории / сост. и пер. с англ. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2003. С. 110–145.
12. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб.: Питер, 2005. 544 с.
13. Bell D.S.A. Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity // *British Journal of Sociology*. Vol. 54. Issue 1 (March 2003). P. 63–81.

14. Bolea P.S. Transitions to parenthood: a narrative study of intergenerational issues and family identity: PhD diss. Michigan State University, USA, 1996. 113 p.
15. Bottici C.A Philosophy of Political Myth. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 286 p.
16. Ferreira A.J. Family Myths // Psychiatric Research Reports. 1966. № 20. P. 85–90.
17. Ross B.M. Remembering the Personal Past. Descriptions of Autobiographical Memory. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. 256 p.

«WORK ON MYTH»: THE FAMILY LEVEL

A.G. Ivanov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Lipetsk Branch, Lipetsk

The article assesses the applicability of the interrelational approach to myth in the perspective of interpretation of narratives nourished by family memory. Everyday mythology of family memory is understood as a special space of actualization of social mythology, which includes the refraction of autobiographical memory, family experience in the spheres of everyday life. It is noted that in the case of family stories, «work on myth» covers all types of myth existence – from individual to societal. To characterize the totality of mythologized representations that are constantly reproduced in family stories and practices, it is proposed to use the term «family mythscape», the configuration of which is specific for each family, but contains stable components.

Keywords: *social mythology, everyday life, interrelational approach, «work on myth», autobiographical memory, family memory, «family mythscape».*

Об авторе:

ИВАНОВ Андрей Геннадиевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Липецк, Россия. SPIN-код: 4488-6172, e-mail: agivanov2@yandex.ru

Author information:

IVANOV Andrey Gennadievich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Public, Municipal Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch, Lipetsk, Russia. E-mail: agivanov2@yandex.ru

УДК 130: 316.4.051.2

ИДЕИ КАК ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Н.Н. Равочкин

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово
ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кемерово

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.068

В последние годы целый ряд исследователей соглашается с тем, что идеи наряду с материальными факторами способствуют построению каких-либо объяснений социальных преобразований. В то же время, существует устойчивое и резко противоположное мнение, что идеи сами-по-себе являются исключительно теоретически перегруженными конструктами, которые в принципе мало что значат. Важным замечанием представляется инструментальная роль идей в преодолении ограниченной рациональности различных акторов, без обращения к которым они вряд ли достигли бы желаемых прагматических эффектов совершенных действий. Настоящая статья посвящена прикладному значению идей, которые воплощаются в целые технологии управления социальными процессами. Обоснована значимость интеллектуальных ресурсов в контексте Постсовременности. Показано, что представляют собой современные технологии социального управления. Выявлено место идеальных элементов в структуре управления процессами. В логике авторского подхода рассмотрены примеры дистрибуции идей от генезиса до их практической реализации в различных сферах общественной жизни. Уточнена инновационность идей, к которым перманентно обращаются акторы. Актуализировано состояние манипулятивных практик, к которым вынуждены прибегать властные субъекты. Приведена классификация идей, задающих концептуальные основания альтернативных утилитарных действий. В заключение обобщаются основные выводы и подводятся итоги исследования.

Ключевые слова: *идея, управление, социальные процессы, прагматика, властные акторы, интеллект, общество, норма, регламентация.*

Резонно считать, что формирование и развитие социальных процессов всегда предполагает практическое применение идей как интеллектуальных или же ментальных конструктов, выражающих концептуальные основания любой активности в координатах социального пространства. С точки зрения праксиологии трансформации в той или иной сфере общественной жизни нелогично пускаться «на самотек», поскольку эти изменения нуждаются в управлении. Таким образом, значение идей расширяется, и теперь они не просто являются самостоятельными при-

чинами социальных изменений, но и могут быть поняты как интеллектуальные основания и технологии управленческих действий.

Рассмотрение вынесенной в заглавие статьи проблематики начнем с того, что организации, как субъекты социальных отношений, всегда имеют открытую природу, поскольку вынужденным образом вплетены в систему общественных связей. Таким образом, деятельность любых организаций в значительной степени определяется их укорененностью в социуме и, конечно же, качеством образуемых посредством контактирования связей. Примечательно, что концепция социального реализма Р. Коллинза определяет, что основные ресурсы для развития организаций в реалиях Постсовременности – это интеллект – с продуктами которого и связывается большинство изменений в механизмах взаимодействия между элементами системы. Однако далеко не все организации способны к созданию собственных идей и/или адаптации передовых и креативных ментальных конструкторов, которые бы позволили максимально реализовать прагматику своего использования. По сути, ввиду неодинакового человеческого потенциала и разницы в соответствующих изменениях технологий неизбежно усугубление доминирования одних субъектов управления, которые иницируют частоту и определяют векторы трансформаций самих общественных связей.

Самоочевидно, что термин «технология управления» имеет ряд значений. Так, большое количество трактовок рассматриваемого понятия увязывается с изменениями морфологии общества и возникающей на этом фоне востребованностью совершенствования регулятивного воздействия субъектов на социальные процессы в условиях усложнения и развития интеракции. На наш взгляд, А.В. Ключев предлагает одно из наиболее общих и в связи с этим философски релевантных определений процесса социального управления, интерпретируя его как «способ осуществления человеческой деятельности по достижению общественно значимых целей» [6, с. 200]. Стало быть, цели, которые поставлены перед активным субъектом и являются значимыми для реализации в процессе управленческой деятельности, так или иначе оказываются связанными с совокупностью идей, их конфигураций, модификаций и синтезов. Вдобавок к этому заметим, что, как известно, любые технологии управления содержат в себе совокупность методов, подходов и путей, определяющих средства достижения и практической реализации совокупности идей, интерпретируя которые, субъекты в той или иной мере получают новую оптику рассмотрения проблем(ы) и качественно иные смыслы в сравнении с первоначальными замыслами их авторов.

По большому счету, сущность управления любыми социальными процессами, может быть сведена к эффективности достижения результатов конкретного вида деятельности. Сегодня технологии управления выходят за рамки привычной политико-правовой сферы общества, распространяясь в социальной, экономической и духовной сферах. Подобное

положение дел свидетельствует об увеличении субъектов, вступающих в многообразные социальные интеракции. Как известно, любое нормальное функционирование систем требует определения и создания принципов и схем взаимодействия между участниками, подпадающих под регулирование образованных ими новых отношений. Тем более такие процедуры выглядят необходимыми в целях сколь-либо прояснения определенности и непредсказуемости для повышения управляемости усложняющихся в реалиях нелинейной динамики общественных структур.

Обозначенная нами позиция предполагает обращение к нормативному подходу при изучении управленческого взаимодействия между субъектами социальной интеракции. В настоящей работе под нормативностью будем понимать правила или предписания, которые требуют следования конкретному варианту поведения [5]. Таким образом, деятельность, соответствующая тому или иному виду правил, признается нормальной, тогда как существенные отклонения порождают ненормальность в форме поведенческих девиаций. Понимание нормативности в контексте управления процессами позволяет говорить о стремлениях со стороны организующих начал, представленных определенными субъектами, к максимально эффективному способу организации деятельности остальных участников социальной интеракции. Именно здесь скрываются идейные составляющие управленческих процессов. По нашему мнению, идеальные конструкты принимают на себя вполне инструментальную роль, которая состоит в определении содержательных элементов совместного взаимодействия и прорисовке путей, позволяющих достигнуть требуемого качества действий участников интеракции.

Можно говорить о том, что идеи становятся своего рода нормативным регулятором поведения субъектов. В научной литературе категория «нормативное регулирование» определяется как «упорядочение поведения людей при помощи общих правил, т. е. известных моделей, образцов, эталонов поведения, которые распространяются на все случаи данного рода и которым должны подчиняться все лица, попавшие в нормативно регламентированную ситуацию» [7, с. 50]. По нашему мнению, приведенное понимание нормативности фундировано идеями по поводу того, что, оказывается, поведение субъекта имеет значимость для других участников социальной интеракции. В определенной степени это указывает и на неизбежность столкновения интересов различных акторов в процессе осуществления ими взаимодействий, которые следует подвергнуть авторитетному воздействию норм. Однако такая регуляция социальных взаимодействий неизбежно подразумевает концептуализацию в форме принятия значимых и одобряемых принципов и норм взаимодействия, да еще и с учетом актуальных контекстуальных реалий. Принятие и использование разработанных правил определяет реализацию идей в качестве оснований социальной нормативности, тем самым трансформируя ментальные конструкты в технологии управления процессами.

Помимо этого, наиболее креативные и де-факто опережающие свое время идеи могут стать фундаментом для обозначения самых различных грядущих (мега)трендов. Например, одной из значимых тенденций современности можно считать формирование прекариата нового социально-экономического класса. Будучи производным от латинского «precarious» (неустойчивый, ненадежный, угрожающий), этот концепт олицетворяет «слой работников, который характеризуется нестабильной трудовой занятостью, отсутствием у них гарантированных социальных благ, незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций» [13, с. 23]. Следует напомнить, что ретроспектива социальной мысли позволяет увидеть, как классы связывались с экономическими (К. Маркс, В. Ленин), социально-профессиональными (П. Сорокин), профессиональными менеджерскими (М. Бернгейм) и, разумеется, иными критериями стратификации. Вдобавок к перечисленным учениям, на современную социальную теорию и дифференциацию сообществ достаточно сильное влияние оказали концепции общества риска У. Бека, социальной неопределенности З. Баумана, а также социальной структуры М. Хальбвакса.

Обобщение отдельных и субъективно значимых положений перечисленных авторов позволило К. Харту сформулировать принципиально новые идеи по поводу трактовки социальной структуры. В частности, ему удалось представить интеллектуальные конструкты, отражающие формирование неформального сектора экономики, что по итогу на практике сказалось на выделении целого ряда способов организации трудовой деятельности граждан, не вступающих в формальные трудовые отношения. Так, качественно иное прочтение получает содержание нового способа организации труда, который отныне предполагает меньшую степень правовой защищенности работника, а также отсутствие у него основных социальных гарантий (право на отпуск, больничный лист). К группам, которые регулярно пополняют ряды прекариата относятся: (1) часть трудового населения, занятого только на временной работе; (2) работники с неполным рабочим днем или сезонные работники; (3) представители «скрытой безработицы»; (4) люди, имеющие профессиональное образование, но незарегистрированные в службе занятости; (5) мигранты, стажеры, студенчество, не имеющие постоянных видов работ [9].

В качестве основания становления нового типа трудовых отношений предлагается считать устную договоренность между участниками. При этом справедливо считать саму идею прекариата созвучной современности – образ нестабильного положения человека и его незащищенности конгруэнтны отчетливым постмодернистским тенденциям – неоднозначности, непредсказуемости, релятивизма, рисковости. Вдобавок к этому, отмечается, что прекариат представляет собой уже сложившийся образ коллективного выражения социальных слоев. Главным

аргументом является указание на завершение процесса идентификации прекариата со сложившимся кочевым стилем жизни в глобализирующемся мире.

В реалиях Российской Федерации воплощение идей прекариата уже привело к вполне материальным последствиям, отразившимся в становлении «самозанятых». Понятно, что введение подобного термина обусловлено требованием обозначения появления и разрастания огромного количества людей, относимых к данной группе. Среди всего прочего, объективировалась витальная необходимость создания формальных требований к организации труда данной группы, что произошло благодаря принятию юридических норм и даже применению нового режима – «Налог на профессиональный доход» [4]. Простая операционализация данного понятия позволяет увидеть реализацию либерально-демократических идей распространения права на все сферы и области жизни, которые каким-либо образом выпадали из сферы нормативно-правового регулирования. В свою очередь воплощение этих ментальных конструктов осуществляется через формальное закрепление в виде принятия юридического закона, в данном случае создающего новый тип регулирования общественных отношений, выраженных посредством утверждения статуса людей, имеющих право на получение легального дохода от своей профессиональной деятельности.

В целом же формирование прекариата как социальной группы с нестабильной занятостью может иметь множество негативных последствий, среди которых выделяются психологическая и социальная нестабильность, провоцирование протестных форм поведения людей, неустойчивость социального статуса людей и многие другие [2, с. 11]. Гай Стэндинг также делает важное замечание по поводу опасности прекариата. Оно заключается в том, что представители нового класса склонны к нарушениям привычного социально-экономического уклада ввиду отсутствия укорененности человека в системе общественных связей и постоянных миграциях, год за годом забирающих все большее число жертв из обычного населения [12, с. 13]. Очевидно, что подобные последствия перестройки социальной ткани влекут за собой необходимость концептуализированного ответа с целью разрешения негативных последствий. Таким образом, из приведенного анализа следует, что для адекватного реагирования на воплощение одних идей, как вызовов и угроз, возникает необходимость использования других интеллектуальных ресурсов, как ответов.

Рассуждая далее, обратимся к распространенному утверждению о том, что в современном мире все большее значение приобретает прагматика, логичным образом связанная с постоянным совершенствованием процессов управления в различных областях общественного бытия для удовлетворения различных потребностей. По причине нарастания интегративных тенденций изменяются принципы институционального

взаимодействия на национальном, (макро)региональном и международном уровнях, поскольку они напрямую касаются ремоделирования технологий использования тех или иных ресурсов. В современном мире одним из важнейших принципов реализации управления считается его «технологичность», представляющая собой разделение циклов социальных действий на операции, которые алгоритмизируют типичные процедуры. Максимальная и «безотходная» эффективность – вот главный критерий технологичности, тогда как главные задачи продуцирующих идеи сетей интеллектуалов сводятся к аналитике и практическому креативному соединению методов, применяемых для решения поставленных задач. В самом деле, по аналогии с «молекулярными идеологиями» Шварценмантеля, масштаб современных управленческих идей значительно уменьшается и укореняется в такой же индивидуальной и одновременно с этим глубокой дифференциации методов прикладного профиля. Инновационность сегодняшнего управления процессами предполагает проведение качественных социальных преобразований. Однако на наш взгляд, свое инструментальное значение управление приобретет тогда и только тогда, когда вокруг проблемы будет использовано не максимальное количество ресурсов. Практика не раз доказывала, что далеко не всегда «максимальное» количество необходимых благ непременно бы означало «эффективность» и «оптимальность» результата. По нашему мнению, необходима разработка такого количества нетривиальных идей, которые бы всесторонне позволили охватить цель и задачи, и которые бы можно было комплементарно сгруппировать для их решения, но с учетом только имеющихся материальных ресурсов при интеллектуальных преимуществах продуцирующих ментальные конструкции сетей.

Одним из примеров бесконечных затрат материальных ресурсов можно полагать решение тех или иных социальных проблем. Практика показывает, что ограниченный набор средств, которыми обладают властные акторы, практически никогда не позволит покрыть заявленные обещания и удовлетворить ожиданиям отдельных целевых групп для улучшения их социального положения [3]. К примеру, злободневными примерами становятся многолетние очереди на жилье для отдельных категорий граждан. Конечно, в данном случае инновационный характер необходимых для имплементации идей в очередной раз уходит в правовую плоскость, но при этом затрагивает коммунитаризм. Мы убеждены, что апелляция властных акторов к основаниям коммунитаристского проекта и реализация ряда положений на практике позволила бы учесть интересы гораздо большего количества населения определенной страны и тем самым более эффективно осуществить управление социальными процессами.

Разумеется, что представленный подход к пониманию прикладного значения идей может быть реализован применительно ко всему

многообразию возникающих в общественном развитии задач. Одним из примеров являются трансформационные процессы в современной системе образования, которые предопределены запросами на специалистов нового типа – активных граждан, способных решать злободневные проблемы. Ответом становится сочетание ментальных конструктов, при помощи которых формируется политика в области образования с теми педагогическими идеями, которые фундируют сменяющие друг друга образовательные стандарты (индивидуальные образовательные траектории, компетентный подход, профилизация обучения и т. д.). Философское обобщение перечисленных идей позволяет нам заявить, что синтез этих конструктов отвечает актуальной логике развития постиндустриального общества. Вне зависимости от избранной концептуальной модели современного социума¹, роль знаний несомненна, поскольку они уже породили так называемое «когнитивное управление», определяемое как «систематическое управление процессами, посредством которых знание идентифицируется, накапливается, распределяется и применяется в организации для улучшения ее деятельности, усиления конкурентоспособности и жизнеспособности» [1, с. 120].

Когнитивное управление включает в себя систему методов, при помощи которых перед субъектами социального управления открываются прагматические возможности, связанные с повышением результативности. Резонно предположить, что идейные основания когнитивного управления можно обнаружить в эволюции представлений о прикладном знании как таковом, буквально начиная с бэконовских взглядов и вплоть до эпистемологии наших дней. С большой долей вероятности можно сказать, что «работающее» знание будет таковым, если оно оказывается операциональным, т. е. постоянно проходит социализацию, соответствует определенным уровням объективности, является креативным, конкурентноспособным и актуальным для проблем своего промежутка времени. Конечно, такие знания можно обнаружить в самых различных срезах социального бытия, однако их реальное применение в абсолютном большинстве случаев сопряжено с когнитивным потенциалом актора. Таким образом, достаточно высокой оказывается роль тех субъектов, которые способны не только аккумулировать данные знания, но и адаптировать их к решению конкретных социальных задач. По сути, идеи, созданные десятилетиями и веками назад, могут маркироваться не только технологиями, но и непосредственно образовывать содержание и задавать логику практической управленческой деятельности.

Наиболее репрезентативно прикладное значение идей как технологий управления социальными процессами проявляется в сфере власт-

¹ «Общество второго Модерна», «общество риска», «(пост)информационное общество», «сетевое общество» и т. д.

ных отношений. В частности, одна из современных концепций, теория рационального выбора, зачастую критикуется сторонниками «идейно-ориентированных» подходов, сводящих инструментальную роль ментальных конструктов к конституированию убеждений и предпочтений акторов [8]. В свою очередь мы можем утверждать, что значение идей распространяется намного далее. К примеру, они оказываются основанием для формирования идеологических конструкций самого различного уровня в рамках политико-правовой сферы системы социума. Одновременно с этим для целых групп разделяемые интеллектуальные конструкты могут стать стимулом для совершения возможных общественно ориентированных действий по исправлению наличных «вывихов» и искажений социального. В приведенных примерах идеи позволяют не только преодолеть ограниченную рациональность акторов, но и вовсе настроить рычаги управления общественным мнением и/или активностью населения. Еще одним пунктом новизны подобного понимания становится релятивизм и контекстуализм их воплощения, который не позволяет говорить о выполнении идеями одинаковой и объективной [11] роли применительно к выполняемым функциям, конструируемым институтам в реалиях отдельных социальных пространств.

Важно отметить, что в современном мире дистрибуция сформулированных идеями индивидуальных мотиваций также может быть осуществлена и при помощи манипулятивных практик. По своему содержанию они обладают признаками основных, прямых приемов и методов авторитетного властного влияния, связанных с продвижением воли и достижения искомых интересов. Но при этом в условиях нехватки времени и ресурсов, необходимых для исполнения конкретных предписаний, манипуляция становится незаменимым инструментом в практической деятельности политических менеджеров. Как правило, для достижения поставленных целей властные акторы применяют следующие средства:

1. Обман, эффективность которого предопределяется малыми материальными затратами. Примечательно, что данный метод применяется при необходимости управления достаточно грамотными субъектами;

2. Упрощение представляемой информации. Основанием для выбора этой методы манипуляции становятся факты того, что «массовый субъект» по причине своих интеллектуальных возможностей не способен понимать и оценивать воспринимаемую информацию и тем самым осознать персональные и/или общественные интересы;

3. Дисбаланс между объемом делегированных властям полномочий и фактической ответственностью соответствующих акторов перед обществом. Такая неравномерность связывается с необходимостью «сбрасывания рисков», то есть уменьшением возможных негативных последствий, связанных с принятием управленческих решений [14].

Все представленные выше причины указывают на обязательность проведения концептуального анализа совершения будущих альтернативных действий в целях эффективного утилитарного управления социальными процессами и, конечно же, противостояния манипуляциям со стороны властных структур. В связи с этим появляется возможность формирования нетривиальных социальных идей, нацеленных на продвижение политически значимых методик действия. Таким образом, посредством дистрибуции ментальных конструктов властные институты осуществляют продвижение концептуальных оснований действий, обретающих определенный методологический статус. При этом сами идеи в их «управленческой» логике прочтения являются воплощением конкретных технологий на тех или иных уровнях социального бытия, которые могут быть классифицированы на следующие группы:

1. Нормативные (закрытые), которые описывают правила и идеальные способы действия, а также определенные паттерны и шаблоны поведения человека. Эти идеи претендуют на самый общий и предельный уровень оснований управления социальными процессами;

2. Структурированные, фундирующие четкую алгоритмизацию механизмов социального действия в их сопряжении с конкретными ситуациями. Такие конструкты нацелены на регламентацию социального контактирования во всем его многообразии;

3. Поисковые (открытые), включающие в себя наиболее палитру принципов и форматов взаимодействия между участниками. В данном случае речь уже не идет о каком-либо однозначном использовании управленческих технологий социальными процессами, поскольку они могут быть применены по усмотрению соответствующих акторов [10].

В целом, приведенные группы идей как технологий управления социальными процессами в зависимости от сочетания разнообразных смыслов, полученных посредством интерпретации и операционализации ключевых понятий, так или иначе, задают какие-то определенные схемы нормативной регламентации. В частности, содержательно интеллектуальные конструкты могут описывать управляемые социальные объекты и его базисные характеристики. Прочтение идей создает субъективные представления о наиболее значимых императивах в целях поддержания некоторого состояния или же совершения каких-либо изменений конкретного объекта управления, в результате чего возникает возможность подстроить действия участников под наличные условия. Следовательно, выбор в пользу конструирования тех или иных технологий социального управления определяется не столько ими самими, сколько содержанием, понятым и затем вкладываемым акторами в их функционирование. Стало быть, мы в очередной раз убеждаемся в значимости контекстуальных реалий при социальном приложении идей.

Подводя итоги исследования, главным образом отмечаем, что идеи являются не только теоретическими основаниями какой-либо дея-

тельности, но и, как следует из наших рассуждения, приобретают свое «материальное» воплощение в качестве технологий управления социальными процессами. Приведенные примеры показали, что практическое применение идей происходит повсеместно, в любой сфере общественной жизни, где возникают прагматические потребности корректировки для повышения эффективности взаимодействия между участниками интеракции. По сути, в зависимости от целеполагания акторов ментальные конструкты напрямую детерминируют содержание управления.

В реалиях Постмодерна и его существенного отступления от механизмов прямого и насильственного принуждения немаловажным компонентом, требующим своего отдельного обстоятельного рассмотрения, становится имплементация манипулятивных технологий в управленческие практики. Во многом такие трансформации связаны с возросшей функциональной загруженностью властных акторов и их возросшими стремлениями получить желаемые результаты в самой краткосрочной перспективе. Однако использование таких практик не отменяет концептуализации нормальных механизмов влияния на социальные системы, что означает неизбежную аналитику и выбор в пользу тех или иных креативных идей для достижения поставленных целей и задач. Являясь технологиями управления социальными процессами, идеи дают возможность регламентировать общественные связи и отношения, формировать в них новые тренды, определять институциональные разрывы и вывихи, а при необходимости и «перепрошивать» способы взаимодействий между многочисленными участниками.

Список литературы

1. Василенок В.Л., Бразевич Д.С., Сафронова Ж.С. Когнитивный менеджмент и инновационные стратегии // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2017. № 4. С. 119–124.
2. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3 (03). С. 5–15.
3. Дудник А.С. Особенности социального управления инновациями в современных организациях // Евразийский союз ученых. 2015. № 6–5(15). С. 151–152.
4. Енгисаев М.А., Малева У.И. Налогообложение самозанятых в России: на благо обществу или государству? // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. 2019. № 15. С. 37–46.
5. Завьялова Н.Ю., Руденко А.Н., К вопросу о понятии социальной нормы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10–1. С. 213–216.

6. Ключев А.В. Инновационные технологии как метод оптимизации управления отраслями социальной сферы // *Вопросы управления*. 2016. № 2 (39). С. 199–205.
7. Лукашева Е.А. Право и права человека в нормативной системе общества // *Проблемы общей теории права и государства*. М.: Норма, 2004. 832 с.
8. Малинова О.Ю. Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях // *Политическая наука*. 2009. № 4. С. 5–24.
9. Найденова Л.И., Вострокнутов Е.В., Осипова Н.В. Тенденции и прогнозы некоторых новых изменений в социальной структуре современного российского общества // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2017. № 3 (43). С. 138–147.
10. Плотников М.В. Современные социальные технологии менеджмента // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2012. № 2. С. 7.
11. Сморгун Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 1. С. 118–129.
12. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
13. Тощенко Ж.Т. Эволюция идей: от пролетариата к прекариату // *Гуманитарий Юга России*. 2018. Т. 7. № 3. С. 13–29.
14. Филиппов Г.Г. О природе манипулятивного управления и его месте в обычной управленческой деятельности // *Управленческое консультирование*. 2006. № 4 (24). С. 143–154.

IDEAS AS SOCIAL PROCESS MANAGEMENT TECHNOLOGIES

N.N. Ravochkin

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo
Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo

In recent years, a number of researchers have agreed that ideas, along with material factors, contribute to the construction of any explanations for social transformations. At the same time, there is a stable and sharply opposite opinion that ideas in themselves are exclusively theoretically overloaded constructs that, in principle, mean little. An important remark is the instrumental role of ideas in overcoming the limited rationality of various actors, without recourse to which they would hardly have achieved the desired pragmatic effects of committed actions. This article is devoted to the applied meaning of ideas that are embodied in whole technologies for managing social processes. The importance of intellectual resources in the context of Postmodernity has been substantiated. It is shown what modern technologies of social management are. Revealed the place of ideal elements in the structure of process management. In the logic of the author's approach, examples of the distribu-

tion of ideas from genesis to their practical implementation in various spheres of public life are considered. Clarified the innovativeness of ideas to which actors are permanently referring. The state of manipulative practices that powerful subjects are forced to resort to has been updated. A classification of ideas defining the conceptual foundations of alternative utilitarian actions is given. In conclusion, the main findings are summarized and the results of the study are summed up.

Keywords: *idea, management, social processes, pragmatics, power actors, intellect, society, norm, regulation.*

Об авторе:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кемерово. SPIN-код: 9408-2175, e-mail: nickravochkin@mail.ru

Author information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – PhD (Philosophy), Associate Professor of history, philosophy and social sciences dept., Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev; associate professor of humanitarian and law disciplines dept., Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo. E-mail: nickravochkin@mail.ru

УДК 355.02:179.7

ВОЕННАЯ СФЕРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

В.А. Ксенофонтов

Военная академия Республики Беларусь, г. Минск

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.080

Рассмотрены основные теоретико-методологические аспекты функционирования военной сферы национальной безопасности Республики Беларусь. Подчеркивается ее объективная необходимость как важнейшего фактора обеспечения стабильности белорусского общества и государства, перспектив их развития. Показаны основные приоритеты развития военной сферы национальной безопасности.

Ключевые слова: *Республика Беларусь, политика, национальная безопасность, военная безопасность, военная сфера национальной безопасности, военная организация государства, война, военный конфликт, военная сила, вооруженные силы.*

Проблемы обеспечения военной безопасности страны в условиях глобальной нестабильности и геополитических трансформаций становятся приоритетными. Для белорусского государства обеспечение военной безопасности – важнейшее условие мирного и динамичного развития. В целях обеспечения национальной безопасности в военной области в государстве создается и развивается военная сфера (военная подсистема национальной безопасности), от рационального функционирования которой зависит обеспечение национальных интересов и благополучие каждой личности, общества и государства. Под *военной сферой* национальной безопасности мы понимаем систему деятельности государственных и социальных субъектов (подсистемы управления, реализации, обеспечения) по достижению военной безопасности государства. Рассмотрим основные теоретико-методологические аспекты развития военной сферы национальной безопасности Республики Беларусь.

Государства мира решают проблемы обеспечения безопасности в военной сфере различными способами. При этом основными факторами, определяющими подход к обеспечению военной безопасности, являются: уровень развития военного потенциала; наличие (отсутствие) ядерного оружия; уровень развития науки (в том числе военной), стратегии, оперативного искусства и тактики; экономическая мощь страны; наличие демографического потенциала; геополитическое положение; наличие (отсутствие) выхода к океану (морю); размер территории; вхождение в различные военно-политические и иные союзы, отношения

с соседними государствами, наличие с ними территориальных и иных противоречий или исторических связей и ряд других аспектов. Указанные факторы влияют на общий потенциал государства и составляют его национальную и военную мощь (силу).

Вместе с тем среди всего разнообразия различных параметров, характеристик и свойств, присущих каждому государству, как правило, в научно-теоретической литературе выделяются три основных подхода к решению проблемы обеспечения военной безопасности государства.

Первый подход основывается на концепции примата международного права в военной политике государства и военных союзов. Данный подход связан с отсутствием у государства предпосылок для возникновения военных конфликтов с другими странами. Главный акцент делается на достижение безопасности путем политико-дипломатических переговоров, разрешения возникающих противоречий между государствами без применения военной силы. При этом предполагается такой уровень отношений между государствами и народами, который исключает агрессию, обеспечивает народам ненасильственное их развитие с предотвращением и исключением попыток решать политические и иные противоречия посредством военного насилия или угрозы применения силы. Практически это утверждение оборонной безопасности, которая предполагает систему принимаемых мер, сил и средств, предназначенных для решения задач обороны. Данным подходом, как правило, пользуются государства, заявляющие о своем нейтральном статусе: Австрия, Ирландия, Лихтенштейн, Швейцария, Швеция, Финляндия и др.

Второй подход базируется на состоянии защищенности страны ее военной мощью. Данный подход к обеспечению военной безопасности с использованием силы требует создания и поддержания высокого военного потенциала. Поэтому ставка делается на содержание в мирное время таких вооруженных сил, которые были бы способны не только отразить, но и разгромить агрессора. По своему содержанию и направленности этот подход к пониманию военной безопасности включает не только собственно оборону, но и выявление, нейтрализацию, пресечение и парирование угроз с применением военной силы. Такой подход используется США, КНР, Россией, КНДР и рядом других государств.

Третий подход предполагает примат правовых, дипломатических и других невоенных средств предотвращения военных конфликтов с одновременным содержанием силовых военных структур, обладающих потенциалом оборонной достаточности. Эти военные силы, на содержание которых затрачиваются минимальные ресурсы, должны быть способны обеспечить стратегическое сдерживание от развязывания войны, а в случае нападения осуществить стратегическое развертывание и отразить агрессию. Данный подход наиболее приемлем для Республики Беларусь [9, с. 150].

Указанные подходы в основном применяются для решения задач в военной сфере национальной безопасности. Принимая во внимание критерий возможного использования фактора военной силы, по направленности эти подходы можно классифицировать как *нейтральный, силовой и несиловой* другими словами, *нейтральный, военно-силовой и сдерживающий*. Эти смысловые акценты органично входят в идеологию государства, концептуальные и доктринальные документы в области обороны и безопасности, практику государственного и военного строительства, а также влияют на внутри и внешнеполитическую деятельность страны.

Геополитические тенденции развития мира и общая военно-политическая обстановка оказывают влияние на формирование военной сферы национальной безопасности. Исходя из развития современного геополитического противоборства и расклада сил, явно просматривается тенденция глобального доминирования США в военной сфере и использование ими диктата военно-силового подхода. После окончания «холодной войны» их стратегия прошла ряд эволюционных этапов, но суть их политики в сфере безопасности принципиально не изменилась.

Основными тенденциями развития стратегии национальной безопасности США в современных условиях являются:

более активная вовлеченность в международные дела и укрепление мирового лидерства под предлогом борьбы с терроризмом;

навязывание в мире американской демократической модели развития («расширение демократии»), стремление установить для США «новый мировой порядок» под предлогом глобализации;

расширение западного сообщества за счет бывших республик СССР;

усиление противодействия интеграционным процессам на территории СНГ;

проведение политики сдерживания в более широких масштабах (при участившихся фактах использования военной силы);

расширение участия и усиление главенствующего положения США в военно-политических союзах;

смещение акцентов на своевременное предотвращение и нейтрализацию угроз национальным интересам, возрастание возможности нанесения превентивных ударов;

более активное и решительное использование военной силы в качестве инструмента внешней политики;

значительное увеличение расходов на оборону;

ставка на достижение и удержание военного превосходства во всех областях военного дела;

изменение роли ядерного оружия в новой стратегической триаде;

возрастание внимания к защите территории страны;

расширение географии военного присутствия США [9, с. 151].

Характерной особенностью американской стратегии является установка на поддержание выгодного для США мирового порядка, что должно обеспечиваться безальтернативным идеологическим и военно-силовым доминированием. К важнейшему направлению деятельности руководства США в области военной безопасности стоит отнести активизацию сотрудничества в рамках НАТО, повышение эффективности альянса, а также «создание коалиций заинтересованных государств» (вне рамок ООН и НАТО).

Еще раз акцентируем внимание, что современное состояние мира характеризуется глобальной нестабильностью, порождаемой обострением традиционных и появлением новых вызовов и угроз, с одной стороны, и упадком имеющихся международных институтов – с другой. Наблюдается дальнейшее обострение соперничества между мировыми центрами силы. В этих целях активно совершенствуется военная сила ведущих государств мира.

Общей тенденцией, характерной для ОВС НАТО, становится уменьшение количественных показателей за счет увеличения качественных характеристик, что достигается оптимизацией структуры и состава вооруженных сил и их оснащением современными образцами ВВТ [9, с. 169].

Стоит отметить, что продолжающееся оснащение вооруженных сил стран НАТО новыми видами военной техники наряду с дальнейшей модернизацией состоящих на вооружении образцов с использованием новейших технологий, а также применение современных высокоточных боеприпасов позволяют не только сохранить имеющиеся боевые возможности, но и увеличить их при общем снижении численности основных видов вооружения и военной техники.

Определяющей тенденцией, влияющей на функционирование военной сферы национальной безопасности государства, являются качественные изменения традиционных взглядов на военные конфликты. Сегодня *война* и военный конфликт рассматриваются в более широком спектре форм противоборства. На первый план выходят информационная, политико-дипломатическая, экономическая и другие невоенные формы борьбы с противником. Причем, несмотря на возрастание роли невоенных средств противоборства, значение военной силы сохраняется. Как отмечает военный эксперт А. Бартош, «центральной осью войны по-прежнему останется вооруженная борьба, а все остальное группируется вокруг нее и образует сложную гибридную систему, в рамках которой развивается противостояние в различных сферах человеческой деятельности: социально-экономической, административно-политической и культурно-мировоззренческой» [1, с. 6]. Очевидно, что невоенные виды насилия и акции принуждения противоположной стороны к выполнению воли в интересах агрессора поддерживаются военной мощью и готовностью применить военную силу.

Наблюдается трансформация политических и стратегических целей военных конфликтов, а также способов их достижения. *Целью военного конфликта*, как правило, является принуждение противоположной стороны к принятию политических и экономических условий, вытекающих из интересов агрессора. Как отмечают ученые Военной академии Генерального штаба ВС РФ: «Теперь война направлена не на разгром вооруженных сил противника и захват или удержание территорий, а на контроль пространства – экономического, идеологического, ментального, поддержание состояния хаоса и непрерывного конфликта среди социума» [11, с. 26].

В соответствии с изменением политических целей также меняются способы разрешения военных конфликтов, стратегические цели и задачи вооруженной борьбы. Происходит смещение центра тяжести на заблаговременное снижение способности противника к ведению им военных действий. Перед началом военных действий нападающая сторона осуществляет экономическую блокаду, политическую изоляцию, осуществляет целенаправленное информационное воздействие на население страны противника, международное общественное мнение, нейтрализуются сочувствующие и потенциальные союзники. Проводится комплекс мер по ослаблению военного потенциала государства-жертвы. В этой связи уместно вспомнить взгляды на формы борьбы древнекитайского мыслителя Сунь-Цзы, который предпочитал достигать намеченных целей путем искусной политики. Он утверждал, что «тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию не сражаясь, берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа свое войско долго». «Самая лучшая война, писал Сунь-Цзы, – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войско». И далее он резюмирует: «Сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию не сражаясь» (цит. по: [14, с. 53]).

В современном противоборстве все большее значение приобретают сетевые методы ведения военных действий [6]. Американские стратеги определяют сетевую войну как концепцию, базирующуюся на информационном превосходстве и позволяющую достичь увеличения боевой мощи войск путем ориентации на сеть датчиков, штабов и исполнительных подразделений. Это дает возможность широкой осведомленности, увеличение скорости доведения информации, более высокого темпа проведения операции (боя), большего поражающего действия и большей живучести. Сила сетей в том, что их практически нельзя уничтожить. Построенные классическим способом иерархические военные, политические и иные структуры очень легко разрушить. Сетевую структуру не так просто уничтожить, у нее нет явного управляющего центра. Главным ресурсом сетевой войны является сетевая инфраструктура [9, с. 171].

Обозначенные тенденции свидетельствуют о том, что сегодня очень активно *меняется содержание войны* при неизменной сущности (это политика). А содержание представляет собой совокупность экономического, политического, дипломатического, информационного, военного и других видов подавления и уничтожения противника, где вооруженная борьба может не иметь определяющего значения. Кстати, среди белорусских ученых это впервые отметил в своей книге Л.С. Мальцев еще в начале века [8, с. 38].

Подчеркнем, что в качестве *основной цели современных военных конфликтов* следует рассматривать принуждение противоборствующей стороны к смене политического курса, принятию политических и экономических условий, обеспечивающих господство одного из субъектов противоборства в контроле за использованием информационных, финансовых, энергетико-сырьевых, производственных и материальных ресурсов в локальном, региональном или мировом масштабах. Стоит отметить, что подобный сценарий по изменению вектора развития белорусского государства посредством «цветной революции» как фазы гибридного конфликта был в очередной раз апробирован в 2020 г. Данную технологию по трансформации нашего государства обстоятельно проанализировали белорусские ученые в пособии под редакцией профессора Н.Е. Бузина «Цветная революция в Республике Беларусь: особенности и механизм реализации» [13].

В современных международных отношениях явно просматривается со стороны глобальных игроков (в частности, США), присвоивших себе право определять траекторию развития миропорядка, идеология хищничества и паразитизма за счет небольших по потенциальным возможностям акторов международных отношений. Об этом убедительно свидетельствует в своей монографии профессор С.И. Репко [10].

Что касается самих военных конфликтов как способа насилия, то они также претерпевают определенные трансформации, которые четко обозначены в 28 статье Военной доктрины Республики Беларусь «Общие черты современных военных конфликтов» [3].

Исследование современной войны позволило российским ученым заключить, что окончание вооруженного противоборства в войне не является определяющим моментом ее завершения, так как в дальнейшем другие виды противоборства не только не прекращаются, но еще значительно обостряются. *Меняется структура ведения войны*. В структуре ведения войны нового типа («гибридной») «выделяется восемь фаз, в которых существенно меняется не только содержание, но и сама идеология ее ведения» [11, с. 26]: «все более война в традиционном понимании становится лишь составной частью (этапом) войны более высокого уровня – войны нового типа [11, с. 27].

Технологическая революция в военном деле, обеспечение военно-технического превосходства развитых государств мира привело к

трансформации форм и способов вооруженного противоборства. Мы наблюдаем в современном противоборстве, как меняются стратегия, оперативное искусство и тактика, но это уже другая проблема.

Под влиянием развития вооруженной борьбы, трансформации способов ведения военных действий изменяется боевой состав и структура войск (сил). Это закономерная тенденция, поскольку решать новые задачи устаревшими структурными элементами проблематично. Структурные изменения должны способствовать реализации правил: высокая стратегическая мобильность, большая ударная мощь, оперативность управления [9, с. 174].

Важнейшим компонентом военной сферы национальной безопасности и военной политики государства является создание и функционирование *военной организации государства*, которая своей деятельностью обеспечивает защиту национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз.

Стоит обратить внимание, что национальные интересы белорусского государства требуют обеспечить эффективное *стратегическое сдерживание* и предотвращение угрозы применения военной силы против Республики Беларусь, а также защиту независимости, территориальной целостности, суверенитета республики в случае применения против нее военной силы или угрозы силой [9, с. 209].

Республика Беларусь, не являясь центром силы и не имея территориальных и межнациональных проблем с государствами-соседями, не может являться и объектом прямых притязаний с чьей-либо стороны. Этому способствует проводимая политика добрососедства, проводимая государственным руководством через реализацию различных проектов и программ, создание «пояса безопасности» с государствами-соседями, последовательные шаги и инициативы, направленные на поддержание международной и региональной безопасности. Тем не менее в силу геополитического положения на стыке межкультурного разлома, проводимой внешней политики (стратегическое партнерство с Россией, членство в ОДКБ) Беларусь играет существенную роль в конечном раскладе сил в регионе. Такое положение страны объективно включает ее во многие противоречивые сценарии как регионального, так и глобального масштаба.

Следовательно, национальная безопасность страны может быть подвержена значительному спектру военных угроз. А степень их вероятности будет определяться конкретными условиями военно-политической обстановки.

Новым в противоборстве является то, что в современных условиях американскими стратегами не только разрабатывается, но и применяется стратегия «серой зоны», которая «предусматривает активные действия государства (коалиции государств) по формированию в административно-политической, финансово-экономической и культурно-

мировоззренческой сферах страны-жертвы (или в странах целого региона) нужного состояния обстановки в целях ее дестабилизации и развала» [1, с. 11]. По мнению А. Бартоша, «серая зона» «характеризуется интенсивным политическим, экономическим, информационным и военным соперничеством, более ожесточенным по своей природе, чем это принято в классической дипломатии, но не переступающим порога обычной войны» [1, с. 14]. Эта стратегия применяется и в отношении нашей страны.

Обозначенные реалии требуют готовности не только военной организации, но и всего общества и каждого гражданина к защите национальных интересов в любых условиях развития обстановки. Это также очерчивает государственно-политическому руководству приоритеты в проведении военно-патриотического воспитания не только человека в погонах, но и всех граждан страны. Такая системная деятельность в республике осуществляется в интересах обеспечения защиты независимости, территориальной целостности, суверенитета в случае применения против нее военной силы или угрозы силой. Ведь современная война имеет тотальный характер и, независимо от желания личности, включает ее в свою стихию. Кроме того, постоянно принимаются меры по дальнейшему развитию военной организации государства, поддержанию уровня оборонного потенциала, соответствующего возможностям государства и достаточного для решения задач мирного и военного времени [9, с. 210].

Безусловно, деятельность субъектов безопасности в области военной составляющей имеет системный характер. Под *системой обеспечения военной безопасности государства* военные аналитики предлагают понимать «совокупность сил, средств, органов военной организации государства, реализующих меры военного, организационного, правового, социального, экономического, управленческого и иного характера, направленные на обеспечение стабильного развития государства и общества, гарантирующие способность и возможность государства нейтрализовать угрозы в военной сфере, пресекать (локализовать) внешнюю военную агрессию, обеспечить суверенитет, территориальную целостность, политическую, экономическую, идеологическую и информационную независимость государства в соответствии с национальными интересами и целями» [2, с. 3].

Беларусь заинтересована в развитии и совершенствовании собственных Вооруженных сил как ядра военной организации государства и гаранта общей безопасности, важнейшего средства обеспечения национальной безопасности в военной сфере. Анализируя в канун 75-летия Великой Победы проблемы военной безопасности, министр обороны Республики Беларусь генерал-лейтенант В.Г. Хренин подчеркнул: «Сегодня в нашем регионе очевиден крупный политический и экономический заказ на эскалацию напряженности. Нарастает военная опасность в

мире и в Европейском регионе, в том числе непосредственно для нашей страны» [12, с. 9].

Беларусь последовательно выступала и впредь будет выступать за последовательное развитие и укрепление военного и военно-технического сотрудничества с Российской Федерацией и развитие совместной с Россией системы коллективной безопасности в регионе. Это положение закреплено в Военной доктрине среди приоритетных направлений коалиционной военной политики [3, ст. 20].

Национальным интересам нашей страны отвечает повышение эффективности Организации Договора о коллективной безопасности, вносящей весомый вклад в обеспечение региональной безопасности. Беларусь рассматривает ОДКБ как организацию, которая в состоянии обеспечить защиту национальных интересов стран-членов, и активно работает в ней.

Стоит отметить, что укрепление военного и военно-технического сотрудничества с Российской Федерацией и другими государствами – членами ОДКБ наша страна рассматривает только в комплексе с развитием взаимовыгодного сотрудничества в других сферах.

Республика Беларусь исходит из убеждения, что мировой порядок в XXI в. должен основываться на механизмах коллективного решения ключевых проблем, на приоритете положений Устава ООН и общепризнанных норм международного права. Стабильность системы международных отношений может быть достигнута только на основе реального равноправия всех ее субъектов, взаимного уважения и сотрудничества, призванного обеспечить надежную безопасность каждого члена мирового сообщества в политической, военной, экономической, гуманитарной и иных сферах [9, с. 211].

Свою безопасность в военной сфере Республика Беларусь обеспечивает, исходя из принципов *оборонной достаточности и стратегического сдерживания потенциальной агрессии*, с опорой прежде всего на политико-дипломатические, информационные и другие невоенные методы и инструменты.

С этой целью белорусское государство проводит курс на поддержание военного паритета и стабильности в регионе. Как уже отмечали, укреплению военного и военно-технического сотрудничества с Российской Федерацией Республика Беларусь придает самое важное значение.

Участие Беларуси в деятельности ОДКБ рассматривается в качестве важнейшего фактора обеспечения национальной безопасности и формирования основы коллективной безопасности в рамках интеграционных процессов на пространстве СНГ. Республика Беларусь активно выступает за совершенствование военной и военно-политической составляющей ОДКБ, за ее вовлечение в тесное взаимодействие с НАТО, ШОС, ЕС, ЕАЭС.

Сегодня очевидно, что в условиях геополитической нестабильности в мире, активной военной деятельности НАТО в Восточноевропейском регионе, появления новых глобальных вызовов и угроз роль военной составляющей ОДКБ возрастает. Существует необходимость адаптации ее деятельности (ОДКБ) к новым военно-политическим реалиям, требующим активизации усилий по всестороннему развитию и совершенствованию механизмов ОДКБ, направленных на обеспечение безопасности государств-членов [9, с. 280].

Наряду с активным участием в региональных системах коллективной безопасности, Республика Беларусь, последовательно проводя свою внешнюю политику, всегда негативно оценивала стремление отдельных государств (коалиций государств) решать имеющиеся противоречия с применением военной силы и выступала за мирное разрешение проблем между субъектами международных отношений, нераспространение оружия массового уничтожения, его компонентов и технологий его производства.

Стоит напомнить, что Беларусь внесла существенный вклад в построение безъядерного мира, отказавшись от обладания размещенным на территории страны арсеналом ядерного оружия и присоединившись к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства. Завершив к концу 1996 г. вывод всего ядерного оружия из мест его дислокации, наша страна полностью выполнила обязательства по договорам о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений [9, с. 280].

Беларусь последовательно выполняет международные договоры в сфере безопасности, а также поддерживает инициативы, направленные на поддержание мира, стабильности, снижение военных потенциалов и др.

Конструктивная линия, проводимая страной в области международной безопасности, контроля над вооружениями, противодействия новым вызовам и угрозам является реальным вкладом в укрепление региональной безопасности и способствует реализации концепции «пояса добрососедства» по периметру внешних границ государства.

Наряду с участием в международных и региональных организациях, сотрудничеством с различными государствами и военно-политическими союзами, активной деятельностью, направленной на поддержание стабильности в регионе, Республика Беларусь развивает собственный военный потенциал, реализация которого обеспечит гарантированную вооруженную защиту государства [9, с. 282].

В условиях усиления военной активности на западных границах республики и динамично изменяющейся военно-политической обстановки основополагающим фактором обеспечения военной безопасности белорусского государства стало повышение морального духа всего

народа, его патриотизма, понимания гражданами необходимости и готовности к защите суверенитета и независимости своей страны. В сознании граждан формируется новое понимание роли армии в системе обеспечения военной безопасности страны: в современных условиях боеготовые и боеспособные Вооруженные силы Республики Беларусь являются прежде всего не инструментом ведения войны, а важнейшим средством ее предотвращения.

В целях приведения Вооруженных сил в соответствие с характером военно-политической обстановки, современной войны и вооруженной борьбы, со степенью возможных военных угроз и экономическими возможностями государства в начале наступившего столетия было проведено их реформирование. Но процесс военного строительства и развития Вооруженных сил непрерывен. Поэтому продолжается их совершенствование с акцентом на качественные параметры всех компонентов [9, с. 283]. Как подчеркнул министр обороны нашей страны: «В Беларуси созданы Вооруженные силы суверенного независимого государства, отвечающие вызовам нового века. В настоящее время в Республике Беларусь реализуется Концепция строительства и развития Вооруженных сил до 2030 года. Продолжается процесс повышения их боеспособности, прежде всего за счет модернизации и перевооружения на новые образцы вооружения и военной техники, роста качества подготовки органов военного управления и войск» [12, с. 10].

В условиях изменения характера войны и ее тотальности широкое развитие получила *система территориальной обороны* как необходимость и возможность личного участия граждан страны в вооруженной защите и сохранении государства.

В стране создана и продолжает развиваться собственная *система военного образования*, являющаяся важнейшей составляющей военной сферы национальной безопасности государства. Подготовка кадров осуществляется в учреждении образования «Военная академия Республики Беларусь», на военных факультетах и военных кафедрах гражданских учреждений образования.

На базе 72-го объединенного учебного центра созданы и функционируют школы подготовки младших специалистов, а также школа прапорщиков.

Наша страна не отказалась от срочной военной службы, так как ее предназначение – подготовка военно-обученного резерва, получение гражданами военно-учетной специальности. Военно-учетную специальность граждане республики получают как при прохождении срочной военной службы и в ходе обучения на военных факультетах и военных кафедрах гражданских вузов, так и при прохождении нового вида воинской службы – службы в резерве, введенной в стране в 2004 г.

Службу по контракту солдаты и сержанты проходят и по наиболее сложным, в первую очередь техническим специальностям, освоить

которые за период срочной службы в полном объеме не представляется возможным.

В связи с тем, что защитником Отечества в современном противоборстве является каждый гражданин страны, большое внимание уделяется системе подготовки военнослужащих запаса. Можно заключить, что в стране создана рациональная система комплектования Вооруженных сил, способствующая решению задач военной безопасности государства, а также учитывающая интересы граждан страны.

Важнейшей компонентой военной сферы является *оборонный комплекс экономики* страны и предприятия военно-промышленного комплекса, позволяющие использовать различные новации в обеспечении военной безопасности современными или модернизированными образцами техники и вооружения [9, с. 285].

Безусловно, военная профессия в силу выполняемых задач по предназначению связана с риском для жизни и здоровья военнослужащих. В Вооруженных силах сформированы и функционируют действенные системы работы как по поддержанию воинской дисциплины, так и по обеспечению безопасности военной службы, функционирование которых позволяет говорить о том, что Вооруженные силы страны один из самых безопасных институтов белорусского государства.

Важнейшими задачами, которые решаются сегодня в ходе строительства и развития Вооруженных сил, являются:

совершенствование системы управления с максимальным использованием технологических достижений и новых технических решений;

повышение боевой и мобилизационной готовности и способности войск к выполнению возложенных на них задач путем эффективного использования боевых потенциалов и технических возможностей вооружения и военной техники;

наращивание эффективности системы подготовки военных кадров, оперативной и боевой подготовки органов военного управления и войск [9, с. 286].

Принимаемые военно-политическим руководством меры по развитию военной сферы позволяют Вооруженным силам совместно с другими войсками и воинскими формированиями обеспечивать военную безопасность и вооруженную защиту Республики Беларусь, ее суверенитет, независимость и территориальную целостность. Боевая и мобилизационная готовность, уровень оперативной и боевой подготовки, морально-психологическое состояние личного состава позволяют решать поставленные перед ними задачи.

Наряду с существенными позитивными тенденциями, существуют факторы, негативно влияющие на функционирование военной сферы национальной безопасности как идеального (духовного), так и материального (экономического) порядка.

К ключевому фактору духовного порядка относится, с одной стороны, ослабление в определенных слоях общества, особенно среди молодежи, чувства патриотизма, готовности граждан к вооруженной защите независимости, суверенитета, конституционного строя и территориальной целостности Республики Беларусь, а с другой – постоянное агрессивное наращивание информационного воздействия на различные целевые аудитории общества в целях снижения морального и – как следствие – совокупного потенциала страны.

К основному материальному фактору можно отнести объективно существующие экономические возможности государства, не позволяющие одномоментно охватить все элементы одновременного развития военной сферы. Поэтому разработаны соответствующие концепции и программы, в которых определены приоритеты развития военной и военно-технической сферы.

Можно подчеркнуть, что обеспечение функционирования военной сферы национальной безопасности – процесс постоянный, не имеет никаких перерывов независимо от положительной или отрицательной динамики развития как внутри-, так и внешнеполитических процессов.

В этой связи стоит отметить, что постоянное выявление противоречий между национальными интересами Республики Беларусь в военной сфере и комплексом факторов, которые потенциально (реально) могут повлиять на их реализацию, является важнейшей аналитической и практической задачей. В этих целях в системе обеспечения национальной безопасности страны функционируют различные структуры, занимающиеся деятельностью по выявлению как отдельных факторов, так и опасных тенденций на уровне рисков и вызовов национальным интересам государства, в том числе в военной сфере.

Обратим внимание на то, что перечень военных угроз Республике Беларусь закреплен в Законе Республики Беларусь «О военном положении». В случае военной угрозы государству Президент Республики Беларусь в соответствии с конституционными полномочиями вводит на территории государства военное положение, объявляет полную или частичную мобилизацию с внесением в трехдневный срок принятого решения на утверждение Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь.

Напомним, что *военная угроза* является высшим уровнем военной опасности, при которой понимается состояние военно-политической обстановки, характеризующееся совокупностью факторов, способных при определенных геополитических, военно-стратегических, общественно-политических и экономических условиях привести к вооруженному конфликту или войне.

Несмотря на отсутствие в настоящее время военной угрозы государству, объективно существуют опасности различного характера. Главная задача в процессе аналитической и управленческой деятельно-

сти субъектов национальной и военной безопасности заключается в том, чтобы не допустить трансформации выявленных опасностей в реальные угрозы.

Существующая в настоящее время и прогнозируемая на среднесрочную перспективу *военная опасность* находится на уровне рисков и вызовов, что обусловлено наличием объективно существующих источников военной угрозы.

Подчеркнем, что военные угрозы имеют свои источники – условия или факторы (совокупность условий и факторов), обуславливающие наличие потенциальной возможности применения вооруженной силы против Республики Беларусь и способные при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы [9, с. 358].

Существуют как внешние, так и внутренние источники военной угрозы Республике Беларусь. К появлению внешних источников страна может лишь подготовиться, разрабатывая соответствующие меры невоенного (военного) характера, в первую очередь внешнеполитического.

Основные внешние и внутренние источники военных угроз приведены в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [5]. Внешние источники связаны в основном с развитием геополитического противоборства в мире, присвоением отдельными странами права устанавливать повестку дня и диктовать собственные условия, а также наличием противоречий в Европе и вероятным использованием военной силы для их разрешения. Внутренние источники свидетельствуют о наличии противоречивых тенденций в развитии белорусского общества и государства. Как уже отмечали, они могут быть духовного и материального порядка. Причем внутренние источники военных угроз диалектически связаны с внешними. Безусловно, это требует постоянного аналитического осмысления и принятия комплексных мер по блокированию источников угроз национальным интересам в военной сфере как на внешнем контуре, так и внутри страны.

У военно-политического руководства страны не могут не вызывать серьезной озабоченности основные источники угроз на внешнем контуре, которые исходят из наращивания масштабов влияния НАТО на международные процессы и стремления альянса управлять повесткой дня не только в планетарном масштабе, но и в европейском регионе, а также в наращивании их присутствия в сопредельных государствах и увеличения военной активности в Европе.

В современных военно-политических условиях важным фактором укрепления военной сферы национальной безопасности является повышение статуса *воинской деятельности*, конечным продуктом которой является «военная безопасность». Несмотря на принимаемые государством меры по повышению социального статуса военнослужащего и престижности военной службы, решить данную проблему до конца не удалось.

В данном аспекте существуют причины объективного и субъективного плана. Что касается субъективного начала, то, к сожалению, в сознании ряда граждан военная безопасность рассматривается как данность. Порой можно услышать рассуждения о целесообразности военной службы и армии в целом. Объективные реалии свидетельствуют, что в текущем веке в планетарном масштабе ни одного дня не было без военного насилия. Тенденции развития мировоенных отношений таковы, что можно говорить о «вечности» использования военной силы для разрешения различного характера противоречий и объективной необходимости профессии военного человека. Кроме того, все меньше рядом с нами участников Великой Отечественной войны, а те, кто прошел испытания войной в локальных военных конфликтах, этого не афишируют. Поэтому тех, кто знает о войне изнутри, все меньше в наших рядах, а фактор отдаления от войны снижает степень понимания значимости военной безопасности различными слоями общества.

Безусловно, факторы объективного и субъективного характера не снимают необходимости повышения социального статуса военного человека. Решение социальных проблем военнослужащих и наличие системы льгот и преференций – это мировая практика, а вот невнимание к проблемам военной сферы и военного человека считается не только иррациональным, но и аморальным, так как это касается безопасности страны.

Устранить снижение возможностей Вооруженных сил по стратегическому сдерживанию агрессии и решению задач мирного времени, а также вооруженной защите страны в случае развязывания против нее военных действий Республика Беларусь сможет при последовательном и системном развитии всей военной сферы, ее основы – военной организации государства, ядро которой составляют Вооруженные силы.

Учитывая характерные особенности современной войны и вооруженной борьбы, наша страна уделяет пристальное внимание подготовке собственных Вооруженных сил к выполнению задач мирного и военного времени как самостоятельно, так и во взаимодействии со своим стратегическим партнером Российской Федерацией, что соответствует нашим национальным интересам.

Дальнейшее качественное развитие получает система территориальной обороны как важнейшая составная часть системы обеспечения военной безопасности государства. При этом в последние годы территориальной обороне придается именно практическая направленность.

По мнению экспертов, облик Вооруженных сил будущего должен соответствовать современным и перспективным военно-стратегическим требованиям, основными из которых являются:

высокое морально-психологическое состояние, устойчивость личного состава, его готовность к защите своей Родины;

способность к своевременному определению и классификации военных угроз государству, развертыванию войск и наращиванию боевого потенциала адекватно складывающейся военно-политической обстановке;

наличие эффективной системы управления на всех уровнях – от стратегического до тактического, – способной функционировать в условиях непрерывного радиоэлектронного воздействия и массированных авиационно-космических ударов, позволяющей осуществлять сбор и обработку информации об обстановке, принимать решения в реальном или близком к реальному масштабе времени;

способность к проведению гарантированного стратегического развертывания и своевременность подготовки обороны;

оперативность действий и мобильность войск (сил);

обеспечение комплексной защиты военных и государственных объектов, группировок войск от средств поражения противника, в первую очередь от применения высокоточного оружия;

наличие средств поражения, ожидаемые результаты применения которого позволят снизить решимость применения военной силы эвентуальным противником;

способность к ведению информационного противоборства с применением специальных формирований и новых информационных технологий;

способность вести эффективные контрдиверсионные действия во взаимодействии с другими войсками и воинскими формированиями;

способность к асимметричным действиям и наличие эффективной системы комплексного огневого поражения;

способность механизированных соединений, воинских частей и подразделений вести высокоманевренные боевые действия с опорой на подготовленные узлы обороны;

способность эффективно проводить мероприятия маскировки и своевременно восстанавливать боеспособность;

наличие устойчивой и эффективно действующей системы материально-технического обеспечения [9, с. 457].

Инновационный путь развития страны как важнейший приоритет государства предполагает повышение технологического уровня и конкурентоспособности производства. В свою очередь, *оборонный сектор экономики* Республики Беларусь как составная часть экономики страны ориентирован на создание перспективных конкурентоспособных образцов вооружения, военной и специальной техники, что будет способствовать оснащению Вооруженных сил необходимым вооружением и техникой. Акцент в современном развитии Вооруженных сил сделан на перевооружение войск, для чего принимаются комплексные меры.

В качестве приоритетов по защите от внешних источников угроз безопасности Республики Беларусь в военной сфере продолжается ра-

бота по укреплению и расширению «пояса добрососедства» во внешне-политической сфере. Белорусские инициативы в данном направлении будут способствовать укреплению военной безопасности при условии готовности наших партнеров.

Беларусь продолжит деятельность по формированию *единого оборонного пространства* с Российской Федерацией, обеспечению функционирования региональной группировки войск (сил) Республики Беларусь и Российской Федерации, развитию объединенных и совместных военных систем.

Наша страна продолжит свое активное участие в ОДКБ. Страна выступает за сотрудничество с Организацией Североатлантического договора и ЕС на равноправных условиях.

Процесс обеспечения военной безопасности зависит от эффективности строительства и развития Вооруженных сил Республики Беларусь. В целях выполнения данного требования необходимы критерии (индикаторы), которые свидетельствуют о качественных и количественных показателях их состояния, а также для контроля динамики их развития.

С учетом мирового опыта ведущих зарубежных государств, а также результатов собственных научных исследований, в Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь включены *два основных индикатора* в сфере военной безопасности:

уровень обеспеченности военными кадрами;

уровень и качество оснащенности Вооруженных сил современным вооружением, военной и специальной техникой [5].

Первый показатель позволяет объективно оценивать готовность Вооруженных сил к выполнению задач по предназначению. Он является основой планирования работы по совершенствованию организационно-штатной структуры, разработке рационального государственного заказа на подготовку офицеров в военных учебных заведениях, приему на военную службу в добровольном порядке офицеров запаса, а также замещения некоторых офицерских должностей другими категориями военнослужащих и сотрудниками гражданского персонала.

Второй показатель свидетельствует, что основную долю парка ВВСТ должны составлять «современные», «новые» (перспективные) образцы, комплексы и системы. По мере окончания их жизненного цикла «устаревших» образцов ВВСТ они заменяются на «новые» образцы с учетом равенства «выходного эффекта» решения боевых задач и получаемого при этом военно-экономического выигрыша от применения новых средств.

Исходя из этого, основными показателями обеспеченности Вооруженных сил ВВСТ должны являться:

укомплектованность Вооруженных сил современными технически исправными образцами ВВСТ;

доля ежегодно обновляемых ВВСТ [9, с. 508].

Полагаем, что наряду с указанными индикаторами могут быть разработаны и другие, позволяющие комплексно оценивать реальное состояние военной сферы национальной безопасности государства, имеющие внешние и внутренние риски, вызовы и угрозы и на основе данной оценки принимать необходимые меры по недопущению превышения критических показателей.

По нашему мнению, важнейшими критериями, которые нуждаются в проработке для включения в военную сферу безопасности, могут быть: уровень развития науки (в том числе военной) на основе мировых показателей, а по критически важным для сферы военной безопасности направлениям и опережающего развития; уровень развития образования (в том числе военного), степень его соответствия сущностному содержанию современного противоборства; уровень развития культурно-мировоззренческой сферы и соответствие степени духовной готовности граждан республики к выполнению задач по обеспечению вооруженной защиты государства; уровень профессиональной компетентности всех субъектов военной сферы национальной безопасности; уровень развития информационно-коммуникационной системы в интересах военной безопасности (современные каналы коммуникации и получения информации всеми субъектами военной безопасности). Перечень критериев может быть продолжен. Полагаем, что, кроме зафиксированных основных индикаторов, необходимо сформировать иерархию показателей, которые безусловно определяют параметры функционирования военной сферы безопасности, что облегчит целеполагание субъектам военной безопасности.

Безусловно, определяющим показателем для всей системы национальной безопасности является любовь граждан к своему Отечеству и готовность его защищать на любом поприще – гражданском и военном.

Следует помнить, что в англо-саксонской традиции война не обязательно связана с применением летального оружия. Западные стратеги следуют за классиком военной мысли К. Клаузевицем, утверждавшим: «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [4, с. 35]. Следовательно, современные тенденции военного насилия свидетельствуют о том, что антропосфера является основным театром современной войны, а управление волей человека и других субъектов безопасности является важнейшим принципом ведения войны [7]. А это уже проблемные вопросы духовно-нравственного воспитания личности, эффективности функционирования всех институтов общества, а также системы образования и системы идеологической работы.

Таким образом, в современных условиях особое место в жизни белорусского общества занимает военная сфера, функционирование которой позволяет государству производить продукт «военная безопас-

ность». По сути, военная сфера выступает важнейшим фактором стабильности белорусского общества. Очевидно, что при отсутствии военной безопасности, говорить о стратегии и перспективах развития государства неразумно.

Несмотря на сложность и масштабность проблемы военной сферы национальной безопасности, в статье обозначены лишь основные контуры ее функционирования и развития. Так как война – это форма бытия человечества, то военная сфера национальной безопасности – жизненно важная необходимость для сбережения человека, социума и государства. В современном насильственном и противоречивом мире рациональное развитие военной сферы – это императив безопасности, предоставляющий возможность думать о будущем.

Список литературы

1. Бартош А.А. «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны // Военная мысль. 2021. № 2. С. 6–19.
2. Бузин Н.Е., Зайцев С.М. Основы подготовки сил обеспечения военной безопасности государства // Наука и военная безопасность. 2017. № 3. С. 2–7.
3. Военная доктрина Республики Беларусь. Утверждена Законом Респ. Беларусь 20.07.2016 г. № 412-3.
4. Клаузевиц К. О войне / пер. с нем. М: ИК «Логос; Междунар. акад. издат. компания «Наука», 1997. 448 с.
5. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь № 575 от 9 нояб. 2010 г. Минск: Белорусский Дом печати, 2011. 48 с.
6. Ксенофонтов В.А. Проблемы сетецентрического противоборства в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 3 (12). С. 14–21.
7. Ксенофонтов В.А. Управление волей человека как цель и важнейший принцип ведения войны // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2020. № 2. С. 104–110.
8. Мальцев Л.С. Вооруженные Силы Республики Беларусь: История и современность. Минск: Асобны Дах, 2003. 245 с.
9. Национальная безопасность Республики Беларусь / С.В. Зась [и др.]; под ред. М.В. Мясниковича и Л.С. Мальцева. Минск: Беларус. навука, 2011. 557 с.
10. Репко С.И. Национальная безопасность. М.: Академия геополитики, 2012, 290 с.
11. Сержантов А.В., Смоловый А.В., Долгополов А.В. Трансформация содержания войны: от прошлого к настоящему – технологии «гибридных» войн // Военная мысль. 2021. № 2. С. 20–27.
12. Хренин В.Г. Великая Победа: 75 лет спустя // Бел. Думка. 2020. № 4. С. 3–10.

13. «Цветная революция» в Республике Беларусь: особенности и механизм реализации: пособие / Н.Е. Бузин [и др.]. Минск: НИИ ВС РБ, 2020. 98 с.
14. Философия и военное дело: учебник / коллектив авторов; под общ. ред. П.В. Петрия. М.: КНОРУС, 2019. 466 с.

MILITARY SPHERE OF NATIONAL SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS: OBJECTIVE NECESSITY AND VECTOR OF DEVELOPMENT

V.A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

The article considers main theoretical and methodological aspects of the functioning of the military sphere of the national security of the Republic of Belarus. The article emphasizes its objective necessity as the most important factor in ensuring the stability of the Belarusian society and state, as well as the prospects for their development. Main priorities of the development of the military sphere of national security are shown.

Keywords: *Republic of Belarus, politics, national security, military security, military sphere of national security, military organization of the state, war, military conflict, military force, armed forces.*

Об авторе:

КСЕНОФОНТОВ Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: nksena777@gmail.com

Author information:

KSENOFONTOV Vladislav Anatolyevich – PhD (Philosophy), Assoc. Prof., Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: nksena777@gmail.com

УДК 304.42:316.356.2

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО РОССИИ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ¹

Н.Н. Козлова*, О.Г. Овчарова, С.В. Рассадин*****

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

**ФГБОУ ВО «Российская государственная специализированная академия искусств»,

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
г. Москва

***ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»,
г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.100

Авторы проводят анализ дискурса «образ будущего» в современной социально-политической мысли. Разделяя позицию З. Баумана о риторической манифестации власти о приватизации будущего, авторы обращают внимание на имманентно присущую природе политики функцию целеполагания, в том числе выработке и реализации коллективных целей, ориентированных на будущее. Анализируя молодежную политику в современной России, авторы приходят к выводу, что российское государство стремится адаптировать запросы молодых людей под собственные образы будущего великой и сильной державы, расставляя акценты на воспитание гражданственности и патриотизма. Авторы полагают, что для повышения эффективности государственного управления при разработке национальных проектов необходимо учитывать взгляд молодежи на будущее страны.

Ключевые слова: *образ будущего, молодежь, государственная молодежная политика.*

Исследование образов будущего является одной из стержневых тем социальной философии с момента ее зарождения. Предложенные мыслителями проекты идеальных государств, различные модели утопий, включая современные техногенные, так или иначе стремятся очертить контуры грядущего социального порядка. Анализируя тенденции развития настоящего, (транс)национальные фабрики мысли предлагают ответы на вопросы о будущем «*urbi et orbi*». Понятия «будущее», «образ будущего» в социогуманитарном знании, безусловно, многогранны. Под «образом будущего» понимается и идеальная модель государства, и относительно целостная картина мира в его перспективе, и абстракция, в которой отражается медиана «ожиданий отдельных социальных групп, общества в целом, в конкретной исторической и социокультурной ситуации» [11, с. 175]. Голландский исследователь Ф. Поллак указывает на

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31690.

аристократичность происхождения образов будущего, выработку их интеллектуальным меньшинством [38]. По мнению мыслителя, распространность образов будущего становится возможной благодаря их эмоциональности, эстетичности, духовности; содержание образов будущего периодически адаптируется к изменению времени посредством самокоррекции. Многие исследователи также рассматривают образ будущего как продукт коллективного творчества [10, с. 76], как «мульти-модальный конструкт, который возникает под влиянием временных координат, эмоционально-психических, индивидуально-личностных, социальных процессов» [8, с. 26].

Академический интерес к изучению образов будущего, на наш взгляд, удачно выразил З. Бауман, когда указал, что «будущее – это безграничное пространство свободы и, следовательно, испытательный полигон для воли и поступков человека» [4]. По мнению Баумана, отношение власти к будущему «уже на заре существования *homo sapiens*» было настороженным, так как «от него веяло угрозой – подобно опасности, таящейся в вольнолюбии, строптивости, непредсказуемости подданных» [4]. Мыслитель полагал, что современная власть провозгласила принципиальную бесконтрольность будущего, манифестировала стратегию его приватизации, выразив его следующим кредо: «Пусть теперь человек сам отвечает за свое будущее и сам справляется с его причудами» [4]. Однако риторика власти об экзистенциальной ответственности каждого индивида за свою судьбу в определенной мере противоречит природе политики, так как ее стратегии направлены на постановку и реализацию коллективных целей, ориентированных на будущее. Многие мыслители рассматривают прогнозирование будущего как одну из функций политической власти, а способность создавать образы будущего как имманентное свойство политического актора. П. Бурдьё отмечает, что «собственно политическое действие возможно, поскольку у агентов, включённых в социальный мир, есть знание (более или менее адекватное) об этом мире и поскольку можно воздействовать на социальный мир, воздействуя на их знание об этом мире», в том числе и знание о будущем [5, с. 33]. По мысли философа, «будучи перформативным высказыванием, политическое предвидение есть само по себе действие, направленное на осуществление того, о чём оно сообщает. Оно практически вовлечено в [создание] реальности того, о чём оно возвещает, тем, что сообщает о нём, предвидит его и позволяет предвидеть, делает его приемлемым, а главное, вероятным, тем самым создавая коллективные представление и волю, способные его произвести» [5, с. 34]. Политические партии, органы государственной власти, международные организации в рамках конкурентной борьбы стремятся убедить граждан в привлекательности своего образа будущего в глобальном, национальном и локальном измерении.

Прогнозирование будущего в настоящее время актуализировано пандемией COVID-19, которая, по мнению исследователей, сформировала у граждан новый запрос к власти на выработку более четких контуров дальнейшего развития общества, в том числе на производство глобальных сценариев будущего [20; 26]. Отечественные эксперты отмечают, что в последние десятилетия образы будущего являются расплывчатыми и малопонятными, производители смыслов в сфере политики (государство, партии, лидеры) не предлагают четкого образа будущего, на который могли бы ориентироваться граждане [34; 35]. А.Б. Ананченко пишет: «Образы будущего должны дать ответы на другие вопросы – какими мы хотим стать, какими мы хотим, чтобы стали наши дети, и что мы хотим, чтобы осуществилось в нашей душе и в мире вокруг нас, как и для чего. Просто и ясно» [1, с. 263]. «Туманность» образов будущего исследователи отчасти связывают с оценкой исторического прошлого, через которое строится траектория в будущее [14]. Л.Г. Бабенко, А.В. Конторских выявили такую особенность программных текстов российских политиков, как поливекторность – образы далекого прошлого, России настоящего и будущей России соединяют в единую траекторию [3]. В данных редуцированных образах будущего экспертное сообщество выделяет оптимистические и пессимистические сценарии развития России [27]. Анализируя образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России, А.А. Вилков отмечает, что «большинство проектов будущего России носит патерналистский характер... ориентирующих на расширение масштабов общественной собственности и усиление регулирующей роли государства» [6, с. 64]. Проводя сопоставительный анализ выражения концепта «будущее» в программах парламентских партий России, А.Э. Сенцов приходит к выводу, что актуальным в России является образ сильного государства, реставрация государства советского образца, программы парламентских партий практически идентичны, в них фиксируется образ «державы», «Родины» [29; 30].

Исследователи отмечают, что формирование образов будущего зависит от многих факторов, проекты «желаемого будущего» предлагаются политическими силами с учетом интересов различных социальных групп, в том числе, молодежи. В рамках социально-философского подхода молодежь рассматривается на субстратном уровне организации общества как социальная группа, а на концептуальном – как системообразующее свойство, без которого общество не способно развиваться и поддерживать свою самоорганизацию [2]. Особенности восприятия образов будущего в молодежной среде («поколение Y» [23, с. 111]) связаны, прежде всего, со спецификой социализации [32; 36], проявляющейся в активном поиске смысла жизни, а также с такими отличительными чертами эпохи, как развитие цифровых технологий, социальных сетей, интернет-коммуникаций. Согласимся с точкой зрения

В.С. Комаровского, что «представления молодежи о будущем во многом формируются в рамках “самокоммуникации” (Интернет) и влияния личного постмодернистского опыта сомнений/ревизии ценностей старших поколений и их подчиненности задачам текущего момента, ориентации на стиль жизни “цивилизации комфорта”» [15, с. 49]. Отметим, что в настоящее время предлагаемый для молодежи и молодежью образ будущего становится актуальным в силу вступления нового поколения в электоральные циклы 2021 и 2024 гг. Современное поколение молодежи формировалось как политический субъект в постсоветских условиях, а её политические ценности, установки, модели политического поведения, проекты будущего России существенно отличаются от установок старших поколений российских граждан [19, с. 219]. Результаты прикладных исследований свидетельствуют, что в сознании российской молодежи присутствуют такие же ценности, как и у большинства граждан – стабильная, сильная Россия, держава с собственной национальной идеей, патернализм [24]. Л.В. Матвеева указывает, что у молодежи сформирован развернутый многоплановый образ России и российского народа, который воспринимается ими как идеал [18]. Несмотря на схожесть установок в отношении образов будущего молодых граждан с другими возрастными когортами, эксперты выявляют и различия. В частности, согласно исследованиям О.Л. Соткова молодежь не готова жертвовать собственными интересами и целями ради будущего государства [32], а, по мнению В.В. Петухова и Р.В. Петухова, группой, выступающей за перемены, является молодежь [21].

Образ будущего выстраивается в предлагаемых государством проектах молодежной политики. Можно утверждать, что государственная молодежная политика выступает определенным способом конструирования будущего, поскольку в рамках данной отраслевой политики очерчивается роль молодежи в создании будущего. В.А. Луков констатирует: «Проектирование будущего России. Фактически проектирование молодежной политики есть и проектирование будущих состояний общества, а также – проектирование будущих проблем социального развития» [16, с. 552]. Автор отмечает, что в постсоветский период правовая база государственной молодежной политики в России не развивалась, ответственные за разработку и реализацию указанной политики государственные органы постоянно менялись, а финансирование выделялось незначительное [16]. В настоящий момент в разработанных концепциях молодежи доминируют следующие установки: молодежь – ничейная земля, молодежь – надежда общества, молодежь – общественная опасность [17, с. 14; 22]. С расширением локаций «цветных революций» исследователи акцентируют внимание на связи молодежной политики с национальной безопасностью. Автор идеи общественной молодежной политики И.М. Ильинский полагает, что «молодежная политика – это центральное звено политики национальной безопасности, берущей

начало в настоящем и обращенной – от поколения к поколению – в далекое будущее» [13, с. 17].

В 2014 г. Правительство РФ приняло Распоряжение № 2403-р «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – ОГМП), в котором отмечено, что «глобальные тенденции убедительно доказывают, что стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь» [25, ст. 4]. С точки зрения К.В. Подъячева и И.А. Халий, документ основан на концепции «двух полюсов» (государственное внимание направлено на поддержку талантливой молодежи и помощь наиболее уязвимым слоям), исключая из поля зрения большую часть молодежи [22]. Несмотря на критику ОГМП со стороны экспертного сообщества [9; 19], важно отметить, что документ предполагает вовлечение молодых людей в различные «форумные» кампании, на площадках которых они могут предлагать проекты будущего страны. Идеологическая канва образов будущего определяется ключевой задачей молодежной политики – «воспитание патриотично настроенной молодежи» [25]. Принимая участие в сессии «Молодёжь-2030. Образ будущего», прошедшей в рамках XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в октябре 2017 г., Президент РФ В.В. Путин отметил, что молодые люди «не должны забывать про нравственные, этические основы нашего дела» [31]. Пул проблем, которые поднимаются в рамках молодежных проектов, в основном касается экологии, малой родины, рынка труда [7]. Логическим продолжением ОГМП стало принятие в 2020 г. Федерального закона № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [33]. Документ устанавливает единое правовое поле, общие цели и понятия, унифицируя молодежную политику, предусматривает расширение направлений молодежной политики, сохраняя традиционные параграфы о контроле за молодежными организациями и воспитании патриотизма. Согласно новому закону к молодежи относятся россияне в возрасте от 14 до 35 лет, что повышает численность молодежи в России на 12 млн человек до 41 млн [37], и, соответственно, увеличивает количество молодых граждан, пользующихся мерами поддержки государства. Комментируя закон, глава комитета Государственной Думы по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи Б. Пайкин отметил, что именные стипендии и гранты молодым ученым, а также обязательства государства при выплате единовременного пособия при рождении ребенка, субсидии на жилье будут выплачиваться до 35 лет [12]. Анализируя закон, можно прийти к выводу, что основные параметры будущего России определяются как эволюционное развитие основ общественного строя, которые заложены в настоящем, но с перспективой реализации моделей будущего, предложенных молодым поколением.

Итак, молодежная политика и образ будущего находятся в сложных диалектических взаимосвязях: с одной стороны, расплывчатость образов будущего страны не позволяет четко обозначить стратегии и механизмы государственной молодежной политики, с другой стороны, не реализуя эффективную молодежную политику, государство не может выявить взгляд молодежи на будущее страны и учесть ее потенциал при разработке национальных проектов. В условиях новых вызовов российское государство в рамках молодежной политики стремится адаптировать запросы молодых людей под собственные образы будущего великой и сильной державы, расставляя акценты на воспитание гражданственности и патриотизма, а также наращивая патернализм молодежной политики, увеличивая материальную поддержку молодежи до 35 лет. Однако, учитывая имеющийся в молодежной среде запрос на перемены, очевидно отсутствие цельного, единого образа будущего России у власти и молодежи. Возвращаясь к идеям З. Баумана, отметим, что нам залог успешного функционирования социума видится в совместной разработке образов будущего властью и молодёжью.

Список литературы

1. Ананченко А.Б. «Образы будущего» и национальная идея России // *Философия политики и права*. 2019. № 10. С. 256–265.
2. Арефьева Н.Т. Философский анализ управления развитием молодежи в современном Российском обществе. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Иваново, 2000. 18 с.
3. Бабенко Л.Г., Конторских А.В. Репрезентация образа России в программной речи кандидата в президенты (на материалах предвыборной речи В.В. Путина) // *Политическая лингвистика*. 2013. № 4 (46). С. 12–16.
4. Бауман З. Пять прогнозов и множество оговорок // *Иностранная литература*. 2006. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2006/8/pyat-prognozov-i-mnozhestvo-ogovorok.html> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности (пер. с франц. А. Бикбокова) // *Логос*. 2005. № 4–5. С. 33–41.
6. Вилков А.А. Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2020. Т. 20, № 1. С. 64–68.
7. Встреча со школьниками – авторами лучших сочинений на тему «Россия, устремлённая в будущее». [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/56638> (дата обращения: 21.05.2021).

8. Гаврилюк В.В., Мехришвили Л.Л., Скок Н.И. и др. Образ будущего в оценках нового поколения россиян : монография. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2016. 166 с.
9. Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи. [Электронный ресурс]: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20–21 апреля 2020 года) / отв. ред. Т.К. Ростовская, ИСПИ ФНИСЦ РАН. М.: Изд-во «Перспектива», 2020. 534 с. URL: <https://itdperspectiva.page.link/MoIPol2020> (дата обращения: 10.03.2021).
10. Желтикова И.В. Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5 (55). С. 75–80.
11. Желтикова И.В. Образ будущего как предмет социально-философского анализа // Булгаковские чтения. 2011. № 5. С.174–183.
12. Замахина Т. Госдума одобрила проект о повышении возраста молодежи до 35 лет // Российская газета. 11.11.2020. [Электронный ресурс]. URL:<https://rg.ru/2020/11/11/gosduma-odobrila-proekt-opovyshenii-vozhrasta-molodezhi-do-35-let.html> (дата обращения: 21.05.2021).
13. Ильинский И.М. Молодежь как будущее России в категориях войны // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 5–17.
14. Кара-Мурза С. Целеполагание в политике: «образ будущего» // Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. 2018. М.: Весь мир. 384 с.
15. Комаровский В.С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 45–50.
16. Луков В.А. Государственная молодежная политика: проблема социального проектирования будущего России // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / колл. моногр.; под общ. ред. В.А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 535–556.
17. Луков В.А., Гневашева В.А., Захаров Н.В. Социальные и культурные ценностные ориентации российской молодежи: теоретические и эмпирические исследования. Доклад института гуманитарных исследований // Образ российской молодежи в современном мире: ее самосознание и социокультурные ориентиры: доклады и материалы Всерос. науч. конф. М.: Моск. гуман. ун-т, 2007. С.13–56.
18. Матвеева Л.В. Категориальная структура образа России в молодежной аудитории // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Психология. 2010. Т. 4, № 2. С. 83–98.
19. Образ будущего России: желаемое, возможное, необходимое: материалы всероссийской научно-практической конференции / Ред. Рафалюк С.Ю., Шаповалов В.Л. М.: МГПУ, 2016. 275 с.

20. Пензина А. Как COVID-19 меняет образ будущего (интервью с Нестиком Т.А.). [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/kak-covid-19-menyaet-obraz-budushchego-v-mire-nauki-4-5-2020> (дата обращения: 21.05.2021).
21. Петухов В.В., Петухов Р.В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133.
22. Подъячев К.В., Халий И.А. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 263–276.
23. Политико-психологический анализ образов будущего России : материалы круглого стола // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2016. № 2. С. 100–125.
24. Попова О.В. Представления российской молодежи об идеальном государстве // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы всерос. науч. конф. РАПН с междунар. участием. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2019. С. 320–321.
25. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 10.03.2021).
26. Рокоссовская А. Уроки вируса. Эксперты рассказали, каким будет мир после COVID-19 // Российская газета. Федеральный выпуск. 23.03.2020. № 62(8116) / [Электронный ресурс]. URL:<https://rg.ru/2020/03/23/eksperty-rasskazali-kakim-budet-mir-posle-covid-19.html> (дата обращения: 21.05.2021).
27. Российское общество – 2020: экспертный образ будущего // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 2 (81). С. 124–157.
28. Россия-2020: Сценарии развития / под ред. М. Липман, Н. Петрова. М.: РОССПЭН, 2012. 588 с.
29. Сенцов А.Э. Концепт будущего в программах политических партий современной России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3. С. 82–92.
30. Сенцов А.Э. Образ сильного государства в программах современных политических партий России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3(15). С.126–130.
31. Сессия «Молодёжь-2030. Образ будущего» [Электронный ресурс]. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55890> (дата обращения: 21.05.2021).
32. Сотков О.Л. Образ будущего России в представлении молодежи Тюменской области // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 40–43.

33. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL:<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 19.05.2021).
34. Фрумкин К. Почему у нас нет «образа будущего» // Знамя. 2018. № 1. [Электронный ресурс]. URL:<https://magazines.gorky.media/znamia/2018/1/pochemu-u-nas-net-obraza-budushhego.html> (дата обращения: 21.05.2021).
35. Хазин М. Впервые за века на смену устаревшей модели не приходит новая. [Электронный ресурс]. URL: <https://aurora.network/articles/271-obraz-budushhego/71869-mikhail-khazin-vpervye-za-veka-na-smenu-ustarevshey-modeli-ne-prikhodit-povaja> (дата обращения: 21.05.2021).
36. Чадаева К.Д. Образ будущего в разных возрастах // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 294–305.
37. Эксперты: молодежная политика РФ вышла на новый уровень. [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/20201230/molodezh-1591554870.html> (дата обращения: 21.05.2021).
38. Polak F. The Image of the Future. Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam, London; New York. 1973. 320 p.

IMAGES OF THE FUTURE OF RUSSIA AND YOUTH POLICY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

N.N. Kozlova*, O.G. Ovcharova, S.V. Rassadin*****

*Tver State University, Tver

**Russian State Academy of Specialized Training in Arts; Russian State University for the Humanities, Moscow

***Tver State Technical University, Tver

The authors analyze the discourse «the image of the future» in modern sociopolitical thought. Sharing the position of Z. Bauman on the rhetorical manifestation of the authorities about the privatization of the future, the authors pay attention to the goal-setting function inherent in the nature of politics, including the development and implementation of collective goals oriented towards the future. Analyzing the youth policy in modern Russia, the authors come to the conclusion that the Russian state seeks to adapt the needs of young people to its own images of the future of a great and strong power, placing emphasis on the education of citizenship and patriotism. The authors believe that in order to improve the efficiency of public administration, when developing national projects, it is necessary to take into account the view of young people on the future of the country.

Keywords: *image of the future, youth, state youth policy.*

Об авторах:

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии, ФГБОУ ВО

«Тверской государственный университет», Тверь. SPIN-код: 6273-0895, Scopus Author ID: 56446454300, ORCID ID: 0000-0003-1212-6412, ResearcherID D-5405-2019 e-mail: tver-rapn@mail.ru

ОВЧАРОВА Ольга Геннадиевна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Российская государственная специализированная академия искусств», профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва. SPIN-код: 5266-1796, e-mail: ovcharovao@ya.ru

РАССАДИН Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. SPIN-код: 7952-3904, Scopus Author ID: 56518236300, ORCID ID: 0000-0002-3478-0792, ResearcherID AAS-7665-2021, e-mail: s_r08@mail.ru

Authors information:

KOZLOVA Nataliya Nikolaevna – PhD (Political Science), Assoc. Professor, Chair of Political Science Department, Tver State University, Tver. E-mail: tver-rapn@mail.ru

OVCHAROVA Olga Gennadievna – PhD (Political Science), Assoc. Prof. of Humanities Dept, Russian State Academy of Specialized Training in Arts, Russian State University for the Humanities Moscow. E-mail: ovcharovao@ya.ru.

RASSADIN Sergey Valentinovich – PhD (Philosophy), Assoc. Professor of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: s_r08@mail.ru

УДК 304.42:316.356.2

ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА В ГОСУДАРСТВЕННО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

И.М. Филиппов

ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», Московская область, г. Мытищи, Московская область

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.110

Рассматривается актуальность развития лидерского потенциала молодежи, проблемные вопросы и меры по формированию эффективного лидерства, высказываются предложения по развитию лидерских качеств в государственно-ориентированной молодежной среде.

***Ключевые слова:** молодежная среда, лидерский потенциал, развитие лидерских качеств, государственная служба, проблема лидерства, современные условия.*

В последнее десятилетие в России одной из дискуссионных площадок стала тема воспитания молодых граждан, поскольку воспитание подрастающего поколения в рамках любви к своему государству, городу, селу, его истории, духовно-нравственных ценностей, ответственности за будущую судьбу страны становится одной из важнейших задач нашего общества [23]. Особенно это важно в связи с существованием негативных явлений в молодежной среде. Усилились националистические, даже расистские настроения среди молодежи, ей присуща жестокость, негативизм, децелерация, пренебрежительное отношение к родителям, семье, истории и судьбе своей страны [1; 5].

Ключевой акцент делается на том, что в современных условиях необходимо изучение мировоззренческих ценностей молодежи, мотиваций поведения, особенностей и форм участия в государственном управлении молодых людей, а на основе полученных данных сформулировать с помощью науки положения, которые определяют участие молодежи и будущие ориентиры государственного развития России. Это заключается в том, чтобы сформировать активных граждан, осознанно отстаивающих и защищающих свои интересы [7]. Это особенно важно в условиях, когда молодежь находится под влиянием различных политических сил. Поэтому именно образованная, талантливая, ответственная молодежь, которая может критически относиться к социальной действительности, способна завершить начатые преобразования и придать импульс развитию страны в непростых условиях. Но для этого необходимо сформировать позитивный образ молодежи, который позволит ей самой поверить в собственные силы, а также изменит отношение к молодым людям со стороны общества, которое с подозрительностью и недовери-

ем смотрит на деятельность молодежи, считая ее неспособной принимать важные и правильные решения [14]. Как правило, молодежь в глазах общественности выступает объектом назидательных советов, нотаций и критики, оценивается как пассивная и немогущая в решении социальных проблем. Часто в СМИ отмечается высокий уровень криминализации, алкоголизации молодежи, которая зачастую ассоциируется с жизнью в отрыве от реальности в сети Интернет или клубной жизнью [10; 11].

В последнее время актуальным становится и другой, полностью противоположный подход: в СМИ и интернет-пространстве все чаще появляется информация о молодежных лидерах, о форумах и конкурсах для реализации потенциала молодежи, их вкладе в жизнь России [9; 11].

Именно молодежь должна стать стратегическим ресурсом, носителем инновационного потенциала развития, призвана решать накопившиеся и возникающие в стране проблемы. Только такие государства, которые смогут эффективно использовать этот потенциал и инновационный ресурс развития, смогут быть конкурентоспособными как в экономических отношениях, так и в политической сфере, оставаться в числе сильнейших и преуспевающих держав, вершащих историю человечества. Вместе с этим возникают вопросы: а) что собой представляет молодежь, каковы ее социальные позиции, ожидания и намерения; б) что может сделать государство на современном этапе развития, с тем, чтобы в будущем целиком и полностью полагаться на молодежный потенциал?

Понимая, что *лидерство* сегодня приобретает значимость на уровне государственных интересов, не стоит забывать, что оно является характерной чертой любого молодого человека, полезной (в части наличия позиции, готовности ее отстаивать, ставить цели и достигать их) для его личностного совершенствования, для становления как профессионала в любой сфере деятельности [8].

Развитие лидерского потенциала молодежи и весь комплекс мер по формированию эффективного лидерства в России будет способствовать качественному обновлению страны. Поэтому выявление и развитие лидерских качеств необходимо начинать еще со школьной скамьи и далее особое значение уделять этому среди студентов вузов для скорейшей интеграции их в государственно-ориентированную жизнь общества.

Молодые общественные активисты своим примером доказывают, что гражданская позиция – не столько виртуальная активность или разбитые витрины и пикеты, сколько планомерный и тяжелый труд, направленный на созидание реально действующего гражданского общества. Государство посредством мер государственной молодежной политики и проектного подхода должно выявлять лидеров среди молодежи, полной энтузиазма, сил и ответственности, которой не безразлично бу-

дущее нашей страны, искать инновационную, талантливую молодежь с активной жизненной позицией, стремящуюся увеличить мощь своей родины. Государство заинтересовано в развитии, становлении такого ресурса, как лидеры, ведь именно они будут ключевыми руководителями в разных сферах жизни и двигателями прогресса [2; 4].

Наше общество остро нуждается в компетентных специалистах, способных самостоятельно принимать решения по важнейшим вопросам и нести ответственность за свой выбор, отстаивать свою позицию, умеющих взаимодействовать с окружением, работать в команде, то есть проявлять лидерские качества. Такие люди могут выбирать наиболее эффективные пути достижения поставленных целей. Поэтому существует необходимость разрабатывать целенаправленную систему для развития и активации лидерского потенциала. Молодой человек должен научиться проявлять, грамотно применять свой потенциал. Для этого нужно совершенствовать навыки владения харизматическим влиянием, гибкостью, основными технологиями самомотивации и управления. Эффективный лидер должен обладать такими качествами, как высокоразвитый эмоциональный интеллект, способность убеждать, устанавливать позитивные отношения в группе и крупном коллективе, способность влиять на поведение объектов управления. Но говорить лишь о подготовке самого лидера недостаточно. Немаловажным аспектом успешности реализации человека в качестве лидера является создание организационного окружения, т. е. подходящих условий, в которых лидер сможет плодотворно работать, в полной мере реализовать себя [13, с. 56].

Само понятие лидерства в государственно-ориентированной молодежной среде можно представить в виде целостного единства некой ранжированной совокупности отдельных элементов (спектральных компонентов). Речь идет о такой молодежной среде, которой присуще особенное начало – ориентированность представителей этого молодежного сообщества на государство как ядро политической системы. Здесь вполне очевидна увлеченность всех (и особенно лидера) проблемами государственного политического и экономического развития, Российской и мировой историей, геополитикой и вопросами общей теории управления, судьбами и идеями видных политических и иных мировых и отечественных лидеров, вопросами борьбы с любыми противоправными и антигосударственными проявлениями в социальной реальности, теорией и практикой развития общества, человека и государства и др. Целостным выражением такого рода начал выступает определенное качество лидера, которое можно назвать государственным мышлением, оно воплощается в конкретные и активные действия на благо общества на регулярной основе [3; 6].

Известно, что некоторые молодые люди сталкиваются с тем, что не могут эффективно включиться в систему государственной службы. Это происходит тогда, когда они сталкиваются с работой в условиях

максимальных психологических и умственных нагрузок, что, в свою очередь, связано с различными особенностями физиологии, психики и характера современного человека, стремящегося выйти за рамки обязательств, системы.

Помимо этого, существуют проблемы, связанные с молодыми людьми, которые окончили средние профессиональные или высшие учебные учреждения, имеют определенный уровень необходимых компетенций. Однако в современных реалиях этого недостаточно, поскольку должностные обязанности требуют от государственного служащего дополнительных навыков и умений, необходимых для исполнения функциональных обязательств, таких как умение работать с большим потоком информации в сжатых временных рамках, стрессоустойчивость, умение работать в команде и т. д.

Часть из них не могут закрепиться на работе в связи с отсутствием опыта или из-за недостатка каких-либо «дефицитных» профессиональных компетенций. Нередки ситуации, когда полученные профессиональные знания устаревают, а государственная служба приносит разочарования.

Так, в Чувашской Республике в декабре 2020 г. (при непосредственном участии автора) сотрудниками администрации главы Чувашской Республики и специалистами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ было проведено социологическое исследование «Государственная гражданская служба в глазах молодежи»¹. Цель исследования – прояснить, насколько молодые люди до 35 лет, недавно поступившие на государственную гражданскую службу Чувашской Республики, удовлетворены условиями и результатами работы, морально-психологическим климатом в коллективе. Для осуществления анализа результатов анкетирования вопросы и ответы были сгруппированы по блокам.

Первый блок «Удовлетворенность современным состоянием и работой», включал два вопроса. Большинство респондентов (61 %) подчеркнули, что в целом выбранная ими профессиональная деятельность их полностью устраивает. «Устраивает частично» – 37 %, «не устраивает» – 2 % опрошенных.

Отвечая на вопрос «Хотели бы Вы перейти на другую работу в течение следующего года?», ответили «Да, я в поисках работы» – 10 %, «Нет» – 42 %, «Да, если будет предложен хороший вариант» – 48 % опрошенных.

¹ В рамках исследования удовлетворенности условиями и результатами работы, морально-психологического климата в коллективе среди молодых людей проведен анализ данных 255 гражданских служащих из 24 государственных органов Чувашской Республики.

Несмотря на то, что на первый вопрос респонденты ответили, что их профессиональная деятельность устраивает полностью или частично (97 %), необходимо обратить внимание на вопрос «Хотели бы Вы перейти на другую работу в течение следующего года?». Данный вопрос можно считать контрольным. Отвечая на этот вопрос, 48 % респондентов отметили, что готовы перейти на другую работу, если будет предложен хороший вариант. Таким образом, контрольный вопрос показал неполную удовлетворенность своей профессиональной деятельностью на текущем месте работы.

Второй блок «Взаимоотношения с руководством». Содержание ответов на вопросы данного блока демонстрируют специфическую особенность государственной гражданской службы, а именно: ее строгую иерархичность и соблюдение должностной субординации. Задача повышения уровня государственного управления является комплексной и требует усилий не только от тех, кто действует в рамках государственной службы. Важную роль здесь призваны сыграть как система образования, так и сама государственная служба, которая призвана не только найти, но и воспитать, обучить для осуществления государственной деятельности людей, имеющих действительно высокие личностные, профессиональные и общекультурные качества.

Большинство респондентов (89 %) удовлетворены признанием руководства результатов их профессиональной деятельности. Не удовлетворены 11 % опрошенных.

На вопрос «Располагает ли обстановка и взаимоотношения в государственном органе к эффективному исполнению должностных обязанностей?» ответили «да» – 65 %, «не в полной мере» – 31 %, «нет» – 4 % опрошенных.

Большинство государственных служащих (88 %) вполне устраивают отношения, сложившиеся с непосредственным руководителем. Ответили «трудно сказать» – 8 % опрошенных, «пожалуй, не удовлетворен» – 2 %, «полностью не удовлетворен» – 2 %.

Становится очевидным, что в целях совершенствования организационной структуры управления в сфере государственной службы необходимо ввести дополнительные механизмы и широко применять методики, обеспечивающие эффективную диагностику названных качеств у претендентов на занятие должностей государственной гражданской службы, в том числе при проведении организационно-штатных мероприятий. Так, при проведении конкурса на занятие должностей государственной гражданской службы целесообразно в состав конкурсных комиссий вводить профессиональных практикующих психологов, клинических психологов и психоаналитиков.

Третий блок вопросов связан с повышением квалификации [18–20]. Анализ ответов респондентов свидетельствует, что в целях повышения престижа государственной службы необходимо сохранение си-

стемы материального стимулирования (53 %), применения поощрений и наградений (16 %), а также структуры денежного содержания госслужащих. Однако в качестве кадровых технологий следует активно внедрять и усиливать влияние мероприятий нефинансового характера по нематериальной мотивации, проводимых в государственном органе, позволяющее поддерживать у гражданских служащих ценности, приверженность которым призвана обеспечить эффективную реализацию задач и функций государственного органа [16].

Большинство респондентов (70 %) подчеркнули, что в целом удовлетворены возможностью повышения квалификации. Ответили «трудно сказать» – 19 %, «пожалуй, не удовлетворен» – 7 %, «полностью не удовлетворен» – 4 % опрошенных.

Четвертый блок вопросов позволяет проанализировать оценку госслужащими возможности самореализации. Анализ ответов респондентов подвигает нас сделать вывод о наличии необходимости в стимулировании творческой активности и инициативы госслужащих – 23 % респондентов на вопрос «Вносили ли Вы непосредственному руководителю предложения по повышению эффективности и результативности работы структурного подразделения, государственного органа?» ответили «нет, у меня мало опыта в работе», «нет, меня все устраивает» ответили 35 % и только 17 % ответили «да, моя инициатива поддержана и внедрена».

Государственный служащий должен быть инициативным и творческим при реализации служебных целей и задач, так как государственная служба ориентируется не только на эффективный труд, но она затрагивает интересы всего общества, неотъемлемой частью которого является и государственный служащий. Требуется совершенствование условий для независимого профессионального развития государственных гражданских служащих, при реализации которых наравне с этикой убеждения должны эффективно функционировать условия, определяемые этикой ответственности, что, в свою очередь, обеспечит создание в регионах стабильного, компетентного и высокопрофессионального корпуса гражданских служащих. Для этого необходимо ввести дополнительные механизмы при проведении организационно-штатных мероприятий, что может быть обеспечено синергией трех составляющих – науки, образования и практики [21].

На вопрос пятого блока «Удовлетворены ли Вы возможностью карьерного роста?» ответили «да, устраивает полностью» – 19 %, «устраивает частично» – 57 %, «не устраивает» – 24 % опрошенных.

С учетом достаточно высокого процента положительных ответов на вопрос «Хотели бы Вы перейти на другую работу в течение следующего года?» 48 % респондентов ответили «да, если будет предложен хороший вариант» – можно сделать вывод о недостаточной осведомленности госслужащих о процедуре и вариантах выстраивания индивиду-

альной траектории карьеры в силу высокой степени загруженности гражданских служащих и недостаточного уровня внутреннего контроля (см. ответы на вопрос «Согласны ли Вы равномерностью распределения должностных обязанностей между сотрудниками?»). В качестве рекомендации можно назвать поддержание загруженности гражданских служащих на уровне, позволяющем сохранить высокое качество результатов их деятельности, повышение уровня внутреннего контроля.

Шестой блок – межличностные отношения. На вопрос «Удовлетворены ли Вы межличностными отношениями в коллективе?» ответили «удовлетворен полностью» – 57 %, «удовлетворен» – 36 %, «не удовлетворен» – 5 % опрошенных.

На вопрос «Располагает ли обстановка и взаимоотношения в государственном органе к эффективному исполнению должностных обязанностей?» ответили «да» – 65 %, «не в полной мере» – 31 %, «нет» – 4 % опрошенных.

На вопрос «Устраивают ли Вас отношения, сложившиеся между Вами и членами коллектива?» ответили «полностью удовлетворен» – 53 % опрошенных, «пожалуй, удовлетворен» – 36 %, «трудно сказать» – 7 %, «пожалуй, не удовлетворен» – 3 %, «полностью не удовлетворен» – 1 % опрошенных.

На вопрос «Укажите, в какой степени Вы удовлетворены отношениями в коллективе?» ответили «полностью удовлетворен» – 46 %, «пожалуй, удовлетворен» – 36 %, «трудно сказать» – 10 %, «пожалуй, не удовлетворен» – 6 %, «полностью не удовлетворен» – 2 % опрошенных.

Анализируя ответы респондентов, можно сделать вывод о позитивном психологическом климате в органах государственной власти Чувашской Республики.

Седьмой блок – условия труда. Анализ ответов показывает определенное противоречие при 43 % респондентов, ответивших на вопрос «Удовлетворены ли Вы условиями работы?» – «да, устраивает полностью», только 30 % ответили «полностью удовлетворен» на вопрос «Укажите, в какой степени Вы удовлетворены материально-техническим обеспечением служебного места?». Соответственно, следует продолжать работу по внедрению информационно-коммуникационных технологий и техническому оснащению труда государственных служащих.

Восьмой блок – материальное стимулирование. На вопрос «Как Вы думаете, повышение эффективности и результативности исполнения должностных обязанностей гражданским служащим в наибольшей степени обеспечивается посредством?» ответили «материального стимулирования» – 53 %, «соблюдения служебного распорядка» – 7 %, «применения поощрений и наградений» – 16 %, «получения дополнительного профессионального образования» – 7 %, «участия в семинарах, мастер-

класса и иных мероприятиях по проф. развитию» – 7 %, «участия в мероприятиях по обмену опытом» – 6 %, «самообразования» – 4 % опрошенных.

Таким образом, ответы респондентов подтверждают приоритетность материальных стимулов. Реализовывать мероприятия, направленные на повышение привлекательности государственной гражданской службы, следует с учетом специфики профессиональной деятельности государственных гражданских служащих, которая, с одной стороны, зависит от объективных общественно-политических, экономических условий, а с другой – от способов реализации «внутренних характеристик личности» в условиях многозадачности, внедрения новых форм и средств государственного управления. В силу этого не все общепринятые методы и способы мотивации, которые подходят для большинства сфер деятельности, будут так же эффективно работать в государственной службе.

Девятый блок – распределение обязанностей. На данный вопрос ответили «полностью удовлетворен» – 25 % респондентов, «пожалуй, удовлетворен» – 37 %, «трудно сказать» – 19 %, «пожалуй, не удовлетворен» – 13 %, «полностью не удовлетворен» – 6 %.

Эти данные подтверждают высокую степень загруженности (перегруженности) гражданских служащих и недостаточный уровень (или отсутствие) должного поощрения. В качестве рекомендации можно предложить введение системы, аналогичной эффективному контракту в бюджетных организациях.

Из проведенного анализа следует вывод о необходимости уделять особое внимание системе подготовки студентов вузов для скорейшей интеграции их в систему государственного управления. При этом особое внимание предлагается уделять социально-психологическому обучению. Результатом социально-психологического обучения является высокий уровень приобретаемой ответственности за результаты профессиональной деятельности, желание браться за решение самых сложных и наиболее значимых задач [22].

Психологическое и экономическое мышление подвигает к развитию лидерских качеств, воспитывает способность думать и действовать многовариантно, развивает личность, уверенную в своих способностях, отличающуюся высоким уровнем креативности; готовит специалиста, готового пойти на риск, умеющего выделять главное и существенное в сложившейся обстановке, способного быстро адаптироваться в изменяющихся условиях. Современные условия развития нашего государства заставляют людей становиться лидерами в интересах эффективного управления и экономического развития [15, с. 8].

Подготовленные таким способом специалисты будут понимать и принимать на себя ответственность за выполнение своих функций, присутствующих им в трудовой деятельности, быть социально активными, гото-

выми к участию в общественной жизни, в деятельности государственных и негосударственных организаций [17].

Таким образом, становится очевидным, что именно активная, инициативная, инновационная молодежь с лидерскими качествами может рассматриваться как опора государства, как источник развития современной конкурентоспособной инновационной экономики, как основа стабильного, благополучного общества, увлекая за собой, организуя и продвигая остальных членов общества, решая злободневные проблемы государства и общества в целом. Поэтому не только государство, но и все члены общества обеспокоены тем, чтобы выявить и подготовить как можно большее число активных личностей, на которых ляжет ответственность развития государства и стабилизации как международных отношений, так и процессов внутри страны. Эти выводы подтверждают актуальность практик формирования лидеров в молодежной среде – одной из важнейших задач, стоящих перед обществом и государством. Создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации, а также возможности для самостоятельного и эффективного принятия решения молодыми людьми будет способствовать взаимосвязанному улучшению качества жизни молодого поколения и развитию страны в целом. Так, формирование созидательной активности молодежи является одним из приоритетных направлений реализации молодежной политики в современной России, которое приведет к увеличению вклада молодых людей в повышение благосостояния страны, что повысит ее конкурентоспособность на международной арене, социально-экономическое благополучие всего населения.

Список литературы

1. Абросимова Т.Я., Бондарева Я.В. Постнеклассическая парадигма и духовно-нравственные основания модернизации образования в России // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2015. Т. 1, № 4. С. 16–26.
2. Бондарева Я.В. Методологические традиции всеединства и православного энергетизма в поисках онтологической целостности (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2011. № 3. С. 16–21.
3. Бондарева Я.В. Отечественная религиозно-философская антропология: антиномия свободы и детерминизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 1. С. 47–53.
4. Бондарева Я.В. Теоретико-методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ. Дис. ... д-ра филос. н. М., 2011. 325 с.

5. Бондарева Я.В., Молчан Э.М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 43–51.
6. Бондарева Я.В., Фурсова В.Э. Идея синергии как основа антропологии целостности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 2. С. 63–69.
7. Буланкина Н.Е., Кондратенко А.П., Синенко В.Я. Философия природы, культуры и гуманизация образования: монография / Н.Е. Буланкина, А.П. Кондратенко, В.Я. Синенко. Новосибирск: НИПКиПРО, 2004. 185 с.
8. Буренков С.В. К вопросу о видах человеческой деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 3. С. 11–27.
9. Буренков С.В. Феномен неотчужденного труда. Дис. ... канд. филос. н. М., 2017. 149 с.
10. Горбунов А.С. Деформация личностного бытия в информационном массовом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 28–36.
11. Горбунов А.С. Проблема институализации средств массовой коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 79–86.
12. Горбунов А.С. Проблема суверенитета личности в обществе массовой коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 1. С. 40–46.
13. Котрухова Р.И. Эффективное лидерство и развитие лидерского потенциала современной молодежи // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 14(152). С. 54–58.
14. Майкова Э.Ю., Бондарева Я.В. Будущее автономии личности как риск: способы самозащиты // Власть. 2015. № 8. С. 22–26.
15. Махина Т.В. Особенности использования социально-психологического тренинга в целях развития лидерских качеств студентов-будущих менеджеров. Автореф. дис. ... канд. псих. н. М., 2003. 21 с.
16. Синенко В.Я. Каскадная (циклическая) система повышения квалификации работников образования // Вестник образования. 2012. № 20. С. 11–14.
17. Синенко В.Я. Многоаспектность качества образования // Сибирский учитель. 2002. № 2. С. 5.
18. Синенко В.Я. Модернизация системы дополнительного профессионального педагогического образования // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 3. С. 73–80.

19. Синенко В.Я. Педагогическое проектирование как способ повышения качества образования // Сибирский учитель. 2004. № 1. С. 5.
20. Синенко В.Я. Система повышения квалификации работников образования - от кризиса в сознании до реальных перспектив // Сибирский учитель. 2010. № 2 (68). С. 5–12.
21. Синенко В.Я., Буланкина Н.Е. Интеграционные процессы в образовании как инновация: методологические и технологические аспекты // Сибирский учитель. 2017. № 1 (110). С. 34–39.
22. Alekhina E.V., Zolkin A.L., Parkhomenko R.N., Pirogov A.I., Safonov A.L., Zapalatskaya V.S., Krasnoshlikova O.G. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2020. Т. 8, № 1. С. 175–181.
23. Berkut V.P., Bondareva Y.V., Kostyukova T.A., Maikova V.P., Molchan E.M., Pesotsky V.A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Т. 8, № 5. С. 263–281.

THE PROBLEM OF LEADERSHIP IN THE STATE-ORIENTED YOUTH ENVIRONMENT

I.M. Filippov

Moscow Region State University, Moscow region, Mytishchi

The article covers relevance of the development of youth leadership potential, problematic issues and measures for the formation of effective leadership, offers suggestions for the development of leadership skills in a state-oriented youth environment

Keywords: *youth environment, leadership potential, development of leadership qualities, public service, leadership problem, modern conditions.*

Об авторе:

ФИЛИППОВ Иван Михайлович – аспирант ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», г. Мытищи, Московская область, помощник главы Чувашской Республики, г. Чебоксары. E-mail: filivanmih@yandex.ru

Author information:

FILIPPOV Ivan Mikhailovich – PhD student of the Moscow State Regional University, Moscow region, Mytishchi, Assistant to the Head of the Chuvash Republic, Cheboksary. E-mail: filivanmih@yandex.ru

УДК 304.42:316.356.2

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Н.Б. Бааль

Академия управления МВД России, г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.121

В статье рассматриваются задачи, цели, принципы, основные направления в реализации государственной молодежной политики, а также подходы, определяющие сущность, принципы и модель построения государственной молодежной политики в Российской Федерации.

Ключевые слова: *государственная молодежная политика, молодежь, молодежная среда, молодость, профилактика, политический экстремизм, практическая реализация.*

Молодежь всегда была и остается особой социально-возрастной группой. Молодость – это переход от детства к юности и, самое важное, к социальной ответственности. Необходимо заметить, что сегодняшняя молодежь – это не пассивный объект социализации, что молодежные проблемы представляют собой предмет наиболее острых дискуссий и которых говорится много и по-разному.

Этническая и религиозная нетерпимость, ксенофобия, национализм и экстремизм на протяжении уже многих лет представляют собой одну из самых сложных проблем российского общества, что само по себе предопределяет необходимость принятия комплекса мер по их профилактике и пресечению. Молодежный экстремизм в современном обществе выражается в пренебрежении к действующим правилам поведения и закону в целом, в появлении неформальных молодежных объединений противоправного характера. Современному молодежному экстремизму присуще: формирование, в основном, в среде маргиналов, поскольку молодые люди со своими пока еще неустановившимися взглядами, являются питательной почвой для всякого рода провокационных установок; проявление там, где отсутствуют действующие нормы и правила поведения в обществе, где уровень самоуважения представляется достаточно низким, где, зачастую, происходит игнорирование прав личности, а также нет взаимодействия с государственными институтами.

Противодействие проявлениям экстремизма, формирование у населения и, в первую очередь у подростков, установок толерантного сознания и поведения, укрепление гражданского мира и согласия в обществе относится к основным функциям органов государственной вла-

сти. Ключевым направлением в данной области представляется государственная молодежная политика, целью которой является обеспечение доступности качественного образования, создания условий для воспитания, оздоровления и трудоустройства подростков, формирования у них активной гражданской позиции, чувства ответственности и патриотизма, что имеет огромное значение для успешного процветания общества.

Как показывает практика последних десятилетий, государственная молодежная политика (далее – ГМП) является системой формирования приоритетов и основополагающих мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи для развития ее потенциала в интересах государства.

Необходимо также отметить, что государственная молодежная политика формируется и реализуется органами государственной власти и местного самоуправления при непосредственном участии молодежных и детских общественных объединений, неправительственных организаций и иных заинтересованных юридических и физических лиц.

Такие проекты как Федеральный закон «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» (1999 г.), так и не заработавшая правительственная «Концепция государственной молодежной политики в РФ» (2001 г.), проект «Доктрина государственной молодежной политики в РФ» (2002 г.), разработанные в последние десятилетия, были подвержены серьезной критике.

Утвержденная в 2006 г. «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2016 г.» также становится объектом всеобщего обсуждения [1–4].

В 90-е гг. XX в. ознаменовавшиеся вступлением в силу Указа Президента РФ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики», также были утверждены «Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации», в которых осуществление государственной молодежной политики в Российской Федерации признавалось одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства, а также закономерным результатом ее выделения в самостоятельное направление государственной политики, которая должна осуществляться как государственными органами и их должностными лицами, так и молодежными объединениями и их ассоциациями, а также созданы условия и гарантии для развития молодежных объединений [5].

Именно в 90-е гг. XX в. начинается становление и развитие общественных детско-юношеских и молодежных организаций России. Это рассматривалось как важное направление в реализации государственной молодежной политики. С принятием в 1995 г. Федерального закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объ-

единений» получила развитие система представительства общественных молодежных организаций при государственных органах, при этом роль последних определялась координационной в системе управления государственной молодежной политики. С 2002 г. начинается свой отсчет новый общественный институт – молодежный парламент, который впоследствии приобретает статус Общественной молодежной палаты при Государственной Думе Федерального Собрания РФ.

Все это свидетельствует о том, что государственная молодежная политика в Российской Федерации приобретала большой размах, но находилась еще в стадии становления, поскольку законы то принимались, то отменялись, должного финансирования не велось, не понятна была и судьба федеральных органов по реализации ГМП, которые то учреждались, то ликвидировались. Ситуация такого рода является свидетельством того, что молодежная политика оставалась неполноценным направлением деятельности государства.

При формировании государственной молодежной политики в новой России необходимо было учесть и многогранный зарубежный опыт, и, прежде всего, в сфере использования возможностей гражданского общества, путем создания вокруг государственных органов, реализующих государственную молодежную политику, социально-политических партнерских сообществ.

Говоря о зарубежной молодежной политике, необходимо детально остановиться на двух основных моделях – консервативной и социал-демократической.

В рамках первой модели государственная помощь предоставляется наименее защищенным категориям молодежи; вторая же реализует ответственность государства за молодежь в целом.

Отличительной особенностью зарубежной модели построения молодежной политики является наличие в стране активного, независимого неправительственного сектора. Цели и задачи молодежных неправительственных организаций (далее – НПО), которые могут как сотрудничать с органами власти, так и обходиться своими силами, достаточно разнообразны: от действий в рамках государственной стратегии, до разработки собственных программ. Но при любой ситуации, как провозглашает «Европейская Хартия участия молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне» (2003 г.), задачей официальных структур является финансовая и иная поддержка всех НПО, вовлекающих на постоянной основе молодежь в демократические структуры и процедуры принятия решений. НПО не ставят целью заменить государство, но именно гражданское общество в лице НПО, играет роль «первой скрипки», накладывая отпечаток на государство, делая его более динамичным и ответственным.

Один из подходов, определяющих сущность, принципы и модель построения государственной молодежной политики в Российской Феде-

рации, устанавливает ее как часть социальной политики государства; другой, как составную часть более широкого направления государственной политики в сфере социально-экономического, культурного и национального развития России. В «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» 2006 г. государственная молодежная политика рассматривается в контексте обеспечения национальной безопасности страны и трактуется как предмет, требующий внимания ото всех органов государственной власти. Подобная оценка значимости молодежной политики и в целом молодежи, как социальной группы, вполне оправдана. Государственная молодежная политика в данном контексте предстает как деятельность всего государства по созданию различного рода условий (политико-правовых, экономических, организационных), а также гарантий для самореализации личности молодого гражданина, развитию молодежных объединений, движений и инициатив.

В последнее время все заметнее становится негосударственная составляющая, выдвигающая на позиции лидирующего субъекта политические и неполитические (студенческие, экологические, правозащитные, религиозные и др.) молодежные объединения. В то время как государственные органы далеко не всегда расположены к повышению активности и уровня субъектности молодежи в разработке и реализации государственной молодежной политики.

В настоящее время в России действуют около 500 тыс. молодежных и детских общественных объединений. По данным Общественной палаты РФ, 30 % из зарегистрированных в стране НПО в той или иной степени специализируются на работе с детьми и молодежью. В ряде субъектов РФ созданы молодежные парламентские ассамблеи, парламенты, общественные палаты. «Переговорной площадкой» для молодежных НПО служит Национальный Совет молодежных и детских объединений России. Совместная работа молодежных организаций и государства позволила утвердить Стратегию государственной молодежной политики РФ. Формируется и корпоративная молодежная политика, охватывающая такие гиганты бизнеса, как Газпром, Роснефть, Автоваз, РЖД и прочие.

Взаимодействие с учебными заведениями, адаптация молодых специалистов, развитие профессиональных компетенций, повышение социальной активности молодежи, обеспечение социальных гарантий составляют основные направления работы. Эффективность корпоративных молодежных программ подтверждается повышением профессионального уровня выпускников профильных вузов, снижением текучести кадров, более успешным продвижением молодых специалистов по карьерной лестнице.

Представителями российского предпринимательства высказано предложение относительно создания специального общественного ор-

гана – экспертно-консультативного совета по государственной молодежной политике как площадки формирования партнерских отношений, продуктивного диалога общества, бизнеса и власти, практического участия гражданского общества в формировании и осуществлении молодежной политики в РФ. Общественный Совет по молодежной политике мог бы содействовать: экспертно-консультативному обеспечению деятельности Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ, Федерального агентства по делам молодежи и иных заинтересованных организаций; выработке согласованных предложений и рекомендаций в области молодежной политики; подготовке предложений по совершенствованию правового поля, законодательства в области молодежной политики; подготовке методических рекомендаций по совершенствованию гражданского и правового воспитания молодежи, поиску и гражданскому становлению лидеров в молодежной среде и др.

Современный этап формирования системы ГМП характеризуется поиском оптимальных подходов к разделению ответственности и полномочий между федеральным центром и регионами: федеральным законодательством определяются условия и рамки ГМП, а ее реализация большей частью возлагается на субъекты федерации.

Региональные властно-государственные структуры представляют собой основу организационного механизма реализации молодежной политики. В целом структура этого механизма включает: а) комитеты, комиссии, советы по делам молодежи при органе законодательной власти субъекта федерации (осуществляющем законотворческую деятельность в сфере ГМП на региональном уровне); б) департамент (управление, министерство) молодежной политики при администрации субъекта федерации, осуществляющий исполнительно-распорядительную деятельность и выступающий основным координирующим органом реализации молодежной политики в регионе; в) органы местного самоуправления, обеспечивающие реализацию молодежной политики на местах и функционирующие в виде отделов по делам молодежи при администрациях муниципалитетов; г) молодежные и детские организации и общественные объединения, работающие в тесном сотрудничестве с органами власти и играющие существенную роль в реализации отдельных направлений молодежной политики на региональном уровне; д) органы молодежного самоуправления, система молодежных парламентов, имеющие в разных регионах различные формы, ответственность и полномочия.

Представляет интерес создание альтернативных площадок для реализации потенциала молодежи и включения ее в социально одобряемые виды деятельности, например, актуализация в общественном сознании молодежи новой ценностной модели личности молодого россиянина, которая должна быть основана на «толерантности, культуре мира, патриотизме, гражданской ответственности, на создании механизмов

для организованного включения молодых людей в экстремальные виды спорта путем образования региональных ассоциаций экстремальных видов спорта, проведении открытых чемпионатов для «экстремалов», организации специализированных спортивных смен в летних оздоровительных лагерях, учреждение молодежных телеканалов, журналов, газет, основанных на таких постулатах, как толерантность, гражданственность, патриотизм, здоровый образ жизни, успешность; активизация молодежных общественных движений, в основе деятельности которых лежит идея успешного решения разнообразных проблем подростков; организация и проведение фестивалей молодежных музыкальных субкультур; разработка и проведение различного рода молодежных конкурсов; формирование системы воспитательной работы с молодежью по месту жительства через создание организованных площадок для развивающего досуга молодежи; создание эффективной системы центров реабилитации подростков и молодежи, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; развитие клубных форм работы, основанных на идеях неформальных отношений, на доверии, самоуправлении и самоорганизации; возрождение дворового спорта, включая организацию и проведение соревнований; создание студенческих клубов и центров, ответственных за досуг; строительство объектов для занятий экстремальными видами спорта; а также включение молодежи в реальные проекты и процессы управления развитием региона и государства в целом.

Основными целями государственной молодежной политики должны являться:

1. создание правовых, социально-экономических условий выбора молодыми гражданами своего жизненного пути, осуществления выдвигаемых ими программ (проектов) в области государственной молодежной политики в Российской Федерации, социального становления, самореализации и участия молодых граждан в общественной деятельности;
2. воспитание и образование молодежи, защита ее прав и законных интересов;
3. содействие социальному, культурному, культурному и физическому развитию молодежи;
4. недопущение дискриминации молодых граждан по возрастному цензу;
5. создание условий для полного участия молодежи в социально-экономической, политической и культурной жизни общества;
6. расширение возможностей молодого человека в выборе своего жизненного пути, достижении личного успеха;
7. реализация инновационного потенциала молодежи в интересах общественного развития и самой молодежи.

Реализация государственной молодежной политики должна осуществляться на следующих принципах:

1. Принцип участия: привлечение молодых граждан к непосредственному участию в формировании и реализации политики и программ, касающихся молодежи и гражданского общества в целом.

2. Принцип социальной компенсации: обеспечение социальной и правовой защищенности молодых граждан, необходимой для восполнения обусловленной возрастом ограниченности их социального статуса.

3. Принцип гарантий: предоставление молодому гражданину гарантированного государством минимума социальных услуг по обучению, воспитанию, духовному и физическому развитию, охране здоровья, профессиональной подготовке и трудоустройству, объем, виды, и качество которых должны обеспечивать необходимое развитие личности и подготовку к самостоятельной жизни.

4. Принцип приоритета: оказание предпочтения общественным инициативам по сравнению с соответствующей деятельностью государственных органов и учреждений при финансировании мероприятий в области молодежной политики.

5. Принципы деятельности:

- соблюдения прав и законных интересов молодежи в различных сферах государственной политики в Российской Федерации;

- осуществления координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации по реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации;

- осуществления государственной поддержки органов местного самоуправления, физических и юридических лиц в проведении мероприятий по реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации;

- сочетания государственных, общественных интересов и прав личностей в формировании и реализации государственной молодежной политики;

- привлечения молодых граждан к непосредственному участию в формировании и реализации политики, программ, касающихся молодежи и общества в целом;

- предоставления молодому гражданину гарантированного государством минимума социальных услуг по общению, воспитанию, духовному и физическому развитию, охране здоровья, профессиональной подготовке и трудоустройству, объем, виды и качество которых должны обеспечивать необходимое развитие личности и подготовку к самостоятельной жизни;

- приоритета общественных инициатив по сравнению с соответствующей деятельностью государственных органов и учреждений при финансировании мероприятий и программ, касающихся молодежи.

Учитывая тенденции социально-экономического и общественно-политического развития России на среднесрочную перспективу, госу-

дарственная молодежная политика в Российской Федерации должна реализовываться по следующим приоритетным направлениям:

- совершенствование государственной политики в сфере духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи, защиты их нравственности;
- вовлечение молодежи в социальную практику и ее информирование о потенциальных возможностях развития;
- развитие созидательной активности молодежи;
- интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества.

Поскольку молодость – это время многоаспектной и многоуровневой социализации личности, вхождения индивида в общество как социального субъекта, а государственная молодежная политика направлена на создание возможностей для успешной социализации, то невозможно не коснуться столь важного аспекта рассматриваемого вопроса. И, прежде всего, необходимо отметить, что человек на протяжении своей жизни вынужден осуществлять непрерывный процесс отбора ценностей и поиск соответствующих им моделей поведения. Что касается политической сферы, то здесь ценностные ориентации, как отражение фундаментальных интересов, проявляют субъективные политические позиции людей, их понимание мира политики. Они играют важную роль в регулировании политического поведения человека и являются, в свою очередь, продуктом политической социализации. Политическая социализация определяется как процесс усвоения индивидом ценностей, установок, образцов поведения того общества, к которому он принадлежит. Именно политическая социализация является ключевым моментом в условиях модернизации общества. Следует учитывать и общую тенденцию, характерную для нынешнего состояния российского общества. А она такова, что фиксирует деполитизацию и деидеологизацию всего населения, а не только молодежи.

За последнее десятилетие заметно сократилось в обществе число сторонников всех основных идейно-политических течений. Доля молодых людей, непосредственно участвующих в политической деятельности, как и 10 лет назад, варьируется в пределах 1–2 %. Примерно на том же уровне, что и ранее, остается доля молодежи, активно интересующаяся политикой (14 %). Однако сравнительно с периодом десятилетней давности, на 20 % сократилась доля молодых людей, которая, что называется, «факультативно» (от случая к случаю) следит за политическим процессом, а главное – с трети до половины возросла доля молодого поколения, которое перестало интересоваться политикой.

Таким образом, основная задача молодежной политики – привить базовые политические ценности молодому поколению, которыми они будут руководствоваться в контексте модернизации нашего государства, воспитать полноправного гражданина и члена общества с учетом

гендерного фактора. Следует иметь в виду, что процесс приобщения к культурным эталонам осуществляется на основе восприятия примеров действия, типичных вариантов мышления и поведения, включения личности во взаимодействие с определенными институтами, согласия с авторитетными для общества ценностями и т. д. В данном смысле особую роль играют агенты политической социализации, через деятельность которых преломляется влияние всех внешних факторов.

Важнейшим условием успешной реализации программы молодежной политики является четкое представление, основанное на конкретных показателях, прежде всего, о том, какими интересами живет молодежь, каков уровень ее политической и общественной активности, каково ее отношение к политическим и экономическим проблемам и ценностям. Вместе с тем, не менее важным является и вопрос о том, какие агенты политической социализации (семья, образование, друзья, СМИ и т. д.) оказывают влияние на формирование ценностных ориентаций юношей и девушек.

В условиях модернизации общества и растущих требований к человеческому капиталу государственная молодежная политика должна стать инструментом развития и инновационного преобразования страны. На данном этапе становления и развития молодежной политики должен присутствовать комплексный подход в ее реализации. Реализация ее основывается на координации деятельности всех органов, осуществляющих социальную политику государства, нормативном, правовом, управленческом, финансовом ее обеспечении. Практически ее реализация встретила (и встречает) большие трудности и требует нового концептуального оформления. Политика по отношению к молодежи должна строиться на принципах гражданского общества, взаимодействия общества и государства, и в то же время, способствовать его укреплению. Политика, направленная на молодежь и вовлечение молодежи в разработку политики, оправдывает усилия по построению социально зрелого и инновационного государства. Но все методики такого подхода не могут быть скопированы и перенесены на почву российской действительности. Единственным правильным решением является перенимание опыта зарубежных коллег и соединение его с нашим опытом.

Только по-настоящему действенные меры, направленные на информирование подростков об опасности экстремистских организаций, на пропаганду среди молодежи здорового и культурного образа жизни, на развитие толерантного отношения у подростков, на создание условий для снижения у них агрессии и социальной напряженности, на создание альтернативных форм реализации экстремального потенциала молодежи помогут пустить по нисходящей само проявление экстремизма. Деятельность по профилактике молодежного экстремизма должна быть направлена на ту категорию молодежи, чья жизненная ситуация позво-

ляет предположить возможность их включения в поле экстремистской активности.

Список литературы

1. Ильинский И.М. Государственная молодежная политика: уроки недавнего прошлого / [Интервью с Игорем Ильинским и Валерием Луковым] // Вузовский вестник. 2009. № 3 (75). С. 13–15.
2. Криворученко В.К. Исторический опыт и уроки осуществления молодежной политики // Молодежь и будущая Россия: матер. 3 Всеросс. науч.-практ. конф. 14-15 февраля 2008 г.: сб. науч. трудов. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 10–13.
3. Коргунок Ю. Молодежная политика современных российских партий: теория и практика // Россия на рубеже веков: политические партии и молодежь. М. : МГПУ, 2000. С. 89–99.
4. Молодежная политика и молодежное движение: 15 лет перемен. Матер. науч.-практ. конф. Москва, Моск. гуманитар. ун-т, 30 мая 2005 г. М.: Изд-во МосГУ, 2005. 26 с.
5. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке: опыт комплексного междисциплинарного исследования / под ред. Е.Г. Слущкого. СПб.: Знание; ИВЭСЭП, 2004. 734 с.

ANNUAL YOUTH POLICY AS A TOOL FOR PREVENTING POLITICAL EXTREMISM IN YOUTH ENVIRONMENT

N.B. Baal

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

The article examines the tasks, goals, principles, main directions in the implementation of state youth policy, as well as approaches that determine the essence, principles, and model of building state youth policy in the Russian Federation.

Keywords: *state youth policy, youth, youth environment, youth, prevention, political extremism, practical implementation.*

Об авторе:

БААЛЬ Наталья Борисовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Академии управления МВД России, г. Москва. SPIN-код: 7265-3980, e-mail address: nata-baal@mail.ru

Author information:

BAAL Natalya Borisovna – PhD (Political Sciences), Senior Researcher of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, E-mail address: nata-baal@mail.ru

УДК 1:316.42:316.733

ЗАКАТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ?

В.Н. Жук

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.131

Рассматривается идея заката, упадка, смерти политической теории, декларируемая западными авторами.

Ключевые слова: *теория, политика, знание, оценка, философия.*

Поиск определения политической теории [1] связан с рядом тем, касающихся выявления ее места в системе политического знания. Одна из них – тема заката политической теории, широко обсуждаемая в западной философии и политической науке.

Английский автор Б. Парех в статье «Политическая теория: политико-философская традиция» [3, с. 476–494] обратился к творчеству ряда философов XX в. и предложил их специфическую классификацию. Автор исходил из следующего: в чем тот или иной философ видел истоки важнейших политических явлений XX в. (нацизм, тоталитаризм, Вторая мировая война и др.): Р. Оукшот видит их в рационализме, Л. Штраус – в релятивизме, К. Поппер – в историцизме, Э. Фегелин – в гностицизме, Г. Маркузе – в капитализме.

Б. Парех, высоко оценивая творчество названных философов, называет их «гуру политической философии», а затем совершает неожиданный поворот, объявляя начало 70-х годов XX в. временем наступления «смерти политической теории»: и только выход в свет социологии Д. Ролза «Теория справедливости» умерил пессимизм автора. Обоснование положения Б. Пареха о смерти политической теории представлено как сопоставление его с личным убеждением автора в отсутствие новых сочинений в области политической философии. Однако, Б. Парех не обратил внимания на то, что проблемы политики, власти глубоко исследованы в сочинениях М. Фуко, Ж. Бодрийяра, вышли в свет монографии Р. Дворкин «О правых всерьез», Р. Нозика «Анархия, государство, управление». Отсутствие у Б. Пареха методологической определенности позволяет ему свободно обращаться с понятиями и в предложенной классификации, и в утверждении о «смерти политической теории», в котором он отождествляет политическую философию и политическую теорию. Но это разные познавательные образования, и вывод у Б. Пареха есть декларация. А Лео Штраус, исследователь истории политической мысли, не использует в своих текстах понятие теории, он говорит о политических учениях. В этом выражается профессиональная строгость и методологическая ориентация автора.

«Гражданская война политической теории» – так назвал свой обзор А. Павлов [2, с. 7–38], в котором он обращается к дискуссии о статусе политической теории, ведущейся в политической науке и философии. А. Павлов, исходя из различий в позициях многих авторов, выводит типологию политических теорий. Она выглядит так: 1) исторические теории; 2) идеологические теории; 3) нормативные теории; 4) эмпирические теории.

Первые три типа теорий – это названия или самоназвания совокупности размышлений многих авторов. Однако, по существу, теориями они не являются. Что касается эмпирических теорий, то понятие это указывает на частно научный характер политической науки.

В англоязычном мире, где было решено так много политических проблем (пусто и поверхностно), политическая теория умерла. Этот тезис сформулировал американский исследователь Р. Даль, сторонник так называемой эмпирической теории и методологии логического эмпиризма. Шире этот тезис он представил в статье «Политическая теория: истина и последствия» [2, с. 137–155] – критический отзыв на сочинение французского философа Б. де Жувенеля «Суверенитет: исследование политического блага». Р. Далья интересуется не собственно проблема суверенитета, сколько методологическая составляющая сочинения Б. де Жувенеля, которое Р. Даль называет призрачной попыткой создать общую политическую теорию. Р. Даль убежден в том, что политическая теория в политической науке превратилась в паразитическую форму текстологической критики и исторического анализа, хотя попытки возврата к общей политической теории можно было бы приветствовать, они столкнулись с внутренней невозможностью удовлетворения научной функции политической теории. Рассуждения Р. Далья обусловлены его методологической установкой, отрицающей познавательный статус политической философии, которую он не отличает от политической теории. Отсюда следует декларация о смерти последней.

Д. Истон, как и Р. Даль, автор ряда сочинений по методологии политической науки, в статье «Упадок современной политической теории» [2, с. 195–217] выводит аксиому: политические идеи процветают на почве социального конфликта изменений. Автор упоминает социальные религиозные конфликты прошлого: античной Греции, Европы XIX в., например, по Д. Истону, современная политическая мысль паразитирует на идеях столетней давности, но что еще больше обескураживает автора, так это полное отсутствие новых политических идей. И Д. Истон, рассуждая об упадке политической теории, обращается к политической философии, идеи которой возникают не только на почве конфликтов, но и в процессе глубоких сдвигов в строе жизни, обыденного сознания. Они (идеи) фиксируют устойчивые структуры сознания, заимствуются новыми поколениями философов и ученых, обретают новое значение в новых условиях.

В статье «Закат политической теории» [2, с. 219–236] А. Коббан формулирует главную мысль о том, что причиной заката теории является отсутствие в ней прогресса. Отрицание как утверждение прогресса предполагает выработку его критериев, но этого нет ни в политической науке, ни в философии. Поэтому тема, заданная А. Коббаном, имеет искусственное происхождение.

Обзор мнений западных авторов в рубрике заката политической теории приводит к выводу о том, что истоком утверждений о закате, упадке, смерти политической теории является ее отождествление с политической философией. Суждения западных авторов не имеют обоснований, аргументов и остаются только декларациями.

Пока существует политическая реальность, рассуждать о закате политической теории преждевременно.

Список литературы

1. Жук В.Н. Политическая теория: поиск определения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 4. С. 110–113.
2. Политическая теория в XX веке: сб. ст. М.: Территория будущего. 2008. 416 с.
3. Политическая теория: новые направления: сб. ст. М.: Вега, 1998. 506 с.

THE DECLINE OF POLITICAL THEORY?

V.N. Zhouk

Tver State University, Tver

This theme is discussed by philosophers and scientists. The idea of the decline of political theory, declared by some Western authors, is analyzed within the article's format as possessing no sound epistemological foundations able to prove its validity. Its supporters wrongly assume that political science as a form of scientific knowledge should not be conceivable as different from political philosophy which is based on another sort of philosophical beliefs and knowledge structure.

Keywords: *theory, politics, knowledge, evaluation, philosophy.*

Об авторе:

ЖУК Валерий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. SPIN-код: 1079-5794, e-mail: zhoukv@mail.ru

Author information:

ZHOUK Valery Nikolaevich – PhD (Philosophy), Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University, Tver. E-mail: zhouk@mail.ru

УДК 172.13

ВОЛОНТЕРСТВО КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

В.П. Майкова*, О.А. Данилова**

* ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э.Баумана (национальный исследовательский университет) (Мытищинский филиал), г. Мытищи, Московская область

** ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет,
г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.134

Рассмотрена волонтерская деятельность как фактор консолидации современного общества. Показано, что добровольческое движение может уравновешивать инновации и традиции предшествующих поколений, сохранившиеся в народной памяти и представляющие собой механизмы духовно-нравственного измерения социально-политических процессов. Сделан вывод, что добровольческая безвозмездная деятельность во благо страны и общества может стать основой консолидирующей идеи, указывающей на пути выхода России из кризиса, стабилизации новых общественных отношений, в торжестве таких институтов демократии, как гласность, политические права и свободы. Механизм трансформации интересов и устремлений различных масс в реальную помощь неминусом призывает к консолидации всех прогрессивных сторон.

Ключевые слова: волонтерство, социально-политические процессы, гражданское общество, духовно-нравственная культура, общественное сознание.

Социально-политические процессы в России в начале XXI в. напрямую связаны с поиском инновационного пути преодоления системного кризиса во всех сферах жизнедеятельности. Переход на цифровые технологии как один из выходов сложившегося положения сопровождается трансформацией общества и общественного сознания и их виртуализацией. Перманентные «цветные» революции, непрерывно возникающие у границ страны, ведут к поиску государственной национальной идеи, созданию новых социальных и политических технологий с включением смысло-жизненных ценностей, которые могут уравновешивать инновации и традиции предшествующих поколений, сохранившиеся в народной памяти и представляющие собой механизмы духовно-нравственного измерения социально-политических процессов. Курс на духовно-нравственное возрождение как целевая установка политической и социальной деятельности и как историческая необходимость и жизненная целесообразность радикальных изменений повлек за собой изменение прежних жизненных устоев всех слоев общества [1]. Трен-

дом общественной жизни в стране все более становится добровольчество (волонтерство). Поставленные на службу социально-политическим процессам волонтерские движения стали модным явлением как в России, так и во всём мире, претендующим на статус действенного социального института. Так, в феврале 2002 г. при поддержке и содействии НИИ детской онкологии и гематологии РОНЦ РАМН им. Н.Н. Блохина по инициативе граждан разных стран, объединенных стремлением помочь больным детям, создан благотворительный фонд «Настенька»; в 2000 г. в Москве учрежден Региональный общественный фонд помощи престарелым «Доброе Дело». Основной целью фонда является деятельность по улучшению качества жизни пожилых и старых людей – жертв тоталитарных режимов – путем организации медицинской, социальной и исторической реабилитации. Также в 2005 г. при содействии Северо-Западного представительства Норвежской народной помощи (ННП) были созданы группы поддержки кормящих матерей в Архангельской области и Карелии и четыре новых волонтерских центра в Мурманской области [6].

Самый большой рост числа волонтерских организаций произошел во время пандемии. Так появились волонтеры, помогающие медицинским работникам в реанимационных отделениях. Такие места называются «красной зоной». В больницах с обычными отделениями тоже не хватает людей, и волонтеров, помогающих в таких больницах, называют «тимуровцами». Также появилось множество волонтерских организаций, помогающих людям, которые вынуждены были сидеть дома из-за введенных карантинных ограничений

Ежегодно в Новоспасском монастыре на масленичной неделе собираются волонтеры и готовят блины для малообеспеченных слоев населения. В 2014 г. сформировано движение «Православные Добровольцы», в функции которого входит помимо кормления нуждающихся, еще и посещение домов-интернатов для организации досуговых программ, расширения социального кругозора, ремонт квартир малообеспеченных семей, информационно-просветительская работа и т. д.

Довольно большим спросом пользуется волонтерство в сфере экологии. Так, в 2017 г. добровольцы собрали почти 40 000 мешков мусора на побережье Байкала. Летом 2019 г. волонтеры могли отправляться в разные заповедные места России, такие как Камчатка, Алтай, Карелия, Байкал. В этих местах они помогали сотрудникам заповедников осуществлять различные строительные работы, выполняли фотосъемку, собирали лекарственные травы и многое другое [2].

Таким образом, за последнее время в России налицо явное увеличение объединений добровольцев, деятельность которых поощряется государственными органами. Так, с 2017 г. в России вручается премия «Доброволец России» в номинациях: «Волонтер года», «Медицинское волонтерство», «Волонтерство на крупных событиях», «Волонтерство

Победы». Согласно Указу президента Российской Федерации от 03.12.2017 № 583, в Российской Федерации 2018 г. был объявлен годом добровольца (волонтера), на основании чего Правительству Российской Федерации было дано указание по разработке мероприятий, планируемых организовать в рамках Года добровольца.

Роль волонтерских организация велика как для самого общества, так и для добровольцев непосредственно. С их помощью решается множество социальных проблем. Волонтерство в сфере предпринимательской деятельности положительно сказывается на формировании мировоззрения в области корпоративной ответственности [9]. Волонтерство в образовательной деятельности расширяет кругозор, предоставляет возможности для самореализации, помогает завести новые знакомства и наработать опыт [10]. Волонтерская деятельность является элементом построения современного, гражданского общества, понятие которого тесно связано с формированием взаимодействия общества с государством.

На XVI Конференции Международной ассоциации добровольческих усилий в 2001 г. принята Всеобщая Декларация Добровольчества, согласно которой добровольчество является фундаментом гражданского общества. Оно воплощает в жизнь устремления человечества к достижению мира, свободы, безопасности, справедливости и реализации возможностей для всех людей. Декларация признает права каждого человека: женщины, мужчины, ребенка на открытое, свободное и добровольное служение обществу, независимо от своих культурных и этнических особенностей, религии, возраста, пола, физического, социального и материального положения [3].

Волонтерство выступает как универсальный демократический механизм, способствующий консолидации общества в целом, как гарант гармонизации интересов многообразных социальных слоев общества.

В условиях становления гражданского общества, несмотря на тридцатилетний период формирования новых демократических отношений, трудно назвать те политические институты, которые преодолели функцию самореализации политической элиты, лоббируемой промышленно-финансовой олигархией. Исключение составляет лишь волонтерство, взятое в своей целостности, выполняющее функцию института гражданского общества. Волонтерство в силу своего добровольного, свободного объединения людей способствует устойчивой консолидации гражданского общества. В волонтерском движении в конкретно-практической и конкретно-политической форме опытно и своевременно противопоставляются нестабильность и компромисс, напряженность и консенсус, раскол и коалиция, дезорганизация и партнерство или примирение. Такая практическая компонента волонтерства превращает его в институт гражданского согласия, который выступает духовно-нравственным критерием политических действий власти, партий или их

объединений, толерантностью снимается острота социальных противоречий. Эта сфера общественной деятельности ориентирована прежде всего на решение социальных проблем силами самих людей, объединенных общими интересами и целями.

Деятельность волонтерских организаций по консолидации общества выражается в активной созидательной безвозмездной деятельности разностороннего характера по улучшению жизни в конкретных акциях, в деятельности, опытно подтверждаемой пропаганде социальных проектов, ориентированных на улучшение качества жизни. Практическую жизненность многие социальные программы как атрибут всеобщего признания получают лишь благодаря волонтерству: от самых мелких нюансов до судьбоносных решений – такова мощь воздействия волонтерской деятельности, способной учитывать особенный менталитет россиян.

Многоконфессиональность и многопартийность добровольцев, их политический плюрализм, объединенный духовно-нравственным основанием, как-то: милосердием и состраданием, патриотизмом и экогуманизмом и другими, являются условием для консолидации людей и создания гражданского общества, правового государства, основанного на фундаменте демократии.

В системе социальных институтов волонтерство проявляет себя наиболее мобильно. В России во втором квартале 2020 г. стало больше официально зарегистрированных волонтеров. Об этом в среду, 9 сентября, сообщает RT со ссылкой на Росстат. В период с апреля по июнь волонтеров стало больше на 266 тысяч по сравнению с тем же периодом 2019 г. Почти 2,7 млн россиян старше 15 лет ко второму кварталу текущего года работали волонтерами в течение года. Добровольческое движение становится особым видом социальных связей, в котором создание и поддержка социального консенсуса реализуется не с помощью власти, а благодаря внутреннему единству и согласию волонтерских организаций. Волонтерство превратилось в практический фактор межнационального, межстратного, межрелигиозного взаимодействия.

В усложненной цифровизацией социальной технологии межгруппового взаимодействия в волонтерских организациях в силу их разнообразного и разнородного состава формируется толерантное отношение к множественности интересов, традиций, складов жизни, религий, политических убеждений. Власть выказывает государственную потребность в волонтерстве. В СМИ – и государственных, и частных – все чаще сообщается о положительной деятельности добровольцев. Такие материалы служат позитивным зарядом к созидательной деятельности россиян.

Институт волонтерства наполняется новым содержанием и функциями в условиях современных потрясений: Россия имеет собственный и относительно независимый от западного мира тренд разви-

тия, который определяет государственную динамику. В такой ситуации на волонтерство налагается важная функция, состоящая в необходимости закрепить достигнутые им демократические преобразования как определенные результаты в формировании гражданского общества в стране и выработать препятствия для обратимости.

Цифровизация России ориентирована на создание другого способа социально-экономического и социокультурного развития и сопровождается противоречивым процессом конфликтного уровня: констатируется возросшая уязвимость личности и декларирование увеличения демократических прав и свобод. Приобщение к мировому цивилизационному процессу приводит к нарастанию нестабильности в политической сфере и во всех областях жизнедеятельности общества, трансформация охватила каждую из отраслей, облекая ее на приобретение нового социального качества с новым типом стабильности. В этой переходной ситуации волонтерству как социальному институту необходимо находить решение метаполитических задач: принимать участие в формировании новых традиций и ценностей с опорой на предыдущие, ортодоксальные представления и долженствования, содействовать формированию гражданского общества.

Функция альтруизма и коммуникативная функция волонтерства способны к решению многих общегражданских проблем, а формой их проявления выступает эффективная безвозмездная деятельность, направленная на решение самых острых конфликтов в обществе, зачастую выступая противовесом властным структурам. Волонтеры также пытаются вести диалог «верха» и «низа» не только с помощью коммуникации, но и через конкретную практическую работу, стимулируя государство к активному участию в решении этих проблем. К примеру, отделение Гринпис в России собрало 86 000 подписей за «Весну без огня» и передало в приемную президента. А также в Санкт-Петербурге функционирует благотворительная общественная организация «Ночлежка», помогающая людям без определенного места жительства.

В условиях формирования новых социальных устоев общества, в период развития гражданского общества преодолеть разрыв сознания масс и достижений духовно-нравственной культуры призвано волонтерство. Здесь основные духовные установки, ценности, идеалы переориентированы на каждого конкретного человека, на его благо и благо общества. При этом, с одной стороны, волонтерство помогает властным структурам, своей деятельностью освещая инициативы гражданского общества (В Зимних Олимпийских играх в Сочи в 2014 г. приняли участие 25 000 волонтеров, в мероприятиях Чемпионата мира по футболу принимали участие 17 040 волонтеров оргкомитета «Россия-2018»). В Подмосковье была организована группа по предоставлению поддержки пенсионерам в условиях пандемии (март 2020 г.). Каждый день на «горячую линию» поступали обращения пожилых людей с просьбами о до-

ставке продуктов питания и лекарств. Организатором «Горячей линии помощи» является Общероссийский народный фронт, нашедший поддержку от Фонда Росконгресс, Ассоциации волонтерских центров, Всероссийского общественного движения добровольцев в сфере здравоохранения «Волонтеры-медики», «Волонтеров Конституции» и ПАО «Ростелеком».

Кроме того, по телефону волонтеры консультировали пожилых людей о мерах безопасности и актуальной информации о распространении коронавируса).

Волонтерство выдвигается на одну из первых ролей в формировании гражданского общества через духовно-нравственную культуру и наделено возможностью показывать реальный результат овладения такой культурой и в идеале все преимущества, связанные с достижением тех или иных высот культуры. Необходимо отметить, что вовлеченность людей в волонтерскую деятельность влияет на психоэмоциональное состояние самих добровольцев. Это было доказано в работе Франчески Борнови «Doing well by doing good. The relationship between formal volunteering and self-reported health and happiness», Лондонская школа экономики. Кроме того, профессор Стивен Пост из Нью-Йоркского университета Стони Брука объясняет подобный эффект волонтерства тем, что люди оказываются вовлечены в осмысленную и приносящую пользу деятельность, чувствуют свою нужность, становятся более открытыми для перемен, меньше подвержены стрессам (см.: [8]).

В российских условиях волонтерство, выполняя организаторскую функцию, содержит огромный потенциал консолидации социально-политических сил общества. В совокупности с другими демократическими институтами волонтерство выступает гарантом построения гражданского общества.

Однако правовая основа волонтерского движения задержалась на стадии становления. Понятие добровольчества содержится в Федеральном законе от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», в статье 5 которого установлено: «Добровольцы (волонтеры) – физические лица, осуществляющие добровольческую (волонтерскую) деятельность в целях, указанных в пункте 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, или в иных общественно полезных целях». В статье 1 данного закона указано, что «Под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки» [7].

Бесспорно, волонтерство выражает добрую волю, порыв души, однако, объединившись и имея твердую правовую основу, добровольческое движение в силу своих альтруистических устремлений, широкой

социальной базы способно более действенно приносить огромную пользу народу и государству. Добровольческая безвозмездная деятельность во благо страны и общества может стать основой консолидирующей идеи, указывающей на пути выхода России из кризиса, стабилизацию новых общественных отношений, неоспоримость преимуществ которых должна проявиться в росте духовного и материального благосостояния народа, то есть всех и каждого, и, наконец, в торжестве таких институтов демократии, как гласность, политические права и свободы. Механизм трансформации интересов и устремлений различных масс в реальную помощь неминуемо призывает к консолидации всех прогрессивных сторон.

Консолидацией называется состояние общества, обусловленное совместной деятельностью социальных институтов, особого рода организаций и партий, связанных идеей гражданского согласия по реализации общей цели сохранения, преобразования, развития и укрепления важнейших социальных ценностей на основе консенсуса, проникнутого духом толерантности. В процессе такой деятельности формируется единое поле процедурных, технологических взаимодействий, в которых доминирует согласие всех или большинства политических субъектов действовать согласованно на принципах «самоценности демократии», обеспечения гарантий суверенитета личности и других основных постулатах идеологии «прав человека».

Универсальность консолидации как субстанциональной характеристики политических действий определяется тем, что она выражает собой волю всего народа или большинства его по овладению, сохранению или преобразованию важнейших социальных ценностей. Так, в процессе консолидации преодолеваются узкополитические интересы, хотя политические отношения и вершатся довольно ограниченными в количественном отношении группами людей как властной элитой, так и контрэлитой [4].

Консолидация выступает как собственно свойство политической практики через оценку важнейших структурных процессуальных характеристик политического пространства.

Люди, как писал П.И. Новгородцев, ищут в обществе удовлетворения своих интересов и для этого соединяются вместе; общение – продукт искусственной, а не природной организации [5]. Консолидация по форме своего проявления выступает продуктом сознательного конструирования, где волонтерство играет ключевую роль.

Список литературы

1. Амирова Р.И. Волонтерство как инновационная практика в России // Научная мысль XXI века: результаты фундаментальных и прикладных исследований: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара: «Поволжская научная корпорация», 2017. С. 80–81.

2. Бурченко Т.В. Экологическое волонтерство на благо общества и развития личности обучающегося // Современные подходы к организации образовательного процесса в условиях стандартизации образования: сб. науч. ст. и материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. Архангельск: «КИРА», 2017. Ч. 2. С. 181–184.
3. Всеобщая Декларация Добровольчества [Электронный ресурс]. URL: http://gov.cap.ru/home/76/gorono/2005/school6/dobrovoldvigenie_3.htm (дата обращения: 09.04.2021).
4. Майкова В.П. СМИ как важный фактор формирования общественного сознания (Философский анализ): дис. ... канд. филос. н. М., 2003. 135 с.
5. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб.: Алетейя, 2000. 355 с.
6. РИА Новости. Волонтерское движение в России. Справка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20100521/236982093>. (дата обращения: 09.03.2020).
7. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 04.04.2021).
8. Хворостьянова Н.И. Волонтерство в российском обществе и в российской социологии: взгляд из-за рубежа // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 2. С. 136–152.
9. Щепакин М.Б. Волонтерство в обеспечении роста социальной ответственности бизнеса / М.Б. Щепакин, В.М. Михайлова, А. . Поветкина // Sciences of Europe. 2017. № 13–4 (13). С. 82–87.
10. Яковлева И.М. Волонтерская деятельность студентов по сопровождению детей с расстройствами аутистического спектра / И.М. Яковлева, О.В. Караневская, Ю.А. Афанасьева // Высшее образование в России. 2017. № 8/9. С. 152–158.

VOLUNTEERING AS AN IMPORTANT FACTOR IN THE CONSOLIDATION OF SOCIETY

V.P. Maikova*, O.A. Danilova**

*Bauman Moscow State Technical University, Mytishchi

** Moscow Region State University, Mytishchi

The article is devoted to volunteer activity as a factor of consolidation of modern society. It is shown that the voluntary movement can balance the innovations and traditions of previous generations, preserved in the national's memory and representing the mechanisms of the spiritual and moral dimension of socio-political processes. It is concluded that voluntary gratuitous activity for the benefit of the country and society can become the basis of a consolidating idea that points to the ways out of the crisis in Russia, the stabiliza-

tion of new social relations, in the triumph of such democratic institutions as public, political rights and freedoms. The mechanism of transforming the interests and aspirations of various masses into real help inevitably calls for the consolidation of all progressive parties.

Keywords: *volunteering, socio-political processes, civil society, spiritual and moral culture, public consciousness*

Об авторах:

МАЙКОВА Валентина Петровна – доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э.Баумана (национальный исследовательский университет) (Мытищинский филиал), г. Мытищи, Московская область. SPIN-код: 2145-8420, e-mail: valmaykova@mail.ru

ДАНИЛОВА Олеся Александровна – аспирант Московского государственного областного университета, г. Мытищи, Московская область. E-mail: lesik_1983@mail.ru

Authors information:

MAIKOVA Valentina Petrovna – PhD (Philosophy), Professor of the Bauman Moscow State Technical University, Mytishchi. E-mail: valmaykova@mail.ru

DANILOVA Olesya Aleksandrovna – PhD student of the Moscow Region State University, Mytishchi. E-mail: lesik_1983@mail.ru

УДК 130.2

ЭВОЛЮЦИЯ СУПЕРГЕРОЯ В АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

В.Л. Тихонова, О.И. Закутнов

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.143

Цель статьи – показать, как трансформация образов супергероя в американском кинематографе отражает изменения исторических и культурных ценностей в сознании людей в течении относительно небольшого временного отрезка с начала XX - по начало XXI вв. Если первая половина XX века породила мифологизированных героев с четким делением на добрых и злых, соответствующих параметрам бинарности, в которых нуждалось западное общество, в связи с мировыми войнами, то во второй половине XX века, распространяющаяся на весь западный мир постмодернистская парадигма, с идеей множественности истин, множества возможностей для раскрытия подвижного креативного потенциала приводит к появлению амбивалентного героя – трикстера. Постмодернистская парадигма задает определенный игровой контекст: постмодернистская игра ведется с любыми условностями, формами, стилями, дискурсами. Поэтому такой супергерой уже не только спаситель, он вмещает в себе противоречия, совмещающие в себе разные образы героев и антигероев. На этом трансформация образа супергероя не завершается: появляются супергерои с исключительно отрицательными качествами, противостоят которым простые люди. Кроме постмодернистских тенденций, важным фактором, повлиявшим на эволюцию супергероя, явилась конкурентная борьба за читателя и зрителя между двумя крупнейшими компаниями по производству комиксов DC и Marvel. В статье использовались методы анализа, интерпретации, структурно-функциональный и компаративистский, показан процесс эволюции супергероического образа в американском кинематографе под влиянием современных постмодернистских установок и коммерческих проектов кампаний, специализирующихся в производстве супергероики.

Ключевые слова: *супергерой, бинарность, постмодернизм, ризомное пространство, комиксы, кинематограф, амбивалентность, трикстер.*

Современный темп жизни, быстрое развитие научных технологий не только влияет на экономические, политические, социальные сферы общественной жизни, но и оказывает немалое воздействие на культурные ценности и установки. Существенные трансформации происходят в американской киноиндустрии комиксов супергероического жанра. Супергерой берет начало в архаическом герое, обладающем наиболее полезными с общественной точки зрения качествами и ценностями. На сегодняшний день существует немалое количество разнообразных су-

пергероических персонажей, отражающих историческое развитие общественного сознания и культуры в целом. Популярность самых разных супергероев в массовой культуре позволяет судить о мире читателя и зрителя, об актуальных явлениях, происходящих в социуме, о проблемах, вопросах. Поэтому жанр супергероического в американской киноиндустрии особым образом фокусирует реальную действительность. В США посредством супергероического жанра активно ведется пропаганда и популяризация национальных ценностей как внутри страны, так и в мире. Высокие рейтинги фильмов о супергероях в американском и российском кинопрокатах свидетельствуют о популярности их в среде молодежи, вследствие этого исследование супергероического жанра является актуальным.

При анализе американской супергероики в комиксах и кинематографе нельзя забывать, что это, прежде всего коммерческий проект, появившейся в 1938 г. с выходом фантастического приключения о Супермене (National Publications – будущей DC Comics). Автор романов-комиксов А. Шлигельман назвал комиксы «внебрачным ребенком искусства и торговли» [8, с. 5].

В любом бизнесе удачное новаторство – основа успеха. Так, новый жанр супергероики имел успех у читателей журналов-комиксов, которые продавались огромными тиражами. Коммерческая удача привела к созданию других героев, обладающих уникальными суперспособностями: Бэтмена, Зеленого Фонаря, Чудо-Женщины и пр.

В 1939 г. компания Timely Comics (в будущем Marvel) подхватывает эстафету и также начинает выпускать комиксы в жанре супергероики, предлагая читателям своих вымышленных персонажей, наибольшую популярность среди которых завоевал Капитан Америка.

По сути, конкурентная борьба за аудиторию двух крупных компаний – DC и Marvel – одна из главнейших причин развития индустрии комиксов и непосредственно жанра супергероики как в печатных изданиях, так и в кинематографе. Первые кинофильмы о супергероях появляются в 1940-х гг. и отражают содержание комиксов в бумажных изданиях. В дальнейшем кинематографические образы супергероев видоизменяются. Например, в фильме о Бэтмене (1943 г.) в отличие от комиксов повествуется о факте обретения силы супергероем. Сюжеты транслировались «и в обратном направлении – от фильма к комиксу. Так, пещера под поместьем Уэйнов была изначально придумана в сериале о Бэтмене (1943 г.)» [9, с. 156].

На причину популярности супергероики в США повлияли разные факторы: экономический, политический, социальный кризисы, Вторая мировая война, атомная угроза, вызвавшие психологическую необходимость в наличие героя (пусть даже вымышленного), способного в трудные периоды существования общества защитить людей от опасности. Именно поэтому модель супергероя базируется на собира-

тельном архитектурном образе, включающем желаемые, «условно нужные/полезные социокультурные качества/ценности, актуальные на определенном этапе исторического развития общественного сознания и культуры» [2, с. 35].

Естественно, во времена Второй мировой войны комиксы данного жанра достигают пика популярности: психологически они компенсировали желание победить, желание видеть героя, способного одолеть злое, деструктивное начало в обществе. Как известно, кризисные ситуации выявляют архаические пласты сознания людей, «порождая мифы или обращаясь к ним» [1, с. 17].

Мифы помогают человеку адаптироваться в дискомфортных условиях существования, «чувствовать себя защищенным в окружающем его мире, делать мир понятным и близким» [6, с. 159]. Другими словами, миф способствует формированию в сознании людей новой смысловой реальности и ценностного отношения к миру, «включая в себя механизмы социальной регуляции» [10, с. 42]. Это объясняет тот факт, что жанр супергероики первой половины XX в. отражает четкое бинарное деление героев на добрых и злых. Бинарности не свойственна абстрактная форма выражения. Она всегда ясна и понятна, так как «бинарный архетип мышления является ключевым семиотическим кодом» [5, с. 886].

Другой особенностью супергероического жанра является способность авторов комиксов реагировать на актуальные социокультурные вопросы и проблемы, которые, как правило, ложатся в основу популярных сюжетов. Так, например, во время Второй мировой войны актуализируется необходимость в герое-патриоте, в лице которого выступил Капитан Америка, побеждающий Гитлера. Реакцией на ядерную угрозу и гонку вооружений стало появление супергероев с ядерными качествами (Атомный Человек, Атомная Мышь и др.) и т. д.

Считаем не лишним отметить, что в целом американскому кинематографу свойственно одним из первых реагировать на широко обсуждаемые в определенные периоды времени проблемы, проигрывая их в сюжетных линиях и прогнозируя возможное развитие общества, исходя из идеи практического воплощения данных проблем в социуме. Это относится не только к тематикам, связанным с супергероикой. В качестве примеров можно привести фильм «Остров» (США, 2005 г.), поднимающий бурно обсуждаемую в начале 2000-х гг. проблему клонирования. Проблема развития технологий и создания андроидов отразилась в киноленте «Суррогаты» (США, 2009 г.), снятой по мотивам комиксов; проблема потребительства – в «Бойцовском клубе» (США, 1999 г.), терроризма – в супергеройском боевике «Темный рыцарь» (США, 2008 г.), примитивизации жизни массового общества – в «Идиократии» (США, 2006 г.), проблема отношения к безумию – в «Идентификации» (США, 2003 г.) и т. д.

Возвращаясь к теме супергероического, отметим, что в послевоенное, мирное время супергероическая тематика как в бумажных изданиях, так и в кинематографе постепенно утрачивает свою актуальность. Люди устали от битв и сражений. Интерес большинства граждан Америки был направлен на темы, касающиеся эротики, научной фантастики, ужасов, романтики и пр. Супергерои выполнили свою функцию в качестве определенного компенсаторного механизма.

Отмечается даже период борьбы с комиксами (вернее, борьбы против насилия и ужасов в них), организованный детским психиатром Ф. Вертэмом. Им был выпущен ряд работ, предостерегающих об опасностях для подростков комиксов и развлекательных фильмов, которые содержат сюжеты насилия. Но особое внимание к описываемой им проблематике Ф. Вертэм вызвал работой «Совращение невинных» (1954 г.), в которой указывалась только одна причина детской и подростковой преступности – комиксы. С обретением популярности данной книги проблема отражения насилия в комиксах активно обсуждается в американском обществе. В результате в 1954 г. Ассоциацией журналов комиксов США принимается «Кодекс комиксов» [4], регулирующий сюжетные сценарии данного жанра.

Безусловно, все это оказало определенное влияние на появление коммерческих затруднений для компаний, выпускающих комиксы. Что касается непосредственно кинематографа, то вплоть до конца 1970-х гг. фильмы о супергероях выходили очень редко и не имели прежней популярности.

В 1978 г. сложная ситуация в индустрии супергероики разрешается с выходом на экран фильма компании DC о Супермене, имевшего огромный коммерческий успех. С этого времени вновь наблюдается всплеск интереса к данной тематике в кинематографе. Сценаристы фильма впервые за время съемок кинокартин о супергероях вышли за рамки сюжетной линии журнальных комиксов и предложили свой вариант героя, более человеческого и, соответственно, не такого всемогущего, как его предшественники из фильмов 1940-х гг.

В период второй половины XX в. – начала XXI в. тема супергероики становится вновь актуальной. Американское общество не отличается политической стабильностью: после окончания «холодной войны» обостряется проблема международного терроризма. С другой стороны, развитие технических средств и компьютерной графики позволяют создавать яркие, насыщенные спецэффектами остросюжетные киноленты.

На новом этапе развития супергероики в кинематографе герой претерпевает некоторую трансформацию: он, прежде всего, становится олицетворением надежности [14, с. 195]. Несмотря на наличие собственных экзистенциальных проблем, он способен противостоять существующему злу. Зрителю становится интересен супергерой, обладающий двойственной идентичностью: героической и самой обычной чело-

веческой. Он, с одной стороны, уникален и недостижим, с другой – подобен обычным людям, подвержен разного рода психологическим проблемам, что делает его ближе и понятнее зрителю, который начинает сопереживать этой личности.

В 1989 г. компания DC выпускает фильм «Бэтмен» (режиссер Т. Бертон), который задает новый вектор развития жанра: появляется юмористическая линия на фоне неонуарной атмосферы. Носителем шуток, которыми обставляются совершаемые преступления, становится эксцентричный антигерой Джокер – не просто хладнокровный маньяк убийца: все свои злодеяния он сопровождает театральными эффектами, каламбуром и шутками. В фильме показано явное психическое отклонение данного персонажа, что и отличает его от своего предшественника в фильме 1940 г.

Еще в 1970-х гг. «в обиход комикс мейкеров вошел термин “преступно безумен”» [14, с. 195]. Возможно, на сценическое конструирование кинематографического отрицательного персонажа (антигероя) оказали влияние работы М. Фуко (которые обрели популярность во второй половине XX в. на Западе), посвященные проблеме безумия. В них впервые появляются размышления о безумии в философском и культурологическом ключе. Так, М. Фуко писал, что «безумие есть феномен телесный и духовный, это сугубо человеческое клеймо, граничащее с грехом, признак падшей природы» [11, с. 358]. Это и было показано в фильмах конца XX в. Между тем в фильме 1940 г. Джокер, хотя и эксцентричный персонаж, но нет и намека на его психические отклонения.

Вся сюжетная линия фильма «Бэтмен» (1989 г) выстраивается между двумя дальностями: героя и антигероя. Остальная масса – жители города, где происходят события, – серая, безликая толпа, которой в определенной степени также свойственно безумие: зная о злодеяниях Джокера, люди откликались на заигрывания с ними жестокого преступника.

Супергерой, по сути, становится не столько спасителем людей, сколько борцом против зла как такового. Психологическая травма Брюса Уэйна, на глазах которого в детском возрасте убили его родителей – главный двигатель поступков супергероя.

С 2005 г. компания DC выпускает трилогию о Бэтмене (режиссер К. Нолан), в которой супергерой становится еще более близок зрителю: ему присущи и страхи, и сомнения. После убийства преступниками родителей, Брюс Уэйн решает бороться со злом и по этой причине отправляется к мастерам, которые обучили его боевым искусствам и воспитали в нем качества, необходимые борцу за свои идеалы. В данном случае герой и его поступки становятся понятны зрителю, что еще более приближает героя к обычному человеку.

Брюс Уэйн использует финансовые накопления отца, становясь Бэтменом. Особой характеристикой данного супергероя является беско-

рыстие: Бэтмену не нужна слава, главное для него вселить в людей уверенность в существование героя, на которого нужно равняться в жизни. По ряду причин Бэтмен считает необходимым сохранить в глазах горожан героический образ Дента – человека, которому Бэтмен помешал убить ребенка офицера полиции и себя самого.

В отличие от фильма о Бэтмене 1989 г., в трилогии 2005 г., 2008 г. и 2012 г., супергерой борется со злом уже не в одиночку, а совместно с полицейскими. Однако отличается от последних не только наличием сложных технических средств, но и качеством, присущим героям, – самопожертвованием: Брюс приносит себя в жертву, увозя взрывное устройство, приготовленное для уничтожения города. Обе кинематографические постановки о Бэтмене имели большой коммерческий успех, что является показателем популярности супергеройской тематики у массовой аудитории.

Понравившийся зрителям мрачный стиль Т. Бертон переняла компания Marvel, выпустившая в 1998 г. фильм «Блейд» (режиссер С. Норрингтон), который также имел коммерческий успех в прокате, хотя несколько уступал по сборам компании DC. Бюджет фильма «Бэтмен» (1989 г.) составлял 35 млн. долларов, сборы в мире – свыше 411 млн долларов. Бюджет фильма «Блейд» (1998 г.) – 45 млн. долларов, сборы в мире составили свыше 131 млн. долларов.

Конкурентная борьба компаний DC и Marvel за успех среди зрителей по сюжетным линиям супергероического кино сыграла немалую роль в эволюции данного жанра в кинематографе. Теперь личность героя невероятно приблизилась к зрителям, прежде всего, по причине того, что супергероем становится обычный человек по ряду крайних обстоятельств, вынудивших его выйти за пределы привычного обихода.

Другими словами, супергерои разных компаний во многом похожи на обыкновенных людей, им присущи эмоциональные характеристики, например, Халк не справляется с приступами гнева, Тор испытывает трудности с младшим братом Локи, Железный человек подвергается паническим атакам и т. д.

Иными словами, облик героя исторически трансформируется, становясь по-человечески привлекательным даже в случае отклонения его эстетических и этических характеристик от классических норм, но соответствующих представлениям своего времени. Герои могут предстать перед зрителями в комичном, маргинальном облике с некоторым нарушением эстетики, например, «Хэллбой», «Хэнкок» и т. д., сохраняя при этом свою привлекательность.

Несмотря на определенные тенденции к созданию героев близких зрителю, что объединяет компании, создающие кинофильмы про супергероев, между ними все-таки существуют значительные различия. Персонажи очеловечиваются, становятся более близкими и понятными зрителю, но все же супергерои компании DC остаются четко ориенти-

рованы на положительные (добрые) деяния против своего антипода – антигероя, чьи поступки имеют только негативный контекст.

Компания Marvel более гибка и пластична в создании образов супергероев, выходящих за привычную бинарную схему и, соответственно, за шаблон мономифа. Еще в четвертом выпуске бумажного комикса «Фантастической четверки» было опубликовано письмо читателя, в котором выражались тенденции развития супергероики Marvel. Письмо имело следующее содержание: «Вы определенно задали новый вектор в комиксах: рассказы о персонажах, похожих на настоящих живых людей, а не о белых и пушистых борцах за вселенскую справедливость, которые только оскорбляют средний интеллект читателей» [8, с. 50].

В 1996 г. от компании Marvel выходит фильм «Люди Икс», совершивший неожиданный поворот в кинематографе: супергерои – не спасители мира, а аутсайдеры, отвергнутые обществом за их непохожесть на других.

Marvel вышла за пределы стандартов, установленных в жанре супергероики компанией DC. Супергерои Marvel отличаются зачастую далеко не идеальной натурой. Фильмы супергероического жанра наполнены обилием шуток, экспериментами над героями и их судьбами. В результате супергерой постепенно уходит от четко заданной положительной бинарности к амбивалентности.

Старт новой волне образов супергероев задает фильм компании Marvel 2016 г. «Дэдпул» (режиссер Т. Миллер). Фильм о бывшем солдате спецназа, обладающим особым чувством юмора и способным постоянно вести диалог то с персонажами фильма, то со зрителями.

К примеру, Дэдпул говорит: «Супером я быть не хотел, да и герой из меня никакой. Но когда твой злейший враг угрожает твоей девочке, то хочешь, не хочешь, а супергероем станешь», или: «Как это называется, когда тебя одолевает злость и страх одновременно? – ...не знаю... злотрах?!». Дэдпул разговаривает со зрителями и даже иронизирует над ними. Например: «Ты вот сейчас такой: “Кино ведь про супергероев, а тут парень в трико пустил человека на кебаб. Сюрприз!” У нас тут совсем другое кино про супергероев» [3].

Новый супергерой отвечает потребностям публики, проявляя положительные и отрицательные качества одновременно, поэтому постепенно замещает классических героев и антигероев.

Это соответствует установке ризомного пространства постмодернизма, не предполагающей наличие структурного и линейного способа организации любой целостности, что способствует появлению множества возможностей для раскрытия подвижного креативного потенциала. Постмодернистская парадигма задает определенный игровой контекст: постмодернистская игра ведется с любыми условностями, формами, стилями, дискурсами.

Под воздействием ризомного пространства зрителю гораздо интереснее, а главное, актуальнее герой, воплощающий сущность трикстера.

Трикстеру свойственна двойственность: он может проявлять как активность, остроумие, так и лень, глупость. В нем сосуществуют противоречия, благодаря которым один герой способен совмещать в себе разные образы героев и антигероев.

Так, анализируя трикстера в контексте герой–антигерой современной массовой культуры, отмечается, что он – «неподконтрольная никому фундаментальная Сила, результат действия которой для самого трикстера непредсказуем, благодаря его неустойчивой психике» [13, с. 120–121]. Само появление трикстера уже нарушает устоявшиеся традиции, привнося элемент хаоса, способствующий деидеализации «превращения мира идеального в мир реальный» [13, с. 120–121]. В современном непредсказуемом мире такой герой более востребован, чем просто антигерой, воплощающий неприкрытое зло, или чрезмерно идеализированный, оторванный от реальности классический герой.

Сюжеты Marvel наиболее соответствуют игровому пространству постмодернистской ризомы: они «отличаются сложностью и изощренностью» [12, с. 32]. Экранизации этой компании «представляют собой миксы из самых разных интерпретаций... привлекая более широкую аудиторию и вытесняя официальные версии мифологии» [12, с. 33].

В отличие от DC, Marvel активно ориентируется на запросы аудитории, хотя и придерживается установки одного из своих редакторов комиксов А. Алонсо, считающего, что для того чтобы «раскрутить комикс, нельзя полностью отходить от канонической саги» [12, с. 32].

Ризомное пространство современного мира обуславливает постоянное изменение героя, вызывая тем самым интерес у потребителя. Например, образ Тора компании Marvel претерпел много трансформаций за всю историю вселенной. Изначально мы видим молодого, полного сил асгардского бога грома («Тор», 2011 г. и «Тор 2. Царство тьмы», 2013 г.). В итоге же Тор превращается в толстое, вечно пьяное существо («Мстители. Финал», 2019 г.).

Апогеем трансформации супергероического жанра в кинематографе является создание совершенно новых образов супергероев, избалованных славой, наглых и жестоких, представленных режиссерами Филипом Сгриккиа, Стефаном Шварцом, Фредом Туа и другими в сериале «Пацаны» (2019 г.), поставленном на основе одноимённого комикса Г. Энниса и Д. Робертсона, в разное время издававшегося DC Comics и Dynamite Entertainment [7].

По сюжету фильма местная «Лига справедливости» — Семёрка, принадлежащая мега корпорации «Vought» с мощным маркетинговым отделом, полностью контролирует и корректирует жизнь и образы героев, которые являются коммерческим продуктом данной корпорации.

Как следствие, супергерои имеют славу, деньги и некоторую свободу вести разнузданный образ жизни. Изнасилования, убийства не запрещены. Главное – не запятнать репутацию героя, поэтому любые злодеяния можно совершать при условии не быть никем замеченным.

В фильме у каждого «супера» есть свой рейтинг, и это главная забота их жизни. С преступниками они, впрочем, тоже иногда сражаются, но в случае, если их снимает камера. Супергерои в данном случае – идеальный массовый продукт, приносящий немалый доход корпорации. Героями фильма становятся в основном обычные люди, объединившиеся в отряд по борьбе с суперами, приносящими немалый вред обществу.

Таким образом, эволюция супергероического жанра в кинематографе отражает тенденции изменения общественных взглядов на явление героического. Начиная с первой половины XX в. общественное сознание нуждалось в мифологизированном герое-спасителе. Конкурентная борьба компаний, связанных с созданием жанра супергероического, среди которых особенно выделяется DC и Marvel, а также трансформации, происходившие в западном обществе (включая появление новых философских течений) приводят к тому, что с середины XX века личность героя невероятно приблизилась к зрителям, прежде всего, по причине того, что супергероем становится обычный человек. Кроме того, постмодернистское ризомное пространство, со свойственной ему гибкостью и текучестью, породило амбивалентных героев – трикстеров. Непостоянство, изменчивость ризомного пространства привело к появлению образов супергероев с негативными характеристиками. Теперь они не столько защитники и опора для общества, сколько проблема, несущая зло и разрушение.

Список литературы

1. Богдановская И.М. Психологические механизмы трансформаций традиционных мифологем в образе России современной молодежи // Известия Российского государственного университета им А.И. Герцена. 2011. № 142. С. 15–27.
2. Беляев Д.А. Концепт «супергерой» как локальный вариант массовой культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 2 (20). С. 35–42.
3. Дэдпул. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/462360/> (дата обращения: 02.04.2021)
4. Кодекс комиксов. [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.rgub.ru/izotext/2015/04/istoriya-cenzury-v-amerikanskix-komiksax-pod-znamenem-bitvy-za-dushi-detej/> (дата обращения: 02.04.2021)
5. Макаревич О.В. Бинарные категории мышления как основа философского мировосприятия в литературных сказках Амели Нотомб и Мишеля Турнье // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 886–888.

6. Осмонова Н.И. Культурные основания мифа как фактора национальной идентификации // *Общечеловеческое и национальное в философии: II Международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.): материалы выступлений / под общ. ред. И.И. Ивановой. Бишкек: КРСУ, 2004. С. 158–165.*
7. Пацаны. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/460586/> (дата обращения: 02.04.2021)
8. Рид Т. *Marvel vs DC. Великое противостояние двух вселенных.* М.: Эксмо, 2018. 400 с.
9. Рязанова С.В., Логвинов Р.Н., Дроздов С.Т. Эволюция антропного мифа в мифологии США: причины, предпосылки, логика // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* 2017. № 3 (38). С. 152–161.
10. Топорков А.Л. Миф: традиция и психология восприятия // *Мифы и мифология в современной России.* М.: АИРО XXI, 2000. С. 39–64.
11. Фуко М. *История безумия в классическую эпоху.* СПб.: Рудомино, 1997. 573 с.
12. Хау Ш. *Тайная история Marvel Comics. Как группа изгоев создала супергероев.* М.: Эксмо, 2019. 592 с.
13. Хлыщева Е.В. Герой-антигерой современной массовой культуры: трансформация ценностных ориентиров // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2018. № 3 (56). С. 120–124.
14. Циркун Н.А. Супергерои комиксов и обратная сторона титанизма // *Вестник РГГУ. Москва, 2014. № 14 (136). С. 191–199.*

THE EVOLUTION OF A SUPERHERO IN AMERICAN CINEMATOGRAPH

V.L. Tikhonova, O.I. Zakutnov

Astrakhan State University, Astrakhan

The purpose of the article is to show how the transformation of superhero images in American cinema reflects changes in historical and cultural values in the minds of people over a relatively short period of time (from the beginning of the 20th century to the beginning of the 21st centuries). If the first half of the XX century gave birth to mythologized heroes with a clear division into good and evil, corresponding to the parameters of binary that Western society needed in connection with world wars, then in the second half of the XX century, spreading to the entire Western world the postmodern paradigm, with the idea of a plurality of truths, of a multitude of possibilities for revealing a mobile creative potential, leads to the emergence of an ambivalent hero - a trickster. The postmodern paradigm sets a certain game context: the postmodern game is played with any conventions, forms, styles, discourses. Therefore, such a superhero is no longer only a savior, he contains contradictions that combine different images of heroes and antiheroes. The transformation of the

superhero image does not end there: superheroes appear with extremely negative qualities, which are opposed by ordinary people. In addition to postmodern tendencies, an important factor that influenced the evolution of the superhero was the competition for reader and viewer between the two largest comic companies DC and Marvel. The article used methods of analysis, interpretation, structural-functional and comparative, shows the process of evolution of the super-heroic image in American cinema under the influence of modern postmodern attitudes and commercial projects of campaigns specializing in the production of superheroics.

Keywords: *superhero, binary, postmodernism, intelligent space, comics, cinema, ambivalence, the trickster.*

Об авторах:

ТИХОНОВА Валентина Львовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань. SPIN-код: 1273-3315, e-mail: opera-15@mail.ru

ЗАКУТНОВ Олег Игоревич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань. SPIN-код: 5982-3656, e-mail: zakutnov-oleg@mail.ru

Authors information:

TIKHONOVA Valentina Lvovna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Culturology, Astrakhan State University, Astrakhan. E-mail: opera-15@mail.ru

ZAKUTNOV Oleg Igorevich – PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Culturology, Astrakhan State University, Astrakhan. E-mail: zakutnov-oleg@mail.ru

УДК 130.2.73

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛИЦИИ

Э.Н. Лыков

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.154

Реконструируется генеалогия полиции в истории европейской мысли. Отмечается, что своим появлением полиция обязана существенным сдвигам, как институциональным, так и иным, произошедшим в Европе периода Нового времени. Полиция возникает как институт национального государства, в противовес институтам и практикам обеспечения безопасности феодального общества. Национальное государство и присущие ему практики управления и контроля насилия нуждались в инструменте для обеспечения порядка, репрезентирующем всех граждан. В логике отношений с Другим это проявляется в у-порядочивании, которое возможно только в отношении такого Другого, который предстает и понимается как универсальный Субъект, субъект права, а также жертва.

Ключевые слова: *насилие, власть, государство, полиция, суверен, жертва, Другой.*

27 мая 1718 г. указом Петра I, который звучит как обращение к Сенату, была учреждена должность генерал-полицмейстера, с чего начался отсчет истории российской полиции. Вот его текст: «Опредѣлили мы для лутчихъ порятковъ въ семь городѣ дѣло генерала-полицмейстера нашему генералу адъютанту Дивіеру и дали пункты, как ему врученное дѣло управлять. И ежели против оныхъ пунктовъ чего отъ васъ требовать будетъ, то чините. Также всѣмъ жителемъ здешнимъ велите бубликовать, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался» [5, с. 372]. Этот нормативный акт учреждения должности руководителя полицейского ведомства, которое уже существовало (полицмейстерская канцелярия действовала с 1715 г.), некоторым образом завершает становление этой структуры. Из первых слов понятно, что структуры городской («Опредѣлили мы для лутчихъ порятковъ въ семь городѣ»), призванной обеспечивать «лучшие порядки», создавать порядок.

Само слово «порядок» в русском языке связано со значениями правильного расположения чего-либо, последовательности, правила, организованности, состояния благоустроенности, а также управления и оценки (как соотносящихся смыслов с математикой особенно, но также сферой управления) [7]. И эти значения напрямую соотносятся с теми функциями, которые полиция реализовывала в то время. Так, Указ от 20 мая 1715 г. «О каменных и деревянных строениях», предписывает: «...чтоб никто противу указу и без чертежа Архитекторскаго нигде не строился» [5, с. 135]. То есть полиция

следила за порядком строительства в Санкт-Петербурге, и порядок в этом случае можно понимать практически буквально, как порядок, выстраивание зданий в ряд, их нормирование. Более близкие к сегодняшним функции полиции состояли в поддержании порядка на улицах, контроле за соблюдением чистоты, за прибытием и убытием граждан (контроль за миграцией), пожарной безопасности и даже за порядком в продовольственной сфере (Указ Петра I от 8 июня 1718 г.: «О наблюдении порядка и чистоты по городу Санктпетербургу и о взимании штрафа за нечищение домовых труб и за продажу в рядах и в других местах порченных съестных припасов» [5, с. 575–576]). Иными словами, под у-порядочивание силами полиции попадали в то время как ряды домов (улицы), так и торговые ряды, ряды людей, населявшие город. Полиция времен Петра достаточно целостно обеспечивала порядок жизнедеятельности граждан.

В отношении других стран ситуация была аналогичной, полиция занималась не только поддержанием порядка на улицах, обеспечивая безопасность граждан города. Мартин фон Кревельд также делает акцент на том, что полиция возникает вместе с городами при переходе от Средневековья к Новому времени и национальному государству: «Организация полиции отражала рост городов. Со времен Средневековья в городах трудилось много мелких служащих, таких как фонарщики, ночные сторожа, смотрители рынков и скотобоев, стражники и тюремщики... большинство из них не были муниципальными служащими и не получали заработную плату, поскольку, как и везде, эти должности покупались ради будущих доходов» [4, с. 206]. Точно так же «ловцы воров» в Англии, которых упоминает Кревельд, жили за счет вознаграждения за возврат украденного имущества, которое нередко сами и крали. Только к 60-м годам XVIII в. такие частно-государственные или полумуниципальные образования заменяются национальной полицией, которая имела обширные функции, включавшие не только поддержание общественного порядка, но также вопросы миграции, «общественной санитарии и поддержания порядка на рыночных площадях» [4, с. 208].

С реформами Наполеона Кревельд связывает создание полноценной общенациональной полиции, отвечающей за все сферы общественной безопасности. Была увеличена не только численность полиции и проведена административная реформа, объединившая различные полицейские структуры в единую структуру, французская полиция вобрала в себя также службу безопасности и осведомителей: «Скрытой от общественного взгляда была служба безопасности *Sûreté*... первоначально возглавлявшаяся беглым головорезом и раскаявшимся преступником Франсуа Видоком, не говоря об уже имевшихся там в большом количестве *mouchards* – профессионалах, полупрофессионалах и любителях. Набираемые из числа представителей низших слоев общества – консьержей, лакеев, парикмахеров, проституток и т. п. – они заполнили все уличные перекрестки, кофейни и приемные» [4, с. 208–209]. Акцент Кревельда на тотальность слежки и проникновение полиции в ранее закрытые для государства пространства отражают суще-

ственные изменения, произошедшие в Европе при переходе к Новому времени. Прежде всего полиция возникает как (1) *государственный институт*, что следует жестко отличать от институтов и практик обеспечения безопасности, существовавших ранее. Можно упомянуть царскую или городскую стражу, частные вооруженные формирования феодалов и прочие фигуры насилия и безопасности, которые можно отнести к одной группе тех, кто не преследовал интересов государства и не обеспечивал порядок и безопасность всех граждан. Отсюда социальные основания полиции, которые представлены низким сословием или даже люмпенизированными представителями, представляющими всех, а значит, нацию в целом.

И это определяющий момент для антропологии и генеалогии полиции, которая может осуществлять свою функцию, устанавливать порядок и поддерживать его, только оставаясь в качестве такого элемента государства, равно представляющего всех граждан. Отчасти этот смысл находит отражение в известном выражении о полиции как зеркале общества, которое можно еще более заострить, сказав, что полиция это и есть общество. Описание подобной представленности мы находим у А. Бадью, который в своей «Этике» пишет о признании Другого как фундаментальной философской проблеме. В контексте нашего исследования эта проблема звучит как дилемма отношения к Другому, который не такой же как я, не близкий и одинаковый, не находящийся в этом смысле рядом и выпадающий из порядка (ряда). Такой феноменологический уровень, видимо, можно назвать предшествующим порядку – норме, этика, возникающая на основе чувства и отношения к Другому питает норму или кристаллизуется в нее. Эта этика опирается на идею универсального «человеческого Субъекта», который как раз и может стать субъектом права.

Этическая оптика Бадью выявляет этого универсального Субъекта (универсализм этого субъекта для нас важен не только в соотношении этого условного субъекта с фигурой полицейского, но также с фигурой гражданина, и такое рассмотрение раскрывает гораздо больше, поскольку полицейский существует только в соотношении, общении, взаимодействии с преступником, потерпевшим, гражданином) в трех аспектах, также легко соотносимых с темой осуществления порядка. Бадью пишет об универсальном Субъекте: «...этика подчиняет идентификацию этого субъекта универсальному признанию причиняемого ему зла. Таким образом, этика определяет человека как жертву...» [1, с. 25]. Очевидно, что полиция имеет дело с жертвами, с потерпевшими в профессиональной терминологии. Однако в контексте антропологической расстановки, рисуемой Бадью, упорядочивание (наведение порядка) возможно только в отношении такого Другого, который предстает и понимается как такой универсальный Субъект. Далее Бадью утверждает, что такое отношение к Субъекту, этическое отношение, основано на признании его как жертвы (возможной жертвы, предполагаемой жертвы). Универсальный Субъект как Другой, находящийся в поле видимости (видимость важна для полицейских практик) и достига-

емости, открыт для зла и причинения ущерба. Но также такое допущение, по Бадью, следует отбросить по той причине, что понимание человека как жертвы упускает принципиальное, самое важное в субъекте – превосходство человека над жертвенным как животным, человек не совпадает с «сущностью жертвы» и отсюда вырастает право как таковое: «Так что если существуют “права человека”, то это уж конечно не право на жизнь наперекор смерти, не право на выживание наперекор нищете. Это права Бессмертного, утверждающиеся сами по себе, или права Бесконечного, вершащего свое верховенство над возможностью страдания и смерти» [1, с. 27].

Этика Бадью раскрывает, таким образом, не только универсализм Субъекта, но также его открытость ущербу, равенство для претерпевания зла, но также равенства перед законом и защитой. Так, понимаемый Другой претендует также и на уникальность, универсализм не равен обезличиванию. В отношении полиции это можно соотнести с признанием важности каждого конкретного человека и его жизни, что Бадью отражает фразой: «Всякая человечность коренится в мыслительном определении единичных ситуаций» [1, с. 34]. Отметим, что важность в этом моменте основана не на влеченности жизни «этого» субъекта в ткань родственных отношений (клиент-патронных, лично-дружественных), а именно – этическом отношении – важности и ценности человека как такового, как гражданина национальной общности (хотя Бадью пишет о человеке вообще). Рискуя излишне возвысить идею Бадью о верности событию (к которым среди прочих он относит и Французскую революцию), можно говорить о верности субъекта (полицейского, гражданина) и таком отношении к Другому, и верности государству и обществу.

Сказанное Кревельдом о социальной природе французской полиции выглядит вполне обоснованно. Революцию (империю) можно рассматривать как события, сила которых достаточна для «индуцирования» субъектов, отторжения их личных, родственных и иных мотивов ради служения событию. В этом скрывается несколько важных противоречий, среди которых первое состоит в отношении полиции и политики – родственных слов, восходящих к полису, древнегреческому городу-государству. И второе, поднимающее проблему понимания Другого, внутренне двойственного, и животного, и превосходящего животное. Все эти аспекты обусловлены природой полиции как государственного института, как институции, имеющей дело с гражданами, институции, осуществляющей редукцию всех иных качеств субъекта до качеств универсальных.

В отношении первого, соотношения полиции и политики, родственность и близость их начинается с самой этимологии. Полис является общим местом, которое нуждается в управлении (для чего и необходимо искусство политики), а также нуждается в порядке (что и есть полиция). Тем не менее противоречие заключается в том, что полиция позиционируется как внеполитическая инстанция, осуществляющая у-порядочивание на до-политическом уровне. В публицистическом режиме можно встре-

тить высказывания о том, что поддержание порядка должно осуществляться вне связи с политикой. Это продолжение ранее высказанных нами идей о служении государству в целом и оперирование универсальными категориями. Но и само национальное государство оперирует такими категориями. Народ – одна из них. Жак Рансьер указывает на отсутствующий центр политического, который подобно понимаемой психоаналитиками самости никогда не находится в центре и никогда не совпадает сам с собой. Народ не сводим к реальным сообществам людей или тем, кто трудится или управляет: «Народ (демос) существует только как разрыв в логике начала/властвования. Он не может отождествляться ни с расой тех, кто признает друг друга по тому факту, что они имеют один и тот же генезис, одно и то же рождение – ни с какой-либо частью или суммой частей населения. Народ – это дополнение, отделяющее население от самого себя, приостанавливая действие логик легитимного господства» [6, с. 204]. И поскольку народ возникает как следствие такого изъятия из уже существующих общностей и идентичностей, его существование нуждается именно в таком носителе, который, подобно пролетариату, чиновнику, люмпену, в том или ином смысле будет вне уже существующих идентичностей. Фигура полицейского (а тем более соглядатая, осведомителя) очень близка этому, будучи связана с государством, служа народу. Логика изъятия здесь также является логикой унификации, которую мы описали выше у Бадью.

Еще один момент, который необходимо зафиксировать относительно идентичности и поименования (чтобы у-порядочить кого-либо, необходимо его точно определить) у Рансьера, заключается в том, что связь полиции и политики, сложная и противоречивая, основанная на скрытом включении и дистанцировании, проявляется в идентичности (идентификации), фиксации Другого в имени, что, как мы описали выше, по сути, невозможно в категориях «политической субъективации», но требуется в субъективации полицейской: «Полиция фактически желает “точных” имен, отмечающих прикомандированность людей к их месту и работе. А вот политика представляет собой дело имен “несобственных”, *misnomers*, обозначающих пробел и свидетельствующих о несправедливости» [1, с. 106]. Это противоречие обостряется и становится более наглядным в условиях революционных событий, когда порядок находится под угрозой или достаточно непрочна политическая система, поколеблена ее легитимность, что сталкивает полицейскую логику четкой идентичности с политической логикой идентичности, ускользающей и размытой. Достаточно показательным примером (или примерами) могут служить задержания революционеров царской полицией, выясняющей их настоящие имена, перебирающей многие псевдонимы, часть из которых в итоге заменили настоящие (например, Ленин или Сталин), фиктивные места работы, жительства, поддельные документы и биографии. Порядок в пространстве политического основывается на беспорядке или отрицании порядка как такового. Это скрытое основание порядка скрепляет политическое и полицию в их противоречивых отношениях, когда полиция по-

зиционируется вне политики, но так же неразрывно связана с ней, поддерживая и защищая определенный порядок.

С большей определенностью это противоречие отразил Славой Жижек, говоря о политике в категориях «короткого замыкания» между Всеобщим (универсальным) и Частным: «...политика в собственном смысле всегда предполагает что-то вроде короткого замыкания между Всеобщим и Частным: парадокс “универсального сингулярного”, сингулярного, которое выступает в качестве заместителя всеобщего, дестабилизируя “естественный” функциональный порядок отношений в социальном теле. Такая идентификация не-части с Целым, части общества без определенного места внутри этого общества (или противящегося предписанному ей подчиненному месту) с всеобщим – это начальный жест политизации...» [3, с. 114]. И если смотреть с такой точки зрения, то «верность» Событию, чем бы оно ни было, понимаемая как верность полиции (условной, универсальной фигуры полицейского) государству и народу, равно как и служение порядку (возвышенной идее порядка как высшей цели), может пониматься не только в охранительной модальности, но также и революционной. Если довериться Жижеку, то часть общества без определенного места внутри него несет заряд «начальной политизации», эта часть не только представляет всех, но и заменяет всех в том смысле, что претендует на то, чтобы эта часть, их часть, стала целым (можно вспомнить всем известное «кто был никем, тот станет всем»). И полиция является идеальным и симметричным двойником такой революционной части, но также, если пойти дальше, она содержит в себе и революционный потенциал. В отечественной истории мы можем найти подобный пример (и, наверное, не один), связанный с деятельностью организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» и священника Г.А. Гапона. Гапон вошел в историю как лидер революционного движения и инициатор печально известного массового шествия рабочих, послужившего толчком к первой русской революции 1905 г. Его связь с полицией, с начальником Особого отдела Департамента полиции Сергеем Зубатовым, который создавал легальные рабочие организации в противовес революционным организациям, трактовалась различно, однако в нашем контексте она может служить примером связи полиции и революции, а также примером того, что революция (особенно та ее часть, одно из названий которой «тайная полиция») может инициироваться полицией, формально стоящей вне политического.

Возвращаясь к началу нашего исследования полиции, к указам Петра I, мы видим, что полиция с момента своего основания занималась гораздо более широким кругом вопросов, чем сейчас. Обеспечение безопасности силами полиции времен Петра включало не только поддержание общественного порядка на улицах города, борьбу с преступностью, но также, говоря современным языком, миграционный контроль, контроль качества продуктов питания, противопожарную безопасность, согласование и контроль строительства в городе. Иными словами, за исключением

медицины и религиозных вопросов, полиция занималась всем, что касалось жизнеобеспечения горожан. Весь перечисленный спектр можно соотнести также с биополитикой. Несмотря на то что в своей «Этике» Бадью отвергает такой взгляд на субъекта, он подразумевается, присутствует, и полиция имеет к нему непосредственное отношение.

Список литературы

1. Бадью А. Этика: Machina. СПб., 2006. 126 с.
2. Гурлев И.В. Создание и развитие полиции при Петре I // Власть. 2018. № 3. С. 134–140.
3. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: Издательство «Европа», 2009. 336 с.
4. Кревельд фон М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. V. 1713–1719. СПб.: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.
6. Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. 240 с.
7. Значение слова «Порядок» в толковом словаре Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://glosum.ru/значение слова Порядок> (дата обращения: 10.04.2021).

PUBLIC ORDER AND THE EMERGENCE OF THE POLICE

E.N. Lykov

Belgorod State National Research University, Belgorod

The article reconstructs the genealogy of the police in the history of European thought. It is noted that the police owe their appearance to significant changes, both institutional and otherwise, that occurred in Europe during the modern period. The police emerge as an institution of the nation state, as opposed to the institutions and practices of ensuring the security of a feudal society. The nation-state and its inherent practices of managing and controlling violence needed an instrument to enforce order that would represent all citizens. In the logic of relations with the Other, this manifests itself in y-orderliness, which is possible only in relation to such an Other, who appears and is understood as a universal Subject, a subject of law, and also a victim.

Keywords: *violence, power, state, police, sovereign, victim, Other.*

Об авторе:

ЛЫКОВ Эдуард Николаевич – аспирант кафедры философии и теологии, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород. E-mail: lykov@bk.ru

Author information:

LYKOV Eduard Nikolaevich – PhD student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, E-mail: lykov@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1:3+930.1

РАЗВИТИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ВЛАСТИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю.С. Заложных

ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет», г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.161

Анализируются социально-философские воззрения славянофилов, касающиеся проблемы национальной государственности и принципов организации власти, с целью выявления их существования и актуальности в современном российском обществе. Соотнося идеи славянофилов с публичной дискуссией последних десятилетий, автор определил славянофильские представления, наиболее востребованные сегодня и те из них, которые подверглись трансформации в соответствии с реалиями времени. Кроме этого, в статье перечислены представители российского научного сообщества, политики, общественные деятели, культурно-творческая элита, являющиеся сторонниками славянофильско-почвеннического направления в современной России.

Ключевые слова: славянофилы, общество, государство, традиция, власть, самодержавие, актуальность, последователи.

Преодолевая кризисные явления в экономике, государственном управлении, культуре, области идеологии и ценностных ориентиров российское общество вновь вынуждено искать пути решения этих вопросов, определяя будущее страны. Разработка стратегии развития современной России невозможна без обращения к интеллектуальным поискам прошлых эпох [10; 11].

Таким богатейшим и до конца не оцененным наследием русской общественной мысли являются идейные наработки славянофилов – самобытных отечественных мыслителей XIX в. Именно славянофильство было первой в России попыткой создания национального самосознания, явилось откликом на ситуацию идеологического вакуума своего времени. Импульс, заданный размышлениями философов, сохранился до сегодняшнего дня, порождая новые дискуссии и вызывая широкий резонанс.

Славянофилы оставили после себя значительный духовный багаж: политические взгляды, наработки в области философии истории, культурологии, религиозной этики, гносеологии, философско-антропологическую концепцию, идеи по развитию отечественной педа-

гоики и т. д. При этом одно из значимых мест в их философских исканиях занимали социально-философские проблемы [7; 8; 23].

Традиционно разрабатываемый славянофилами спектр социально-философских вопросов сводится к широко известной триаде – «православие, самодержавие, народность». Безусловно, такую краткую формулировку идей мыслителей можно взять за основу, если при этом учитывать, что каждый из обозначенных пунктов подразумевает достаточно большой пласт представлений [24–26].

Так, осмысление одной из составляющих триады – «самодержавия» – включает в себя анализ целого корпуса славянофильских представлений о государственности и власти, их основные характеристики, а также исследование динамики данных идей в российской общественной мысли последних десятилетий.

Основными славянофильскими воззрениями, раскрывающими позицию философов о власти, государстве и праве, являются следующие идеи.

Государственная власть представляет собой особый вид человеческих отношений, основанных на договорном принципе и соблюдении законов. У славянофилов власть противопоставляется «негосударственному», не ищущему участия в правлении народу, отношения которого строятся на принципах морали, а главной ценностью является справедливость. Отсюда славянофилы называют основным принципом взаимодействия власти с народом «невмешательство», обоснованный в своей концепции К.С. Аксаковым. «Отделив от себя правление государственное, народ Русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству давать ему (народу) возможность жить этою общественною жизнью» [4, с. 58]. Народ, понимая необходимость государства и смиряясь с его существованием, требует в свою очередь от государства невмешательства в свои внутренние дела, а также предоставляет ему свободу в области политики.

Важно, что славянофилы подчеркивали необходимость существования государства для развития любого народа. Так, в «Семирамиде» А. Хомяков писал, что с появлением государства рождается «новый союз людей, подчинивший свои произвол и прихоти» [21, с. 22] и оформивший «мысль человеческую в органическом теле», а отсутствие такой «связи государственной» ведет к разрозненности и дикости народов [21, с. 353]. При этом государство само по себе для славянофилов не имеет абсолютной значимости, ибо оно представляет собой только бездушную форму и грубую механическую силу, которая требует наполнения духовными началами. Авторитет верховной власти, по мнению славянофилов, основывается на том, что сам народ признает ее. А необходимость власти в том, что она своей мощью дает возможности для сохранения и развития внутренних начал народа. В противном случае народы духовно переродятся под влиянием внешних воздействий и утратят

свою самобытность и культуру. Народы же, защищенные государством, смогут успешно противостоять ассимиляции и покорению со стороны других [21, с. 103].

Поддерживает А. Хомякова и Ю. Самарин, пишущий в своей работе «О мнениях “Современника” исторических и современных», что «крепкое политическое и государственное устройство есть ручательство за внутреннюю силу народа» [19, с. 108], без которого было бы невозможно какое-либо развитие социума. Подобные высказывания встречаются и у самого категорично настроенного по отношению к власти славянофила – К. Аксакова. Он отмечает, что основной обязанностью государственной власти является внешняя защита «земли», оберегающая свободу, и создание условий для ее нравственного саморазвития [5, с. 320–322].

Отсюда можно вывести основную для славянофилов цель государственной власти как средства оформления жизни народа: сосредотачивать и аккумулировать основные силы народа, способствуя созидательной деятельности общества и его духовному развитию — «вести народ всеми способами... к бесконечному нравственному совершенствованию; создавать для такого совершенствования материальные и духовные условия» [20, с. 143], что оправдывает, по мнению славянофильских мыслителей, историческое существование государства. Таким образом, славянофильская концепция власти – это признание «государства как необходимости», обладающего ценностью и значимостью с точки зрения «способа охранения внешнего порядка жизни русского народа, который устремлен к высшей духовной истине» [14, с. 68, 78].

Исходя из такого понимания власти в ценностной шкале славянофилов, государство стоит ниже православия и народности, которые в виде церкви и общины являются естественными союзами, и должно быть подчинено целям и логике их исторического развития. Православие и общинная жизнь в представлении славянофильских мыслителей обусловили весь смысл жизни русского человека в поиске высших духовных истин и существования в любви. Авторитет верховной власти, по мнению славянофилов, с одной стороны, основывается на том, что сам народ признает ее властью, а с другой стороны, на «внутреннем авторитете» Церкви как носительницы истины и источника соборности народа. Отсюда же философы делали вывод об исторической аполитичности и безгосударственности русского человека, который отдавал себя не мирским заботам, перекладывая их на власть, а постижению высшего Абсолюта и свободному творчеству духа.

Славянофилы утверждали, что наиболее приемлемым для России видом властных отношений является монархия. Отмечая несовершенство любых созданных человечеством форм управления, а также то, что каждая из них имеет право на существование в определенных исторических условиях, славянофилы настаивали, что именно монархия является

«лучшей (меньшей из зол) из правительственных форм» [6, с. 306], так как именно она в наибольшей мере соответствует принципам православия и мировоззрению русского народа. А также позволяет народу полностью устраниться от управления страной и политической жизни. Так как всякая власть отдаляет человека от духовного развития, то народ не стремится к власти, а наоборот, вверяет ее в руки избранного правителя и предоставляет ему полную государственную свободу и ответственность.

Славянофильские мыслители никогда не считали власть самодержца божественной, дарованной Богом, а скорее, земной, во многом условной ценностью. Форма государства определяется прежде всего духовными особенностями народа, его историей и традициями. Поэтому русский народ как народ христианский молится за своего правителя и чтит, но не «воздаст царю божеской почести, из царя не творит себе идола и неповинен в идолопоклонстве власти» [4, с. 62]. В этом вопросе славянофилы расходятся как с теорией официальной народности, так и с позицией официального богословия.

Понимание государства как вынужденного, но необходимого механизма, выполняющего утилитарную функцию, определение предназначения русского народа как духовно-нравственного развития, отрицание божественного происхождения власти – все это привело и к совершенно особому пониманию славянофилами фигуры царя и его исторического призвания. Так как авторитет государственной власти держится на признании и «одухотворении» самим народом, то власть, по мнению философов, переданная народом царю, является не правом, а обязанностью. Так И. Аксаков писал, что «царь приемлет власть не своим честолюбивым или властолюбивым хотением, а по произволению Божьему, приемлет как бремя, как служение, как подвиг, Богом ему сужденный» [2, с. 262–263].

В рамках понимания государственной власти как долга славянофилы выдвигают высокие требования к моральным принципам правителя. Он «по своему нравственному облику должен соответствовать возложенной на него высокой миссии», представляя собой «идеальный тип «цельной личности», умеющей собрать воедино веру, волю, разум, чувства, – и направить их к достижению собственного нравственного совершенства и совершенства общества» [22, с. 68]. Таким образом, для славянофилов государственная власть является своего рода внутренним подвижничеством, а самодержец — человеком с духовным стержнем, соединяющий в себе жертвенность и заботу о народе, во имя которого он отрекается от своих интересов и исполняет возложенные обязательства. При этом властные отношения, являясь вынужденной необходимостью, должны быть прежде всего одухотворены религией народа и опираться на православные идеалы, без чего любая власть становится «мертвой властью», обречена на погибель и вырождение [12; 13; 15].

Вместе с требованиями к нравственному облику правителя славянофилы поднимали вопрос об его ответственности за исполнение своего долга. Так, на царя одновременно возлагается тройная ответственность. Прежде всего это ответственность перед своим народом, который дал царю его властные полномочия. Также он отвечает за свои действия перед Богом как православный. И также он несет личную ответственность перед своей внутренней личностью, так как славянофилы предавали большое значение именно нравственным регуляторам поведения человека: «существует в мире ответственность нравственная, от которой никакая власть на земле уклониться не может» [18, с. 666].

Идеал государственной власти славянофилы противопоставляли реально существовавшему российскому абсолютизму середины XIX в. Философы понимали, что исторически сложившаяся форма российских государственных отношений не соответствует их представлениям. Причиной такого расхождения славянофилы называли петровские реформы, нарушившие естественное развитие и обратившие вектор развития страны в сторону Запада. Также мыслители активно критиковали культ и обожествление власти, бюрократию и разрастающийся чиновничий аппарат, коррупцию и кумовство, непонимание правительством нужд и требований народа, идеологическую цензуру, поспешное, без критического осмысления, проведение реформ.

Славянофилы выдвинули идею возобновления созыва Земских соборов как открыто возмещаемого общественного мнения и развития форм местного самоуправления, что необходимо для восстановления прерванной связи власти с народом, а также с целью исправления сложившихся ошибок государственного управления. К. Аксаков писал, что так как «правительство нарушило русское гражданское устройство, отступило от его истинных начал», то необходимо возобновить практику созыва Земских соборов с целью донесения мнения народа до царя [3, с. 80]. Но при этом славянофилы высказывались против принятия конституции, считая ее в предлагаемой форме ненужной на данном этапе исторического развития страны.

Несмотря на то, что философские поиски славянофилов были ответом на вопросы, волновавшие русское общество в середине XIX в., а в России за почти двухсотлетний период произошли значимые изменения (в государственном и социальном устройстве, в экономике, в ценностных и духовно-нравственных ориентирах и др.), можно утверждать, что в современной общественной мысли многие славянофильские идеи присутствуют и являются актуальными.

Одно из востребованных славянофильских представлений сегодня, это идея сильной централизованной власти, схожей по своим характеристикам с самодержавием. В разных вариациях у этой идеи много сторонников. Так, за возрождение монархии в России в форме близкой к славянофильскому идеалу, выступают ученые М.Б. Смолин,

Л.П. Решетников, Ф.Я. Шипунов и В. Карпец, историк О. Платонов, режиссер Н. Михалков, писатель М. Веллер, православный публицист В. Филимонов, художник И. Глазунов. Если говорить об общественных организациях, то наибольшую схожесть во взглядах со славянофилами имеют представители Российского монархического общественного движения, которое в своих программных принципах настаивает на православной монархии, опирающейся на нравственность и религиозные принципы и предназначением которой является служение русскому народу [17].

Кроме этого, за сильную централизованную власть с расширением полномочий управления, но без возврата к монархии, выступают ученые В. Катасонов и А. Щипков, политик Е. Федоров, писатели А. Проханов и З. Прилепин, актер И. Охлобыстин, журналист М. Леонтьев и др. Подавляющее большинство сторонников славянофильского направления сегодня также указывают на обязательность сильного морального компонента у правителя при любой форме управления страной, когда он несет персональную ответственность за все принимаемые им решения и воспринимает властные полномочия не как средство для реализации личных интересов, а как бремя.

В современном обществе активно обсуждается славянофильская идея необходимости развития форм местного самоуправления. Об этом много пишет Н. Нарочницкая. Ученый считает, что без возрождения характерных для русской культуры навыков самоорганизации людей (народные собрания, вечевые традиции) невозможно решить насущные социально-политические проблемы России [16, с. 61].

Дискутируется и славянофильское требование строить национальную государственность на основе собственных религиозных традиций, истории и культуре русского народа, с учетом устоявшихся принципов быта, отказываясь от бесконтрольного и некритичного заимствования чужих форм. Среди сторонников этого взгляда можно назвать физика, публициста Г. Лодочника, ученых А. Щипкова, Р. Михайлова, С. Батурина, Д. Бадовского и др.

Важно отметить, что в российском публичном пространстве не все славянофильские идеи о национальной государственности и власти присутствуют в первоначальной, «классической» форме. Так, большинство современных представителей славянофильской линии в отличие от философов XIX в. сходятся во мнении о необходимости и важности для страны конституции как обязательного правового атрибута, без которого в принципе невозможно развитие страны.

Резюмируя вышесказанное, можно говорить о наличии и развитии в современном российском обществе целого ряда славянофильских идей, касающихся вопроса построения национальной государственности и властных отношений. Причем эти воззрения находят отклик и поддержку не только в кругу профессионального научного сообщества,

но и среди представителей самых разных профессий и сфер деятельности. Сторонники славянофильско-почвеннической концепции, составляя достаточно большую группу в современной российской философской мысли консервативного направления, играют активную общественную роль в поиске государственной идентичности и разработке стратегии развития страны с опорой на национальные исторически сложившиеся основания [1; 9].

Список литературы

1. Абросимова Т.Я., Бондарева Я.В. Постнеклассическая парадигма и духовно-нравственные основания модернизации образования в России // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2015. Т. 1, № 4 (4). С. 16–26.
2. Аксаков И.С. Речь на коронационных торжествах 1883 года при коронации Императора Александра Третьего // Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 258–266.
3. Аксаков К.С. Дополнение к записке К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 г. // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: хрестоматия. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 77–82.
4. Аксаков К.С. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 г. // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: хрестоматия. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 54–77.
5. Аксаков К.С. Несколько слов о русской истории, возбужденных «Историей» г. Соловьева // Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 320–341.
6. Аксаков К.С. Об основных началах русской истории. Продолжение // Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 303–312.
7. Бондарева Я.В. В ожидании неоклассики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 2. С. 6–7.
8. Бондарева Я.В. Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии середины XIX – первой половины XX веков (статья вторая) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 1. С. 23–27.
9. Бондарева Я.В. Методологические традиции всеединства и православно-энергетизма в поисках онтологической целостности (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2011. № 3. С. 16–21.

10. Бондарева Я.В. Отечественная религиозно-философская антропология: антиномия свободы и детерминизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 1. С. 47–53.
11. Бондарева Я.В. Развитие принципа синергии в учениях о преобразовании человеческого бытия (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 2. С. 5–10.
12. Бондарева Я.В. Теоретико-методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ: дис. ... д-ра филос. н. Москва, 2011. 325 с.
13. Бондарева Я.В., Молчан Э.М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 43–51.
14. Васильев А.А. Государственно-правовой идеал славянофилов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 224 с.
15. Майкова Э.Ю., Бондарева Я.В. Будущее автономии личности как риск: способы самозащиты // Власть. 2015. № 8. С. 22–26.
16. Нарочницкая Н.А. Русский код развития. М.: Книжный Мир, 2012. 352 с.
17. Программные принципы Российского Монархического Движения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.monarhia.ru/?id=10&show=program> (дата обращения: 07.03.2021).
18. Самарин Ю.Ф. Всеподданнейшее письмо к императору Александру Николаевичу // Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 659–674.
19. Самарин Ю.Ф. О мнениях Современника, исторических и литературных // Собр. соч.: в 12 т. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К, 1877. Т. 1. С. 28–108.
20. Хомяков А.С. По поводу Гумбольдта // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: в 8 т. М.: Университетская типография, 1900. Т. 1. С. 143–174.
21. Хомяков А.С. Семирамида // Соч.: в 2 т. М.: Медиум, 1994. Т. 1. С. 15–446.
22. Широкова М.А. Философско-политическая концепция ранних славянофилов: монография. Барнаул: АлтГУ, 2012. 122 с.
23. Kostadinovich D.D., Bondareva Ya.V. Dialogue as a method of modern education // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 2. С. 27–34.
24. Michio Mikoshiba, Bondareva Ya.V. Methodological features of Russian religious philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 4. С. 64–71.
25. Michio Mikoshiba, Bondareva Ya.V. The synthesis of mysticism and rationalism as a paradox of Russian religious philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 3. С. 55–62.

26. Mikoshiba M., Bondareva Ya.V. «Russian wanderer in the spiritual worlds», or F. M. Dostoevsky's creative activity in the context of Russian religious philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2021. № 1. С. 16–22.

DEVELOPMENT OF SLAVO-PHILIC CONCEPTS OF NATIONAL STATEHOOD AND POWER IN PUBLIC THOUGHT OF MODERN RUSSIA

Y.S. Zalozhnych

Moscow State Regional University, Moscow

The article analyzes the socio-philosophical views of the Slavophiles concerning the problem of national statehood and the principles of organizing power, in order to identify their existence and relevance in modern Russian society. Comparing the ideas of the Slavophiles with the public discussion of recent decades, the author identified the Slavophil ideas that are most in demand today and those that have undergone transformation in accordance with the realities of the time. In addition, the article lists representatives of the Russian scientific community, politicians, public figures, cultural and creative elite who are supporters of the Slavophil-soil trend in modern Russia.

Keywords: Slavophiles, society, state, tradition, power, autocracy, relevance, followers.

Об авторе:

ЗАЛОЖНЫХ Юлия Сергеевна – заведующая экспозиционно-выставочным отделом Государственного бюджетного учреждения культуры Калужской области «Калужский музей изобразительных искусств», г. Калуга. E-mail: semga@bk.ru

Author information:

ZALOZHNYCH Yulia Sergeevna – The Head of the exposition and exhibition department of the State Budgetary Institution of Culture of the Kaluga Region «Kaluga Museum of Fine Arts», Kaluga. E-mail: semga@bk.ru

УДК 801.73+2.219

ИНВЕРСИВНЫЙ СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОМАНА Ф. СОЛОГУБА «МЕЛКИЙ БЕС»

В.Ю. Лебедев*, А.М. Прилуцкий**

*ФГБОУ ВО Тверской государственный университет, г. Тверь

**ФГБОУ ВО Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. С.-Петербург.

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.170

Данная статья является апробацией авторской методики инверсивного семиотического анализа и исследованием с помощью данной методики конкретного художественного текста – романа Ф. Сологуба «Мелкий бес». В основе инверсивного семиотического анализа лежит представление об инверсии – особом типе отношений в иерархических структурах, при которых низший элемент обретает главенствующие свойства, формально оставаясь на прежней, подчиненной позиции. Проведенные исследования позволили выявить в тексте романа различные уровни инверсии: в поведении и описании героев, изображении социальных и психических процессов. Это позволило сделать вывод о том, что инверсивность семиотических планов формирует семиотический код текста.

Ключевые слова: *инверсия, семиотика, художественный дискурс, символическая репрезентация, категории значения.*

Семиосфера литературного художественного произведения является прекрасным материалом для апробации семиотического исследовательского инструментария, поскольку семиотически значимые элементы в ней представлены в дискурсивной форме (что облегчает анализ), а сама семиосфера характеризуется разнообразием структурно-системных отношений. При этом некоторая искусственность семиотических отношений, характерная для художественного дискурса, не является серьезной проблемой при такой постановке вопроса: несмотря на то, что основания для семиотизации часто обусловлены спецификой авторской субъективной «герменевтикой реального», лежащего в основе художественного вымысла, сам художественный семиозис с точки зрения его структурных отношений и категориальных форм мало чем отличается от прочих видов семиозиса.

В связи со сказанным, задачей данного исследования является апробация авторской методики инверсивного семиотического анализа и исследование с помощью данной методики конкретного художественного текста – романа Ф. Сологуба «Мелкий бес». Сразу необходимо оговорить наличие в романе трех полей инвертивности, пусть и пересекающихся: психологических состояний, социального бытового уклада и религиозности. В этом отношении роман оказывается документом, от-

ражающим период кризиса религиозности и способным при внимательном чтении продемонстрировать механизмы и факторы этого явления. Несмотря на художественность текста в ряде моментов он обретает почти этнографическую точность. Инвертированная религиозность у Сологуба не может быть просто отброшена через сведение к социальному в целом.

В основе инверсивного семиотического анализа лежит представление об инверсии – особом типе отношений в иерархических структурах, при которых низший элемент обретает главенствующие свойства, формально оставаясь на прежней, подчиненной позиции [8, с. 255]. По Р.Г. Баранцеву, иерархическая последовательность – одна из трех базовых [1, с. 449–452]. Инверсия иерархических структур наиболее проста. Инверсия – не только важный семиотический прием, но и семиотический факт, развертывающий неопределенно большое поле референций и интерпретаций. В этих случаях семиотика проецируется в культуру, мировоззрение, этнографию, иную жизненную конкретику, но за инвертностью сохраняется первичность конструкции с генеративными возможностями. Мы полагаем, что применительно к семиозису можно говорить об инверсивных процессах как на структурном, так и семантическом уровнях. Структурная инверсия наблюдается в тех случаях, когда в структуре значения знака элементы субкатегориального (и/или гиперкатегориального) значений начинают превалировать над базовым категориальным смыслом, при том, что значение последнего сохраняется без существенных трансформаций или модификаций. На семантическом уровне инверсивные отношения проявляются в тех случаях, когда в иерархических моделях семиозиса подчиненный элемент начинает превалировать в плане семиотической продуктивности над главенствующим при сохранении изначально заданной модели.

В связи с этим необходимо определить критерии оценки уровня семиотической иерархии. Мы полагаем, что в системе знаков, структурированных в рамках единого денотативного пространства, высшее иерархическое положение усвоится тем знакам, которые обладают наиболее значимыми показателями семиотической продуктивности, воспроизводимости и ассоциативности. При этом семиотическая продуктивность предполагает как способность знака формировать семиотические цепочки, так и пропорционально расширять сферу значения (более-менее пропорционально на категориальном и гиперкатегориальном уровнях), воспроизводимость предполагает как непосредственное воспроизведение элемента семиозиса в тексте, так и узнаваемый отсыл к нему, который может осуществляться в различных формах, соответственно – ассоциативность предполагает установление устойчивых связей между референтом и данным знаком, выделенном тем самым из ряда сигнификативно различающихся знаков. Инверсию можно рассматривать как особый случай обращения планов [10, с. 143–152].

Инверсия в принципе играет основополагающую роль во всей семиотике романа. Н.Г. Пустыгина связывает сюжетные «превращения» с глобальным для Сологуба феноменом и концептом смерти [6]. Семиотика фабулы несложна, но информативна – это история болезни Передонова, достигающего в итоге полной социальной деградации. Возможна и вторичная семиотизация метафоризацией болезни, включая и общую деструкцию провинциального социума, но в основе лежит тем не менее узнаваемый паттерн болезни (некоей усредненной психической, изображенной весьма ярко). Не случайно в романе «Творимая легенда», образующим своеобразный цикл, Передонов появляется вновь, причем он не только выпущен из психиатрической больницы, но и получил значительное повышение по службе, что до попадания в лечебницу было для него недоступно. Болезнь сама по себе несет инвертивную семантику. Однако этот семиотический код дополняется другими, зачастую укладывающимися в модель треугольника Карпмана с инверсией ролевого поведения. В самом деле, «страшный» Передонов является объектом примитивных манипуляций со стороны сожительницы; аристократка, с которой Передонов связывает большие надежды, выступает и как спасительница, и как преследовательница (Передонов то включает ее в картину своих некрофильских фантазий, то уничтожает игральные карты, в рисунке которых та будто бы ему является). Поведение скучающих провинциальных девиц двусмысленно (хотя здесь автор применяет игру намеков), они способствуют инвертивному переодеванию гимназиста Пыльникова в женщину, при этом и сам Пыльников выступает как инвертивный персонаж, что наиболее ярко выявляется в эпизоде маскарада с переодеванием. Фактически персонажи или одновременно сочетают роли «активных» преследователей и «пассивных» преследуемых, или же постоянно их чередуют. По мере нарастания патологических признаков в сознании и поведении Передонова он становится одновременно и более страшным для окружающих, и более незащищенным (продолжение манипуляций, брезгливо-насмешливое отношение окружающих, например, со стороны гимназистов, видящих все подробности профессиональной гибели своего учителя). Убийство приятеля в финале одновременно и поступок «сильного» и декларация полной социальной слабости, социальная жизнь Передонова практически завершается благодаря этому поступку. Наконец, некие странные существа (Недотыкомка) все более активно внедряются в реальность обычного провинциального города, так что в итоге начинают во многом определять сценарии поведения, так что Передонов испытывает страх, деформирующий его поведение (сожжение колоды карт, примитивные попытки отпугнуть Недотыкомку – в патопсихологическом плане это напоминает семиотику поведения при некоторых расстройствах, когда бред преследования делает больного из пассивного преследуемого активным преследователем предполагаемых врагов).

Механизмы инверсии отчетливо прослеживаются и в семиодинамике образов героев второго плана. Так, зооморфная метафорика, при помощи которой описывается Володин, изначально указывает на его тупость (баранья тупость), что соответствует категориальному значению, но в концовке романа явно доминантное значение обретает гиперкатегориальное значение – «жертва», «жертвенное животное». Другой пример подобной инверсии представлен в семиотической трансформации образа кота Передонова, который неожиданно начинает развивать неявные коннотации оборотничества (кот-оборотень), что в итоге приводит к инверсивной гиперкатегоризации семиотики.

Тема зооморфной метафоры в дискурсе романа заслуживает особого внимания. Все зооморфные метафоры в тексте романа носят пейоративный характер, возвышенные зооморфные метафоры типа «лев», «орел», «сокол» и под. в тексте практически полностью отсутствуют.

Наряду с метафоризацией Володина (метафора «баран»), Передонов метафорически маркируется как «свинья», напр. «ты, Ардальон Борисыч, и не будешь никогда быком, потому что ты – форменная свинья» [9, с. 44]. Поведение Передонова (например, изгаживание помещения назло хозяйке) вполне подходит под обиходное обозначение «свинство». Метафора «собака», на категориальном уровне обозначающая «злость», «нападки на героя», используются для включения героя в семантическое поле «враждебность»: «все смешалось в общем недоброжелательстве к Передонову, собаки хохотали над ним, люди облаивали его» [9, с. 189].

В целом можно отметить, что зооморфная метафорика романа непосредственно связана с семантическим полем, которое можно обозначить как «оборотничество». В больном воображении Передонова кошки, собаки, вороны, бараны и прочая живность выступают в качестве потенциально опасных существ, обладающих особыми коммуникативными и оборотническими способностями (кот доносит на Передонова в жандармерию, «вырастает до страшных размеров, стучит сапогами и прикидывается рыжим рослым усачом» [9, с. 216], баран «выдает себя за Володина» [9, с. 215] и т. д.). Задействуется бестиальная семиотика и в связи с раскрытием ключевой темы поруганной, опошленной телесной красоты:

«Грушина придумала одеться Дианою. Варвара засмеялась и спросила:

– Что ж, вы и ошейник наденете?

– Зачем мне ошейник? – с удивлением спросила Грушина.

– Да как же, – объяснила Варвара, – собакой Дианкой вырядиться вздумали.

– Ну вот, придумали! – ответила Грушина со смехом, – вовсе не Дианкой, а богиней Дианой.

Одевались на маскарад Варвара и Грушина вместе у Грушиной. Наряд у Грушиной вышел чересчур легок: голые руки и плечи, голая спина, голая грудь, ноги в легоньких туфельках <...>.

Все так смело открытое у Грушиной было красиво, – но какие противоречия. На коже – блоши укусы, ухватки грубы, слова нестерпимой пошлости. Снова поруганная телесная красота» [9, с. 222]. В приведенном примере действие механизмов инверсии усиливается благодаря ситуативному контексту – идет подготовка к маскараду, хронотоп и семиотика которого априорно карнавальные и инверсивны: шут, выполняя функцию карнавального короля, остается шутом. Семиотическое отождествление «богини Дианы» с собакой с аналогичной кличкой аллегорически выражает интенцию автора, направленную на вскрытие механизма профанирования красоты. Образ суровой богини-девственницы профанируется авантюристской и блудницей Грушиной до бестиальной пародии: в рамках данного семиозиса последняя не возвышается до античной богини, но низводится до уровня животного, что, в принципе, соответствует ее моральным качествам.

Отметим еще один аспект инверсии: маскарад, будучи узнаваемым компонентом европейской карнавальной культуры (и даже ее семиотическим маркером) в контексте захолустного провинциального города неизбежно семиотически инверсируется до пародии: проводится он в строении «казарменного вида», в качестве гостей упомянуты полицейские чины, «в здании было грязно», «полинялые занавесы у дверей имели такой вид, что противно было задеть их», столь же нелепо и убого выглядят участники карнавального действия, при том, что именно те костюмы, которые даже на таком фоне отличаются особым безобразием (например, учительница, выраженная медведицей, выглядит «в общем безобразно») получают большое количество «билетиков» за лучший костюм (см.: [9, с. 224–229]). Пошлость пародийного карнавала имплицитно противопоставляется семиотике веселья карнавала «настоящего»: здесь, в провинции, его участники не веселятся и радуются, но тупо напиваются, воруют сладости, учиняют скандалы. Пародийный эффект усиливается инверсированием контекста: не случайно, ожидаемым призом за лучший женский костюм является корова. Задуманный как символическое заявление претензии на «европейскую утонченность»¹ и уже в силу этого, тем более – в контексте захолустного городишки – он неизбежно становится символом пошлости и глупости. Подобная многоуровневая инверсия может найти разрешение только в скандале: последний и происходит в связи с трансвестическим поведением Пыльни-

¹ Что уже само по себе смешно: европейский карнавал никогда не отличался утонченной эстетикой, при том, что все-таки и не был апофеозом пошлости: даже скатологические карнавальные шутки в оригинальном контексте не вызывают омерзения.

кова (последнее можно рассматривать и в связи с возникающими коннотациями оборотничества) и поджогом, устроенным Передоновым.

Семиотическое значение Пыльниковка достаточно сложно: уже его фамилия отсылает к пыльнику – части органов размножения у растений (ср.: [7]), но никакой «светлой любви», которая могла бы вторгнуться в мрачный колорит романа, не появляется, гимназист участвует в морально сомнительных, почти первертных играх, обретая при этом, в силу неузнанности, некоторую, пусть и невеликую, власть над другими (эпизод победы на маскараде, спровоцировавший массовую агрессию). Семантически здесь появляется усложненная (через неявную семантику имени) дендроморфная референция. Растение еще более примитивно и неразумно, нежели животное. А.Е. Елубаева констатирует родство образа Пыльниковка с житийными «богоравными отроками» [3], но функции его не просто искусительные, а в данном сюжетном пространстве ярко инвертные.

Инверсия дискурса ярко представлена уроками Передонова, становящимися все более нелепыми. Вместо истины он транслирует болезненное заблуждение, ничего хорошего этот дискурс продуцировать не может уже потому, что является узнаваемо патологическим, а не просто нелепым. Также инверсию дискурса можно видеть в многочисленных случаях вранья, которое определяет практически всю коммуникацию героев, начиная с лжи Варвары. Ложь, инвертная коммуникация и присутствующая ей классическая лингвосемиотика лжи, становится сюжетообразующим феноменом.

Терпит изменения и целостный дискурс отношений героев. Помимо уже указанной семиотики лжи ее основополагающим компонентом становится семиотика скандала и агрессии, о чем подробнее будет сказано далее. В результате инвертируются и все основные модусы человеческих отношений, маркированные как нормальные: семейная жизнь, отношения учеников и учителя, любовь, покровительство, přátельство и дружба.

Также следует обратить внимание и на иконнику. Тщательная детализация (например, следы подошв на стенах комнат Передонова) участвует в создании семиосферы низкого, омерзительного, разлагающегося и, в сущности, обреченного мира. Отдельные детали, маркированные как «высокие», контекстуально снижаются (золотые очки Передонова, подпрыгивающие на носу во время пьяного танца). Не случайно в «Творимой легенде» автор использует крайне незамысловатый финальный ход: Триродов просто улетает с Земли на сконструированном им же летательном аппарате, более здесь делать нечего. Таких деталей в романе масса, включая и измазанные дегтем ворота. Очень ярко инверсия иконизма представлена колодой карт. Отношение к картам в культуре, в рамках которой разворачивается сюжет романа, было двояким: за ними часто проводили досуг, но отношение Церкви к ним было как

минимум настороженное. Поэтому оживание карт, пробуждение в них какой-то собственной жизни, наконец, появление среди обычных изображений княгини, вмешательство которой видится Передонову решающим, становится манифестацией очередной инверсии: карты начинают играть человеком, отчего неудивителен виктимный сценарий поведения Передонова, спешно уничтожающего колоду-преследовательницу. Е.А. Елубаева интерпретирует инвертные конструкции романа как мифомагические (Рутиловы-ведьмы, жертвоприношение барана и под.) [3]. А.И. Ванюков также полагает, что гносеологические ориентиры романа определяются эпиграфом [2]. Но на наш взгляд, инвертность раскрывает обширное поле дивергентных интерпретаций.

Инверсивность социума провинциального захолустья, претендующего на обладание городской идентичностью, но не сформировавшего городской культуры, описывается в романе применительно к различным сюжетным линиям. Разрешается же эта инверсивность через скандал. Отношение к скандалу в провинциальном социуме противоречиво: с одной стороны, скандала боятся, поскольку видят в нем главную угрозу для мифологии, идеализирующей уклад провинциального города, одновременно претендующего на урбанизм и при этом демонстративно заявляющей о принципиальной бесконфликтности. Разрешение конфликта скандалом – удел столиц и крупных городов вообще, «у нас же все тихо и благопристойно». Поэтому возможные конфликты должны скрываться, не предаваться огласке. С другой стороны, скандал, предающий огласке различные пикантные подробности из жизни участников скандальной коммуникации, становится прекрасным информационным и коммуникативным поводом для формирования дискурса сплетен, слухов, предположений и откровенных инсинуаций, что в условиях относительно стабильной информационной среды является привлекательным для обывателей. Не случайно хронотоп романа столь богат скандалами; при отсутствии положительных информационных поводов, скандал становится ключевым событием городской информационной среды: обыватели с одной стороны боятся быть вовлечены в скандал в качестве его непосредственного участника, но при этом они с готовностью провоцируют скандалы, вовлекают в скандалы своих коммуникантов и обеспечивают информационно-коммуникативное развитие дискурса скандала [4].

Так, например, Передонов боится скандала, который может устроить Варвара, целой серией скандалов сопровождается городской маскарад, скандалом заканчивается сватовство Володина (мазание ворот дегтем и последующие события), потенциально скандально намерение Рутилова женить Передонова на одной из своих сестер, характер скандала имеют не только отношения Пыльниковых и сестер Рутиловых, но и порожденные ими слухи, скандалом заканчивается вмешательство Передонова в семейные дела Гудаевских, безусловно скандальной является

ся педагогическая деятельность Передонова и сам факт преподавания в гимназии психически больного человека.

Таким образом, автор разрушает стойкий миф, идеализирующий провинцию как оплот традиционализма, мир патриархального спокойствия и наивной доброжелательности. Характерно и практически полное отсутствие в романе описания религиозной жизни социума, и это при том, что церковь (в значении 'храм') периодически упоминается. Практически никто из персонажей не посещают церковь для молитвы: так, гимназисты посещают церковь вынужденно, соответственно, они или тупо выстаивают службу, или задействованы в хоре. Тема молитвы вообще отсутствует в романе почти полностью: исключением является описание молебна, отслуженного на новой квартире Передонова – «Во время молебна запах ладана, кружа ему голову, вызвал в нем смутное настроение, похожее на молитвенное» [9, с. 102]. Однако и в этом примере, речь, строго говоря, о молитве не идет: молитва не тождественна «смутному настроению», а молился во время молебна Передонов, или нет – остается неясным. О любви к литургической обрядности заявляет Людмила, но ее неортодоксальность очевидна даже для недалекого Пыльникова, а интерес к богослужбной практике мотивирован эстетикой, сентиментальностью и какой-то нездоровой религиозностью по языческому паттерну «Надо же молиться. Помолиться, поплакать, свечку поставить, подать, помянуть. И я люблю все это, свечки, лампадки, ладан, ризы, пение, – если певчие хорошие, – образа, у них оклады, ленты. Да, все это такое прекрасное. И еще люблю... его... знаешь. Распятого...» [9, с. 208]. Именование Спасителя «Распятым», столь стилистически созвучное русскому декадансу, содержит ответ на предположение, высказанное Пыльниковым, что Людмила – язычница. В декадентской культуре было сильно «дионисийское начало»².

Передонов посещает церковь в силу двух мотивов: продемонстрировать собственную религиозность и благонадежность и выявить тех, кто на службе ведет себя, с его точки зрения, предосудительно: смеется, перешептывается, сморкается и т. д. При этом отношение Передонова к литургии является внутренне противоречивым: он боится церковных служб как некоей формы магии и при этом воспринимает ее с вульгарно-материалистических позиций: «Одеяния священнослужителей казались ему грубыми, досадно-пестрыми тряпками, – и когда он глядел на облаченного священника, он злобился, и хотелось ему изорвать ризы, изломать сосуды. Церковные обряды и таинства представ-

² Впрочем, можно предположить, что имеет место тонкая пародия на стилистику декаданса, в той степени, в которой последний представлен в форме «декаданса провинциального». Это тем более вероятно, что в главах романа, не вошедших в окончательную редакцию, содержится пародийное изображение «модных писателей», приехавших в провинциальный город.

лялись ему злым колдовством, направленным к порабощению простого народа.

“Просвирку в вино накрошил, – думал он сердито про священника, – вино дешевенькое, народ морочат, чтобы им побольше денег за требы носили”... Нелепое совмещение неверия в живого Бога и Христа Его с верою в колдовство!» [9, с. 172–173].

Столь же инверсивно восприятие церкви Варварой и Грушиной: в романе подчеркивается смеховая реакция на венчание Передонова и Варвары, при этом если источником смеха Варвары и Грушиной является их тупая неспособность воспринять происходящее, то для прочих же источником смеха, очевидно, является комизм ситуации в целом: «Посторонних в церкви почти не было, только две-три старушки пришли откуда-то. И хорошо: Передонов вел себя глупо и странно. Он зевал, бормотал, толкал Варвару, жаловался, что воняет ладаном, воском, мужичьем.

– Твои сестры все смеются, – бормотал он, обернувшись к Рутилу, – печенку смехом просверлят... И Варваре, и Грушиной церковные обряды казались смешными. Они беспрестанно хихикали. Слова о том, что жена должна прилепиться к своему мужу, вызвали у них особенную веселость. Рутилу тоже хихикал, – он считал своею обязанностью всегда и везде смешить дам» [9, с. 184].

Инверсивность ситуации с неудачным сватовством Володина разрешается через намерение последнего «молиться во вред» несостоявшейся невесте: «А я вот схожу в церковь, поставлю свечку за ее здоровье, помолюсь: дай Бог, чтоб ей муж достался пьяница, чтоб он ее колотил, чтоб он промотался, и ее по миру пустил» [9, с. 127].

Эффект обращения семиотических планов становится семиотическим кодом текста. «Перевернутость», а точнее, постоянное «вращение» смоделированного мира вполне соотносится и с символизмом как культурным явлением, и с тем его вариантом, который мы находим у Сологуба, и с его личным мироощущением. Ф. Сологуб ненавидел провинцию, выходцем из которой был, но в его картине мира провинция не имеет какого-то контрбаланса, у нее нет альтернативы. Свойства провинции распространяются на мир в целом, он весь окрашен в те же самые тона. Поэтому в «Творимой легенде» и понадобился радикальный и простой по замыслу способ решить проблему – вообще физически покинуть этот мир (как совершенно неудачный, недоброкачественный). Семантическое акцентирование смерти характерно для дискурса Серебряного века [10]. А. Пайман отмечает и семантическую деформацию и деструкцию, связывая ее с событийным рядом, затрагивая и инвертные мировоззренческие феномены [5]. Но даже на общем характерном фоне мировосприятия Сологуба было почти гностическим (видимо, оно было бы таковым в еще более явной форме, если бы не атеизм писателя и отсутствие тяготения к сложным рафинированным философемам), мир

уродлив и кошмарен, именно поэтому Сологуб столь тщательно подбирает натуралистические детали, что удивляло многих впервые знакомящихся с его творчеством и ожидающих от символизма скорее «снов золотых» – вроде «Огненного ангела» Брюсова – а встречающих скорее декадентный натурализм вроде текстов Арцыбашева. Можно попытаться уйти в мир грез (романтический вариант), но и эти грезы будут перевыражать все тот же ненавистный мир. Сологуб и не пытался скрыть, что фигура Передонова, передоновское мировосприятие во многом несут черты автопортрета. Инверсия превращает творческий код Сологуба едва ли не в самый радикальный в гностическом пессимизме среди символистов первого ряда.

Список литературы

1. Баранцев Р.Г. Избранное. М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. 534 с.
2. Ванюков А.И. «Мелкий бес» Федора Сологуба: авторская мысль и композиция романа. Статья 1 // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 6 (110). С. 182–188.
3. Елубаева А.Е. Мифопоэтика романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2013. № 1–2(141–142). С. 65–70.
4. Осипова О.И. Семиотика конфликта в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 3. С. 27–34.
5. Пайман А. История русского символизма. М.: Республика, 1998. 415 с.
6. Пустыгина Н.Г. Символика огня в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» // [Электронный ресурс]. URL:<http://sologub.lit-info.ru/sologub/articles/pustygina-simvolika-ognya.htm> (дата обращения: 14.03.2021).
7. Розенталь Ш., Фоули Х.П. Символический аспект романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. СПб.: Петро-РИФ, 1993. С. 6–23.
8. Севостьянов Д.А. Инверсивный анализ в управлении. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного аграрного университета, 2017. 286 с.
9. Сологуб Ф. Мелкий бес. СПб.: Наука, 2004. 891 с.
10. Степанов Ю.С. Язык и метод: к современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
11. Ханзен-Леве А. Русский символизм. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.

INVERSIVE SEMIOTIC ANALYSIS OF ROMAN OF F. SOLOGUB «LITTLE DEMON»

V.Y. Lebedev*, A.M. Prilutskij**

*Tver State University, Tver.

**Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

This article is an approbation of the author's method of inverse semiotic analysis and research with the help of this method of a specific literary text – the novel by F. Sologub «The Little Demon». Inverse semiotic analysis is based on the concept of inversion – a special type of relationship in hierarchical structures in which the lower element acquires dominant properties, formally remaining in the same subordinate position. The studies carried out allowed us to identify different levels of inversion in the text of the novel: in the behavior and description of the characters, in the depiction of social and mental processes. This made it possible to conclude that the inversion of semiotic plans forms the semiotic code of the text.

Keywords: *inversion, semiotics, artistic discourse, symbolic representation, categories of meaning.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь. SPIN-код: 2716-5460, e-mail: Semion.religare@yandex.ru.

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. С.-Петербург. SPIN-код: 5578-4800, Scopus Author ID: 57200212326, ORCID ID: 0000-0002-7013-9935, e-mail: Alpril@mail.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD (Philosophy), Professor of the Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru.

PRILUSKII Alexander Mikhailovich – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St.-Petersburg. E-mail: alpril@mail.ru

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 1(091):266.5

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ НЕОКОНФУЦИАНСТВА И МОНАДОЛОГИЯ ЛЕЙБНИЦА

И.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.181

Лейбниц был основателем Академии наук в Берлине, выдающимся математиком и человеком глубоких знаний и широких взглядов. Он стал одним из лучших знатоков китайской философии в Европе. Это произошло потому, что он помогал христианским миссионерам, которые жили в Китае, интерпретировать философские китайские тексты. Но возникает вопрос: можем ли мы сказать, что идеи неоконфуцианства в какой-то степени повлияли на философию Лейбница? Статья предлагает размышления на эту тему.

Ключевые слова: *Лейбниц, монадология, неоконфуцианство.*

Тема статьи может показаться, на первый взгляд, странной: действительно, философские системы принадлежат различным культурам, которые принято противопоставлять как Запад-Восток, а они, согласно Киплингу, сойтись никак не могут. Но философия – особая область человеческого духа, базовые проблемы которой поднимаются над различием цивилизаций и этнических различий, потому что связаны с вечными вопросами бытия. Вопрос в том, в каком времени они обсуждаются и каков его научный потенциал. Если говорить о неоконфуцианстве, то этот культурный феномен возникает в эпоху Сун (960–1279), когда в Китае наблюдается особый духовный расцвет, когда происходит формирование сложного сплава философских идей конфуцианства, даосизма, буддизма с их своеобразными стилями мышления и видения мира. В Китае нет единственного термина, которым обозначается неоконфуцианство. Приведем некоторые из них: «дао сюэ» – «учение о пути»; «ли сюэ» – «учение о принципе»; «син ли сюэ» – «учение об индивидуальной природе и принципе»; «син мин и ли сюэ» – «учение об индивидуальной природе, предопределении, должной справедливости и принципе»; «ши сюэ» – «учение о реальном» и так далее. Отмечу, что из всего многообразия терминов краткий термин «ли сюэ» стал впоследствии устойчивым для обозначения неоконфуцианства. Часто к нему добавляется временной ориентир «Сунь Мин», который указывает на период возникновения и расцвета данного учения в обозначенные эпохи. Таким

образом, речь идет о большом отрезке истории с X по XVII в., когда неоконфуцианство возникает и оформляется на фоне общественно-политических процессов.

Термином «ли сюэ» по сути обозначаются вообще все философские учения этого периода, хотя они чрезвычайно различны. Вот почему до сих пор нет единого взгляда на устойчивые основания неоконфуцианства, что отразилось в его трактовках. С одной стороны, неоконфуцианство рассматривалось как некий синтез идей конфуцианства, даосизма и буддизма; с другой стороны, оно само противопоставлялось даосизму и буддизму; третья точка зрения состоит в том, что неоконфуцианство – плод общественно-политического развития, особая идеология патриархального строя и мандаринов. Кроме того, его считают религией, определяющей стиль жизни народа. Почему оказались возможными столь различные интерпретации неоконфуцианства? Все дело в категориальном аппарате текстов и задачах интерпретаторов. Однако должны же быть специфические черты неоконфуцианства, которые определяют его духовную суть.

Т. де Бари в своем исследовании выявляет две особенности, присущие именно неоконфуцианству (фундаментализм и реставрационизм), и три, присущие конфуцианству (гуманизм, рационализм и историзм). Казалось бы, фундаментализм и реставрационизм (*revivalism*) противоречат друг другу, но это не так. Если фундаментализм подразумевает незыблемость постулатов и положений изначального учения Конфуция и отрицание их переосмысления и новых интерпретаций в зависимости от времени, то возрожденчество подразумевает призыв к политической реставрации современного общества с целью ориентации на этические стандарты древности.

Принцип гуманизма является важнейшим в конфуцианстве: понятия *дао* и *дэ* обрели в «Луньюй» человеческое звучание, продолжившее чжоугуновскую традицию в рамках темы «человек-общество».

Рационализм неоконфуцианства сказывается в следующих моментах: мир воспринимается как воплощение порядка и гармонии; с точки зрения гносеологии человек вполне способен постичь Порядок, поскольку вписан в него, занимает срединное место между природой и Небом; чтобы постичь мир, надо внимательно и прилежно его изучать. Изучению подлежат все: вещи, люди, поступки, институты, сама история. Зачем нужно помнить и изучать свою историю? Т. де Бари пишет, что китайцы «всегда считали историю руководством к нравственному и политическому действию и никогда... не считали, что она имеет ценность сама по себе, а равно не стремились к беспристрастности и объективности, стоящей над всеми доктринальными положениями» [4, с. 43].

Отмечу следующее: определиться со временем и с понятием неоконфуцианства было просто необходимо для того, чтобы понять, с какими философскими источниками работали миссионеры-иезуиты в

Китае того времени и с какими трудностями в плане толкования терминологии они столкнулись, а также, почему им была так необходима помощь в этом деле и советы философа Лейбница. Ключевые положения монадологии Лейбница складывались на протяжении не одного десятка лет и запечатлены не только в философских трудах, но и в обширной переписке философа. Одновременно он очень серьезно интересуется неоконфуцианскими источниками в переводах миссионеров-иезуитов в Китае. Некоторые установки и идеи философской концепции Лейбница внешне вполне соотносятся с идеями даосизма и неоконфуцианства: «По мнению Дж. Нидэма, неоконфуцианство, хотя и не располагало интеллектуальным опытом современной науки, основы которой в Европе заложили Галилей и Ньютон, тем не менее сумело выработать адекватную ее духу философскую доктрину, преодолевающую дилемму механистического материализма и теологического витализма (идеализма) и близкую к идейной традиции, связанной с именами Лейбница, Гегеля, Лотце, Шеллинга, Л. Моргана, С. Александрова, Я.Х. Смэтса, Р.В. Селлера, А.Н. Уайтхеда...» [2, с. 39]. Точка зрения Дж. Нидэма вполне подтверждается, когда знакомишься с перепиской Лейбница.

Монадология – это своеобразная философская концепция, объясняющая гармоническое состояние мира, предустановленное Творцом. Мир Лейбница самодостаточный и пронизан духовностью, как и космос Платона. В нем пульсирует жизнь и царит Порядок. Идея порядка нашла для него еще одно научное подтверждение с момента открытия Лейбницем двоичной системы исчисления, основанной на нуле и единице; И. Буве, правда, сообщил, что за несколько тысячелетий до этого события такое же открытие сделали древние китайские философы, что отражено в «Книге перемен». Тем не менее, немецкий ученый выдвинул предположение, что двоичная система является ключом к пониманию рождения многообразия предметного и духовного мира, но как пользоваться этим ключом, Лейбниц не знает. То, что двоичная система каким-то образом обеспечивает динамику мира, его устойчивость и гармонию, для него было очевидным фактом. Однако ему становится ясным и другой момент: что существует более древняя идея гармонии универсума даосского типа, о которой Лейбниц был весьма осведомлен, обсуждая с интеллектуалами-иезуитами, живущими в Китае, особенности философского категориального аппарата как неоконфуцианских, так и даосских текстов.

Вместе с христианскими миссионерами Лейбниц активно обсуждает смысловые грани китайских философских категорий, выбирая те, которые более соответствуют христианским трактовкам. Прежде чем остановиться на одной конкретной трактовке понятия, они активно рассматривают другие. Замечу, что от выбора перевода категорий зависела интерпретация всей философской системы. Хочу подчеркнуть, что Лейбниц не является апологетом христианства сурового ортодоксального

толка. Например, когда он размышляет о том, как в истории китайских учений одна и та же категория со временем меняет свой смысл по воле авторов, отстаивающих свою точку зрения, то считает это вполне допустимым. Китайцы имеют на это право, как, впрочем, и христиане, «которые, как пишет он, – не обязаны все время следовать истолкованию Священного Писания, учениям отцов церкви и древним законам, данным схоластами, глоссариями или какими-либо другими позднейшими интерпретаторами» [3, с. 272]. Он так же оставляет за собой свободу интерпретаций, пытаясь помочь миссионерам привить или приспособить христианство к духовным основам китайской культуры.

Он обращается к главным категориям китайской философии, среди которых – сложнейшее понятие – (принцип) *ли*, потому что за ним через всю историю китайской мысли тянется шлейф интерпретаций: «На русском языке его передают как “принцип”, “закон”, “правило”, “правильность”, **“порядок”** (курсив мой. – *И.Ф.*), “теория”, “истина”, “резон”, “мотив”, “норма”, “основание”, “атрибут”, **“справедливость”** (курсив мой. –*И.Ф.*), “идеал”, **“разум”**, “разум-закон”, **“разумное начало”**, “логос”, “ноумен”, “душевные качества”, “правда вещей”, “структуры”...» [2, с. 164]. Согласитесь, что многообразии переводов термина впечатляет. Хочу отметить, что данная категория поворачивается то онтологической, то гносеологической, то этической гранями. Если обращаться к трактовке этой категории отцом Лонгбарди, который возглавил миссию после Маттео Риччи, то он полагал, что *ли* – это первопринцип, причина или основание природы в целом и порождает пять нравственных качеств: почтительность, справедливость, благочестие, благоразумие, верность. С точки зрения онтологии, в зависимости от выбора трактовки данной категории философская система может окраситься в пантеистические тона, а может и в деистические, а может нести на себе печать органицизма в духе Уайтхеда. Вероятен и другой вариант, который гораздо ближе немецкому ученому: объявить китайцам, что *ли* есть не что иное, как надмировой разум, «первое деятельное начало», пребывающее вне материи. Лейбниц говорит о том, что принцип *ли* в конфуцианстве означает первопринцип, который выступает создателем *ци*, то есть материи. Но у китайцев не было вообще термина «материя». Термин употребляется во множественном числе и обозначает частицы-энергии, имеющие скорее оттенок духа, потому что трактуются как живая сила. Этот термин очень напоминает монады Лейбница, из которых составлено все многообразие феноменального мира. Отец Лонгбарди утверждал, что *ли* выступает причиной и основанием природы в целом. Однако *ли* имманентно миру и с понятием Бога не имеет ничего общего, потому что там, где господствуют *ли* и *ци*, он вообще отсутствует. В европейской философии, начиная со времен Древней Греции, индивидуацией, как функцией, обладает только материя. С точки зрения западной философской традиции, отношение общего и еди-

ничного сложно представить вне теории идеального, ведь именно оно выступает общим для множества конкретных вещей. Монадология Лейбница – попытка совместить идею Творца с идеей органической философии жизни, если можно так выразиться. Идея немецкого мыслителя о возникновении жизни из семени, о которой шла речь выше, отправляет нас к еще одной интерпретации категории **ли**: о тождестве *ли* и *logos spermatikos* стоиков. Дж. Нидэм утверждал следующее: «семенной логос – это сам Бог, как органический принцип космического процесса, который он направляет к рациональной и моральной цели (*end*), более поздними стоиками Бог был идентифицирован с универсальной материей, а также с творческой силой, формирующей её» [2, с. 166]. Тем не менее, мы обнаруживаем у стоиков идею противопоставления души и тела, а вот в китайской философии не наблюдается необходимости такого противопоставления. Вот почему понятия «**ли**» и «**ци**» **жестко не противопоставлялись**, ведь души образовывались из **ци**, только из более тонких видов. Заметьте, что монады тоже различаются у Лейбница степенью восприятия и мыслятся как простые и сложные (те, которые обладают памятью и способностью познания). Тела и души он не противопоставляет, но указывает, что тела после распада, как и души, сохраняются. Вполне возможно, что знание китайской философии и её категорий повлияло на становление монадологии.

Есть еще один существенный момент: если обратиться к этимологии категории «**ли**», то в древности оно означало узор на вещах, волокна бамбука, измеривание полей, устройство земельных площадей. А.И. Кобзев уточняет: «Не случайно в своей основной части (без позднее добавленного ключа “юй” – «нефрит») иероглиф “**ли**” состоит из элементов “тянь” – “поле” и “ту” – почва» [2, с. 167]. Таким образом, в канонических текстах это понятие связывалось с землей и никак не может быть отождествлено с формой и идеей или противопоставлено пониманию **ци** как материи. Я привожу эти сведения для того, чтобы проиллюстрировать, насколько сложно было исследователям философии древнего Китая и Лейбницу в том числе разобраться в смысле основополагающих понятий, которые они могли интерпретировать только исходя из символического контекста и горизонта собственной культуры и руководствуясь понятийным аппаратом известных им философских концепций.

С другой стороны, Лейбниц руководствуется практическими задачами католической миссии в Китае и ищет в китайской философии место для Творца, советуя иезуитам детально проанализировать **понятие «ли»**. Лейбниц рекомендует объявить *ли* аналогом Бога, ведь оно называется также высшим единством, которое выступает началом всех сущностей мира. С другой стороны, представляет собой «совершеннейшее множество, поскольку в целостности этого принципа заключены, как в их зародыше, все сущности (*essences*) вещей. Мы об этом го-

ворим, поскольку учим, что идеи – простейшие разумные сущности (*raisons primitives*) и прототипы всех сущностей находятся в Боге» [3, с. 276]. Совершенно очевидно, что он пытается интерпретировать китайское понятие в собственном ключе, и у него возникают близкие христианскому образу мышления аналогии: «Китайцы называют свое *ли* шаром или кругом. Я полагаю, что это похоже на нашу манеру выражения, когда мы говорим, что Бог есть сфера или круг, центр которых в каждой точке, а поверхность или окружность – в бесконечности (*nulle part*)» [3, с. 277]. Таким образом, сопоставив все значения термина *ли*, Лейбниц приходит к выводу о неуместности «выдавать *ли* китайцев, которое есть разум или упорядочивающее начало, за первоматерию» [3, с. 277].

Итак, мы видим с одной стороны, попытку интерпретировать китайскую философскую категорию исходя из христианской философской традиции, а с другой стороны, знакомство с китайской философией оказывает влияние на воззрения Лейбница.

Вторая основополагающая категория китайской философии – «*ци*». Она переводится исследователями очень по-разному: материя, воздух, пар, газ, духовные токи, дыхание, жизненная сила, эфир, энергия, флюиды. Эту категорию никак нельзя отождествлять с материей. Дж. Нидэм особо отмечал, что «утонченность *ци* можно передать с помощью понятий “эфирные волны” или “радиоактивное излучение”» [5, с. 472]. *Ци* обладает духовным смыслом и напоминает аёг Анаксимена, отождествленный им с душой (*psychè*) и дыханием (*pneuma*). *Ци* даже трудно назвать частицей, ведь частица имеет отношение к материи, а её нельзя мыслить как дискретный атом (как, впрочем, и монады Лейбница). Через сгущение и распад *ци* нельзя описывать изменение агрегатного состояния веществ, потому что «великий предел, еще не обладающий ни образами, ни числами, – это только единая пневма (и *ци*)» [2, с. 310].

Будучи знакомым с даосизмом, он видит, что проблема появления всего сущего там описывается символическим языком. Действительно, если обратиться к «Дао дэ цзину», то в параграфе 42 зафиксирована следующая мысль: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три рождает все существа. Все существа носят в себе *инь* и *ян*, наполнены *ци* и образуют гармонию» [1, с. 46]. Другой перевод звучит так: «Дао порождает Одно, Одно рождает Два, Два рождает Три, а Три порождает всю тьму вещей. Вся тьма вещей несет в себе силу Инь, содержит силу Ян, наполняясь энергией Ци, смешивается во взаимном движении» [6].

Интерпретаторы данного фрагмента склоняются к тому, что *одно* – это хаос как первоначальный способа существования, *Дао*; два – легкие и тяжелые *ци*, из комбинации которых возникли небо, земля и сам человек. Поскольку *ци* является не только мельчайшими первоэlemen-

тами материального мира, но и заряжены энергией жизни, неудивительно, что в даосской традиции мир предстает как пульсирующий, изменяющийся, пребывающий в естественном развитии, и смерть оказывается необходимым моментом его существования. (Кстати, у Лейбница, смерть тоже выступает моментом бытия, потому что не означает полного распада и уничтожения тела; оно сохраняет каким-то непостижимым образом связь с душой). Помимо дао в китайском тексте фигурирует понятие «дэ», которое ассоциируется с великим нравственным законом с одной стороны, и трактуется как некая эманация дао в мире, делающая дао доступным для постижения: «Содержание великого дэ подчиняется только дао. Дао бестелесно. Дао туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности содержатся образы. Оно туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности скрыты вещи. Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверности» – так написано в параграфе 21 [1].

Во времена Лейбница в Китае полагали, что всякий организм или вещь есть конкретная комбинация *ци*, а смерть – их распад. Монады Лейбница очень напоминают *ци* в том смысле, что *ци* и монады – не самостоятельны: монада порождается Творцом, и от Него зависит прекращение ее существования; *ци* зависят от Дао, как истока всего сущего, воплощающего в себе также закон существования и динамики мира. В заключении хотелось бы отметить, что с точки зрения Дж. Нидэма неоконфуцианство, несмотря на отсутствие научной базы наподобие той, что была создана в Европе XVII в., смогло предложить «философскую доктрину, преодолевающую дилемму механистического материализма и теологического витализма (идеализма) и близкую к идейной традиции, связанной с именами Лейбница, Гегеля, Лотце, Шеллинга...» [5, с. 493]. Создание философской системы – сложный процесс, и в данном случае не исключено, что соприкосновение с философскими идеями неоконфуцианства повлияло в какой-то степени и на творчество самого Лейбница, который был человеком глубоких знаний и широких взглядов.

Список литературы

1. Дао дэ цзин. Санкт-Петербург: «Азбука»; Книжный клуб «Терра», 1996. 94 с.
2. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит., 2002. 606 с.
3. Лейбниц Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М.: Российская Академия Наук, Институт Философии (ИФ РАН), 2005. 404 с.

4. De Bary W.Th. Individualism Humanitarianism in Late Ming Thought // Self and Society in Ming Thought / ed. by W. Th. de Bary. New York: Columbia University Press, 1970.
5. Needham J. Science and Civilization in China. Cambridge: Cambridge: University Press, 1956. V. 2. 697 p.
6. 42 стих. [Электронный ресурс]. URL:nutmeg.narod.ru/laoczi/42.ht (дата обращения: 22.05.2021).

MAIN CATEGORIES OF NEO-CONFUCIANISM AND LEIBNIZ'S MONADODOLOGY

I.A. Frolova

Tver State University, Tver

Leibniz was the founder of the Academy of Sciences in Berlin, outstanding mathematician and man of deep knowledge and broad views. He became one of the best experts in Chinese philosophy in Europe. It happened because he helped Christian missionaries, who were living in China, to interpret Chinese philosophical texts. But the question arises: can we say, that the ideas of neo-Confucianism to some extent influenced Leibniz's philosophy? The article offers reasoning on this topic.

Keywords: *Leibniz, monadology, neo-Confucianism.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. SPIN-код: 6582-8906, e-mail: star63@yandex.ru

Author information:

FROLOVA Irina Alekseevna – PhD (Philosophy), Assoc. Professor of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: star63@yandex.ru

УДК 1(091)

НОВЕЙШИЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ГИПЕРБОРЕЕ (2010–2020 ГГ.)

О.А. Матвейчев

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.189

Статья посвящается анализу ряда исследований, касающихся мифологии Гипербореи и появившихся в зарубежной научной литературе в последнее десятилетие (2010–2020 гг.) В России тема Гипербореи до известной степени дискредитирована интересом к ней многочисленных эзотериков и националистов; в зарубежных изданиях интерес к данной теме, однако, не затухает. Норвежский филолог П. Сандин вскрывает культурно-политическую подоплеку древних концепций географической принадлежности Гипербореи, в т. ч. Пиндара, намеренно сделавшего из гиперборейцев своего рода «анти-скифов». Плодом кропотливой работы Сандина стал подробнейший каталог гиперборейцев, упомянутых в античной литературе от Пиндара и Геродота до византийских грамматиков и историков. Польский историк Я. Хохоровски на основании археологических материалов делает предположение, что «гипербореями» делосцы называли народы, жившие с северной стороны Карпат, в бассейне Вислы и Варты. Белградские ученые А. Палавестра и М. Милосавлевич демонстрируют, как легко может стать политически ангажированной любая версия географической принадлежности Гипербореи. Делают они это на примерах М. Васича, отождествившего Гиперборею с открытой им древнейшей цивилизацией Винча, М. Будимира, узнавшего в гипербореях славян, и Д. Гарашанина, локализовавшего Гиперборею в Подунавье. Итальянский религиовед М. Интровинье вскрывает эзотерические основания коста-риканского национализма, обращающегося к гипербореанской метафорике для обоснования исключительности своей нации. Дж. Арнольд (Варшава) анализирует концепцию Гипербореи в творчестве основоположника традиционализма Р. Генона. Л. Уэбб (Гётеборг) исследует способы бытования мифов о Туле и Гиперборее в римской литературе от Катулла до Сидония Аполлинария.

***Ключевые слова:** история философии, мифология, религия, археология, Древняя Греция, Гиперборея, Туле.*

Тема Гипербореи, легендарной страны «по ту сторону северного ветра», до известной степени дискредитирована в России интересом к ней многочисленных эзотериков и националистов. Всякое обращение к ней рискует навлечь на автора обвинения в мракобесии или урапатриотизме. Главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН В.А. Шнирельман, например, объясняет рост внимания

к гиперборейской тематике в постсоветской России политическими нуждами «русских националистов», размечтавшихся предотвратить совершенно закономерный и справедливый, с точки зрения прозападного либерала, процесс распада российского государства, придумав «убедительные исторические аргументы в пользу сохранения единства страны» [16, с. 345]. Опасность гиперборейского мифа Шнирельман, а вместе с ним и вся прочая «прогрессивная общественность» видят в том, что он «легитимизирует современные границы России», позволяет русским «тешить себя иллюзиями о восстановлении статуса супердержавы, каковой являлся СССР», а также дает Российской Федерации «право претендовать на владение Арктическим шельфом, что является важным козырем в современной “борьбе за Арктику”» [16, с. 511–513].

Отсюда – некоторое снижение количества публикаций в российской научной литературе, посвященных тем или иным аспектам античного гиперборейского мифа¹. В зарубежных изданиях интерес к данной теме, однако, не затухает, о чем свидетельствует немалое количество соответствующих публикаций.

Разработка гиперборейской проблематики традиционно ведется по нескольким направлениям. Так, огромный интерес до сих пор представляет проблема географической принадлежности гипербореев у античных авторов. Диапазон их локализации у различных исследователей, как известно, чрезвычайно широк – от Атлантики до Китая и от Арктики до турецкой Ликии (нынешняя Анталья) – авторы различных стран и эпох выбирали гиперборейцам место их обитания в соответствии с персональными вкусами и уровнем географических знаний своего времени².

Чаще всего ответ на вопрос, где жили гиперборейцы, ученые пытались дать, изучая приведенный Геродотом маршрут передачи на Делос жертвенных даров, которые отправляли на священный остров Делос не только гиперборейцы, но и все народы, почитавшие Аполлона и Артемиду. После неудачного посольства Гиперохы и Лаодики гиперборейцы впредь передавали дары по цепочке через своих соседей – ариаспов, исседонов, скифов (Hdt. IV 33).

Сообщения Геродота о гиперборейских дароносицах спустя многие столетия были удостоверены открытиями археологов. «Раскопки Ш. Пикара, Ж. Репля и Ф. Курби в 20-х гг. XX в. открыли погребения гиперборейских дев на Делосе, там, где поместил их Геродот. В 1946 г. было открыто святилище Артемиды. Могила Гиперохы и Лаодики представляла собой вырубленную в материке платформу, окруженную стеной. Рядом с могилой были найдены фрагменты керамики, датированные

¹ Восполнить его на протяжении пяти последних лет пытается автор данной статьи – см. [1; 5–14].

² С историей вопроса можно познакомиться в нашей книге [1, с. 60–65; 209–213].

XVI в. до н.э. – началом XV в. до н.э. Погребение Арги и Опис представляло собой гробницу микенского типа с широким дромосом. В эллинистическое время могила была окружена стеной. Перед стеной была найдена четырехугольная плита, как полагают, основание алтаря. В этом захоронении содержались человеческие останки, а также два кикладских и три микенских сосуда. Обе могилы были местом почитания гиперборейских дев, культ которых не прервался на Делосе в период так называемых “темных веков”, в XII–VIII вв. до н.э.» [2, с. 66–67].

Историческая реальность даров гипербореев, таким образом, подтвердилась, однако относительно их родины споры отнюдь не закончились. Так, даже в XX в. нередко высказывались предположения о близком родстве (если не о тождестве) гипербореев со скифами. В качестве аргумента приводился, например, фрагмент из гесиодической поэмы «Каталог женщин» (VI в. до н.э.) о «пышноконных гиперборейцах» ([Hesiod.] Cat. fr. 150), который, казалось бы, напрямую связывает их с народами великой евразийской степи. Кроме того, о близости гипербореев скифам мог свидетельствовать фрагмент из «Делосских дев» Кратина (VI–V в. до н.э.), сохранившийся у Гесихия: «...гиперборейцы, которые хранят почетные венки под открытым небом» (Cratin. fr. 22 CAF), указывающий на то, что гиперборейцы, подобно скифам, не строили храмов богам. И, наконец, на подобные мысли наводило перечисление Платонов в одном ряду фракийского Залмоксиса и «Абариса-гиперборейца» как лекарей, умеющих лечить головную боль заклинанием (Plat. Charm. 158b) – в представлениях греков фракийцы и скифы нередко смешивались как «варвары Севера».

По замечанию норвежского филолога, профессора Бергенского университета Пера Сандина, все эти намеки на скифское происхождение гиперборейцев противоречат другому принципиально важному античному сюжету о гиперборейцах, а именно, что они были избранным народом Аполлона [23].

Наиболее ранним из утверждавших это источников является поэт Алкей с Лесбоса (VII–VI в. до н.э.) По его словам, донесенным позднеантичным ритором Гимерием, сразу после рождения юный бог Аполлон был оснащен Зевсом золотой лирой и запряженной лебедями колесницей и направлен в Дельфы и к среброводному Кастальскому источнику, чтобы вещать оттуда «правду и правосудие всем эллинам». Вопреки воле отца тот, однако, немедленно отправился в Гиперборею и прорицал там целый год, прежде чем решил, что пора бы уже и «зазвучать дельфийским треножникам» (Himer. Orat. XIV 10) (цит. по [3, с. 407–408]).

В качестве народа Аполлона гиперборейцы фигурируют, по мнению Сандина, и в «гомеровском» гимне «Дионис и разбойники» (Hymn. Hom. VII 29), а также, косвенно, у ямбического поэта Анания (VI в. до н.э.):

Великий Феб! Владыка Дельф и Делоса,

*Милета, Наксоса, святого Клароса,
Приди в свой храм иль отправляйся в Скифию*
(Anap. fr. 1 IEG) [4, с. 154].

Скифией здесь, по мнению Сандина, также может называться Гиперборея, вотчина Аполлона [23, р. 21].

У Пиндара, представителя дорической поэзии, Гиперборея идеализируется как далекая, почти сказочная страна, где жизнь проста и беззаботна, люди добры и благочестивы, где нет ни войн, ни болезней, а земля тучна и урожайна. Из сохранившихся источников именно у Пиндара гиперборейцы впервые представляются сказочными «небожителями», обладающими сверхъестественными способностями (Pind. Ol. III 16–17). Эта тенденция сохранится в античной культуре на целое тысячелетие.

Сандину представляется очень важным то обстоятельство, что у Пиндара «нет ничего, что предполагало бы близость гиперборейцев к скифам – будь то по родству, либо же географическому расположению. Напротив, он, кажется, намеренно изображает своих гиперборейцев отчетливо *не-скифскими* – насколько это только возможно. В двух его поэтических циклах есть ряд деталей, относящихся к их обычаям и географическому региону, которые предполагают, что намерение Пиндара, возможно, состояло в том, чтобы превратить их в настоящих *антискифов*» [23, р. 23–24].

Одна из таких деталей – использование гиперборейцами для жертвоприношений ослов (Pind. Pyth. X 34–36): греки были уверены, что у скифов в силу холодного климата нет ни ослов, ни мулов (на этот факт позднее указывал и Геродот, рассказывавший о том, как персидские ослы своим ревом повергали в бегство нападавшую на войска Дария скифскую конницу (Hdt. IV 129).

В третьей Олимпийской песне Пиндар выражается еще более определенно, помещая Гиперборею, где Геракл заплучил ростки оливы – дерева, «осеяющего мужей и венчающего подвиги» – у тенистых истоков Истра (Pind. Ol. III 12–18), то есть, в землях, лежащих, по представлению греков (см. Hdt. II 33), далеко на северо-западе, на противоположном от скифов конце Европы.

Совершенно чуждыми для скифов считались и флейты, звучавшие повсюду у гиперборейцев, и полное отсутствие кровожадности. Таким образом, по предположению Сандина, версия Пиндара выступала как заведомо ревизионистская по отношению к сообщениям Анания, Гесиода и, возможно, Аристея, автора поэмы «Аримаспея». Дорическое происхождение Пиндара объясняет западное расположение гиперборейцев в его песнях, а также, возможно, их связь с культом Аполлона, почитавшимся среди дорийцев больше, чем среди ионических греков.

Выявив «сделанность» легенд Пиндара и ряда более поздних авторов, Сандин делает вывод, по его выражению, «на прозаической но-

те»: «За исключением мифов об Абарисе и гиперборейских девушках, которые могли возникнуть из подлинных воспоминаний замечательных паломников с севера, гиперборейцы в более древней литературе не выглядят как отражающие освященные веками устные традиции. Скорее, они представляют собой сравнительно позднюю чисто литературную конструкцию, основанную на стимулах для воображения, вызванных поразительно многообещающим названием “Люди по ту сторону северного ветра”» [23, р. 30].

Если Сандин, как филолог, лишь пытается вскрыть подоплеку тех или иных концепций географической принадлежности Гипербореи, то профессиональные археологи выдвигают относительно нее конкретные гипотезы. Впрочем, зачастую эти гипотезы имеют явную национальную окраску.

Так, директор Института археологии Ягеллонского университета (Краков) Ян Хохоровски предположил, что «гиперборейцами» делосцы называли народы, жившие на территории современной Польши. Логика его такова: по сообщению Геродота, гиперборейцы передавали свои жертвенные дары через скифов, но какие именно скифы имеются здесь в виду? Явно не причерноморские, иначе они переправляли бы дары на Делос не сухопутным путем, как указано у Геродота, а морским. «Решение этой дилеммы, – утверждает Хохоровски, – может быть только одно: “скифы” из сказания делосцев – это не причерноморские (настоящие) скифы, а сообщества со скифообразной культурой (археологическая культура Векерзуг), ... носящие мидийскую/скифскую одежду, т. е. *сигинны* из рассказа Геродота³, ... обитавшие на квазистепной территории Венгерской низменности» [15, с. 73].

Гиперборейцы же, как явствует из самого их названия, жили выше сигиннов, т. е. с северной стороны Карпат, в бассейне Вислы и Варты⁴. Они имели традиции, характерные еще для модели культур урновых полей эпохи поздней бронзы, были оседлым, земледельческим народом, что и отразилось в символике вотивных даров, завернутых «в пшеничную солому».

Сюжет о гиперборейских дарах свидетельствует, согласно Хохоровски, о существовании общих религиозных ценностей в Европе, средиземноморская и «варварская» части которой составляли тогда культурное (идейное) единство. «Состояние географического и культурного сознания и масштабы взаимопроникновения обоих миров были, вероятно, гораздо большими, чем об этом можно судить, исходя только из количества, привлекательности и познавательного потенциала сохранив-

³ Hdt. V 9.

⁴ Примечательно, что обе эти реки упоминаются в государственном гимне Польши.

шихся предметов “импорта” – материальных археологических следов взаимной заинтересованности этих миров» [15, с. 75].

О том, как любая версия географической принадлежности Гипербореи, высказываемая даже профессиональным ученым-археологом, рискует стать политически ангажированной, повествует статья белградских ученых Александра Палавестры и Моники Милосавлевич «Гиперборея в сербской археологии» [21]. Одним из ярких примеров являются работы знаменитого сербского археолога Милое Васича (1869–1956), открывшего древнейшую цивилизацию Винча. Сравнивая археологические находки из Делоса и Винчи, Васич нашел между ними много общего – обычай захоронения мертвых в гробницах с дромосами, сходства в керамике, форме статуэток и т. д. – на основании чего сделал вывод о существовании культурных связей между Эгейдой и Дунаем в бронзовом веке. По предположению Васича, эгейцы совершили культурную экспансию в долину Дуная, сформировав «гиперборейскую» культуру Винча, а отсюда позднее разошлись двумя потоками – один на северо-запад Европы, а другой – в континентальную Грецию (т. н. вторжение северных племен).

Идею Васича о балканских гиперборейцах развил известный сербский филолог Милан Будимир (1891–1975), узнавший в гиперборейцах славян, – народ столь же миролюбивый, справедливый и любящий песни. В свою очередь, археолог Драга Гарашанин (1921–1997) опознал в антропоморфном птицеголовом возничем знаменитой керамической колесницы из Дупляи (конец II тыс. до н. э.) фракийского предшественника Аполлона – божества, связанного в древнегреческой мифологии с гиперборейцами (запряженная лебедями колесница – излюбленное средство передвижения Сребролукого бога (Himer. Orat. XIV 10)). В связи с этим Гарашанин без тени сомнения локализовал землю гиперборейцев в районе Дуная, на территории современной Сербии.

Несмотря на то, что Гарашанин в целом следовал идее Васича, сам мэтр обрушился на работу своего более молодого коллеги с острой критикой, настаивая, что колесница из Дупляи – не что иное как подделка, поскольку фигура возничего прячет наготу под длинным платьем, в то время как в греческой культуре нагота не являлась постыдной. Однако «Дупляйский Аполлон» до сих пор остается одним из центральных мотивов сербской археологии, порождая все новые и новые интерпретации.

Палавестра и Милосавлевич подчеркивают, что Гиперборея является «законным предметом научного интереса в историографии, археологии и лингвистике» [21, р. 121], хотя и нередко выступает «плодородной почвой» для возвращения различных расовых и националистических теорий, идеологий, псевдонаучных доктрин.

Эта идея звучала и в докладе на хельсинкской конференции Европейской ассоциации по изучению религий (июнь 2016 г.) итальянско-

го религиоведа Массимо Интровинье, посвященном эзотерическим основаниям коста-риканского национализма [19]. По мнению Интровинье, на Коста-Рике сформировалось два варианта национализма: христианский национализм, связанный с католической идентичностью Коста-Рики, и эзотерический национализм, исповедуемый светской либеральной элитой. Последний возник во многом под влиянием Теософического общества, основанного в стране в 1904 г. и представленного такими фигурами, как Томас Поведано и Мария Фернандес Ле-Капейян (жена будущего президента Коста-Рики Федерико Тиноко). Коста-риканские теософы настаивали на особом положении их страны в эзотерической космологии и происхождением костариканцев от атлантов. Эзотерический национализм, зиждившийся на модных в начале XX в. расовых теориях, получил широкое распространение не в малой степени благодаря специфике этнического состава населения (Коста-Рика – самая «белая» страна Латинской Америки). На протяжении десятилетий он являлся значительным компонентом коста-риканской культуры и серьезным конкурентом католической версии национализма.

К началу XXI в. эзотерический национализм в Коста-Рике выродился в особую форму неонацизма. Среди его представителей – т. н. Коста-риканское общество Гиперборейского копья (*Sociedad Costa Rica de la Lanza Hiperbórea*). Идеология этого движения представляет собой причудливый коктейль из учений Е. Блаватской, Р. Генона, Ю. Эволы, М. Серрано. По убеждению коста-риканских «гиперборейцев», именно они являются чистокровными «арийцами», потомками инопланетян с Альдебарана, высадившихся в Гиперборее и вошедших в связь с представительницами «высшей» земной расы – кроманьонцев. После разрушения Гипербореи арийцы создали Атлантиду, и уже оттуда часть из них переселилась в Центральную Америку, а именно в Коста-Рику, сохранившую таким образом цвет человеческого генофонда.

Ряд аспектов эзотерической концепции Гипербореи рассматриваются в работе философа-евразийца Джейфа Арнольда, посвященной Рене Генону, основоположника и ярчайшего представителя традиционализма [17]. Гиперборея как «первоначальный Эдем» относилась, по Генону, к области сакральной географии, и ее поиски должны носить не эмпирический, а духовный характер. Экзистенциальный Север являлся изначальной ориентацией и истоком традиции – именно это, по Генону, утверждают Веды, равно как и другие сакральные тексты.

Допустимый объем публикации не позволит подробно проанализировать всю зарубежную научную литературу по Гиперборее, появившуюся за последние десять лет. В нескольких словах представим еще несколько весьма интересных, на наш взгляд, работ.

Льюис Уэбб из Гёттеборгского университета исследует способы бытования мифов о Туле и Гиперборее в римской литературе от Катуллы до Сидония Аполлинария (I в. до н. э. – V в. н. э.) [24]. Автор демон-

стрирует изменчивость коннотаций, связанных с этими географическими понятиями. Если, например, Вергилий и Гораций использовали «северные» метафоры для восхваления римского духа завоеваний (Рим распространит свою власть за самые дальние пределы, до самого края света), то Катулл, Сенека и Лукан с помощью тех же метафор язвительно критиковали автократические амбиции и стяжательство римских властителей.

Мирела Авдагич, филолог-классик из Белграда, изучает историю древнего Севера, каким его представляли греческие и римские географы в период с I в. до н. э. до VI в. н. э. [18]. Она обращает внимание читателя на тот факт, что география не была для древних строго научной дисциплиной в современном смысле, оперирующей понятиями долготы и широты, точными координатами объектов и т. п. Древняя география работала не только с материальными данными, но и с метафизикой, с мифом. И та же Гиперборея была для древних не только некой «точкой на карте», но и сложной и изменчивой системой представлений. Она выступала и началом греческого мира, как родина матери Аполлона, и концом классического мира, как источник варварских захватчиков. Коротко говоря, заключает Авдагич, «идея Севера в древности стояла где-то между картами и мифами» [18, р. 78].

Андреа Намерова, специалист по скифской археологии из Трнавского университета (Словакия), опубликовала в братиславском журнале *Historická revue* обзорную статью под названием «Миф о Гиперборее» [20]. В небольшой по объему статье прослеживается развитие мифологии Гипербореи от Гесиода до наших дней, выявляется ряд этапов и направлений в развитии представлений о Гиперборее в гуманитарной мысли самого широкого спектра – от академической истории до поэзии и эзотерики, критически рассматриваются попытки географической локализации Гипербореи. Рассматривается репрезентация гиперборейского вопроса в науке и публичном дискурсе, исследуется его роль в конструировании национальных идеологий.

Отдельного внимания заслуживает подробнейший каталог гиперборейцев, упомянутых в античной литературе от Пиндара и Геродота до византийских грамматиков и историков, – плод кропотливой работы уже знакомого нам норвежского филолога Пера Сандина [22]. Сандин предупреждает возможных критиков, что не собирается обсуждать здесь вопросы исторической реальности гиперборейцев: его работа чисто филологическая.

Каждая статья каталога начинается списком источников, где фигурирует тот или иной персонаж, дается характеристика персонажа (фактически, биографическая справка, если это возможно), комментируются особенности источников и содержащиеся в них филологические проблемы. Каталог Сандина в своем роде уникален, и он станет отличным подспорьем в работе филологов, историков и философов, интере-

сующихся Гипербореей – одной из интереснейших и загадочных страниц истории античного мира.

Список литературы

1. Беляков А.В., Матвейчев О.А. Гиперборея: приключения идеи. М.: Книжный мир, 2019. 416 с.
2. Колосовская Ю.К. Агафирсы и их место в истории племен Юго-Восточной Европы // Вестник древней истории. 1982. № 4. С. 47–69.
3. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.
4. Корпус древнегреческой поэзии. Вып. V. Ранние элегии, ямбы, эпиграммы (VIII–V вв. до н. э.) / сост. Ю.С. Лукач. Екатеринбург, 2016. 223 с.
5. Матвейчев О.А. Семь чудес гиперборейца Абариса // Философская мысль. 2016. № 5. С. 26–35.
6. Матвейчев О.А. Аристей Проконнеский, духовидец, свидетель Гипербореи // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 256–266.
7. Матвейчев О.А. Гиперборея и гиперборейцы в трудах античных ученых // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 291–309.
8. Матвейчев О.А. Гиперборея как предмет научного интереса в Средневековье и Новое время // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 5. С. 262–279.
9. Матвейчев О.А. Гиперборейский вопрос в XIX–XX веках // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 67–85.
10. Матвейчев О.А. Гиперборея как «свое иное» русской мысли. М.: Граница, 2018. 52 с.
11. Матвейчев О.А. Гиперборейцы в Греции. Опис, Арга и другие посланники богов-близнецов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 3. С. 4–11.
12. Матвейчев О.А. Истоки культа Аполлона и первопоэт Олен // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 7–21.
13. Матвейчев О.А. Культ Илифии и его поглощение культом Артемиды // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 4. С. 103–115.
14. Матвейчев О.А. Псевдоплатоновский «Аксиох» как исторический источник // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2020. № 2 (52). С. 189–198.
15. Хохоровски Я. Сибирские и европейские гипербореи в рассказе Геродота – литературный миф или эхо исторической действительности // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 72–78.
16. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2015. Т. 1. 536 с.

17. Arnold J. Thinking in Continents: Hyperborea and Atlantis in René Guénon's Conception of Tradition // Academia.edu. 2018. July 23 / [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/37107075/Thinking_in_Continents_Hyperborea_and_Atlantis_in_Ren%C3%A9_Gu%C3%A9non's_Conception_of_Tradition (дата обращения: 04.10.2020).
18. Avdagic M. The North in Antiquity: Between Maps and Myths // Visions of North in Premodern Europe. Turnhout: Brepols Publishers, 2018. P. 59–80.
19. Introvigne M. Esoteric Movements and Nationalism in Costa Rica. From Theosophy to Hyperborea // Center for Studies on New Religions (CESNUR). 2016. June 29 / [Электронный ресурс]. URL: https://www.cesnur.org/2016/costa_rica_helsinki.pdf (дата обращения: 04.10.2020).
20. Námerová A. Bájna Hyperborea // Historická revue. 2013. № 8. S. 21–27.
21. Palavestra A., Milosavljevic M. Hyperborea in Serbian archaeology // Archaica. 2016. № 4. P. 119–140.
22. Sandin P. Famous Hyperboreans // Nordlit. 2014. № 33. P. 205–221.
23. Sandin P. Scythia or Elysium? The Land of the Hyperboreans in Early Greek Literature // Visions of North in Premodern Europe. Turnhout: Brepols Publishers, 2018. P. 13–33.
24. Webb L.M. Inter imperium sine fine: Thule and Hyperborea in Roman Literature // Visions of North in Premodern Europe. Turnhout: Brepols Publishers, 2018. P. 35–58

THE LATEST FOREIGN RESEARCH ON HYPERBOREA (2010-2020)

O.A. Matveychev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The article is devoted to the analysis of a number of studies concerning the myth of Hyperborea that appeared in foreign scientific literature in the last decade (2010–2020). In Russia, the topic of Hyperborea is to a certain extent discredited by the interest of numerous esotericists and nationalists; in foreign publications, however interest in this topic does not fade. The Norwegian philologist P. Sandin reveals the cultural and political background of the ancient concepts of the geographical affiliation of Hyperborea, for example, that of Pindar, who deliberately made a kind of «anti-Scythians» out of the Hyperboreans. The fruit of Sandin's painstaking work was a detailed catalog of the Hyperboreans mentioned in ancient literature from Pindar and Herodotus to Byzantine grammarians and historians. The Polish historian J. Chokhorowski, on the basis of archaeological materials, makes the assumption that the Delians called the peoples who lived on the northern side of the Carpathians, in the basin of the Vistula and Warta, «Hyperboreans». Belgrade scientists A. Palavestra and M. Milosavljevic demonstrate how easily any version of

the geographical affiliation of Hyperborea can become politically engaged. They do this on the examples of M. Vasich, who identified Hyperborea with the discovered by him ancient civilization of Vinch; M. Budimir, who recognized the Slavs in Hyperborea; D. Garashanin, who placed Hyperborea in the Danube. The Italian religious scholar M. Introvigne reveals the esoteric foundations of Costa Rican nationalism, which turns to the Hyperborean metaphor to substantiate the exclusiveness of his nation. J. Arnold (Warsaw) analyzes the concept of Hyperborea in the works of the founder of traditionalism R. Guénon. L. Webb (Gothenburg) explores the ways in which the myths of Thule and Hyperborea were used in Roman literature from Catullus to Sidorius Apollinarius.

Keywords: *history of philosophy, mythology, religion, archeology, Ancient Greece, Hyperborea, Thule.*

Об авторе:

МАТВЕЙЧЕВ Олег Анатольевич – кандидат философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва. SPIN-код: 4248-7216, e-mail: matveyol@yandex.ru

Author information:

MATVEYCHEV Oleg Anatolyevich – PhD (Philosophy), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow. E-mail: matveyol@yandex.ru

УДК 1(091)+171

ВОЗМОЖНЫ ЛИ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ (ВНЕВРЕМЕННЫЕ) ЦЕННОСТИ? ЭТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ М. ШЛИКА¹

А.М. Давлетшина

ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
г. Екатеринбург

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.200

Реконструируется этическая философия М. Шлика и акцентируется внимание на темпоральных аспектах его этики. Для этого анализируется его последняя работа «Вопросы этики», где он предпринимает попытку научного рассмотрения морали. Отмечается, что для начала XX века характерно обращение к рассмотрению ценностей, т. к. «старый» набор ценностей, дискредитированный во многом войной и последующим изменением общества, больше не мог «закрепить» человека в текучей современности. Делается вывод, что этика Шлика представляет собой результат тонкого чувствования изменяющегося времени с его потребностью в переосмыслении всех оснований культуры – начиная с того, как мы познаем этот мир, и заканчивая тем, как нам жить и действовать в этом мире.

Ключевые слова: Шлик, Венский кружок, ценности, этика добра, темпоральность.

«И у жизни есть мотив, есть какая-то нота, пронизывающая большое пространство и время жизни. И этот мотив связан чаще всего с желанием. В одном очень простом смысле: ведь в действительности мы являемся только и только желающими существами. ... У жизни нет ценности вне ее самой, она сама – ценность в этом смысле» [7, с. 9].

Введение

Европа в первой трети XX в. переживала значительные изменения в мировоззрении вследствие процессов, происходивших в экономике, политике, науке и культуре. Закончился переход к машинному производству с опорой на автоматизированные процессы. Физические науки, пережив кризис, открыли новый мир относительности и микрочастиц, что вызвало коренные изменения в других науках. Появлялись новые направления в психологии и философии, в фокусе рассмотрения которых находилось сознание человека. В обозначенный период в европейских странах происходят изменения в политической сфере – от воз-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00342).

никновения огромного количества быстро сменяющихся друг друга политических партий, нацеленных на кардинальные (иногда даже радикальные) изменения, вплоть до полного передела политической карты мира после Первой мировой войны.

Вследствие всех этих изменений культура этого периода оказалась пронизана темой «времени» и «современности». Время менялось как в физическом, так и в социальном плане. Оценивая происходящее как явление модерна, Герман Люббе отмечает интересный момент: темпоральная структура общества становится более энергичной. В обществе время приобретает высокую ценность, значение имеет каждая минута, поэтому пунктуальность становится общественно-одобряемым качеством, а ожидание – когда человек фиксирует свое внимание на протекании времени – воспринимается как мука [6, с. 314]. Казалось бы, вследствие научно-технического прогресса человек должен был стать более свободным в распоряжении своим временем, но наблюдается обратная ситуация: он принуждается временем к постоянной деятельности и пытается компенсировать то принуждение, которое он испытывает в профессиональной и трудовой жизни. Возникает своеобразный парадокс: «Чем в большей свободе распоряжения временем человек объективно существует, тем субъективно труднее ему на деле реализовать суверенитет в отношении времени» [6, с. 334]. Кроме того, человек сталкивается с новой проблемой: «личное время» необходимо для себя отвоевывать. Х. Новотны (H. Nowothy) отмечает: «Сегодня люди в который раз ощущают своеобразное и до сих пор неслыханное желание: они хотят больше времени для самих себя» [6, с. 317]. Можно указать еще на одно новое явление: казалось бы, вместе с машинным производством и развитием всевозможных технологий у человека появляется личное время и свобода для его реализации, но при этом он нередко не знает, что с этим временем делать – как наполнить его радостью и счастьем или как придать ему смысл в период, когда нет смысла и стабильности в самом мире².

Второй момент, который можно отметить, анализируя европейское общество первой трети XX в., состоит в том, что все больше мыслителей начало говорить и писать о ценностях, т. к., с одной стороны, «старый» набор ценностей, дискредитированный во многом Первой мировой войной и последующей ломкой общества, больше не мог «закрепить» человека в текучей современности. Сложилась ситуация, которую еще Ницше охарактеризовал следующим образом: «Мораль перестала быть выражением условий, в которых произрастает и живет народ, мораль перестала быть глубочайшим жизненным инстинктом и сделалась

² Неудивительно, что именно в это время М. Пруст пишет свой роман «В поисках утраченного времени», где переживание и понимание скоротечности времени является одним из лейтмотивов всего повествования.

абстрактной – противоположностью жизни...» [8, с. 41]. С другой стороны, общество, наполненное разочарованием и тревогой о будущем, пыталось придать позитивную ценность происходящим изменениям, чтобы хоть как-то оправдать их. Именно поэтому одной из характеристик эпохи стало обращение к проблеме ценностей в контексте этической проблематики.

Если говорить о Вене первой трети XX в., то следует отметить, что изменения, происходившие в мире (от политических до научных) воспринимались здесь достаточно остро. Кризис усиливался государственной трагедией, которая переживалась практически каждым как крушение своего личного мира – распад многонациональной империи в результате Первой мировой войны. Этим можно объяснить, почему интеллектуалы Вены – «поколение, очарованное наукой» [2] – испытывали воодушевление и одновременно тревогу перед будущим, связывая его прежде всего с прогрессом, который требовал пожертвовать устоявшимися нравственными основами и включиться в динамические общественные процессы, на осознание которых у современников катастрофически не хватало времени. Именно в этом городе, как бы пытаясь сохранить стабильность и ощущение контроля над ситуацией, в начале XX в. каждый второй четверг в шесть вечера собирались на заседаниях члены Венского кружка во главе с Морисом Шликом.

Венский кружок, расцвет которого пришелся на 20–30-е гг. XX в., представлял собой сообщество ученых (философов, математиков, логиков, экономистов и т. д.), с большим воодушевлением встретивших изменения, произошедшие в естественных науках, и старавшихся распространять научное мировоззрение в обществе. Деятельность кружка, несмотря на его внутреннюю разнородность, объединяла вера его участников в возможность единого научного взгляда на мир, в котором нет места метафизике, а главенствует однозначная ясность и логическая строгость. Они настаивали на том, что необходимо ориентироваться на факты, опираясь на логику и математику. Новый дух времени отчетливо выражал их лозунг – «что вообще можно сказать, можно сказать ясно» [4, с. 16].

Среди исследователей принято рассматривать деятельность Венского кружка через призму его манифеста о научном миропонимании, а также через толкование идей «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, который оказал на многих его членов сильное влияние. Поэтому иногда возникает ощущение, что участники Венского кружка занимались только осмыслением научных достижений и очищением языка от пустых метафизических понятий. Но было бы неверно утверждать, что они обходили в своей жизни и исследованиях происходящее в мире и обществе. Они интересовались экономикой, политикой и даже этикой, несмотря на то, что на заседаниях этические вопросы практически не обсуждались, вероятно, в силу разногласий по этому вопросу. Для этого

достаточно сравнить взгляды по вопросам этики Отто Нейрата, Рудольфа Карнапа и Мориса Шлика. Виктор Крафт писал об этосе группы следующее: «Объективную значимость некоторой ценности или нормы нельзя (согласно философии ценностей) эмпирически верифицировать или дедуцировать из эмпирических предложений. Поэтому их вообще нельзя высказать (с помощью осмысленного предложения)» [5, с. 194–195]. Это является особенно интересным моментом в работе кружка, особенно если вспомнить, что Людвиг Витгенштейн писал в «Логико-философском трактате», что «невозможны этические суждения. Ведь суждения не могут выражать высшее» (6.42), поэтому то, «о чем нельзя сказать, следует обойти молчанием» (7) [1].

Но все же члены Венского кружка, как и многие другие мыслители, не могли не думать об этических ценностях – это согласовывалось с насущной потребностью всего общества. У ряда членов кружка есть работы, посвященные проблеме ценностей и этике. Достаточно упомянуть работу О. Нейрата «Проблема наибольшего удовольствия» (*Das Problem Lustmaximums*, 1912 г.) или разработку формальной этики, опирающейся на математику, К. Менгером в работе «Мораль, воля и оформление мира: основания логики нравов» (*Moral, Wille und Weltgestaltung. Grundlegung zur Logik der Sitten*, 1933 г.), а также работу М. Шлика «Вопросы этики» (*Fragen der Ethik*), 1930 г.).

Понимание этики Шликом

Мориц Шлик (1882–1936) является знаковой фигурой в истории Венского кружка. Он был его руководителем и, как отмечают исследователи, сумел создать сообщество единомышленников, которое просуществовало достаточно долго на фоне других кружков по интересам, возникавших и распадавшихся в Вене в этот период практически каждый день. К сожалению, до сих пор наследие Шлика не изучено полностью, а наибольший интерес для рассмотрения по сей день вызывают его работы по теории познания и философии науки. Разумеется, такой подход к изучению его наследия оправдан: работы Шлика по теории относительности обеспечили ему популярность в широких научных кругах, получили одобрение Альберта Эйнштейна и в итоге дали ему возможность работать и преподавать в Венском университете. Вместе с другими он стоял на позиции строгой научности по всем вопросам, касающимся жизни отдельных людей и общества в целом, и стремился к созданию единой научной картины мира, опирающейся на факты. Но одновременно с этим Шлик на протяжении всей своей жизни интересовался проблемами этики. Причем это не было случайным увлечением. Он написал три работы по этике: «Жизненная мудрость. Опыт учения о счастье» (*Lebensweisheit. Versuch einer Glückseligkeitslehre*, 1908 г.), «О смысле жизни» (*Vom Sinn des Lebens*, 1927 г.) и «Вопросы этики» (*Fragen der Ethik*, 1930 г.). В 1921–1922 гг. в Киле он преподавал помимо

натурфилософии также и этику, затем он читал лекции по этике в Вене. Остались незавершенные работы по философии юности (*Philosophie der Jugend*) [17, S. 13] и по гедонистической этике (*Der Neur Epikur*) [2, с. 344]. На основании этого можно говорить о том, что на протяжении всей своей жизни он планомерно, шаг за шагом, «строил» новую этику, которая стала своеобразным отражением динамического и нестабильного мира, в котором он жил.

Систематичный взгляд на этику представлен в последней работе Шлика «Вопросы этики», где он предпринимает попытку научного рассмотрения морали. Он пытается ответить на главный, по его мнению, вопрос этики: почему человек поступает морально? Чтобы ответить на него, он последовательно рассматривает основания человеческой деятельности и определяет основные понятия этики – «моральное», «нравственность», «воля», «свобода», «ценность». Помимо этого, с позиции выведенного им мотивационного закона, о котором будет сказано далее, он демонстрирует неоднозначную трактовку таких феноменов, как «гедонизм», «альтруизм» и «эгоизм».

Этика, отмечает Шлик, обычно рассматривается как часть философии. Но «философия является не наукой, т. е. не системой высказываний, а прояснением содержания научных (да и всех прочих) суждений, т. е. ее задача состоит в том, чтобы обнаруживать или обосновывать их собственный смысл» [12, с. 188]. Конечно, этика может быть включена в философию, т. к. задача философии как «метода» прояснения и раскрытия смысла понятий, родственна задачам этики. Но более правильно рассматривать этику как часть психологии, ведь этические высказывания – «это те самые высказывания, с которыми вы встречаетесь каждый день (например, “это благонамеренный человек”, “тот мужчина взял полную ответственность за свой поступок”). Они не формулируются в этой работе, а составляют предмет ее рассмотрения» [2, с. 189]. Это значит, что этика, с одной стороны, нацелена на анализ моральных суждений, но поскольку, в свою очередь, данные суждения касаются реального поведения людей, то более правильно определять этику как часть психологии. Этика возможна, таким образом, как эмпирическая наука³, т. к. она имеет дело только с действительным, с фактами. С другой стороны, она должна учитывать, что поведение человека всегда встроено в ценностный контекст, поэтому она должна принимать во внимание, что

³ Можно отметить, что Шлик не случайно пишет о включении этики в психологию и рассматривает моральное поведение как основную тему в этических исследованиях. В начале XX в. психология получает мощный импульс к развитию от биологических и физических наук. Появляется много работ, посвященных изучению мотивации поведения у животных и мотивации человека к той или иной деятельности. Шлик активно интересовался достижениями и биологических, и психологических наук. В частности, он был знаком с работами этолога К. Лоренца и был одним из первых, кто поздравил с первыми публикациями молодого тогда исследователя.

является ценным в то или иное время. Таким образом, основная задача этики состоит не в раскрытии, например, дефиниции «благо», а в понимании морального поведения человека, а точнее, в ответе на вопрос: «Почему человек поступает морально?». Причем только на основе действия можно понять, что ценит, одобряет и к чему стремится человек.

Что побуждает нас к действию?

Для Шлика является само собой разумеющимся то, в чем он утвердился еще в молодости, при написании «Житейской мудрости», а именно – что искать мораль и нравственность за пределами жизни субъекта бессмысленно. Всегда есть некоторое внутреннее побуждение к совершению того или иного действия. Но что выступает таким побуждением (мотивом)? Абсолют, как утверждает деонтологическая этика, или санкционированное обществом поведение, ориентированное на пользу большинства, как утверждает утилитаризм? Всегда есть некоторая сила, побуждающая нас к действию, но где находится эта сила: вне или внутри нас? И какая природа у этой силы? Может быть, прав Иммануил Кант (1724–1804), считающий, что именно моральный закон, присущий человеческому разуму как таковому, определяет наши поступки? Кант пишет: «Мы знаем только одно, что закон не *потому* имеет для нас силу, что он нас *интересует* (ибо это гетерономия и зависимость практического разума от чувственности, а именно от лежащего в основе чувства, при котором он никогда не мог бы устанавливать нравственные законы), а потому он нас интересуется, что имеет силу для нас как людей, ввиду того что он вытекает из нашей воли как мыслящих существ, стало быть, из нашего подлинного Я; *а то, что принадлежит лишь явлению, необходимо подчиняется разумом свойству вещи самой по себе*» [3, с. 674]. Но если человек всегда находится во власти морального закона, который принимает для него форму категорического императива, т. е. если он всегда должен следовать только долгу и, в общем случае, совершение морального поступка сопряжено с насилием над собой и страданием, то где место для счастья? Другими словами, гарантировано ли счастье нравственному человеку, неуклонно подчиняющемуся долгу? Шлик не соглашается с предложенным самим Кантом решением этой антиномии «чистого» практического разума и выбирает эвдемонистический путь – основания морального поведения находятся внутри самого человека и обусловлены не только его разумом, но и его чувственно-телесной природой, поэтому нравственный поступок должен приносить чувственное удовлетворение. Более того, необходимо учитывать и социальный фактор: ведь одобряемое обществом поведение часто не является чем-то противоречащим внутренним установкам индивидуума в силу того, что нормы создаются самими людьми и направлены на сохранение как личного счастья отдельного человека, так и общего блага в обществе на протяжении длительного времени. В силу этого мо-

ральные правила сохраняются в обществе. Это является одной из причин, почему мы исполняем общественные нормы и в большинстве случаев не испытываем при этом неудовольствия. Более того, Шлик иронично замечает, что даже Кант, вводя «категорический императив» как основание морали, не смог полностью устранить субъекта из своей этики. Карл Зигмунд также обращает внимание на это в своем анализе этики Шлика: «Императив – это приказ, но кто приказывает? Как императив может работать без “императора” – без начальника, без командира? По Канту, приказ отдает чувство долга. Но что такое долг? Может быть, чувство долга определяется как “то, что отдает приказ”? Если да, то все замыкается, и от такого определения нет никакого толку. Или долг – это просто другое название Бога? Так что же, Бог не умер? Так или иначе, с какой стати нужно подчиняться приказам?» [2, с. 340]. По Шлику, нельзя говорить о добродетели там, где она возможна только через страдания и жесткую самодисциплину. Добродетель исходит из жизни, а значит, должна коррелироваться с удовольствием и счастьем.

Этика должна исходить из поведения человека, следовательно, первое, что, по мнению Шлика, нужно анализировать, – это деятельность вообще. Только после этого можно будет подойти к определению моральной деятельности и к исследованию того, что мотивирует человека на моральные поступки. В «Вопросах этики» Шлик различает понятия «действие» (Handlung) и «деятельность» (Tätigkeit). Он полагает, что «не каждое человеческое действие дает повод к нравственной оценке; скорее, большая часть нашей жизни заполнена деятельностью, которая, сама по себе, находится за пределами добра и зла» [14, S. 75]. Деятельность, таким образом, по большей части нейтральна в отношении морали. Она может быть рефлекторной как реакция на определенный стимул, стандартизированной, механической, рутинной и т. д. Однако действия могут быть моральными, если они предполагают сознательную вовлеченность субъекта и наличие волевого акта (Willensakt) при их осуществлении. Если, совершая действие, мы принимаем решение, то мы осуществляем выбор между несколькими противоборствующими мотивами или возможностями, а значит, следуем тем или иным представлениям о морали и ценности.

Во многом эти идеи созвучны тем, которые несколькими годами ранее Шлик развивал в эссе «О смысле жизни». Центральной темой этого эссе являлся ответ на вопрос: что является смыслом жизни. В этом сочинении Шлик отмечал, что человек погружен в рутину повседневных дел и все его время заполнено повторяющимися действиями на работе и в быту, где нет места переживаниям момента и размышлениям о нем. Работа с целью жизнеобеспечения имеет огромную власть над человеком – настоящее поклоняется работе. В итоге люди постоянно двигаются в кругу забот и не находят времени для самой жизни. Шлик отмечает, что, к сожалению, «большая часть нашего бытия, наполненная

целеустремленным, чуждым трудом, не имеет для себя никакой ценности» [15, S. 340]. Напротив, специфика моральной деятельности, когда решающим оказывается каждое единичное действие, состоит в наличии у нее неотъемлемого ценностного содержания.

Разбираясь в механизме совершений действий человеком в «Вопросах этики», Шлик обращается к понятию «волевого акта». Воля проявляет себя там, где действует несколько стимулов – «противоречие мотивов», как пишет Шлик, – и где необходимо совершить усилие при выборе. Описывая момент выбора при совершении поступка, он указывает на биологическую составляющую этого процесса: при столкновении с несколькими мотивами, когда нарушается привычный порядок деятельности, человек как бы рефлекторно «тормозит» при принятии решения. Здесь важно понимать, что воля, побуждаемая к совершению действия каким-либо стимулом, не является независимой от чувственной природы человека: «Нет, к колебанию целей и окончательному перевешиванию их не прибавляется еще какой-то особый “волевой акт” как решающий, но весь описанный процесс есть волевой акт» [14, S. 78]. Воля опирается на чувственность, без чувственного переживания, которое может перевести внешние мотивы во внутренние, невозможно представить совершение человеком выбора. Шлик вновь ориентируется на достижения психологии, экспериментально подтверждающие, что в каждом переживании задействованы чувства удовольствия и неудовольствия.

Обращение к этим принципам не является чем-то новым при рассмотрении этических вопросов. В этой связи можно вспомнить учение об аффектах Бенедикта Спинозы (1632–1677), по мнению которого человек всегда отягощен страстями и поэтому душа его несвободна. Человек не может избавиться от аффектов вообще, но может освободиться от них в каждом отдельном случае, познав природу аффекта и составив о нем ясное представление: «Познание добра и зла есть не что иное, как аффект радости или печали, поскольку мы сознаем его... Мы называем добром или злом то, что полезно или вредно для сохранения нашего существования, что увеличивает или уменьшает, поддерживает или стесняет нашу способность к деятельности. Итак, поскольку мы ощущаем, что какая-нибудь вещь причиняет нам радость или печаль, постольку мы называем ее доброй или злой; а потому знание добра и зла есть не что иное, как идея радости или печали, которая необходимо вытекает из самого аффекта радости или печали» [10, с. 221]. По Спинозе получается, что человек, познав природу своих аффектов, должен стремиться к разумному «сдерживанию» своих страстей, для того чтобы быть свободным и по возможности счастливым, ведь «действовать вполне по добродетели – значит действовать по законам собственной природы... Следовательно, действовать по добродетели значит не что иное в нас,

как действовать по руководству разума, жить и сохранять свое существование» [10, с. 235].

Иммануил Кант в построении своей деонтологической этики также не обошел стороной принципы удовольствия и неудовольствия. Рассматривая природу морального поступка и пытаясь ответить на вопрос, «произошло ли это действительно *из чувства долга* и имеет ли оно, стало быть, моральную ценность» [3, с. 628], он выводит долг за пределы чувственности. Согласно ему, на основании опыта невозможно заключить о том, совершен ли поступок единственно из чувства долга или к нему примешаны другие мотивы, хотя при обращении к реальной жизни можно наблюдать различные нравственные поступки. Принцип удовольствия и неудовольствия не может стать основанием для нравственного закона в силу того, что этот принцип «всегда познается только эмпирически и не может иметь одинаковой значимости для всех разумных существ» [3, с. 692–693] и хотя некая нравственная максима, основанная на чувстве, «и может служить для субъекта, который обладает ею, его *максимой*, но даже и для него (так как в этом принципе нет объективной необходимости, которую надо познать *a priori*) не может служить *законом*, – то такой принцип никогда не может быть практическим законом» [3, с. 693]. Моральным может быть назван поступок, совершенный единственно из чувства долга, носящего всеобщий разумный характер, не сопряженный с субъективным чувством удовольствия. Долг и чувство у Канта, в отличие от Спинозы, не должны быть согласованы друг с другом. Напротив, если нечто по форме нравственное совершается из склонности, то такой поступок нельзя назвать в строгом смысле моральным⁴.

Шлик был хорошо знаком с этическими учениями Спинозы и Канта. Примечательно, что хотя он не был коренным австрийцем, в его работах видна одна черта, свойственная многим австрийским мыслителям – антикантианская направленность, «выражавшаяся в отрицании всех без исключения навязываемых заранее мыслительных схем, предопределяющих рационалистический характер мировоззрения» [11, с. 159]. В противовес идеалистической немецкой философии австрийская философия выделялась своей позитивистской и реалистической направленностью, ориентируясь, в частности, на английский эмпиризм⁵. Шлик также выступает критиком Канта и, ориентируясь на Спинозу, противопоставляет его деонтологической этике новую этику, которая учитывает чувственность человека. Возражая Канту, он утверждает, что «тот, кто делает добро из долга, стоит на более низкой ступени, чем тот, кто делает это из склонности» [14, S. 200].

⁴ Подробнее о соотношении чувства и разума в этике Канта см.: [9, с. 98–128].

⁵ Зигмунд К. также отмечает антикантианскую направленность, как черту австрийской философской и научной мысли.

Отметим, что и этическая философия Давида Юма (1711–1776) несомненно была ближе Шлику, чем кантовская. Он сожалеет, что многое из того, что было сделано британским философом, забыто. Для Юма исследование нравственности являлось тем предметом, который, как он сам заявлял, интересовал его больше всех остальных [13, с. 497]. Уже Юм понял, что познающий разум не имеет непосредственного отношения к моральной деятельности. Согласно ему, вся наша нравственная деятельность основана на впечатлениях; в жизни мы чаще всего имеем дело с нравственным чувством. Поэтому, пишет он, «сама сущность добродетели, согласно этой гипотезе, состоит в возбуждении удовольствия, сущность же порока – в возбуждении неудовольствия» [13, с. 347]. Более того, удовольствие и неудовольствие не просто первопричины порока и добродетели, но и являются конкретными причинами для совершаемых нами действий.

Шлик полностью согласен со Спинозой и Юмом в том, что в основе наших действий лежат принципы удовольствия и неудовольствия. Направляемый своей чувственной природой человек из разных целей выбирает ту, которая является для него наиболее приятной. При этом достаточно сложно (и в целом бессмысленно) определять степень удовольствия и неудовольствия вообще, т. к. это в каждом конкретном случае определяется самим человеком исходя из его субъективного опыта. Шлик пишет, что «под удовольствием подразумевается неопределимое качество, непосредственно известное каждому и отличающееся от неудовольствия. И именно та идея, которая в наибольшей степени наделена этим качеством, становится решающим мотивом, который может быть определен только наблюдением» [14, S. 90]. На этом основании он формулирует свой мотивационный закон: «Волевое решение осуществляется в направлении наиболее приятной цели: из представлений, действующих как мотивы, наконец, наиболее желанное или наименее желанное, вытесняет остальные, и этим действие однозначно определяется» [14, S. 80]. Для Шлика, выведенный из природы человека мотивационный закон может быть применен ко всем поступкам, совершаемым человеком. Чтобы доказать свой тезис, он применяет его для объяснения таких феноменов как героизм, альтруизм и эгоизм.

Остановимся здесь только на одном примере – на рассмотрении эгоизма⁶. Шлик отмечает, что к эгоизму в обществе достаточно негативное отношение, так как он связывается с безнравственным поведением. Но так ли это на самом деле, спрашивает он? Эгоизм соотносится с влечением (Trieb), но не тождественен ему. По его мнению, наша жизнь – это жизнь влечений. Можно сказать, что «Эго» состоит не только из

⁶ Хотя очень интересно, как Шлик, рассматривая героизм, показывает, что страдание может быть сопряжено с удовольствием, т. к. для совершающего подвиг оно сопряжено с наибольшим удовольствием, чем сохранение жизни.

разума, но соткано из чувств, влечений и побуждений и не существует независимо от них. Более того, человек по своей природе, как бы он ни действовал, всегда в той или иной степени следует своей склонности, т. е. при совершении поступка исходит из того, что вызывает в нем наиболее сильное возбуждение. Для Шлика является само собой разумеющимся, что «нравственное действие либо вообще невозможно, либо оно исходит из естественных наклонностей» [14, S. 94]. Поэтому, заключает он, категорический императив Канта, который требует от человека действовать независимо от его склонностей, требует невозможного.

Эгоизм – это сложный психический и поведенческий акт, направляемый влечением, связанный с определенным представлением, к которому присоединяется удовольствие и неудовольствие, и характеризующийся определенной силой – интенсивностью чувств. Эгоизм, согласно Шлику, природная основа наших поступков. В этом отношении – как биологический феномен, нацеленный на самосохранение особи, – он нейтрален с точки зрения морали. Общество считает эгоизм безнравственным, когда эгоизм одного создает неудобства для другого и вызывает в нем неудовольствие. Такое отношение – результат эмоциональной оценки поведения и характера другого при столкновении интересов. Шлик отмечает, что общество порицает не то, что человек побуждается к действию своими влечениями, т. е. своим природным эгоизмом, а то, что при определенных обстоятельствах это влечение привело к поступку, который мы считаем эгоистичным с точки зрения морали, где эгоизм – это невнимание к другим, пренебрежение чужими интересами и следование только своим собственным влечениям. Вопрос состоит в том, мог ли человек действовать иначе под влиянием этих природных импульсов и каковы факторы, которые препятствовали бы этому влечению и направляли бы стремления человека в другом направлении? Виновен ли человек в совершении тех или иных поступков?

Итак, что касается конкретного человека, то можно говорить о его чувственной природе и влечениях, носящих биологический характер, о том, что приносит ему удовольствие или неудовольствие. Однако мораль формируется и возникает в обществе в процессе коммуникации людей. Другие в таком случае становятся для нас источником «социальных влечений» (*soziale Triebe*), причем поведение или состояние других может вызывать в нас удовольствие или неудовольствие [14, S. 106]. Человек не может жить один по своей природе, он настроен на взаимодействие и коммуникацию с другими, поэтому, полагает Шлик, высшей ценностью, а поэтому и существенным мотивом для наших действий становится счастье других. Человек стремится к счастью в своей личной жизни, но наивысшее счастье человек испытывает благодаря социальным влечениям, например любви [14, S. 188]. «Факт улыб-

ки и факт любовного счастья являются для меня двумя значительными фактами, на которые этика может положиться как на самые непоколебимые данные опыта», – пишет он [14, S. 191]. Нравственность человека коренится в моральном чувстве, отсюда значительную роль Шлик отводит воспитанию, которое может способствовать развитию социальных влечений, т. е. тому, что при совершении того или иного поступка социальное влечение окажется сильнее биологического и вопрос об определении поступка как эгоистичного будет снят. Итак, биологические влечения и социальные суть то, что определяет поведение человека как эгоистическое или нет. Эгоизм как биологическая предрасположенность живого существа должен компенсироваться социальными установками, которые также укоренены в чувственности человека, в его моральном чувстве.

Что является ценным для человека?

Ранее уже отмечалось, что переосмысление ценностей было одной из тем, волновавших европейское общество в начале XX в., т. к. существовавший набор этических ценностей по общему ощущению перестал работать и связывать человека с его временем. Стало ясно, что придание определенным ценностям характера всеобщности и независимости от времени не гарантирует, что это будет иметь ценность и для современного человека. Разумеется, Шлик не обошел стороной этот вопрос. Более того, рассмотрение природы ценностей стало для него следующим логическим шагом после определения морального поведения.

В рационалистической этике, отмечает Шлик, ценность не зависит от наших чувств, ценность безразлична к тому, признаем ли мы ее таковой или нет. Иногда она вызывает в человеке чувство удовольствия, но этот факт не имеет ничего общего с сущностью самой ценности, а как бы является по отношению к ней случайным. Так называемые «абсолютные» ценности не могут ни воздействовать на человека, ни выступать для него ориентиром. Шлик подчеркивает, что моралисты «часто забывают, что одного внешнего воздействия на человека совершенно недостаточно, чтобы подтолкнуть его к конкретному поступку; в нем должна быть и субъективная способность реагировать на то же самое» [16, S. 54]. «Абсолютные» ценности существуют только через принуждение и долженствование: но должны ли мы неукоснительно следовать таким универсальным ценностям в своих поступках?

Ценность обнаруживает себя через чувство удовольствия и степень его интенсивности для каждого конкретного человека. Поэтому невозможно выявить объективные критерии для выявления ценности как бы самой по себе. Подобная попытка будет содержать в себе своего

рода «натуралистическую» ошибку⁷, заключающуюся «в поиске ценностных различий в самих объективных фактах без ссылки на акты предпочтения и выбора, через которые ценность вообще приходит в мир» [14, S. 128]. По Шлику, можно исходить только из субъективных критериев оценки: «ценность всегда существует только по отношению к субъекту: она относительна. Если бы в мире не было удовольствия и неудовольствия, то ценности не существовали бы; все было бы безразлично» [14, S. 139]. Отметим, что когда Шлик говорит об относительности ценности, это не значит, будто человек только по своему желанию может что-то определить как ценное, а что-то как недостойное внимания. Находясь в определенных условиях и сталкиваясь с каким-либо объектом, руководимый принципами удовольствия и неудовольствия, в данный момент времени он признает или не признает ценность этого объекта. Например, пока мы не испытываем зубной боли, то мы не придаем ценности тому, что у нас здоровые зубы. Но когда зубы болят, мы осознаем ценность здоровья. Ценность, таким образом, ценна не сама по себе, а по отношению к человеку, но поскольку большинство людей устроены одинаково, то и ценности для них предстают в качестве объективного в значении «общезначимого».

В целом можно говорить о том, что в течение своей жизни человек приобретает определенный «ценностный опыт», который он наполняет смыслом. В переживаниях человека очерчивается и определяется существо ценности. Наивысшей ценностью, с опорой на естественные склонности человека, может быть счастье, исходящее из принципа удовольствия. Счастье для каждого свое – его нельзя определить, оно постоянно ускользает от таких попыток. Причем счастье является одновременно персональной и социальной ценностью, т. к. наиболее счастливым человек может быть только в обществе.

Из анализа работ Шлика следует, что деонтологическая этика не может наполнить ценностным содержанием жизнь человека и одновременно сделать его счастливым, т. к. закон и склонность в ней не скоординированы друг с другом. Поэтому этика долга должна быть, согласно Шлику, заменена этикой, которую можно назвать этикой добра, допускающей, что нравственность не обязательно связана с самоотречением: человек может поступать благородно и испытывать от этого удовлетворение и даже удовольствие. Настоящая истинная добродетель, по его мнению, носит внутренний характер, независима от давления социальных норм и свободно разворачивается по собственной воле человека, затрагивая как его разум, так и его чувства. Кроме того, первичным ис-

⁷ «Натуралистическая ошибка» – термин, введенный Дж. Э. Муром в работе «Принципы этики» (1903) для обозначения логической ошибки в дефинициях добра, когда отношение к вещи, ее ценность, выводятся из свойств самой вещи, принимая, например, «полезное» за «доброе».

током добродетели должна быть признана чувственность, а не рациональное мышление. И если моральные принципы, установленные обществом, базируются на том, что может принести или приносит пользу и счастье большому количеству людей, то человек будет абсолютно естественно следовать этим законам в силу того, что они соответствуют его природе.

Заключение

Новая этика, предложенная Шликом, была воспринята неоднозначно. Карл Менгер, один из членов Венского кружка, писал, например, что «Вопросы этики» – «книга, проникнутая авторским духом доброты и мягкости, а влияние аналитического мышления прослеживается в ней лишь имплицитно, то есть проявляется в том, что автор избегает некоторых худших образчиков традиционного пустословия»⁸. Мы не можем позволить себе такого критического рассмотрения данной работы, поскольку несмотря на то, что в ее начале Шлик пишет о научном статусе этики, не менее важны сами мотивы, заставившие его взяться за эту проблематику: ему важно было показать, что время изменилось и оно требует новой, ориентированной на конкретную личность этики. Действительно, время стало неумолимо убыстряться, и, несмотря на «видимую» свободу в управлении своим временем, человека не покидало чувство тревоги. Более того, как показал исторический опыт XX в., в период, когда даже в физическом мире каждая «минута в опасности», выступать проповедником универсальных ценностей бессмысленно. Поэтому этика Шлика представляет собой результат тонкого чувствования изменяющегося времени с его потребностью в переосмыслении всех оснований культуры – начиная с того, как мы познаем этот мир, и заканчивая тем, как нам жить и действовать в этом мире, пытаясь соответствовать его требованиям и вызовам.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2018. 160 с.
2. Зигмунд К. Точное мышление в безумные времена. Венский кружок и крестовый поход за основаниями науки. М.: АСТ : CORPUS, 2021. 528 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо; Мидгард, 2007. 1120 с.
4. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок // Логос. 2005. № 2 (47). С. 13–26.
5. Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М.: Идея-Пресс, 2003. 224 с.

⁸ Цит. по: [2, с. 347].

6. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с.
7. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути (М. Пруст «В поисках утраченного времени»). СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та; Журн. «Нева», 1997. 568 с.
8. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов. М.: Изд. полит. лит-ры, 1990. С. 17–93.
9. Соболева М.Е. Логика зла. Альтернативное введение в философию. СПб.: Владимир Даль, 2019. 319 с.
10. Спиноза Б. Этика. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 336 с.
11. Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. Екатеринбург: УРО РАН, 2000. 269 с.
12. Шлик М. Вопросы этики // Логос. 2008. № 1 (64). С. 188–206.
13. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск: ООО «Попурри», 1998. 718 с.
14. Schlick M. Fragen der Ethik. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984. 208 S.
15. Schlick M. Von Sinn des Lebens // Symposion. Philosophische Zeitschrift für Forschung und Aussprache. 1927. Jg. 1. S. 331–354.
16. Schlick M. Lebensweisheit. Versuch einer Glückseligkeitslehre // Moritz Schlick Gesamtausgabe. Wien; New York: Springer Verlag, 2006. S. 43–332.
17. Siegetsleitner A. Logischer Empirismus, Werte und Moral: Anmerkungen zur vorherrschenden Sicht // Logischer Empirismus. Werte und Moral. Eine Neubewertung. Siegetsleitner A. (Hrsg.). Wien: Springer-Verlag, 2010. S. 9–19.

DO UNIVERSAL (TIMELESS) VALUES EXIST? ETHICAL PROJECT OF MORITZ SCHLICK

A.M. Davletshina

Ural Federal University, Ekaterinburg

The article aims at reconstructing philosophical ethics developed by Moritz Schlick and at outlining its relation to temporality. We analyze in greater detail Schlick's last work 'Problems Of Ethics', in which he addresses the problems of philosophical reflection on morality. We place Schlick's work into the historical context of the early twentieth century, which can be characterized by an increased interest in values because the 'old' values were dismantled by world war and major social transformations. Human life and its meaning required renewed forms of orientation and meaning in "liquid modernity". In this respect Schlick's ethical reflection originates in the *Zeitgeist* with its search for new meaning of human life. For Schlick, the key question is why human beings act morally. To answer this question, Schlick investigates central concepts of ethics from the perspective of human activity. He also distinguishes his ethics of the good which relies on human nature, from the rationalistic ethics of duty, which, in his view, causes but alienation from life. Mo-

rality does not have to hinge on self-abnegation, while true virtue can be based on pleasure principle and remain independent from social pressures. Virtue can evolve from human free will and involve both reason and feelings. Thus, we argue that Schlick's heightened sensitivity to the spirit of the times with its need to reimagine the foundations of our culture shaped his approach to and his main concerns in ethical reflection, which embraced both the ways we can know the world and the ways we should live and act in it.

Keywords: *Schlick, Vienna Circle, values, ethics of the good, temporality.*

Об авторе:

ДАВЛЕТШИНА Анна Маратовна – ассистент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург. SPIN-код: 3374-7407, e-mail: a.m.davletshina@urfu.ru

Author information:

DAVLETSHINA Anna Maratovna – assistant of the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University, Ekaterinburg. E-mail: a.m.davletshina@urfu.ru

УДК 1(091)

МЕТАФИЗИКА КОНЕЧНОСТИ М. ХАЙДЕГГЕРА: ИСТОРИЯ КАК ПРЕДМЕТ ОСМЫСЛЕНИЯ¹

Б.Л. Губман, К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.216

Статья ориентирована на анализ М. Хайдеггером предмета и специфики познавательных средств истории в перспективе предложенной им метафизики конечности. Показано, что обращение к этому проблемному полю явилось результатом его размышлений над взаимосвязью основоположений фундаментальной онтологии с обоснованием предмета и способа постижения истории. Учение Хайдеггера в этом ракурсе сопряжено, как показано в статье, с интенсивным диалогом с идеями В. Дильтея и Ф. Ницше. Дильтей является автором, позволившим Хайдеггеру переосмыслить в экзистенциальном ключе не только историчность *Dasein*, но и такие феномены как понимание и интерпретация, изначальная открытость смысла исторической традиции. Однако в отличие от Дильтея, утверждавшего плюрализм культурных миров и не принимавшего возможности их рассмотрения в горизонте диахронного единства, Хайдеггер полагал, что герменевтическая перспектива не является препятствием к поиску глобального смысла всемирной истории. Заимствуя у Ницше генеалогическую методологию, он критически пересматривая его видение истории сквозь призму становления нигилизма как забвения жизни. Всемирная история и современный культурный кризис, по его мнению, обретают объяснение в свете разработанного им видения нигилистического забвения Бытия, порожденного европейской метафизической традицией, завершением которой выступает метафизика воли Ницше.

Ключевые слова: *метафизика конечности, исторический опыт, историчность, предмет истории, понимание, интерпретация, генеалогия, смысл всемирной истории.*

Введение

Рассмотрение специфики осмысления истории занимало М. Хайдеггера на протяжении всей его философской карьеры. Анализ особенностей подхода к истории как особого рода предметности и методологической стратегии её постижения выглядит одним из центральных моментов в целостности разработанного им варианта метафизики конечности. Историчность – основополагающая тематика его характе-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого», № -20-011-00406 - А.

ристики проекта фундаментальной онтологии, которая диктует своеобразие видения им Dasein в потоке опыта пребывания во времени. Однако феноменологическая аналитика бытия-в, проведенная на первом этапе становления его учения, имела своим логичным продолжением тему истории европейской метафизики как забвения Бытия, приведшего к трагическим противоречиям западной культуры современности. Этот сюжет, присутствующий, по мнению большинства экспертов его творчества, в произведениях немецкого мыслителя уже в 30-е годы XX в. и не исчезающий из поля его внимания на протяжении всей его дальнейшей философской карьеры, привносит новые ракурсы понимания им проблемы истории. Ведь история начинает мыслиться им в перспективе судьбы европейской метафизики, предопределившей внутренний кризис культуры Запада. В отличие от представителей академической философии жизни и неокантианства, Хайдеггер отнюдь не позиционировал себя продолжателем идеи универсального наукоучения, вынашиваемой создателями немецкой классической философии. Фундаментальная онтология мыслилась им гораздо более высокой по своему статусу, нежели любые возможные варианты наукоучения. И все же, сюжет герменевтического обоснования знания, его исторического звена так или иначе присутствует в его творчестве. Характерно при этом, что его видение истории как предметности и типа знания движется в орбите синтеза воззрений В. Дильтея и Ф. Ницше. Выяснение роли идей Дильтея и Ницше на предмет и специфику постижения истории в формировании корпуса воззрений Хайдеггера на эту тематику и составляет задачу этой статьи.

Хайдеггер и герменевтическое учение Дильтея

Обратившись к наследию Дильтея, его диалогической полемике с Йорком фон Вартенбургом, Хайдеггер сформулировал в ряде своих работ, предшествовавших появлению «Бытия и времени», учение о новом типе метафизики – метафизики конечности. Ее основополагающим положением стало утверждение об укорененности истории в вот-бытии (Dasein), предполагающем пребывание человека в потоке времени (см.: [2]). Если для Дильтея основной целью его построений было создание эпистемологического обоснования наук о духе на базе разработанной им концепции исторического опыта, то Хайдеггер после построения собственного варианта метафизики конечности также не мог обойти вниманием эту тему. Дильтей известен последовательной антиметафизичностью собственной философской стратегии, которая во многом была питаема его симпатией к пафосу логической систематизации поля познания Д.С. Миллем. Приняв во внимание миллевские инвективы в адрес метафизики, Дильтей, тем не менее, в своем видении исторического опыта, питающего герменевтическую процедуру, весьма близко подошел к присутствию в качестве его основания неустранимого исторического начала, сопряженного с бытием человека в потоке переживания

емого им присутствия во времени. Такого рода размышления над реальностью психики стали итогом его обращения к особому типу трансцендентальной рефлексии. Несмотря на увещания Йорка фон Вартенбурга, Дильтей, однако, так и не перешел к метафизическому осмыслению исторического начала, представленного в человеческом опыте. Этот шаг сделал Хайдеггер. Однако совершив его, он должен был предложить также и собственное видение исторической предметности сквозь призму метафизики конечности. Фундаментальная онтология взывала к обнаружению метафизической перспективы истолкования эпистемологического ракурса постижения предметности истории.

Если Дильтей шел к истолкованию специфики процедуры исследования в науках о духе, исходя из триадического видения движения от переживания к выражению, а затем к пониманию (см.: [1]), то Хайдеггер, учитывая его размышления, полагал необходимым зафиксировать феноменологически исходную онтологическую посылку подобного рода размышлений о специфике постижения гуманитарной предметности. Таковой оказывается историчность вот-бытия. Подробно характеризуя невещный способ существования человека в мире и его способность к постоянному самопреодолению – трансценденции, Хайдеггер исходит из того, что скольжение экзистенции по стреле времени должно быть исходным моментом в понимании специфики постижения исторической предметности. Экзистенциал заботы выглядит как интегральная характеристика основных модусов времени, единство которых задает возможность осмысления истории. Хайдеггер уверен, что постижение истории в практике историографии производно от бытийной ситуации человека.

В отличие от Дильтея, Хайдеггер исходит из изначальной онтологической разомкнутости вот-бытия, вовлеченного в поток времени. История как предмет постижения рождается именно в открытости вот-бытия целостности того, что существует. «Выражение “исторический” подразумевает временность какого-нибудь сущего, поскольку оно определено как “прошлое” и – как это прошлое – явно или неявно принадлежит настоящему, в которое вырастает, – как вспомнутое, сохраненное и позабытое» [7, с. 116]. Таким образом, получается, что, рассуждая о каких-либо событиях минувшего, мы обращаем в онтологическом плане этот фрагмент сущего в принадлежащий истории через помещение в бытийную тотальность, которая открыта настоящему, сопряженному с будущим. Это «вращение» прошлого в нынешнее состояние вот-бытия обоснованно видится Хайдеггеру как непрерывный процесс апроприации, присвоения канувшего в лету и, подчас, преданного забвению в точке современности.

Разомкнутость прошлого по отношению к вот-бытию, по мысли Хайдеггера, скореллирована с его невещностью и свободой. «Возможность встречи с сущим, отношение к сущему в любом способе его от-

крытости возможно лишь там, где есть свобода. Свобода есть условие возможности открытости бытия сущего, условие возможности понимания бытия» [6, с. 361]. Любое сущее открывается в перспективе его постижения вот-бытию, в силу его способности определять свое отношение к нему. Это в равной степени относится и к сущему событийного плана, которое принадлежит прошлому и актуально не существует. Устанавливая свое отношение с ним, вот-бытие вписывает таковое в открытое бытийное целое и, тем самым, задает возможность его понимания. Дильтей, по Хайдеггеру, фиксирует эту феноменологическую разомкнутость, но останавливается на уровне онтического описания, отказываясь от постижения онтологического основания открытости прошлого в горизонте его временного постижения.

В «Бытии и времени» Хайдеггер поясняет собственное видение герменевтической процедуры, сопряженной с постижением смысла исторической предметности, через раскрытие содержания экзистенциалов понимания и интерпретации. Если для Дильтея понимание являлось характеристикой постижения смысла рассматриваемых феноменов сквозь призму опыта, отмеченного историческим измерением, то Хайдеггер приходит к экзистенциальному истолкованию такового. Его принадлежность вот-бытию – ключ к постижению тех операций, которые обнаруживаются в его спектре. «Понимание, – пишет Хайдеггер, – всегда настроено. Если мы его интерпретируем как фундаментальный экзистенциал, то тем самым указывается, что этот феномен понимается как основной модус бытия присутствия» [3, с. 142–143]. Понимание в этом смысле, как поясняет Хайдеггер, связано с самим актом присутствия человека в мире, неотделимо от него. Вот-бытие изначально обречено на понимание мира, в котором оно обнаруживает собственное присутствие-заброшенность, и с этим стоит согласиться. Другое дело, поясняет он, понимание как специализированная познавательная процедура, отличная, например, от объяснения как противоположной ему эпистемологической формы. В этом смысле понимание, равно как и иные познавательные акты обладает статусом деривата – производности от первоначального понимания. Понимание как экзистенциал рисуется Хайдеггером как способность быть в состоянии разомкнутого, т. е. возможно открытого отношения к миру. Оно выступает как характеристика могущего бытия.

Говоря о специфике понимания, Хайдеггер подчеркивает его набросочный характер, то, что оно всегда прорисовывает данное через экзистенциально возможное здесь и теперь для вот-бытия. Поэтому присутствие, по его мысли, всегда больше, чем оно эмпирически есть. Рассуждая так, Хайдеггер подводит своих читателей к мысли, что вот-бытие постоянно нацелено на смыслопорождение, расширение спектра существующих смыслов во времени. Разомкнутость понимания как принадлежащего человеку могущему неминуемо приводит к вопросу о

его круговой структуре. «“Круг” в понимании принадлежит к структуре смысла, каковой феномен укоренен в экзистенциальном устройстве присутствия, в толкующем понимании» [3, с. 153]. Хотя сама по себе проблематика герменевтического круга отнюдь не нова, очерчена достаточно глубоко и содержательно, например, в наследии Ф. Шлейермахера и В. Дильтея, Хайдеггер придает ей онтологическое звучание. Для него сам факт заброшенности вот-бытия в мир выступает исходным моментом разомкнутости круговой структуры понимания.

Понимание как экзистенциал видится Хайдеггеру результатом intersubjectивного взаимодействия между людьми, их совместной проблематизации фрагментов сущего на фоне разомкнутости доступа к Бытию. Круговая структура понимания заключена в языковой оболочке. Она рождается в речевом взаимодействии, а, следовательно, изначально предполагает, по мысли Хайдеггера, «равноисходность» с пониманием. Поэтому речь выступает как важнейшая экзистенциальная характеристика человеческого существования, запечатлевая опыт такового. «Речь есть “означающее” членение понятности бытия-в-мире, к которому принадлежит событие и которое держится всякий раз определенного образа озаботившегося бытия-друг-с-другом» [3, с. 161]. Событийность мира, таким образом, преломляется в речевом общении. Слышание другого как партнера по речевому общению выглядит у Хайдеггера непременным экзистенциальным моментом речевой коммуникации и понимания. При его посредстве прорисовывает контур фиксируемого в них события. Блокировка слышания порождает намеренное или случайное непонимание [3, с. 163]. Речь, которая адресована другому, всегда притягивает на создание сообщения и потому потенциально тяготеет к отчужденному состоянию, оторванности в итоге от своего создателя. «Вовневыговоренность речи есть язык» [3, с. 161], – резюмирует Хайдеггер. Язык как некая словесная целостность предстает как конституирующий поле объективной данности мира, «внутримирого сущего», и потому он характеризуется им как обладающая пространственным измерением реальность, подобная «подручному» – явленным нам вещным образованиям. В своей оторванности от живой речи язык, таким образом, прорисовывается как задающий картину сущего через совокупность живущих в его ткани значений. Хайдеггер пишет о «слововещной» способности языка, номинирующего реалии мира.

Любой фрагмент сущего видится, по Хайдеггеру, на фоне целостности осмысленного в языке мира. И поэтому наделение смыслом случающегося во времени всегда предполагает соотнесение с единым горизонтом языковых смыслов, разделяемых некоторым коммуникативным сообществом здесь и теперь. «Поскольку понимание и толкование составляют экзистенциальное устройство бытия вот, смысл надо понимать как формально-экзистенциальный каркас принадлежащей к пониманию разомкнутости. Смысл есть экзистенциал присутствия, не

свойство, которое присуще сущему, располагается “за” ним или где-то парит как “междущарствие”. Смысл “имеет” лишь присутствие, насколько разомкнутость бытия-в-мире “заполнима” открываемым в ней сущим. Лишь присутствие может поэтому быть осмысленным или бессмысленным» [3, с. 151]. Сущее, в такой перспективе, обретает смысл, когда «вписывается» в целостный горизонт понимания мира, становится его интегральной частью. Неосмысленное становится наделенным смыслом, включаясь в предполагаемо понятое, концептуально определенное и наделенное смыслом. Однако при этом сразу же встает вопрос о самой процедуре обогащения понимания, которой является интерпретация. Ведь именно интерпретация должна вести к смысловому освоению явленного в акте разомкнутости понимания.

Интерпретация, подобно пониманию, трактуется Хайдеггером в качестве основополагающей экзистенциальной характеристики вот-бытия. На ее долю выпадает «вписывание» вновь явленного сущего в целостность горизонта мировидения человека с точки зрения возможностей его существования во времени. Интерпретация обогащает и расширяет горизонт понимания, выводит его на новый уровень. В своем видении сути интерпретационной процедуры Хайдеггер демонстрирует её укорененность не только в языке, но и в логическом строе мысли. Все дело в том, что интерпретация немислима без определенных оснований ее осуществления, предстающих как достояние мыслительной традиции, а также без концептуально-логических средств её осуществления.

«Толкование чего-то как чего-то по сути фундировано через предвзятие, предусмотрение и предрешение. Толкование никогда не беспредпосылочное схватывание предданного» [3, с. 150], – замечает Хайдеггер. В интерпретацию неминуемо вторгается позиция, изначальная установка того, кто её осуществляет, а вместе с нею и момент традиции, того, что унаследовано из культурно-исторического наследия. Логический компонент традиции задан её наследуемыми интерпретатором предпонятийными составляющими, а также предсуждениями. Они-то и составляют тот фон предпонимания, к которому обращается Хайдеггер, рассуждая о возможности обновления ресурса понимания в горизонте открытости вот-бытия, его разомкнутости по отношению к миру.

Предусмотрение (Vorsicht) выглядит у Хайдеггера неперменным условием истолкования, интерпретации сущего: «Озаботившийся мир и само бытие-в-одновременно толкуются в круге определенной понятости. О мире и жизни в нем обычно справляются “до определенной степени”. Для этого в распоряжении имеется унаследованная концептуальность. Через нее толкование имеет свое решение (Vorgriff)» [7, с. 190]. Унаследованная концептуальность, о которой говорит Хайдеггер, срабатывает в процессе построения суждений, которые обслуживают процесс интерпретации. Эта тема, намеченная Хайдеггером, впоследствии

обретает акцентированное звучание в творчестве Х.-Г. Гадамера и Р. Козеллека, а затем наследуется и подробно прорабатывается П. Рикёром.

В высказывании, по мысли Хайдеггера, сущее показывается, раскрывается в самом себе. В предполагаемой им предикации субъект прописывается в определенном, важном для создателя высказывания ракурсе. Тем самым, члены предидирующей артикуляции важны для самого акта показывагия чего-либо в его существовании под определенным углом зрения. «Высказывание означает сообщение, рассказывание... Это давание-тоже-увидеть разделяет показанное сущее в его определенности с другими» [3, с. 55]. Показывание осуществляется в высказывании в границах определенного мира, вписывает в него интересующие рассказчика события. Хайдеггер, разумеется, хорошо знаком с кантовским и неокантианским истолкованиями роли суждения в конструировании значимого для человека мира, однако он не прибегает к подробному анализу такового, а скорее старается подчеркнуть свою «особенность» в трактовке суждения в онтологическом ракурсе. Он стремится продемонстрировать «онтологическое происхождение» суждения из понимающего толкования. Осуществляемый через суждение синтез и диарезис, объединение и разделение позволяют охарактеризовать новые смысловые грани сущего. Служа интерпретации, высказывание обеспечивает способность понимания как сопровождающую вот-бытие. Интерпретация, осуществляющаяся через высказывание, позволяет ввести в круг понимания еще непонятое до ее проведения. Хотя она никогда не бывает беспредпосылочной, но отнюдь не сводится лишь к экспликации предпосылок. Разомкнутость вот-бытия служит устранению круговой порочности всего лишь смыслового пояснения, понятийной расшифровки уже известного. Хайдеггер подчеркивает, что разомкнутость вот-бытия опирается, с одной стороны, на его открытость грядущему, а, с другой, на вхождение в его ареал осмысления ранее неохваченных сегментов сущего. Это вид разомкнутости вот-бытия, заданный целостностью заботы, единством всех модусов времени, которые могут по-разному «срабатывать» применительно к различным видам познавательной активности.

История, с этой точки зрения, вписываясь в целом в онтологическую всеобщность герменевтической процедуры, обладает особенностями предметности и способов её постижения. Специфика исторической предметности, в понимании Хайдеггера, заключена в актуализации традиции, что совершенно необязательно, например, для синхронного подхода к реалиям природы, если абстрагироваться от наличия её диахронии, становления во времени. «Прошлое может стать специальным предметом заботы. Вот-бытие занимается им – имеет традицию» [7, с. 120]. Такое тяготение к актуализации традиции становится возможным на грани возможности забвения, того, что произошло, и, напротив,

видения близости прошлого и настоящего. Актуализация представляется Хайдеггеру процедурой, которая исходит из трактовки прошлого как миновавшего настоящего. Истолкование прошлого всегда ведется в горизонте настоящего, а поэтому минувшее выступает как исследование ткани случившихся событий во имя рассмотрения проблем, встающих сегодня. Разомкнутость истории, ее потенциальная актуализируемость не означает, однако, что историк не стремится к раскрытию деяний субъектов, живших в мирах прошлого, пониманию смысла их поступков. Хайдеггер, вслед за Дильтеем, полагал возможным проникновение в духовный мир исторических субъектов, своеобразное «проигрывание» смыслового содержания их побуждений, таящееся за внешними проявлениями действия в феноменально фиксируемых обстоятельствах. Дильтей, как известно, считал важным соотношение индивидуально неповторимых волевых актов с констелляциями объективно-духовных структур, на фоне которых они осуществляются в различных культурных мирах. Не обсуждая этого момента его учения, Хайдеггер одновременно не вступает с ним в полемику. Зная не только позицию Дильтея, но и воззрения цитируемого им в ряде произведений Г. Зиммеля по проблеме специфики исторического познания, Хайдеггер, по всей видимости, склонен принять во внимание их толкование предмета истории как науки о духе, переосмысливая его в ракурсе собственной фундаментальной онтологии. Ему представлялось, что процедура понимания, в целом обладающая общеонтологическим статусом, имеет определенные нюансы применительно к историческому познанию. Так, сравнивая в «Бытии и времени» математику и историю, он говорит о разности основания предпонимания в этих дисциплинах. «Математика не строже историографии, а просто более узка в отношении круга релевантных для нее экзистенциальных оснований» [3, с. 153]. Предпосылочная база интерпретации в математике видится ему в экзистенциальном плане несравненно более узкой, нежели та, что используется в истории.

Разомкнутость истолковываемого прошлого, как представляется Хайдеггеру, становится основанием постижения всемирной истории. «Прошлое как мировая история становится темой толкования. Таким образом, вот-бытие, ставшее историческим по отношению к нему самому, получает возможность быть историографическим» [7, с. 121]. Историографичность, сообразно с трактовкой Хайдеггера, выступает как своеобразное «выведывание» и «открытие» смысла минувшего для настоящего, которое совершается в историческом бытии. Его корень, иными словами, обретение «отпавшего смысла». Очевидно, что Хайдеггер, рассуждая о всемирной истории, отнюдь не стремится к созданию ее субстанциально обоснованной единой картины. Ведь контуры «всемирности» возникают только в свете актуализации прошлого вот-бытием. Он пишет о том, что в реальности апроприруемой истории мы

сталкиваемся с многообразием несхожих культур, которые становятся частью целостности их диахронной связи путем сравнения и синтетического объединения, осуществляемого историком. Они, на взгляд Хайдеггера, могут типологизироваться во имя представления их в наполненной смыслом диахронии исторического времени, которое так или иначе вплетено в настоящее и устремлено в будущее. Единство всемирной истории прорисовывается как постоянно возобновляемая попытка вот-бытия связать все известные культуры, существовавшие и существующие в диахронии в некое смысловое единство. Рассуждая так, Хайдеггер вступает в полемику с Дильтеем, который делал, конечно же, акцент на многообразии культурных миров и критиковал кантовское и гегелевское универсалистское видение истории. Сказанное, однако, не означает стремления Хайдеггера возродить универсализм субстанциалистской философии истории. Универсализм видения истории представляется ему вполне возможным и подлежащим возрождению на базе герменевтической установки.

Рассуждая о различии в отношении Дильтея и Хайдеггера по поводу возможности создания единой панорамы множественности присутствующих в диахронии истории культурных миров, Э.С. Нельсон резюмирует подход к этой проблеме Дильтея следующим образом: «Дильтей подметил, что историчность мировоззрений влечет за собой признание, что не существует главенствующего взгляда на мир, опираясь на который можно нейтрально ранжировать все иные, даже такого, который прибегает к онтологическому принципу различия» [12, р. 33]. Нельсон полагает, индивидуальные культурные миры рассматриваются Дильтеем как несоизмеримые, что делает «унифицированное мышление» о бытии невозможным. «Вот почему, несмотря на их сходство по различным вопросам, Хайдеггер во все возрастающей степени солидаризировался с герменевтическим консерватизмом графа Пауля Йорка фон Вартенбурга и его устремленностью к онтологии против дильтеевской – либеральной (и толерантной) герменевтики с ее онтическим плюрализмом, рожденным из интелепративного смирения и благотворительности» [12, р. 34]. В результате Хайдеггер приходит к мнению, что в границах понимающей философии истории, опирающейся на метафизику конечности возможно найти принцип, который послужит делу глобальной интерпретации смысла всемирной истории. Метафизика конечности, таким образом, должна, опираясь на дескрипцию ситуации вот-бытия в контексте современности, выявить бытийные корни актуально существующего кризиса культуры и исторические формы, этапы движения к нынешнему состоянию. Подобный мыслительный ход потребовал обращения к генеалогическому методу, возникшему и обоснованному как средство анализа исторической динамики культуры в наследии Ф. Ницше.

История в генеалогической перспективе: от Дильтея к Ницше

Видение истории, предложенное Ницше, становится предметом пристального интереса Хайдеггера в 1930-е–1940-е гг., после публикации «Бытия и времени» и находится в поле его внимания практически на протяжении всего его дальнейшего творческого пути. Об этом говорят его лекции 1938–1939 гг., связанные с комментарием работы Ницше «О пользе и вреде истории для жизни», «Черные тетради», двухтомник «Ницше», «Письмо о гуманизме» и другие произведения. Все дело в том, что Ницше представлялся Хайдеггеру мыслителем, который позволяет подойти к построению генеалогии европейской и мировой истории как целостного процесса, создает в своих произведениях цепь рассуждений, подлежащих переосмыслению в духе метафизики конечности. Прочтение Ницше, по Хайдеггеру, должно в финальной инстанции обнаружить то базовое отношение вот-бытия к сущей и бытийной тотальности, которое сложилось как итог европейской метафизики, предопределив культурное развитие Запада, понимаемого им как центр мировой истории. Отказываясь от построения субстанциального истолкования истории, трактуя историчность как изначальное состояние вот-бытия, Хайдеггер попытался обнаружить некоторый стержневой момент связи человеческого существования с диахронией его разомкнутой сопряженности с Бытием, которая позволяет выстраивать понимание культурно-исторической динамики как целостности. Делать это, на его взгляд, необходимо в свете опыта настоящего.

Поскольку для отыскания звена связи вот-бытия с бытийной целостностью необходимо было предложить своеобразный «деконструктивный» ход, позволяющий усмотреть фундаментально-онтологические потенции построений Ницше, Хайдеггер обращается к истолкованию им появления человека в пространстве взаимосвязи жизни истории. Для читателя текстов Хайдеггера, обращенных на это предметное поле, становится очевидным сходство его построений со способом прочтения антропологических идей Ницше О. Шпенглером. Оно явлено не только в философском строе его рассуждений, но и в стилистике подачи материала, и обнаруживаемое в тексте «Черных тетрадей» собственное признание Хайдеггера на сей сюжет только подтверждает ранее сложившееся впечатление. Хайдеггер пишет: «Шпенглер помог, пусть и весьма поверхностно, хотя бы сделать доступными для деятельных людей передний план мышления Ницше» [8, с. 169]. Ругая Шпенглера за непонимание философского строя размышлений Ницше, Хайдеггер говорит о необходимости прочтения вновь его антропологических реконструкций наследия этого мыслителя. Правда, у читателя Хайдеггера сразу же возникает в этой связи вопрос, почему он использует шпенглеровское прочтение Ницше, если оно столь примитивно. Так или иначе, двигаясь

по пути, пройденному Шпенглером, он делает иные акценты онтологического плана в собственном истолковании Ницше.

Читая Ницше, Хайдеггер замечает, что он увидел, как человек, принадлежащий первоначально к природному царству, возвышается над миром не только растительным, но и животным, ибо он начинает дистанцироваться от первоначальной среды своего обитания, осмысливая предстающие перед ним реалии и способы воздействия на них. Человек превосходит данное в границах его мира, и одновременно он преодолевает, трансцендирует себя. Так он становится создателем культуры и истории. Если Шпенглер, комментируя воззрения Ницше на процесс культуросозидания, счел эту способность при наличии сопровождающего ее феномена «бодрствования» свидетельством того, что человек есть самый хищный зверь, то Хайдеггер порицает такое истолкование как примитивное. С его точки зрения, Ницше нуждается в этой связи в гораздо более глубокой трактовке, ибо он увидел в человеке особого рода бытие, способное самостоятельно устанавливать и трансформировать собственное отношение к сущему и видеть его в бытийном контексте своего пребывания в потоке времени. Предпосылкой тому служит его способность вспоминать и забывать то, что случается во времени. «В каком контексте Ницше рассматривает “забвение и воспоминание” (как способы отношения к прошлому); с точки зрения различения неисторического и исторического с перспективе сравнения животного и человеческого; в плане намерения посмотреть на историю и ее отношение к “жизни”» [11, S. 33], – конспективно резюмирует свой подход к Ницше Хайдеггер. Ответ относительно базового различия человека и животного звучит достаточно лаконично: «Решающее различие: отношение к сущему – человек; отсутствие отношения – животное» [11, S. 33], В ключе метафизики конечности возникает возможность онтологического осмысления специфики отношения вот-бытия в его разомкнутости в направлении тотальности Бытия в диахронном измерении. На этой основе, как дает понять своему читателю Хайдеггер, можно построить несубстанциальный вариант понимающей историософии. Для осуществления подобного рода мыслительного хода требуется продуманный и фундированный в духе фундаментальной онтологии метод. Ницшеанское генеалогическое видение работы с материалом минувшего избирается Хайдеггером как достойное внимания в свете решения им задачи создания глобального философского понимания панорамы всемирной истории.

Анализируя текст «О пользе и вреде истории для жизни», Хайдеггер показывает производность историописания (Historie) от онтологического своеобразия истории как процесса (Geschichte). Последняя, как известно, сопряжена с изначальной заброшенностью вот-бытия в мир, немислимой вне временного измерения, открытости настоящего грядущему и его разомкнутости по отношению к минувшему. История

как историописание, по Хайдеггеру, предполагает способность воспоминания и забвения. Отсюда и возможность различных модальностей отношения к ней историка, стремящегося постигнуть событийную ткань прошлого. Ницше, как известно, говорил о различных способах подхода к истории, заданных несхожим диспозиции познающего субъекта в связи с его жизненной установкой. Хайдеггер рисует предложенное Ницше единство монументальной, антикварной и критической истории как имеющее глубинную экзистенциальную подоснову. Рассуждая о многообразии констатируемых Ницше способов историописания, Хайдеггер пишет: «Отсюда должно быть видно многообразие сущности истории, но вместе с тем и непрерывное единство, и, таким образом, указание на то, в чем основывается внутренняя возможность таковой (Путь)» [11, S. 69]. Таким образом, Ницше оказывается способным указать вместе с вариантами возможного историописания пользу и вред каждого из них для жизни человеческого субъекта.

Давая собственный комментарий тем видам историописания, которые предложил Ницше, Хайдеггер, прежде всего, обращается к монументальной истории. В его интерпретации, монументальная история ориентирована на сохранение в памяти «больших эффектов» признаваемых значимыми событий истории. Хайдеггер подмечает, что монументальная история «не «верна», но полезна...», трансформируя запоминаемое в практическую деятельность, ибо настоящее стремится воплотить в себе то, что принадлежит прошлому [11, S. 73]. При антикварном подходе к истории прошлое становится объектом простого любования. «Сама история уже не подпитывает и не возбуждает свежей жизнью настоящего» [11, S. 78]. Иное дело критическая история, которая способна ставить под сомнение прошлое и настоящее. «Критическая история – это не просто принижение предшествующей эпохи, например, даже для того, чтобы показать на этом фоне следующую. Критическая история поражает само настоящее, ставит его под сомнение» [11, S. 77]. Комментируя Ницше, Хайдеггер приходит к выводу, что три типа историописания выглядят путями служения жизни как возвышению, как сохранению и как освобождению [11, S. 91]. Одновременно он отдает пальму первенства в плане продуктивности именно критической истории, которая позволяет рассмотреть истоки кризиса современности, раскрывая их порождение социокультурными обстоятельствами минувшего. Критическая история, по Хайдеггеру, способна предложить и рефлексивные способы осмысления превалирующих в современную эпоху способов историописания, их властный потенциал.

Примат критического историософского мышления над иными способами постижения минувшего представляется Хайдеггеру диктуемым «несвоевременностью» философии как способа видения реальности. Он солидарен с Ницше в том, что всякая аутентичная философия выглядит «несвоевременной», ибо «мыслит» против века», не разделяя

общепринятые воззрения и подвергая их критике в свете глубинного видения мира и собственных задач [11, S. 105]. Критический способ написания истории представлялся Ницше нужным для снятия переизбытка исторического знания в жизни людей. История – и в этом Хайдеггер вполне солидарен с Ницше – не должна «парализовать» жизненные устремления человека, а, напротив, служить целям, которые их стимулируют, способствуют их расцвету [11, S. 121]. В этом плане, «дозировка» исторического знания для полноценной индивидуальной и коллективной жизни видится Хайдеггером вслед за Ницше вполне реальной философской проблемой.

Критическое видение истории позволяет понять ее ход в свете диахронии отношения вот-бытия к сущему и тотальности Бытия в реальности культуры Европы и ее влияния на человеческое сообщество в целом. В этом случае необходимо найти то стержневое событие, которое предопределило весь последующий ход истории на базе генеалогического видения минувшего. Речь идет, разумеется, не о индивидуальном деянии пусть и крупного деятеля прошлого, а о событии, которое может рассматриваться как стержневое мыслительное изменение, наложившее свой отпечаток на всю последующую историю, на современную социально-культурную ситуацию.

«С точки зрения Ницше, – пишет Хайдеггер, – нигилизм есть история обесценивания прежних высших ценностей, предстающая как переход к их переоценке, заключающийся в отыскании принципа нового их утверждения» [5, с. 78]. Ницшеанский нигилизм осуществляется, таким образом, как процесс критической работы в сфере ценностного сознания, означающий переоценку наличных ценностей с целью отыскания способа их нового обретения. Он предполагает движение к новым ценностям путем воли к власти. Сущее как целое толкуется на основе воли к власти. Утверждение новых ценностей становится возможным в перспективе метафизики воли к власти. Этот тип метафизики противоположен иным типам классической европейской метафизики, критически подрывая ее позиции. «Нигилизм есть история. Ницше считает, что нигилизм является сущностью западноевропейской истории, потому что он участвует в обосновании основных метафизических позиций и их отношений. В то же время основные метафизические позиции лежат в основе того, что мы познаем как мировую историю, особенно историю Западной Европы» [5, с. 79], – заключает Хайдеггер. Солидаризируясь с ницшеанским пафосом констатации кризиса культуры и оставляя за собой право его более глубинной аналитики на базе собственного варианта фундаментальной онтологии, Хайдеггер, как явствует из приведенного текста, ценит Ницше за его способность взглянуть на всемирную историю в генеалогической перспективе. Конечно, его не устраивает идея признания ницшеанской историософии как окончательного варианта глобальной панорамы минувшего в его взаимосвязи с современностью.

Однако Ницше, в отличие от Дильтея, отрицающего значимость целостного взгляда на историю, да и от Шпенглера, для которого «человечество – пустой звук», а реальны лишь отдельные самоцентрированные культурные миры, вызывает симпатию Хайдеггера за желание соединить критическое видение с генеалогическим истолкованием всемирной истории. Именно широкомасштабность осмысления Ницше всеобщей истории со стороны имманентного содержания эволюции нигилизма, которая предполагает глобальное постижение его содержания, основных этапов становления вне детализации, нюансировки его проявлений в реалиях времени, созвучны духу исканий Хайдеггера. Такой подход вписывается в его собственное понимание разомкнутости предмета истории для вот-бытия.

Критикуя европейский нигилизм как предопределивший ход истории, Ницше, по Хайдеггеру, сам остается в плену его представлений, ибо развиваемая им метафизика воли к власти вполне вписывается в горизонт эволюции метафизического мышления. Генеалогическая рефлексия как способ критического видения всеобщей истории позволяет, по Хайдеггеру, прийти именно к такому заключению. «Метафизика осмысляет сущее в целом, – заключает Хайдеггер, – как имеющее преимущество перед бытием. Все западноевропейское мышление, начиная от греков и кончая Ницше, есть метафизическое мышление... Ницше своею мыслью предвосхищает завершение Нового времени» [4, с. 413]. В отличие от Ницше, Хайдеггер видит процесс эволюции европейского нигилизма как основание трактовки всемирной истории в ракурсе торжества метафизического отношения к миру, которое породило «забвение» Бытия, его подмену сущим, по-разному понимаемым в различные эпохи трансформации метафизики от Сократа, Платона и Аристотеля до Ницше. Хайдеггер, как полагает Л.П. Блонд, видит позитив ницшеанского подхода к феномену нигилизма в попытке найти новый отправной пункт философского теоретизирования. Он пишет: «Ницше, как мы описали, движется к проявлениям сущего и описывает жизнь, независимую от метафизических структур, подобных “«бытию”». Хайдеггер, тем не менее, находит в ницшеанском решении простую переформулировку проблемы. Любое решение, которое просто следует от проявлений сущего, приводит к риску повторения ошибок метафизики» [10, р. 145]. Рецепт Хайдеггера состоит в обретении вновь Бытия как основании преодоления нигилизма, воспроизводимого в истории европейской метафизики на базе работы с ресурсами обыденного и художественного языка. Эта перспектива принимается им для рассмотрения всеобщей истории, ее интерпретации из ситуации настоящего, в которой пребывает вот-бытие.

Понимаемая таким образом практика историографии трактуется как производная от включенности в общую эволюцию метафизического отношения к миру, порождающего манипулятивные способы воздей-

ствия на его различные слои, спектр принадлежащих к ним феноменов (см.: [9; 13]). Хайдеггер, как известно, пристально анализировал то, каким образом метафизическое отношение к миру результирует в появлении гуманизма, новоевропейской науки с создаваемыми ею картинами мира, которые подготовили экспансию техники, политико-идеологические стратегии воздействия на общественную жизнь. Характерно, что, в понимании Хайдеггера, историописание оказывается в одном ряду с технико-технологическими манипулятивными практиками. «Техника как историография природы делается вообще формой “знания” сущего, она овладевает также историографией истории (прошлого) и распространяется, становясь базовой формой отношения к сущему» [8, с. 159]. В современной ситуации остро прослеживается, по Хайдеггеру, оставленность Бытием сущего. Техническое начало видится ему празднующим победу над истиной. Он полагает, что беспредельные окрестности техники наполнены проявлениями «живого», которое является заменителем «безысторичности» и, в силу этого обстоятельства, рассматривается как история. Хайдеггер считает, что историографический человек, воспринимающий историописание в его технологической функции, оказывается в высшей степени безысторическим. «Передний и дальний планы установленной историографией «истории» распознают лишь те, кто знает о безднах Бытия» [8, с. 160]. Именно к такому постижению истории призывает Хайдеггер.

Выводы

Создание Хайдеггером метафизики конечности было сопряжено с изначальной историчностью человеческого существования. Существование вот-бытия во времени – отправной пункт рассмотрения его на фоне тотальности Бытия в перспективе фундаментальной онтологии. В свете основоположений метафизики конечности Хайдеггер предложил и собственное понимание предмета и способа постижения истории. Разработка этой проблематики ведется им при опоре на идеи Дильтея и Ницше, которые он синтезирует в ракурсе собственной фундаментальной онтологии.

Рассматривая построения Дильтея, Хайдеггер говорит о конституировании исторической предметности в плане понимающей разомкнутости вот-бытия по отношению к традиции минувшего. Истолковывая представления Дильтея о понимании и интерпретации как экзистенциальных определениях вот-бытия, Хайдеггер демонстрирует, что обращение к традиции происходит в свете актуализации ее смыслового содержания, возможности постоянного обогащения взгляда на нее в ракурсе опыта настоящего и возможного будущего. Поскольку же традиция представлена разнообразными культурными мирами, их плюральной мозаикой, то работа с ее смыслами ставит вопрос не только о возможности проникновения в несхожие культуры, но и о принципиальной

постижимости их единства в диахронии всемирной истории. Как и Дильтей, Хайдеггер отвергает возможность поиска единой субстанции исторического развития на базе понимающей установки. Одновременно Хайдеггер, в отличие от Дильтея, считает возможным построение глобальной панорамы всемирной истории. Если Дильтей является последовательным оппонентом метафизического мышления и его применения к пониманию истории, то Хайдеггер в ключе метафизики конечности полагает возможным использовать ее основоположения для разгадки смысла всемирной истории. Именно в этом плане он ищет союзника в лице Ницше.

Хайдеггер обращается к генеалогическому методу анализа, предложенному Ницше, как обеспечивающему возможность глобального видения исторической традиции в перспективе метафизики конечности. В Ницше он увидел мыслителя, который является критиком европейского нигилизма, классического метафизического отношения к миру и рожденной им культурной традиции, предопределившей ход всемирной истории. Вместе с тем, Ницше, на его взгляд, вполне вписывается со своим вариантом метафизики воли в историю нигилистической традиции, которая в целом отмечена забвением Бытия и подменой такового сущим. Анализируя наследие Ницше, Хайдеггер пришел к собственному пониманию всемирной истории как определяемой динамикой отношения человека к сущему и Бытию, задающей различные типы практик и культур. Генеалогический ракурс проникновения в содержание современного ему этапа кризиса европейской гуманистической культуры, феноменология описания опыта пребывания в эпицентре такового позволили ему предложить собственный ключ к интерпретации целостности всемирной истории в ракурсе метафизики конечности.

Список литературы

1. Ануфриева К.В. Исторический опыт и герменевтическая процедура в учении В. Дильтея // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2 (52). С. 249–265.
2. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Исторический опыт и метафизика конечности М. Хайдеггера // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 1 (55). С. 219–235.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
4. Хайдеггер М. Ницше: в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. 603 с.
5. Хайдеггер М. Ницше: в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2006- Т. 2. 457 с.
6. Хайдеггер М. О существе человеческой свободы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 415 с.
7. Хайдеггер М. Понятие времени // Хайдеггер М. Понятие времени. СПб.: Владимир Даль, 2021. 199 с.

8. Хайдеггер М. Размышления VII-XI (Черные тетради 1938-1939). М.: Изд. Института Гайдара, 2018. Т. 2. 585 с.
9. Babich B. Heidegger's Wille zur Macht. Nietzsche - Technik – Machenschaft // Heidegger and Nietzsche. Ed. by B. Babich, A. Denker, H. Zoborowski. Amsterdam-N.Y.: Rodopi, 2012. P. 277–315.
10. Blond L.P. Heidegger and Nietzsche. Overcoming Metaphysics. N.Y., L.: Continuum, 2010. 207 p.
11. Heidegger M. Gesamtausgabe. II Abteilung. Vorlesungen 1919-1944. Zur Auslegung von Nietzsches Unzeitgemässer Betrachtung. «Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben». Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2003. Bd. 46. 381 S.
12. Nelson E.S. The World Picture and its Conflict in Dilthey and Heidegger // Humana. Mentis. Journal of Philosophical Studies, 2011/ V. 18. S. 19–38.

M. HEIDEGGER'S METAPHYSICS OF FINITENESS: HISTORY AS THE SUBJECT AREA OF UNDERSTANDING

B.L. Gubman, C.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The article is focused on M. Heidegger's analysis of the field and the cognitive means of history in the perspective of the metaphysics of finiteness proposed by him. It reveals that the appeal to this problem field was the result of his reflections on the relationship of the basic principles of fundamental ontology with the substantiation of the subject area and strategy of comprehending history. Heidegger's teaching in this perspective is associated with an intensive dialogue with the ideas of W. Dilthey and F. Nietzsche. Dilthey is the author who allowed Heidegger to rethink in an existential way not only the historicity of Dasein, but also such phenomena as understanding and interpretation, the initial openness of the meaning of historical tradition. However, unlike Dilthey, who argued for the pluralism of cultural worlds and did not accept the possibility of considering them in the horizon of diachronic unity, Heidegger believed that the hermeneutic perspective is not an obstacle to the search for the global meaning of world history. Borrowing the genealogical methodology from Nietzsche, he critically revised his vision of history through the prism of the formation of nihilism as the oblivion of life. World history and the contemporary cultural crisis, in his opinion, find an explanation in the light of the nihilist forgetfulness of Being generated by the European metaphysical tradition, the completion of which is the Nietzschean metaphysics of will.

Keywords: *metaphysics of finiteness, historical experience, historicity, the subject area of history, understanding, interpretation, genealogy, the meaning of world history.*

Об авторах:

ГУБМАН Борис Львович – доктор философских наук, профессор, зав. каф. философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный

университет», г. Тверь. SPIN-код 7624-7239, ORCID ID: 0000-0001-7003-5522, e-mail: gubman@mail.ru

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. SPIN-код: 5821-6890, e-mail: carinaoops@mail.ru

Authors information:

GUBMAN Boris Lvovich – PhD (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University, Tver. E-mail: gubman@mail.ru

ANUFRIEVA Karina Victorovna – PhD (Philosophy), Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carinaoops@mail.ru

УДК 930.1; 1(091)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И. БЕРЛИНА: ТРАКТОВКА ЦЕННОСТНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.234

Рассматривается история идей Исайи Берлина, представляющая собой историю изменения и смены моделей человеческого развития. Указывается, что одной из фундаментальных установок Берлина является ценностный плюрализм, корни которого он обнаруживает в философии Дж. Вико, И. Гердера. Определяется, что ценностный плюрализм Берлина подразумевает под собой наличие множественных и несоизмеримых человеческих ценностей, которые находятся в состоянии противостояния и даже конфликта друг с другом.

Ключевые слова: *история идей, ценностный плюрализм, политическая теория, история.*

Исайя Берлин (1909–1997) внес существенный вклад в область изучения этической и политической теории, истории идей, философии. В представлении Берлина, интеллектуальная история является историей изменения и смены моделей человеческого развития, «в понятиях которых осмысливалось прошлое тех художественных, богословских, механических, биологических или психологических моделей, которые отражаются в области исследования, в постановке новых вопросов и использовании новых методик для ответа на вопросы, кажущиеся более интересными или существенными чем те, что уже отжили свое» [7, с. 82].

Первой из дихотомий идей, к которым обращается Берлин, является монизм/плюрализм. Монизм присутствует в западной философии с момента ее зарождения и включает в себя следующие положения: существует один истинный ответ на все подлинные вопросы, все остальное – отход от истины, являющийся ложным; истинные ответы на подобные вопросы в принципе известны; истинные ответы не могут противоречить друг другу, поскольку одно истинное предложение не может быть несовместимо с другим [22, р. 130]. Монистический взгляд предусматривает восприятие мира как пазла, в котором мир и человеческое общество организуются как единая понятная структура. «Архимонистом» для Берлина является К. Маркс. Маркс был одним из тех мыслителей, с кем Берлин вел интеллектуальный диалог, дистанцируясь при этом от предлагаемых социально-политических взглядов. Именно прочтение Берлином Маркса между 1933 и 1938 гг. обеспечило его интеллектуаль-

ным капиталом, который повлиял на всю его последующую жизнь [16, р. 97–99].

Марксизм претендовал на открытие истинной цели жизни. Предлагаемые в рамках данного учения ценности опирались на непререкаемые принципы, основанные на «объективном ходе вещей» и дарующие людям спасение и освобождение – в той мере, в какой люди способны эти цели осознать [6, с. 342]. Согласно марксизму, главная цель человечества – достижение полной свободы, а прогресс отождествлялся с торжеством пролетариата, единственного носителя этого прогресса [4, с. 377]. Гегель и Маркс описывали исторический процесс исходя из того, что люди и человеческие общества есть неотъемлемая часть общей природы, которую Гегель считал духовной, а Маркс – материальной. Время от времени подлинны силы, действительно управляющие миром, развиваются до точки, при которой «необходим» новый исторический шаг вперед. Тогда наступают ключевые моменты развития, которые принимают вид революций [3, с. 159]. По сути, Маркс стремился предложить новое понимание истории в терминах набора универсальных законов, способных объяснять прошлое и предсказывать будущее [1].

Берлинская интерпретация представляет марксизм как монистическую доктрину, основанную на предположении, что существует только один верный ответ на данную проблему, одна социальная политика или образ жизни, и что все человеческие цели в принципе согласованы и могут быть удовлетворены. Маркс интерпретировал мир в терминах единого, ясного принципа, осуждающего и уничтожающего все, что ему противоречит. Идея того, что существует одна единственная правильная повестка дня или политика, которая должна определяться членами «привилегированного духовенства», считающими себя непогрешимым хранителями истины, превращает марксизм в непреклонную доктрину, «смелое и поразительное» сочетание абсолютного авторитета и эволюционной морали. Это, по мнению Берлина, является следствием монизма, лежащего в основе марксистской доктрины [16, р. 111–112].

Все это противоречило приверженности Берлина идее, что ценности и человеческие цели множественны, несоизмеримы, конкурируют друг с другом, а иногда и несовместимы. И в этой связи обратимся более подробно ко второй части дихотомии – плюрализму. Корни ценностного плюрализма Берлина лежат в философии Дж. Вико, И. Гердера и течении романтизма. Родоначальником культурного плюрализма считается Вико, впервые утвердивший наличие собственного видения, иерархии ценностей каждой подлинной культуры. Вико был убежден в потенциальной возможности понимания, поскольку то, что сделано одним поколением, могут постичь другие. Характеристика «человеческий» предусматривает наличие некоторых общих черт, достаточных

для того, чтобы представить жизнь людей, отделенных от нас во времени и пространстве [2, с. 197].

Культурный плюрализм, предлагаемый Вико, подразумевает под собой панораму «разных культур, несхожих и подчас несовместимых образов жизни, идеалов, критериев. Отсюда в свою очередь вытекает, что вечная идея совершенного общества... внутренне противоречива, ибо если некоторые из этих ценностей несовместимы друг с другом, то они не могут, просто не могут слиться воедино» [2, с. 202–203]. В целом, смысл концепции Вико заключается в следующем убеждении: то, что являлось важным и основополагающим для греков, живших в V в., отличается от того, что является важным для ученого XVIII в. или для представителей китайской цивилизации. Мировосприятие людей отличается, поэтому универсальных ответов, равно как и универсальных вопросов, не существует. Берлина привлекает и способность к воображаемому пониманию, *fantasia* Вико, которая также влечет за собой два фундаментальных смысла, которые отличают плюрализм от релятивизма: культурные барьеры возможно преодолеть; ценности понятны, потому что они постижимы, а следовательно, узнаваемы для любого человека.

И. Гердер также был убежден, что различные культуры дают различные ответы на все основные вопросы, а истинное для португальца не обязательно истинно для перса. Любая культура обладает своим собственным «центром гравитации». Гердер признавал существование основных человеческих ценностей, правил поведения, но считал, что они принимают разнообразные формы в различных культурах [5].

От Вико и Гердера Берлин заимствует несколько идей, формирующих его собственную плюралистическую конструкцию. Во-первых, ценность разнообразия самого по себе. Во-вторых, убеждение в том, что разные взгляды возникают из различного опыта, созданного взглядами и интерпретациями, которые приняли форму слов, образов, мифов, ритуалов, институтов, художественного творчества, объектов поклонения [15, р. 83]. В-третьих, утверждение, что культуры, нации или исторические периоды не могут быть оценены как высшие и низшие, а должны оцениваться как несоизмеримые друг с другом. В-четвертых, убеждение в том, что понимание различных концепций жизни возможно при учете контекстов их реализации [14, р. 13]. Стало быть, взгляды Вико и Гердера были ориентированы на возможность понимания различных воззрений. Акцент при этом, ставился на идею того, что взгляд на мир неотделим от переживаний, которые, в свою очередь, «вытканы» в гобелене культуры. Человек думает и выражает себя через «категориальные очки», которые создают его культура, язык, мифы и обряды.

Еще одним источником плюрализма Берлина является наследие романтизма. В движении романтизма Берлин выделяет тезис, который, по его мнению, еще не получил должного обсуждения, поскольку в данную эпоху, помимо появления новых ценностей, произошел сдвиг

парадигмы в восприятии ценностей. Вплоть до XIX в. «независимо от того, какие взгляды существовали (объективные или субъективные, абсолютные или относительные, натуралистические или метафизические, априорные или апостериорные), ценностное утверждение описывало факты и представляло реальность. Было очевидно, что крайне важно... узнать... каковы истинные ценности» [14, р. 13]. Романтизм, в свою очередь, рассматривал возможность принадлежности ценностей не к существующему и открываемому миру, а к сфере человеческого творчества: «Художник творит; он не копирует. Он не подражает; он не следует правилам; он их создает. Ценности не открываются, они формируются; не обнаруживаются, а устанавливаются актом творческой воли, как творятся произведения искусства, политики, планы, образцы жизни» [15, р. 44].

На основе романтизма Берлин формулирует представление о том, что ценности принадлежат личному измерению, которое неизбежно обусловлено культурной средой, в которую погружен каждый человек. Человек является источником ценностей в том смысле, что ценности не являются независимыми сущностями, существующими отдельно от людей. Для Берлина ценности укоренены на нескольких уровнях: на уровне всего человечества, на уровне культуры, на уровне человека. В то время как первый уровень ведет к идее универсальности, два других смысла связаны с идеями разнообразия и уникальности. В мире существует огромное разнообразие равнозначных комбинаций или «созвездий ценностей», которые различаются в зависимости от различных культурных традиций и личного опыта [13, р. 24]. Многие ценности, например, идея разнообразия, согласно которой общество, в котором присутствует множество различных мнений и терпимость друг к другу, лучше общества, в котором благоприятствуют только одному мнению; идея искренности, в рамках которой признавалась искренность борьбы не только за католическую веру, претендовавшую на единственную истинность, появились в период раннего романтизма.

Существуют несколько подходов к тому, что Берлин понимает под ценностным плюрализмом. По мнению Дж. Краудера, ценностный плюрализм подразумевает под собой утверждение о том, что фундаментальные человеческие ценности множественны и несоизмеримы, они находятся в состоянии противостояния и даже конфликта друг с другом, ставя человека перед сложным выбором [23]. Согласно Д. Грью, плюрализм ценностей включает в себя три основных следствия. Во-первых, признание отсутствия общего знаменателя при разнообразии человеческих ценностей. Во-вторых, утверждение несовместимости и конфликтности ценностей. В-третьих, отсутствие иерархии ценности, которая позволяла бы взвешивать или ранжировать ценностные значения. Ценностный плюрализм как позиция в этической теории подразумевает наличие разнообразных форм человеческого процветания, которые не

только несопоставимы, но и несовместимы. Именно эта присущая ценностям конкурентоспособность и делает ее достойной термина «агонистическая» [18, р. 86]. С. Люкс считал, что плюрализм ценностей у Берлина основан на убеждении, что ценностные суждения связаны с культурой [23]. По мнению А. Паньковского, плюрализм Берлина разворачивается на нескольких уровнях: культурный плюрализм, этический плюрализм, плюрализм ценностей, методологический плюрализм [11, с. 171–172].

Важным представляется отметить, что Берлин подразумевает под «ценностью». Д. Грей указывал на неясность того, что означает термин «ценность» для Берлина, поскольку данный концепт может включать в себя блага, возможности, достоинства, целостные концепции блага или целые культурные традиции или формы жизни. По сути, ценность подразумевает под собой все это одновременно, воплощенное на разных уровнях человеческой жизни. Под ценностью Берлин также подразумевает те цели, которые люди преследуют ради них самих: «под ценностями я подразумеваю то, что я считаю целями, с точки зрения которых я проживаю свою жизнь, которые, соединяясь с другими целями, создают, своего рода, сеть целей». Более того, он однажды заметил: «В некотором смысле я экзистенциалист» [12].

Для Берлина вопрос о том, как нормы и ценности могут быть рационально оправданы, является ложным. Ибо нормы не нуждаются в обосновании, именно они оправдывают все остальное, потому что они являются базовыми. Человек просто обнаруживает, что его форма жизни предполагает определенные концепции, категории и верования. Это утверждение «де-факто», а не «де-юре» [20, р. 113]. С этой позиции, норма или ценность обладают смыслом только в рамках аксиологической сети, такой как форма жизни или культура. Это задает направление, в котором следует действовать, но не означает, что действие не подлежит внешней критике.

Хотя центральной идеей философии Берлина является равнозначность ценностей, но свобода всегда оказывается приоритетной в его работах [10]. Свободу он подразделяет на два вида: позитивная и негативная. Позитивная свобода подразумевает под собой возможность и наличие ресурсов для реализации своего собственного потенциала, характерным для нее является утверждение «Я сам себе хозяин». Негативная свобода, в свою очередь, подразумевается в ответе на вопрос: «Какова та область, в рамках которой субъекту – будь то человек или группа людей – разрешено или должно быть разрешено делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству со стороны других людей?» [1], что включает в себя защиту от прямого вмешательства. Берлин больше ценит негативную свободу, но, в тоже время, признает ограниченность ценности свободы как таковой: «Может быть, идеал свободы выбора целей без притязания на

их вечную надежность и плюрализм ценностей, связанных с этим, – только поздние плоды нашей идущей к закату капиталистической цивилизации: идеал, которого отдаленные века и примитивные общества не признавали, идеал, на который последующие поколения будут взирать с любопытством, даже с сочувствием, но почти безо всякого понимания» [9].

В «Двух концепциях свободы» Берлин утверждает, что человеческие цели многочисленны, не все из них соизмеримы, но при этом нельзя говорить о том, что каждая отдельная ценность несопоставима со всем остальным. По Берлину существующие ценности объективны: «Мир объективных ценностей существует... Я не слеп к тому, что ценили греки. Их ценности – не мои, но я могу представить себе, что они значат. Я могу уважать их и восхищаться ими, могу даже вообразить, что стремлюсь к ним, хотя это не так, я этого не хотел бы и, вероятно, не смог бы, если бы захотел. Формы жизни различны. На свете много нравственных принципов и целей, но не бесконечно много» [8, с. 18]. Из объективности ценностей проистекает возможность человеческого понимания: «Мужчины – это мужчины, женщины – это женщины, а не собаки, коты, столы, кресла, и это объективный факт; частью этого объективного факта является то, что существуют определенные ценности, и только исповедуя эти ценности, человек сохраняет человеческий облик. Если вы человек с достаточным воображением, то при необходимости вы можете войти в систему ценностей, которая не является собственно вашей, но которая, тем не менее, вам понятна, поскольку тот, кому принадлежит эта система остается человеком, с которым вы можете общаться и с которым у вас есть общие ценности – у всех людей должны быть общие ценности, иначе они перестанут быть людьми, а так же некоторые различные ценности, иначе они перестанут отличаться друг от друга, как часто случается» [9].

Итак, Берлин утверждает, что ценности объективны в том смысле, что все люди способны их воспринимать. По сути, он отходит от кантовского понимания морали: выражая согласие с тем, что цели являются конечными, он не может понять, каким образом они являются независимыми от личностной оценки. Представления о «правильно» и «неправильно» формируются в свете тех ценностей, которые человек считает самоцелью. Все остальное является средством достижения целей, ради которых кто-либо готов действовать. Именно эти ценности, в некотором роде, образуют совокупность ценностей, определяющих образ жизни [15].

Ценности универсальны в том смысле, что они проистекают из общего опыта человечества, то есть из «контекста», который доступен всем, кто проживает человеческую жизнь. «Если что-то подразумевается под термином «человек»», то этого должно быть достаточно для определения того, что является общим для всех существ подобного ро-

да» [19], – заметил Берлин. Следовательно, существует общий контекст, который лежит в основе всех конкретных контекстов, который позволяет людям понять человечество лучше, чем все остальное, что они не могут испытать. Эта идея напоминает вдохновенную Вико идею о том, что человек лучше способен понимать мир, который он разделяет с другими людьми, нежели мир, который он не разделяет со скалой.

Берлин также говорит о неизбежной конфликтности и несоизмеримости ценностей. «Ценности могут сталкиваться, именно поэтому цивилизации несовместимы. Несовместимы могут быть культуры, и группы внутри культуры, и мы с вами... Мы вольны обсуждать наши точки зрения, но, в конце концов, может оказаться, что ваши цели не совпадают с целями, которым я посвятил свою жизнь» [8, с. 19].

Плюрализм ценностей Берлина подразумевает следующее: не просто утверждение о том, что в мире существует многочисленные ценности, такие как «свобода», «равенство» и «справедливость»; но и утверждение существования множества форм жизни, которым стоит следовать ради самих себя, некоторые из которых являются несоизмеримыми друг с другом и вступают в конфликт друг с другом. Следовательно, когда несоизмеримые системы ценностей вступают в конфликт, мы не можем обратиться ни к одной из них для разрешения спора. Ценности объективны, следовательно, и конфликты объективны, стало быть, основополагающей характеристикой, которая действительно определяет плюрализм, является неизбежность конфликта. Допуская, что конфликта невозможно избежать, плюрализм демонстрирует, что не может быть универсального приоритета ценностей: они абсолютны и, по сути, равны. В таком случае необходимость выбора между абсолютными притязаниями является неизбежной характеристикой человеческого состояния [13, р. 214].

Еще одним закономерным вопросом является то, что Берлин понимает под несоизмеримостью. По мнению Краудера, Берлин использует и умеренную, и радикальную трактовки несоизмеримости. Иногда, говоря о невозможности ранжирования ценностей в рамках определенной «шкалы», Берлин использует этот термин в смысле «неизмеримости», согласно которому не существует единой валюты, позволяющей количественно оценивать ценности. В более радикальном значении несоизмеримость означает «несравнимость», что приводит к произвольности выбора. Еще один значение несоизмеримости может быть сформулировано следующим образом, – ценности не могут быть оценены абстрактно, но могут быть ранжированы в определенном контексте [17, р. 51].

Важный вопрос, касающийся ценностного плюрализма, заключается в соотношении плюрализма и релятивизма. Берлин всячески отрицал отнесение его воззрений к одной из форм релятивизма. Он противостоял как релятивизму, так и детерминизму: «Я не релятивист и не го-

ворю: “Я люблю кофе с молоком, а Вы любите без молока; я предпочитаю доброту, а Вы концентрационные лагеря” – каждый из нас имеет свои собственные ценности, которые нельзя объединить. Такая точка зрения представляется мне неверной. Однако я считаю, что существует плюрализм ценностей, к которым люди могут стремиться и стремятся, и эти ценности различны». Следует обратить внимание и на то, что число человеческих ценностей, по Берлину, является конечным, а возможность понимания, привлекающая особое внимание в рамках его трактовки истории, проистекает из понимания множественности ценностей, обстоятельств, ценностных ориентаций [9].

Однако это не помешало Люксу обвинить Берлина в релятивизме, выделяя три смысла в берлинском плюрализме ценностей. Во-первых, утверждение, что пределы диапазона человеческих ценностей объективно установлены, другими словами, разнообразие конечно, а пределы устанавливаются объективными фактами человеческой природы (и эмпирическими возможностями социальной организации). Во-вторых, Берлин полагает, что факт ценностного конфликта объективен в том смысле, что люди действительно сталкиваются с моральными дилеммами и находят какие-то варианты сдерживающими и неизбежными, что не может быть желаемо и удовлетворительно объяснено. В-третьих, ценностный плюрализм можно понимать как утверждение, что ценности, характерные для разных культур или возрастов, являются не просто психологическими, а объективными фактами, поскольку они реализуются в регулируемых правилами социальных практиках и воплощаются в культурных объектах, и в этом смысле противостоят людям как внешние и сдерживающие [21, p. 78–99].

Для Л. Штрауса любая теория, отвергающая истинность абсолютного стандарта, обязательно является версией либо релятивизма, либо нигилизма. Его уместная критика плюрализма сосредотачивается на следующих вопросах: «как определить, опираясь на вышеупомянутые слова Берлина, “правду или ложь” любого морального суждения без абсолютного стандарта?»; «как может плюрализм и связанная с ним ценность негативной свободы быть универсальной истиной?» [22]. Проблемы, которые Штраус обнаруживает в плюрализме Берлина, перекликаются с его общими утверждениями о «кризисе современности», который можно кратко охарактеризовать как потерю цели, возникающую из-за сомнения в самой основе либеральных убеждений. Позиции Штрауса и Берлина принципиально расходятся в следующем. Первый является монистом-натуралистом, стремящимся обнаружить совершенную гармоничную истину вне человека, а второй – эмпирик-плюралист, считающий, что истина может быть обнаружена только внутри самого человека. Берлин же полагал, что «все, что есть в мире, – это люди, вещи и идеи в головах людей: цели, эмоции, надежды, страхи, выбор, образные видения и все другие формы человеческого опыта» [22]. Из подобной

эмпирической позиции Берлин выводит универсальную позицию плюрализма, заключающуюся в том, что реальность состоит из комбинации постоянных и переменных элементов.

По словам Краудера, без этого понятия универсальных ценностей не было бы ничего, что могло бы отделить плюрализм Берлина от культурного релятивизма. Он приходит к выводу, что внутренняя логика плюрализма состоит не в том, что ни одна из конкурирующих ценностей не может быть приоритетной, а в том, что существует «минимальная универсальная мораль» [17, р. 150]. Грей фактически признает, что взгляды Берлина содержат некоторую степень релятивизма. Но эта мера релятивизма не достигает высшей степени, поскольку, несмотря на то, что моральные взгляды являются культурно предопределенными, идеи могут рассматриваться критически. Универсальные ценности, в свою очередь, не составляют универсальной морали, поскольку не существует правильного способа разрешения их конфликтов. В целом, этическая позиция Берлина, для Грея, отличима от релятивизма, а также субъективизма и скептицизма. По его мнению, мысль Берлина представляет собой вариант этического реализма, утверждающего моральную реальность, которая не предопределена, характеризуется конфликтностью и отсутствием правильного ответа, поскольку ценности являются несоизмеримыми [18, р. 89].

Аргументы Исаяи Берлина против релятивизма, в котором его часто обвиняют, по сути, сводятся к двум следующим утверждениям: ценности объективны; этические суждения не защищены от моральной критики. Не принимает Берлин и отнесение к релятивизму философских воззрений Вико и Гердера. Хотя представители нашей культуры могут с помощью воображения понять ценности, идеалы, отделенные во времени и пространстве, они могут не принять этих ценностей, но признать их значимость для другого. Для релятивизма, напротив, истина может быть просто субъективной, поскольку она измеряется стандартами, принадлежащими либо культуре, либо отдельному человеку. В тоже время Берлин указывает на постоянное ядро человеческой природы, общую человеческую природу, из которой проистекает «универсальный элемент морали». В этом «универсальном элементе» заключается то, что главным образом отличает плюрализм от релятивизма, но никоим образом не влечет за собой универсализм. Столкнувшись с универсальными конфликтами, люди могут разумно решать их по-разному. Различная мораль или образ жизни являются локальным урегулированием универсальных конфликтов. Моральный минимум, который имеет в виду Берлин, универсален в том смысле, что его следует искать везде. Это не значит, что везде будет одинаково». Именно интерпретация Греем этого конкретного значения «универсальности» в плюрализме приводит к его наиболее характерному утверждению в отношении взглядов Бер-

лина: отрицанию того, что плюрализм влечет за собой либерализм, или любое другое универсальное моральное требование.

Итак, ценностный плюрализм Берлина основывается на воззрениях Вико и Гердера, продемонстрировавших, что не существует универсального стандарта или всеобъемлющего критерия, по которому возможно ранжировать культуры, что демонстрирует, с одной стороны, ценность разнообразия, а с другой – объективность ценностей и мыслей. Они первыми, по словам Берлина, воспринимали реальность, опережая свое время, отрицали монизм, и при этом не впадая в релятивизм. Ценностный плюрализм можно свести к следующим тезисам: существует множественные человеческие ценности и цели; ценности и цели носят объективный характер; они несоизмеримы и несводимы друг к другу; конфликт – основной способ реализации их взаимоотношений. Моральное решение не является задачей, которую можно решить при помощи логарифмической линейки, поэтому существующие ценности невозможно отобразить на одной шкале, чтобы определить, какая из них является более значимой. Возможность понимания, в свою очередь, обусловлена не только существованием реального мира, но и наличием общеразделяемых ценностей. Берлин стремился заглянуть внутрь человеческого опыта, чтобы определить, что неизменно верно для всех людей. Он обнаруживал, по крайней мере, одну истину: все люди знают, что они должны выбирать между конфликтующими ценностями. Основываясь на своем опыте, люди действительно «знают», что между несоизмеримыми ценностями возникают конфликты. Как представляется, плюрализм ценностей у Берлина подразумевает необходимость свободы выбора, как естественного состояния человека.

Список литературы

1. Берлин И. Две концепции свободы // Четыре эссе о свободе [Электронный ресурс]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berlin_chetyre_esse_o_svobode_1992__ocr.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
2. Берлин И. Джамбаттиста Вико и история культуры // Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 187–205.
3. Берлин И. Историческая неизбежность // Четыре эссе о свободе [Электронный ресурс]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berlin_chetyre_esse_o_svobode_1992__ocr.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
4. Берлин И. Марксизм и интернационал в XIX веке // Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 368–423.
5. Берлин И. Мой интеллектуальный путь [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/06.htm (дата обращения: 07.10.2020).

6. Берлин И. Молчание в русской культуре // История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 336–365.
7. Берлин И. Политические идеи в двадцатом веке // Четыре эссе о свободе [Электронный ресурс]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berlin_chetyre_esse_o_svobode_1992__ocr.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
8. Берлин И. Стремление к идеалу // Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 8–25.
9. Берлин И. Мой интеллектуальный путь [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/06.htm (дата обращения: 07.10.2020).
10. Грановская О.Л. Исая Берлин: политическая философия с русскими корнями // Вестн. Рус. христиан. гуманит. академии. 2015. Т. 16, Вып. 2. С. 93–105.
11. Паньковский А. Агональный либерализм Исая Берлина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/39/11.pdf> (дата обращения: 07.10.2020).
12. Berlin I. In Conversation with Steven Lukes [Electronic resource]. URL: <https://stevenlukes.files.wordpress.com/2012/06/9-isaiah-berlin-in-conversation-with-steven-lukes.pdf> (accessed: 07.04.2021).
13. Berlin I. Liberty. Oxford: Oxford University Press, 2002. 416 p.
14. Berlin I. Political Ideas in the Romantic Age: Their Rise and Influence on Modern Thought. Princeton: Princeton University Press, 2008. 352 p.
15. Berlin I. The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. Princeton: Princeton University Press, 2013. 384 p.
16. Craiutu A. Isaiah Berlin on Marx and Marxism // The Cambridge Companion to Isaiah Berlin [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/37862596/Isaiah_Berlin_on_Marx_and_Marxism (accessed: 07.04.21).
17. Crowder G. Isaiah Berlin: Liberty and Pluralism. Cambridge: Polity, 2004. 256 p.
18. Gray J. Isaiah Berlin. Princeton: Princeton University Press, 1997. 183 p.
19. Hao Y. History, Method, and Pluralism. A Re-interpretation of Isaiah Berlin's Political Thought [Electronic resource]. URL: <http://etheses.lse.ac.uk/1832/1/U205195.pdf> (accessed: 07.04.2021).
20. Jahanbegloo R. Conversations with Isaiah Berlin. N.-Y.: Charles Scribner's Sons, 1991, 224 p.
21. Lukes S. The Singular and the Plural: On the Distinctive Liberalism of Isaiah Berlin // Liberals and Cannibals: The Implications of Diversity. N.-Y.: Verso, 2003. P. 78–99.
22. Martins A.V. Pluralism v. Relativism. An Appraisal of Isaiah Berlin's Defense of Pluralism [Electronic resource]. URL: https://repositorio.ucp.pt/bitstream/10400.14/18986/1/TeseMA_AMartins_104013009%20%281%29.pdf (accessed: 07.04.2021).

23. Thorsen D.E. The Politics of Freedom. A Study of the Political Thought of Isaiah Berlin and Karl Popper, and of the Challenge of Neoliberalism [Electronic resource]. URL: <https://www.duo.uio.no/handle/10852/13298> (accessed: 07.04.2021).

I. BERLIN'S INTELLECTUAL HISTORY: INTERPRETATION OF PLURALISM OF VALUES

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to I. Berlin's history of ideas, which is the history of change and shifts of models of human development. It is pointed out that one of his fundamental ideas is pluralism of values, the roots of which he discovered in the philosophy of G. Vico, I. Herder. It is maintained that the pluralism of values implies the presence of multiple and incommensurable human values, which are in a state of confrontation and even conflict with each other.

Keywords: *history of ideas, pluralism of values, political theory, history.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. SPIN-код: 3657-9312, e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. Email: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 930.1;1(091)

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПЫТА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Б. КРОЧЕ¹

А.А. Аванесян

ФКУ НИИИТ ФСИН России, г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.246

Развиваемый Бенедетто Кроче подход к осмыслению специфики исторического познания приводит к формулированию идеи его укоренения в индивидуальном жизненном опыте познающего человека. Критика субстанциальной философии истории задает единственно возможную стратегию исследования прошлого через изучение единичных фактов и явлений, понимание которых определяется обстоятельствами и возможностями исторической ситуации работы исследователя. Такой проект истории приобретает черты изменчивого, ситуативного, принципиально незаконченного знания, находящегося в постоянном процессе становления.

Ключевые слова: философия истории, неогегельянство, рефлексия, историцизм, исторический опыт.

Философская рефлексия Б. Кроче представляет историю и философию в качестве единого, взаимосвязанного типа познания, отличающегося по своей сути от естественнонаучного способа рассмотрения действительности. Исторический метод коренится в способности к рефлексивному восприятию исследуемого предмета. Этот подход во многом продолжает гегелевскую модель философии истории, в основе которой полагается способность духа к самопознанию через анализ овеществленных результатов своей деятельности. Философия, как дисциплина, в центре внимания которой находится исследование духовных способностей человека, в этом смысле предлагает методологическую основу для исторического познания. История же в свою очередь задает форму воплощения философских идей, всегда предстающих в конкретном выражении, откликаясь на ситуативные вызовы и партикулярные события. Историческая фиксированность философских учений формирует саму возможность их изучения и, вместе с тем, включает каждую доктрину во взаимосвязанный исторический философский диалог, традицию, в рамках которой философская дисциплина получает развитие. История и философия в изложении Б. Кроче оказываются двумя сторонами единого процесса движения мысли, что закладывает основу взгляда на них как на форму знания, непрестанно изменяющуюся, находящуюся в процессе постоянного становления, не достигающего своего

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого». № 20-011-00406

завершения. Рефлексивная основа истории требует постоянного переосмысления подходов к познанию прошлого, оценок, суждений, конкретных результатов и интерпретаций произошедших событий. Такой подход неизбежно концентрирует внимание на работе конкретных исследователей, формирующих историческое знание, что ставит вопрос о специфическом опыте познания прошлого, в пределах которого находит выражение взаимосвязь между настоящим историка и рассматриваемым им прошлым. Исследование кроччанского взгляда на индивидуальную работу исследователя прошлого как непосредственное выражение исторического познания, чему посвящена данная работа, представляет особый интерес, поскольку позволяет лучше понять процесс формирования и развития одной из важнейших категорий философии истории XX – начала XXI вв. – концепта «исторический опыт».

Достижение поставленной цели предполагает с одной стороны рассмотрение гегелевской платформы философских исканий Б. Кроче, что позволит выделить ключевые пункты, отталкиваясь от которых итальянский мыслитель выстраивает свое видение исторического познания, а с другой стороны, – собственно исследование самобытной кроччанской доктрины философии истории, концентрирующей внимание на индивидуальной практике исторического исследования.

Философия истории Г.В.Ф. Гегеля

Историософская доктрина Гегеля в основных своих чертах продолжает субстанциальную модель философии истории, представленную в сочинениях мыслителей Просвещения и немецкой классической философии. Становление человечества в этой модели объясняется закономерным линейно прогрессирующим развитием спекулятивно выведенной универсальной сущности всемирной истории. Наличие метафизической основы, которую можно философским взглядом разглядеть за бесконечным многообразием единичных фактов наличной истории, делает историю познаваемой, задает возможность для ее объяснения. В изложении Гегеля познаваемость мировой истории определяется ее разумностью. Всемирно-исторический процесс, как и все устройство мироздания, совершается разумно, в мире господствует разум, который выступает в качестве субстанции, являясь для себя бесконечным содержанием всей природной и духовной жизни [1, с. 64]. Отличительной особенностью такой субстанции видится то, что она сама для себя является предметом, на который направлена ее деятельность. Она не нуждается в условиях внешнего материала для извлечения содержания и объектов этой деятельности, но берет весь необходимый материал из себя, что делает разум одновременно и своей собственной предпосылкой и конечной целью [1, с. 64]. Проявлением разумного устройства мироздания представляется законосообразность. Так, законы, по которым осуществляется движение солнечной системы, суть ее разум [1, с. 66], то есть ра-

зумность в данном случае означает именно познаваемость, доступность рациональному постижению. Наличие таких закономерностей выявляет разумное устройство мироздания именно постольку, поскольку открывает возможности для его познания человеческим разумом. В этой связи и история должна управляться определенным законом, который гарантировал бы возможность понимания смысла и значения происходящих событий. Но если в природе разум только проявляется в виде логически постижимых естественных законов, то в истории он развивается, осуществляя познание себя самого, то есть рефлексию. Историческое становление конституируется рефлексией, заложенной в ее основе субстанции. По этому поводу Гегель замечает, что только духовное развитие приводит к появлению нового, к усовершенствованию, в природном же изменении может быть обнаружено только кругообращение, в природе ничто не ново под луной [1, с. 103].

Рефлексивное движение субстанции всемирно-исторического развития осмысливается в терминологии диалектической логики. Сущностная основа общественного развития должна столкнуться со своим антитезисом, то есть пройти через то, чем она не является, стать своей противоположностью, чтобы вернуться к себе и в полной мере раскрыть себя для своего собственного познания. Схематично этот путь можно описать как движение мирового духа от исторического воплощения в своем субъективном лице в качестве индивидуальных сознаний конкретных людей через объективацию себя в форме социальных установлений и других продуктах духовной активности человека к познанию себя за счет познания этих форм своей объективации, что выражается в становлении абсолютного духа и абсолютного знания. Конечной целью этого движения к самосознанию духа является понимание им своей собственной сущности, которой является свобода [1, с. 70]. Свобода представляется необходимым и неотъемлемым свойством духовной жизни. Для субъективного духа эта свобода проявляется в отношении к самому себе (человек свободен в себе, но не для себя), объективный дух существует в реальности, для которой свобода – насущная необходимость, абсолютный дух существует в себе и для себя, для него свобода оказывается проявлением абсолютной истины и внутренним достоянием [5, с. 36]. Осознание свободы духа осуществляется в процессе соединения индивидуального со всеобщим. Субъективный дух открывает объективную сторону существования, познавая всеобщий предмет – субстанциально разумное в себе и для себя [1, с. 98]. Платформой и необходимым условием этой деятельности предстает государство, которое воспринимается не просто общественным институтом, свободным объединением людей, оно является самоценной субстанцией, только в рамках государства проявляется свобода и нравственность индивида [2, с. 14–15]. Соединение субъективной и объективной стороны духа осуществляется в государстве, которое выступает сосредоточием других сторон народной

жизни: искусства, права, нравов, религии, науки [1, с. 99]. Конкретными формами осознания свободы выступают религия, искусство и философия. В религии мирской дух осознает абсолютный дух и в осознание сущего в себе и для себя существа он отказывается от своего частного интереса, от своей субъективности; в искусстве абсолютный дух обретает чувственное воплощение; в философии же осуществляется осмысленное понимание абсолютного духа [1, с. 99].

В этой схеме представлены все необходимые элементы постижения смысла всемирной истории. Историческое движение есть путь постепенного обретения свободы, что означает действительное философское осознание идеи свободы во всей ее полноте и совершенстве. Для того чтобы такое осознание свободы духа осуществилось, человечество должно пройти трудный и долгий путь поступательного развития от восточных государств-деспотий через демократии и аристократии греко-римского региона к христианской монархии германского мира. В ходе такого движения сущностно свободный дух вынужден погрузиться в свою полную противоположность, то есть в абсолютную несвободу, чтобы диалектически найти осознание своей сущности. Вместе с тем самоосмысление мирового духа конституируется постепенно. В эпоху Античности общественное сознание в столкновении с восточной деспотией постигает саму возможность свободы. В рамках христианской религии на примере сосуществования в античном обществе свободы и несвободы формируется осознание фундаментальной свободы человека, то есть свободы каждого духовного существа в силу самой его причастности к духовному началу. Так в ходе становления всемирной истории завершается развитие мирового духа на пути самосознания. Ключевой особенностью этого взгляда на историю является логический вывод о конце истории, то есть возможности достижения субстанциальной цели всего мирового развития. Более того, само понимание смысла и назначения истории оказывается возможным только на этапе завершения ее развития – в восточном мире или в эпоху античности полное раскрытие свободы человеческого духа осуществиться не могло в силу препятствий общественных и государственных структур. Цель истории, с этой точки зрения, раскрывается в европейской философской мысли Нового времени. Также важно подчеркнуть, что реализация всемирно-исторической цели развития достигается в процессе человеческой деятельности и через нее. Прямым следствием такого подхода является признание необходимости исследования фактического материала исторического прошлого: смысл истории может быть выведен только из нее самой, мировой дух нуждается в объективированных продуктах деятельности субъективного духа для осмысления себя самого. Изучение результатов человеческой деятельности, событий, культурных явлений предстает неотъемлемой составляющей гегелевского проекта философии истории.

Свобода в системе Гегеля тесно связана со своей противоположностью – необходимостью. Законосообразность движения субстанции мировой истории с необходимостью требует становления и осознания свободы духа. Эта взаимосвязь проявляется в двух отношениях. С одной стороны, свобода принадлежит духу как необходимость, она является сущностью и неотъемлемым свойством духа. Без свободы дух немыслим, поскольку без свободы невозможно творчество. С другой стороны, линейный закономерный прогресс мировой истории также осуществляется с необходимостью, тот путь, который мировой дух проходит на пути самосознания своей свободы, неизбежен, он не имеет альтернатив. Прогресс в осознании свободы есть необходимость сама по себе [12, с. 149]. В некотором смысле весь путь исторического развития предрешен с самого начала: мир не предоставлен случаю и внешним случайным причинам, но управляется провидением [1, с. 67]. С самого начала истории человеческого рода в нем, а именно в способностях к духовной активности человека, в еще не развитом потенциальном виде уже содержится конечная цель становления, которая непременно реализуется. Окончательное обретение духом свободы означает полное понимание неотделимости свободы от духа, постижение их нерасторжимо-го единства. Логическая завершенность понятия свобода требует самосознания ее необходимости [12, с. 128].

Разумный характер субстанциальной основы исторического становления выявляет существенную ее черту. Гегель рассматривает ее не просто как объект познания, некую сущность, лежащую в основе исследуемого предмета, но скорее результатом слияния самой субстанции с субъектом, осуществляющим познание. Представление субстанции в процессе саморазвития и самораскрытия призвано показать путь превращения субстанции как субъекта «в себе», обладающего потенцией самосознания, в субъект «для себя», когда субстанция обретает самосознание и знает себя в качестве субъекта [9, с. 15]. С другой стороны, субъективный дух должен преодолеть обратный путь к слиянию с субстанцией. Субъект познания через философские размышления должен занять точку зрения мирового духа, как бы раствориться в истории для обретения абсолютного знания, что оборачивается практическим воплощением мысли о необходимости самоотречения духа для диалектического возвращения его к себе и осознания себя на уровне абсолютного духа. Конкретный индивид, Г.В.Ф. Гегель как личность, как конкретный профессор философии, должен отстраниться от своей личности, оставить ее позади, чтобы остался чистый субъект «Гегель», который в этом воплощении сливается с субстанцией в абсолютном знании [12, с. 115]. Прогрессивное движение истории с необходимостью приводит к развитию философии, в рамках которой осознается свободная сущность духа. Реализация этой цели всемирно-исторического развития осуществляется через деятельность конкретных исторически данных лич-

ностей. В этом смысле, субъективный дух взаимосвязан с абсолютным духом на протяжении всего периода становления. Единичное воплощение в субъекте необходимо мировому духу для своего самосознания, но полная реализация этой цели возможна только в ходе интеллектуального восхождения субъекта к абсолютному духу.

В этой связи следует подчеркнуть особое внимание Гегеля к вопросу об историческом движении мирового духа. Воплощением этапов этого духовного прогресса мыслится становление отдельных государств. Каждая ступень развития мирового духа имеет свой собственный принцип, в роли которого выступает конкретная определенность духа – особый дух народа, проявляемый в свойственных только этому народу традициях, правых установлениях, политическом устройстве, нравственности, религии, искусстве и т. д. [1, с. 112]. Дух народа демонстрирует достижения мирового духа, позволяя увидеть в себе исторический прогресс. Однако далеко не каждый народ способен возвыситься до уровня мирового значения. История свершается всемирно-историческими народами, чья культура демонстрирует высший предел развития на каждом этапе исторического становления и заслуживает философско-исторического исследования. Такие народы сменяют друг друга на позиции лидера духовного прогресса, причем географически этот путь осуществляется по направлению с востока на запад. Высшую ступень линии мирового прогресса Гегель отводил культуре германских народов, что в итоге приводит к прогнозу будущего лидерства Северной Америки, как наследницы и продолжательницы европейского пути [5, с. 161]. Вместе с тем само понимание духа народа у немецкого мыслителя скорее идеально. Он подчеркивает, что этот дух отличается от реальной действительности, то есть от духовного склада большинства представителей народа, обнаружить его можно в произведениях и поступках великих личностей – представление о древних греках можно получить через Софокла, Аристофана, Фукидида, Платона и т. д. [1, с. 123]. Дух понимается Гегелем в качестве внутренней, но бессознательной души всех индивидуумов [1, с. 82], которую можно понять, только если она проявляется в деяниях великих личностей. В этом смысле и постижение цели развития мировой истории, т. е. разработка философии истории, является задачей, которую способна решить великая личность, выражающая наивысший пик исторического становления.

Субстанциальность всемирно-исторического процесса определяет способ его постижения. Принципиальным в данном случае оказывается различие неизменной сущности и изменчивого существования [9, с. 10]. Рациональному познанию оказывается доступно не случайное в истории, не каждое случившееся в прошлом событие, но только существенно важное, только то, в чем может быть усмотрено движение субстанции мировой истории, то есть события, которые имеют необходимый характер. Существующее не обязательно является существенным,

равно как и не все существующее заслуживает познавательных усилий. На этом основании Гегель проводит различие просто исторического изменения от сущностно исторического, познание чего необходимо для понимания всего исторического процесса. Терминологическим выражением такого разграничения выступает применение понятия *Historie* для обозначения исторического вообще, то есть всего многообразия событий, и понятия *Geschichte*, применимого к научно познаваемой составляющей исторического становления [5, с. 58], то есть того в истории, что необходимо, а значит и философски постижимо. Таким образом, познаваемость истории определяется способностью умозрительно вычлени из всего бесконечного многообразия случившегося существенное то, что определяет развитие мировой истории. Немецкий мыслитель подчеркивает, что в истории действуют люди, именно их усилиями творится наглядно воспринимаемый материал общественного развития, причем руководствуются исторические деятели не всемирно историческими идеалами или ценностями общественного прогресса, а совершенно обыденными партикулярными интересами и страстями [1, с. 84]. Однако эти страсти и желания конкретных индивидов как бы используются для великих свершений, через них разумная субстанция мировой истории осуществляет свое развитие. Конкретные деятели не обязательно должны осознавать общемировое значение своих действий, вернее была бы обратная зависимость: великими историческими личностями становятся те, чьи деяния, вне зависимости от их стремлений, объективно способствуют мировому прогрессу. Появление таких личностей воспринимается не случайным, но скорее необходимым проявлением определенного этапа социокультурного развития конкретного общества [5, с. 145]. Оставаясь на заднем плане, единая сущность мировой истории, проявляет себя в великих событиях, остальные явления общественного бытия просто не обладают историческим значением. Даже если такие явления противоречат или препятствуют прогрессивному движению, они не способны его остановить. Подтверждение этой мысли Гегель усматривает в повторяемости исторических событий. Так, в частности, убийство Цезаря не могло остановить падение республики, но лишь ещё ярче продемонстрировало, что Рим в ту эпоху исторического развития должен был управляться единолично [1, с. 334]. Повторное установление единоличной власти Октавианом Августом, таким образом, выявляет историческую необходимость зарождения и развития империи. Выделение субстанциальной основы общественного становления, с этой точки зрения, позволяет сформировать принцип структурирования фактического материала истории, выделить значимое, заслуживающее внимание. В этом смысле сущность истории предстает логическим каркасом, вокруг которого может быть расположено многообразие единичных фактов. Это позволяет выстроить целостную, взаимосвязанную и последовательно развивающуюся в направлении определенной цели

картину всемирной истории, в которую вписываются истории отдельных народов и государств. Возможность сформулировать такое видение исторического становления общества само по себе свидетельствует о развитии философской истории, в рамках которой и может быть достигнута субстанциальная цель самосознания свободы духа.

Важной составляющей такого подхода к пониманию сущности истории является нерасторжимое единство логического и хронологического взгляда на нее. Логическое постижение исторического становления призвано дать понимание хронологическому движению налично данного событийного материала. С этой точки зрения, постулируемый «конец истории» понимается не как хронологическое завершение истории во времени, но скорее как логическая законченность, полнота картины всемирно-исторического прогресса [12, с. 6]. Эта полнота философского определения истории делает ее понятной, позволяет дать рациональное объяснение исторического развития. Вместе с тем, такая приверженность философско-логическому подходу определяет методичку работы с историческим материалом [9, с. 18]. Вольности в обращении с историческими свидетельствами [5, с. 167], тенденциозная интерпретация отдельных явлений [1, с. 113–117] подчиняются заранее заданной структуре логической модели истории. Интересующие факты анализируются и используются в соответствии с теми потребностями и задачами, которые предполагает философская схема исторического становления, факты приобретают такую форму, которая позволяет подтвердить ими спекулятивно сформулированную картину духовного прогресса. Такое отношение к фактическому материалу свидетельствует о приверженности Гегеля априорному взгляду к историческому познанию, а не эмпирическому [12, с. 48–49]. Не смотря на присущее его доктрине требование выведения смысла истории из самого хода исторического становления, что предполагает необходимость исследования результатов духовной деятельности субъективного духа, сам способ анализа свидетельств сохраняет черты метафизического подхода к познанию общественного развития. Но при этом отказ от приоритета хронологического рассмотрения прошлого позволяет описать историю при помощи терминологического инструментария диалектической логики. В этом смысле философия истории является неотъемлемой составляющей общей системы гегелевской логики [12, с. 60]. Законченность истории придает достижение субстанциальной цели ее развития. Всемирно-исторический процесс завершается полным раскрытием значения и смысла понятия свободы духа, дальнейшее движение истории не откроет ничего принципиально нового в философском осмыслении социально-исторической проблематики. Жизнь человеческого общества на этом не закончится, но понимание ее смысла должно остаться таким, каким оно формулируется Гегелем. Конец истории при таком подходе понимается не как физическое завершение процесса развития общества, но в

качестве полного и окончательного раскрытия философского смысла всемирной истории. Строго говоря, именно философская система Гегеля, в которой находит воплощение и диалектическую реализацию идея свободы духа, выступает в этом отношении итогом развития мировой истории.

Представленную таким образом программу историософии Гегель подытоживает, подчеркивая, что, занимаясь прошлым, история имеет дело с настоящим, в том смысле, что философия изучает истинное, то есть вечно наличествующее [1, с. 125]. Субстанциальная духовная основа всемирной истории изменяется в процессе становления, но при этом сохраняет свое единство и единое направление развития. Закономерный линейный прогресс, характеризующий этот процесс, с необходимостью приводит к достижению изначально заложенной цели. Самораскрытие мирового духа, осознание философского смысла его свободы конституирует логическую модель, позволяющую объяснить событийную сторону всемирно-исторического становления.

Теория исторического познания Б. Кроче

Итальянский последователь Гегеля в своих философских исканиях сохраняет приверженность диалектической логике, основывает свой подход к познанию прошлого на необходимости исследовать сохранившиеся свидетельства как запечатленные результаты деятельности духа и, также как его немецкий предшественник, полагает, что история конституируется свободной активностью духа, в соответствии с чем, историческое познание приобретает характер рефлексивного мышления. Если историософия Гегеля может трактоваться в качестве этапа на пути перехода от субстанциализма к становлению историзма [3], то сам Кроче характеризует свою философскую позицию уже как «абсолютный идеализм», а позднее – «абсолютный историцизм» [17, с. 257]. Гегелевскую доктрину с историзмом связывает в первую очередь переосмысление субстанции исторического становления в качестве саморазвивающейся и самопознающей сущности мирового духа, в которой слиты субъект и субстанция. Это закладывает основу для восприятия истории постоянно развивающимся и непрестанно меняющимся процессом, смысл которого может быть понят только в ходе исследования самого этого процесса. Утверждение абсолютного историцизма в философии Кроче, в свою очередь, фундируется полным отказом от субстанциального видения исторического развития. В продолжении посткласического подхода к выстраиванию философии истории итальянский теоретик полагает глубоко ошибочным и антиисторичным выведение единой сущности, управляющей целенаправленным линейным прогрессом мировой истории. Этот сдвиг выводит за пределы обсуждения гегелевские категории абсолютного духа и абсолютного знания, оставляя единственным воплощением духа индивидуальный субъект духовной актив-

ности – исторически данного человека. Аналогичным образом меняется понимание свободы, которая уже не может представляться в качестве абстрактной универсальной сущности, принадлежащей абсолютному духу «для себя», историческое становление которого выражается в постепенном раскрытии смысла понятия свободы. Свобода мыслится необходимым условием активности человеческого духа, проявляясь в конкретных действиях, совершенных в конкретных обстоятельствах [14, с. 227–228]. История творится свободной деятельностью человека. В этом смысле, свобода не накапливается в ходе исторического развития, невозможен прогресс свободы ни в практическом отношении, ни в отношении приращения значения этого понятия. На протяжении всей истории человечества свобода духа проявлялась во всех видах человеческой деятельности, сопряженной с творчеством и созданием нового. Исторические условия существования того или иного общества могут устанавливать существенные препятствия для свободы самовыражения и свободы действий индивида, вплоть до самых радикальных вариантов подавления. Но даже такие препятствия рассматриваются Кроче в качестве диалектического антитезиса, вызова, в борьбе с которым выражает себя свобода человека [14, с. 236].

Освобождение истории от подчинения сверхестественной воле и слепой естественной необходимости, от трансцендентности и ложной имманентности не оставляет иного видения исторического становления, помимо как продукта деятельности исключительно человеческой воли и интеллекта, что позволяет назвать такую историю подлинно гуманистической [15, с. 94]. Деятельность действительно живших и живущих в данный момент людей оказывается предельно возможной реальностью, в которой может быть найдено рациональное объяснение произошедших событий. Придерживаясь такого видения, не остается необходимости пытаться выявить за историческими явлениями некий скрытый смысл, надысторическую причинность, управляющую поступками людей и направлением общественного развития. История больше не является ни творением природы или потустороннего Бога, ни продуктом деятельности абстрактного и нереального индивида, но прямым результатом работы реальных людей, действующих в конкретных условиях и в конкретных моментах пространства и времени [15, с. 100–101]. Историческое познание, таким образом, в полном смысле не выходит за пределы самого процесса развертывания истории, не требуя внешних абстрактных структур и спекулятивных объяснительных моделей. История конституируется деятельностью человека, в которой проявляются его духовные способности. Именно такое содержание Кроче вкладывает в понятие «историцизм», определяя его в качестве «научной истории», для которой жизнь и реальность заключаются в истории и одной только истории [14, с. 65]. Этот взгляд отрицает модели исторического познания, предполагающие разделение реальности на историю и сверхисто-

рию – мир идей или ценностей, отражением чего является налично данный материал исторического становления. В противоположность таким подходам, предлагающим внеисторическое объяснение логики исторического развития, историческое познание в крочеанской доктрине концентрируется исключительно на исследовании результатов человеческой деятельности – свидетельствах работы духа. В этом смысле история познает духовную активность человека: «наша история есть история нашей Души, а история человеческой Души есть история мира» [там же, с. 117].

В соответствии с таким видением исторического процесса меняется восприятие и философии. Критике подвергается сама основа метафизического подхода к философствованию, исходя из которой, выстраиваются системы трансцендентного объяснения мироздания. Такая метафизика пытается найти мир вне и помимо истории [6, с. 11–12], опять же удваивая исследуемую реальность и возводя объяснение действительности к причинам, полагающимся за ее пределами. В противовес этому подходу Кроче предлагает проект философии, укорененной в истории. Подлинная философия неотделима от личности, трудами которой она разрабатывается, отвечая на те вызовы и проблемы, которые актуальны и важны в конкретных исторических обстоятельствах. Философия в этом понимании предстает живым знанием, процессом осмысления, осуществляющимся в меняющихся обстоятельствах жизни философа, она вырастает из его индивидуального опыта [6, с. 30], из тех проблем, которые кажутся человеку наиболее важными, требующими особого внимания. В каждом философском сочинении находит выражение сформированная в конкретных социальных условиях личность его автора. Философия невозможна в качестве дисциплины, решающей вечные проблемы или выстраивающей фундаментальные системы, призванные дать универсальное объяснение бесконечному многообразию мироздания. Взамен такого над- и внеисторического подхода Кроче предлагает взгляд на философию, сущностно связанную с историческим познанием.

Взаимосвязь истории и философии проявляется в различных отношениях. С одной стороны, философия предстает теоретической основой исторической дисциплины, то есть в виде методологии истории: историография неотделима от философского осмысления ее основ, также как моральное сознание неотделимо от нравственного поступка, а эстетическое понимание – от художественного творчества [14, с. 147]. С другой стороны, история и философия взаимно необходимы, они дополняют друг друга [14, с. 140]. Философская деятельность невозможна без исторического знания, без ссылок на исторические свидетельства и анализа их специфически историческими приемами, а исследование философских сочинений невозможно без исследования исторического контекста их создания. В свою очередь, историческое познание не пред-

ставляется возможным без философской подготовки, без навыков рационального логически выверенного мышления. Но ключевой точкой, в которой сходятся философский и исторический способы постижения действительности оказывается методическое единство. Предметом исследования обеих дисциплин представляется духовная активность человека, соответственно и для исследования этого предмета предлагается общий способ. По сути, философия и истории рассматриваются в качестве единого типа познания, ориентированного на осмысление результатов духовной деятельности. Исследование прошлого, как и философское исследование, в основе своей есть мыслительная деятельность, и в этом они совпадают друг с другом уже в силу того, что не может быть двух разных способов мыслить [15, с. 176]. Философия в сущности своей есть сам процесс мышления, способ осуществления духовной деятельности в форме понятийного схватывания действительности. Невозможны внеисторические философские дефиниции, и точно также невозможно исследовать прошлое, не рефлексировав, полностью отказавшись от осмысления этого процесса. В философском суждении, как и в суждении историческом, осуществляется связь общего с единичным. Более того, любое суждение, коль скоро оно является суждением, есть историческое суждение, в силу того, что субъектом этого суждения является некий факт, а значит, становящееся явление – неподвижного факта нельзя ни найти, ни понять в мире реальности [14, с. 32]. Эти рассуждения приводят к утверждению непрестанно меняющегося и развивающегося, постоянно преодолевающего свою основу философского, а вместе с ним и исторического, знания. Философия не может остановиться в своем развитии, не может достичь окончательной истины, абсолютного знания, завершенной спекулятивной системы, поскольку не может остановиться в своем движении мысль, в этом заключается естественное свойство мыслительной деятельности, у которой нет окончательного, раз и навсегда достижимого завершения [15, с. 158]. В противовес классической философии истории, понимаемой в качестве спекулятивных субстанциальных стратегий постижения истории, предлагается синтез философии-истории, выражающий единый способ познания духовной деятельности человека. История оборачивается бесконечным движением мысли, направленным на конкретные и конечные явления действительности [13, с. 59].

Прямым следствием такого подхода оказывается отрицание возможности универсального взгляда на историю. Единство всемирно-исторического процесса не доступно для исторического или философского познания в силу невозможности выработать универсальную объяснительную модель, единую схему развития, способную вписать в себя все регионы мира, государства и народы. Познание прошлого, в этом отношении, определяется постижением конкретных фактов, то есть способностью раскрыть значение и смысл отдельных событий и явлений, а

не спекулятивно выведенным универсальным законом, устанавливающим принцип прогрессивного развития человечества, в рамках которого каждому народу и государству должно быть отведено строго определенное место. В то же время это не означает абсолютной невозможности познания всеобщего в истории. Кроче подчеркивает, что историческое познание, будучи мыслительной деятельностью в своей сущности, является мыслью о всеобщем в его детерминированности частным, поскольку частное в своей частности и конечности определяется мыслью и поэтому познается как всеобщее в частном выражении [15, с. 59–60]. В данном случае итальянский мыслитель выражает идею, согласно которой общее не имеет какого-либо дополнительного значения, помимо того, что выражается в каждом конкретно существующем его воплощении. Понятие, таким образом, связывает универсальное с конкретным [7, с. 104]. Так, например, понятие «человечность» не представлено само по себе во всей своей целостности, а только в единичных своих воплощениях – индивидуальных субъектах, но каждое такое индивидуальное воплощение человека содержит в себе человечность во всей своей полноте и целостности [14, с. 279–280]. Не существует общего понятия человечности как высшего идеала человека, с которым бы как с образцом можно было сравнивать каждого индивида с целью сделать вывод, в какой мере он соответствует ему, насколько точно он воплощает в себе человечность, а значит, не может быть и прогресса в историческом пути изменения этого понятия. Человечество не становится более человечным в ходе исторического развития, в каждую эпоху каждый человек в полной мере является конкретным выражением человечности. Аналогичным образом и философия не может существовать в отрыве от конкретных философских сочинений, но в работах каждого отдельно взятого философа философия представлена во всей своей полноте и целостности. Само понимание дефиниции «философия», понимание ее задач, целей, возможных способов выражения может кардинальным образом меняться, но в каждом своем воплощении она остается философией в полной мере.

В этом пункте проявляет себя принципиальное отличие крочеанского восприятия истории в сравнении с классическим подходом. Для Гегеля история философии – это история прогрессивного развития философии, в ходе которого каждый философ вносит свой вклад в постепенное раскрытие истинной философии как выражения абсолютного знания. То есть от сочинения к сочинению осуществляется постепенное совершенствование и самораскрытие философии как типа знания, что предполагает наличие ее конечной формы и возможность достичь окончательного решения философских проблем, после чего уже ничего нового прибавить к философии будет невозможно. С точки зрения Кроче, такое видение истории в корне неверно. На примере поэзии, он выражает мысль, что группа авторов, отнесенная к одному историческому

классификационному ряду (история поэзии в данном случае), не обязательно должна быть взаимосвязана [14, с. 268–269]. Иными словами Шекспир, даже если у него была возможность учиться у своих предшественников, не является более совершенным поэтом по сравнению с Данте или Гомером. История поэзии означает, в этом смысле, изучение конкретных воплощений поэзии в произведениях отдельных поэтов. Точно так же и с историей философии и с историей вообще – каждое единичное явление обладает собственным значением, в котором выражается история во всей своей полноте. Именно поэтому Кроче может сказать, что любая универсальная история, в той мере, в которой она остается подлинной историей, есть история особенная, но там, где есть подлинная история, она по необходимости – универсальная [6, с. 183]. Вместе с тем, такой подход меняет отношение и к единичным фактам прошлого, у которых теперь не может быть раз и навсегда зафиксированного значения. Каждое сочинение, каждый текст прошлого оказывается включенным в традицию его прочтения, в ходе становления которой его смысл может существенно меняться, вплоть до приобретения таких оттенков, которые не могли быть вложены самим автором [14, с. 269–270]. Понимание исторического свидетельства, таким образом, определяется не только обстоятельствами его создания и желанием составителя, но и условиями его исследования и возможностями исследователя. Такая интерпретация исторического познания сближает подход Кроче с герменевтикой истории действия Х.-Г. Гадамера.

В то же время, в определении специфики самого характера философских понятий итальянский философ сближается с предложенным Г. Риккертом неокантианским представлением исторического способа образования понятий, согласно которому историческое понятие включает единичные факты как свои составные части, в виду чего чем более широким является исторический концепт, тем богаче его содержание [10, с. 148]. В изложении Кроче, философская дефиниция, в отличие от призванного различать классы и подклассы эмпирического понятия, содержит в себе единичные формы, представляя собой органическое целое [16, с. 9]. В другом месте, характеризуя работу исторического познания, он почти дословно повторяет формулировку Риккерта о том, что на фундаментальном уровне историческое знание выражается в суждениях, в которых общее понятие определяется путем индивидуализации [15, с. 60]. Такое совпадение представляется не случайным, поскольку в работах представителя Баденской школы неокантианства, так же как и в трудах Кроче, утверждает себя постклассическая антисубстанциальная платформа философии истории, одной из задач которой виделась необходимость обоснования возможности понятийного схватывания сингулярных фактов. История, как дисциплина, изучающая однократные, неповторяющиеся явления, постоянно меняющиеся процессы, с этой точки зрения, должна обладать понятийным аппаратом, способным форму-

лизовать научно обоснованное, точное знание о прошлом. Такая история, равно как и предмет ее изучения, предстает непрестанно меняющейся, преобразующей сама себя познавательной дисциплиной, в рамках которой невозможно достичь окончательной, раз и навсегда установленной истины: «...в каждый момент времени история работает над самосовершенствованием, углублением и обогащением себя. Невозможна история, которая бы нас полностью удовлетворяла, поскольку любое наше построение порождает новые проблемы и требует новых решений» [15, с. 46].

Характер кроччанского видения исторического познания определяется спецификой предмета. Историческая реальность, понимаемая как результат деятельности человека, предполагает необходимость изучения этой деятельности для постижения прошлого. При этом сама человеческая деятельность определяется духовной активностью, что фактически означает, задачей историка является осмысление духовного опыта человека прошлого. Кроче подчеркивает, что в активности человека получает выражение его мышление [14, с. 175–176], и, следовательно, историческое знание вырастает из необходимости прояснить идеальные основы деяний, то есть через осмысление произошедшего [14, с. 178]. Именно такая рефлексия продуцирует историческое познание. Ключевое значение в исследовании прошлого при таком подходе неизбежно отводится свидетельствам – историческим источникам, в которых запечатлевается духовная активность живших ранее людей. Через сохранившиеся документы, артефакты и другие осколки прошлой действительности осуществляется связь между человеком прошлого и историком, работающим в условиях современности. От явлений прошлого должно что-то остаться, они должны в чем-то быть зафиксированы, чтобы у исследователей появилась возможность их изучить, а через это изучение составить некоторое представление о самом прошлом. Однако свидетельств самих по себе для исторического познания недостаточно, история не может быть простым коллекционированием летописей и археологического материала, историк должен извлечь из них информацию о прошлом и то, какая именно информация будет получена, как она будет понята и использована, зависит в полной мере от исследователя. Источник должен быть осмыслен как источник информации о прошлом, чтобы историк мог его использовать в своей работе. Сохранившиеся свидетельства – не резервуар знаний о прошлом, к которому историк подходит, словно, с ведром, чтобы зачерпнуть их [15, с. 23]. Только профессиональная исследовательская работа историка определяет, что станет источником информации в его исследовании, как эта информация будет использована и в каком виде представлена. Фактически именно исследователь определяет, как будет выглядеть прошлое. В терминологии Кроче это освобождает историю от фантома «вещи в себе» [15, с. 63]. Историческое становление не видится в качестве само-

стоятельно существующей реальности, независимой от творчества конкретных исследователей, как не может существовать философии вообще, но только конкретные воплощения философской работы. Историческая реальность рождается в тексте историка и не представлена нигде за пределами этого текста. История есть акт мысли, именно поэтому она имеет внутри себя все необходимое для своего познания [15, с. 117]. В виду чего прочтение и понимание исторического источника с течением времени может заметно меняться, потомки могут увидеть в документе то, что не было понято его современниками [11, с. 172]. Переосмысление свидетельств осуществляется под влиянием развития исторической мысли и изменений, происходящих в обществе. Каждая интерпретация свидетельства конкретным историком оказывается глубоко индивидуальным явлением.

Познание прошлого оказывается сущностно субъективным знанием, напрямую зависящим от возможностей, профессионализма, личности историка. Способность к исследованию прошлого определяется опытом исследователя. Сама действительность воспринимается человеком посредством духовных возможностей, сквозь призму страстей, эмоций, при помощи когнитивного аппарата – «вне этого духовного круга нет ничего другого» [6, с. 200]. Это неизбежно означает, что изменения, происходящие с личностью историка, развитие его профессиональных навыков, возможная переоценка самосознания влечет за собой изменение взгляда на прошлое. Даже простое накопление знаний о прошлом оказывает существенное влияние на то, каким оно представляется человеку. Новый опыт, будь-то опыт интеллектуального развития или просто опыт жизни в меняющихся условиях общества, изменяет понимание прошлого [14, с. 18]. Эта взаимосвязь познающего прошлое человека с предметом познания в процессе изучения является двусторонней, они взаимно влияют друг на друга. Понимание возможного и невозможного (здравый смысл, необходимый в работе с историческими свидетельствами) формируется на основе повседневного практического опыта, того самого опыта, который позволяет составить представления о человеке как надежном или ненадежном [14, с. 207–208]. С другой стороны, опыт познания прошлого, знакомство с культурой других времен и народов, исследование иных представлений о мире и человеке, интерпретации событий и явлений прошлого оказывают влияние на личность человека, участвуют в формировании его мировоззрения и самосознания. Каждое достижение, каждое открытие нового формирует новый горизонт мировосприятия [15, с. 85]. Наряду с жизненным опытом историка, также и прошлое, вернее сам опыт его познания, оказывает влияние на работу исследователя и историческое познание как таковое. Личность человека формируется исторически, под влиянием социальных факторов, в процессе интеллектуального становления, индивидуальных особенностей и ситуативных обстоятельств, познание исто-

рии же в значительной степени определяется складом личности исследователя. Историческое познание в форме рефлексивного освоения прошлого важно еще и с той точки зрения, что оно позволяет освободиться от прошлого. Современное общество и современный человек есть продукт многовекового исторического развития, мы предстает такими, какими нас сделала история, история живет в человеке, а человек – в истории. Осмысление прошлого включает его в современность как уже прошедшее, оставленное позади, это противопоставление позволяет выйти из прошлого, понять и преодолеть его. Философская мысль не рвет отношения с прошлым, но поднимается над ним, превращая его в знание [14, с. 43–44]. Осмысление истории, таким образом, необходимо для жизни в современности.

Развиваемый Кроче проект философского осмысления исторического познания, фундаментом которого стала последовательная критика спекулятивной метафизики истории Гегеля, логично развиваясь, приводит к формулированию идеи укоренения исторического познания в индивидуальном жизненном опыте исследователя. Отказ от объективного понимания исторической реальности, от прошлого как «вещи в себе», оставляет единственно возможным способом восприятия прошлого опосредованное через исторические сочинения знакомство с ним. Прошлое не может стать предметом объективного рассмотрения уже в силу того, что любое свидетельство о нем требует интерпретации, осмысления в качестве релевантного источника информации. Видение прошлого зависит от личности человека, от его возможностей и способностей, от мировоззрения и идеологических пристрастий, от доступных средств и методов познания, от состояния самой традиции, в свете которой прошлое проявляет себя. Отрицание субстанциальных моделей объяснения исторического развития, делает историческое познание ситуативным и конкретным, привязывая его к исследованию и пониманию сингулярных фактов, единичных явлений и событий. В конечном итоге взгляд на прошлое определяется индивидуальным опытом человека. Таким образом, философия истории Кроче вносит заметный вклад в развитие представления о специфике исторического опыта как особого типа познания и, более широко, взаимодействия человека с прошлым. Это взаимодействие определяется субъективными особенностями человека, что приводит к признанию изменчивости, принципиальной незавершенности истории как формы познания. Историческая наука, как и сам предмет ее изучения, находится в процессе постоянного становления, в рамках которого невозможно достичь абсолютной истины, раз и навсегда установленных подходов к интерпретации и объяснению событий прошлого и хода исторического развития.

Так же как и Гегель, Кроче привязывает познание прошлого к ситуации настоящего. Но если в понимании Гегеля это означает, что историческая наука познает вечно наличествующую субстанцию, меняю-

щуюся, но остающуюся равной себе и имеющую окончательную форму реализации, то в случае Кроче утверждается фундаментальная современность познания прошлого – современность как внутренняя составляющая истории [6, с. 176]. Истинная история всегда современна, поскольку пишется в конкретных условиях настоящего конкретными историками, чье личностное и профессиональное становление осуществляется в исторически заданных обстоятельствах. Исследование прошлого отвечает не прошлым, но современным интересам, те проблемы, которые исследователь поднимает в своих работах, формулируются под влиянием беспокоящих его обстоятельств, вопросы, которые он задает к источникам, определены ситуацией настоящего. Как бы ни были удалены по времени интересующие нас события прошлого, история в реальности отвечает нуждам настоящего и ситуации современности, в которой слышны отзвуки этих событий [14, с. 19]. Абсолютизируя подобное видение, Кроче высказывает мысль о том, что в каждый конкретный момент мы знаем всю историю, в которой нуждаемся; история, оставшаяся за этими пределами, не имеет значения, мы не обладаем возможностями, чтобы знать ее, но эти возможности могут сложиться, если возникнет такая потребность [15, с. 54–55]. Тем самым еще раз подчеркивается ситуативность познания прошлого и его привязанность к настоящему. История есть результат деятельности духа, которая осуществляется в настоящем, историческое познание оказывается направленным на такие события и явления, которые затрагивают чувства и мысли историка. В сферу интересов попадает то в прошлом, что вызывает живой отклик современного человека. Исходя из такого видения истории, можно с полным пониманием утверждать, что «прошлое живет не иначе, как в настоящем, как сила настоящего, изменяясь и преобразуясь в нем» [15, с. 91].

Представленная в таком виде историческая наука с необходимостью предполагает плюрализм возможных интерпретаций событий прошлого, допустимость различных подходов и мнений. Никто не может обладать монопольным знанием о прошлом уже в силу того, что это прошлое не существует как объективная реальность, доступная непосредственному восприятию. В связи с этим историческое познание требует свободного диалога, постоянной дискуссии по каждому вопросу, ничто в истории не может быть принято на веру, каждая проблема и каждое предлагаемое решение проблемы должны быть подвергнуты критике со стороны коллег, чтобы они могли стать признанным знанием. Даже относительная истина, в некотором смысле общепринятые представления о каких-то событиях прошлого достигаются только в результате длительных дискуссий, выраженных в исторических исследованиях, часто оппонировавших друг другу, написанных в разное время различными историками [18, с. 96]. Единственным же способом верификации исторического знания остается проверка источников. Познание

прошлого возможно только в качестве интерпретации источников. Разум интенционален и не имеет иной конкретной формы существования, кроме как в виде единичных актов осмысления опыта и документов [14, с. 239]. Историческое знание формируют две составляющие – материальная основа в виде документальных свидетельств и духовная деятельность историка как сила, позволяющая через осмысление извлечь из источников нужную информацию. Значение и характер этой взаимосвязи духовной и материальной сторон исследования прошлого проясняется противопоставлением истинной мыслящей истории хронике и псевдоистории, в первую очередь, той ее форме, которую Кроче называет поэтической.

Хроника противопоставляется истории как два различных духовных подхода к прошлому, она является тем, что остается, если прошлое перестает осмысляться историками: история есть живая хроника, хроника – мертвая история; история есть всегда современная история, хроника – прошлая история; история творится актом мысли, хроника – волевым актом [15, с. 19]. Если исторические события не представляют исследовательского интереса, а факты не затрагивают духовную жизнь современности, не вызывают отклика у ныне живущих людей, они перестают быть частью истории в крочеанском понимании. Такие факты и свидетельства о них могут представлять интерес для эрудитов, филологов, коллекционеров, для которых важно само наличие этих свидетельств и их форма, но не их духовное содержание, не выраженный в них интеллектуальный опыт человека прошлого. Работа по накоплению и изучению такого материала очень важна, но не является историей в своей сущности. Историческое исследование предполагает использование свидетельств в целях постижения прошлого, понимания событий и действий людей прошлого, такая деятельность неизбежно сопряжена с рефлексией, осмыслением тех сведений, которые могут быть восстановлены. Хроника мертва, поскольку не предполагает такого осмысления, она не затронута живой мыслью. Любое действие, явление или событие, которое остается за пределами интеллектуальной работы историка, мертво [17, с. 253]. Только мысль оживляет прошлое, возвращая его в современность, делает историю историей [11, с. 162]. В любой момент мертвые факты хроники могут ожить, вновь войти в духовную жизнь современности, если историк найдет в них ответы на интересующие его вопросы. Мертвая история возрождается, если того требует современная жизнь [15, с. 24]. В этом смысле именно источники делают прошлое современным [13, с. 56]. Хроника как способ обращения с историческими свидетельствами обозначает границу, предел, от которого начинается осмысленная история.

Другую границу этой истории устанавливают псевдоисторические формы обращения к прошлому. В первую очередь, Кроче рассматривает поэтическую историю, которая создается под влиянием чувств,

вызванных событиями прошлого. В поэтической истории выражается не осмысление, не понимание событий прошлого, но отношение к ним, их оценка. Такая история оказывается результатом творческой мысли, не ограниченной основной задачей исследования прошлого – критической экспозицией документов [6, с. 176]. Истинная история не имеет права руководствоваться ценностями чувства, растворяя себя в поэзии. Основопологающим принципом историографии должны быть ценности мысли [15, с. 36–37], выражением чего представляется профессиональная, по возможности, беспристрастная, работа по исследованию исторических источников. При этом, придерживаясь диалектического подхода, итальянский философ признает необходимость существования псевдоисторических способов интерпретации прошлого, в борьбе с которыми утверждает себя подлинно историческое познание [13, с. 58].

Следствием такого взгляда предстает особый подход к отбору фактов, заслуживающих внимание историка. Одной из центральных проблем исторического познания представляется решение вопроса о том, какие из бесконечного множества явлений прошлого и многочисленных свидетельств о них должны войти историческое исследование. В классической философии истории эта проблема решалась выведением основной линии исторического прогресса. В соответствии с чем факты могли быть разделены на исторически важные, т. е. те, что могут быть вписаны в картину закономерного поступательного развития, и несущественные, не представляющие исторического интереса. Кроче отрицает разделение на важное и неважное, негативное и позитивное в исторических свидетельствах [15, с. 89]. Любое свидетельство может приобрести решающее значение в зависимости от интереса исследователя, что предполагает ситуативность критериев отбора материала, зависимость этих критериев от меняющихся целей историка [8, с. 15]. Так утверждается проблемный подход к классификации исторических фактов, развитый впоследствии Р.Дж. Коллингвудом. Историк отбирает для своей работы те источники, которые позволяют решить поставленную им исследовательскую проблему. В этом отношении, историческим источником может стать все, что историк считает нужным использовать для получения знания о прошлом.

В наиболее общем виде сформулированная Кроче специфика истории выявляется сравнением с естественнонаучным познанием. В изложении итальянского философа не проводится предметного различения природы и истории как разных в своей сущности объектов мыслительной деятельности: у мысли не может быть двойственного предмета – человека и природы [15, с. 133]. В некотором смысле, так охарактеризованная действительность сближается со сформулированным в рамках Баденской школы неокантианства представлением о нерасчлененной бесконечности многообразного континуума. Наряду с историей, природа, сущая «в себе», также недоступна для непосредственного восприя-

тия человеком, только через когнитивную деятельность сознания она может быть вовлечена в процесс познания. В строгом и последовательном представлении природа должна исследоваться точно так же, как и прошлое, то есть через рефлексивную критику предмета познания. Непреодолима сложность заключается в том, что такой познавательный идеал в отношении природных объектов не достижим. Продолжая идеи Дж. Вико, Кроче подчеркивает, что история доступна человеческому познанию в силу того, что она является продуктом человеческой деятельности, фактически человек познает свое собственное творение, природа же не является творением человека и недоступна для его осмысленного постижения [14, с. 293–294]. Иными словами, история может быть познана постольку, поскольку она познается через результаты человеческой деятельности, в которых навсегда остается запечатленной активность духа. Познавая прошлое, человек осмысляет духовную деятельность других людей. В природе же человеческий дух не находит своего выражения. Таким образом, согласно крочеанскому подходу, естественная действительность в принципе недоступна человеческому познанию, человек не может понять природу так, как он понимает другого человека. Если нет возможности понять естественные объекты, то точно так же, как и в случае прошлого, от которого не осталось свидетельств духовной жизни человека, остается только собирать факты, описывать и группировать их по классификационным разрядам. Естественная история, становление природы является хроникой в своей основе [4, с. 119]. Реальность есть история, и исторические, естественные науки могут лишь измерять и классифицировать ее, но они не могут и, строго говоря, не должны знать ее подлинную природу [14, с. 319]. История в свою очередь исследует ту часть реальности, которая может быть понята и осмыслена.

Философия истории Б. Кроче преодолевает спекулятивные субстанциальные модели объяснения исторического становления. Предложенная им программа познания прошлого полагает в качестве основополагающей задачи исторической науки необходимость постижения духовного опыта человека прошлого, выражением чего представляется деятельность конкретно существовавших людей, запечатленная в исторических источниках. Методической стороной такой науки признается рефлексия, философское осмысление свидетельств. История принимает вид изменчивого, не способного достичь окончательных выводов и интерпретаций, принципиально дискуссионного знания, которое в сущности своей современно и ситуационно. История пишется конкретными исследователями в исторически заданных обстоятельствах, неся на себя отпечаток личности автора и социальных условий создания. Историческое познание укоренено в индивидуальном опыте историка, напрямую завися от его духовного склада, профессиональных навыков, методологических возможностей, состояния исторической традиции. В конечном

итоге, познание прошлого напрямую зависит от исторически сложившихся обстоятельств. Так, в философии Б. Кроче конституируется понимание важности исторического опыта как выражения особого типа познания и взаимодействия человека с прошлым, оставленным позади, но продолжающим жить в современности и влиять на современную жизнь.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
2. Гобозов И.А. Гегель и философия истории // Философия и общество, 2017. № 4. С. 5–19.
3. Демин И.В. Осмысление истории как целостности в горизонте классической и неклассической философии // Философская мысль, 2016. № 2. С. 47–90. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17865 (дата обращения: 10.05.2021).
4. Демин И.В. Проблема соотношения истории и природы в историко-философских концепциях Кроче и Коллингвуда // Вестник Самарской государственной академии. Серия «Философия. Филология», 2016. № 1 (19). С. 114–126.
5. Каримский А.М. Философия истории Гегеля. М.: Изд-во МГУ, 1988. 270 с.
6. Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб.: Пневма, 1999. 480 с.
7. Лысенко Н.Н. Проблема человека и культуры в философии Б. Кроче // Позиция. Философские проблемы науки, техники и образования, 2012. № 6. С. 100–105.
8. Маслов Е.С. Критерии отбор материала в историческом повествовании: нарратологический аспект // Вестник Вятского государственного университета, 2017. № 10. С. 13–17.
9. Перов Ю.В., Сергеев К.А. «Философия истории» Гегеля: от субстанции к историчности // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 5–53.
10. Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика. 1998. С. 130–204.
11. Россиус Ю.Г. О подходах к пониманию истории в философии Б. Кроче и Э. Бетти // Историко-философский ежегодник, 2019. Т. 34. С. 156–177.
12. Altman W.H.F. The Problem of Time in Hegel's Philosophy of History. Florianopolis: SC, 2010. 259 p.
13. Conati N. History as Contemporary History in the Thinking of Benedetto Croce // Open Journal of Philosophy. 2015. № 5. P. 54–61.
14. Croce B. History as the Story of Liberty. London: George Allen and Unwin Ltd, 1949. 330 p.
15. Croce B. Theory and History of Historiography. London: George Harrap and Co. Ltd., 1921. 326 p.

16. Croce B. What is Living and What is Dead of the Philosophy of Hegel. London: MacMillan and Co., Limited St. Martin's Street, 1915. 250 p.
17. Moss M.E. Benedetto Croce, Historian-Philosopher: Is History Autobiography? // *Bollettino Filosofico*, 2013. № 28. P. 253–267.
18. Roberts D.D. Nothing but History: Reconstruction and Extremity after Metaphysics. Berkeley: University of California Press, 1995. 388 p.

THE PROBLEM OF INDIVIDUAL EXPERIENCE OF HISTORICAL KNOWLEDGE IN THE B. CROCE'S PHILOSOPHY OF HISTORY

A.A. Avanesyan

The Rlit of the FPS of Russia, Tver

The approach to understanding the specifics of historical knowledge developed by Benedetto Croce leads to the formulation of the idea of its rooting in the individual life experience of a cognizing person. Criticism of the substantial philosophy of history sets the only possible strategy for studying the past through the study of individual facts and phenomena, the understanding of which is determined by the circumstances and possibilities of the historical situation of the researcher's work. This project of history acquires the features of a changeable, situational, fundamentally unfinished knowledge that is in a constant process of formation.

Keywords: *philosophy of history, Neohegelianismus, reflection, historicism, historical experience.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артём Александрович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела ИОФЭД ЦИО ФКУ НИИИТ ФСИН России, Тверь. SPIN-код: 3088-8338, e-mail: artemavanesian@yahoo.com

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich – PhD (Philosophy), leading research fellow of the Dept. of ISFEA of CIS of The Rlit of the FPS of Russia, Tver. E-mail: artemavanesian@yahoo.com

УДК 1(091)

«ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ» В ФИЛОСОФИИ Ф. АНКЕРСМИТА

Г.С. Ицкович

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.269

В статье рассматривается концепция «исторической репрезентации» в философии Ф. Анкерсмита. Данная концепция является важным компонентом нарративистской философии истории голландского философа. Используя эту концепцию, Анкерсмит стремится решить проблему истинности в историческом познании, по-новому взглянув на историописание. Отвергая реализм как познавательную установку, он склоняется к мысли о подтверждаемости атомарных исторических фактов и возможности говорить лишь о большей или меньшей степени достоверности исторических повествований, поскольку они опираются в значительной степени на различные аксиологические установки и предпосылочное знание. Анкерсмит постмодернистски сближает историю и литературу, что ведет к трудностям в различении исторических и художественных текстов.

Ключевые слова: *историческая репрезентация, нарративные субстанции, нарратив, исторический нарратив, историческая реальность, историописание, интерпретация, репрезентация.*

Часто цитируемая фраза Леопольда фон Ранке гласит, что «цель истории – восстановить прошлое» (варианты перевода разнятся: «показать, как было», «как было на самом деле» и т. д.). Однако, если исходить из данного утверждения, то можно столкнуться с целым рядом проблем, осознаваемых не только историком, но и человеком, который воспринимает результат его работы, притязающий на репрезентацию, воспроизведение событий минувшего. Одна из наиболее обсуждаемых сегодня концепций исторической репрезентации принадлежит Франку Анкерсмиту. Попытаемся рассмотреть её теоретико-методологические основания, на которые опирается его подход к природе исторического повествования.

Важно понимать, что с точки зрения Анкерсмита, история существенно отлична от естествознания. В ней мы не видим привычного нам производства знания в том виде, в каком это происходит в естественных науках. Тем не менее, это отличие истории видится Анкерсмиту скорее плюсом, т. к. открывает широкий простор для работы с историческими текстами, в которых придается смысл историческому процессу [1, с. 141]. Ведь историческая реальность может быть, по его мнению, сконструирована лишь в рамках нарратива усилиями его автора.

Анкерсмицу чужда идея о том, что в истории содержится какое-либо субстанциальное начало. К идее субстанциальности в повествовании об истории как познавательного средства он обращается лишь при рассмотрении конструкции нарратива. В самой же истории субстанции нет и быть не может. Также сомнительной видится голландскому философу и рациональность философии истории, поскольку, как он считает, рациональное начало сводится к нулю субстанциональными допущениями, которые есть у любого дискурса. Вслед за Фуко, Анкерсмит утверждает, что важно утвердить определенные границы дискурса, поскольку лишь в этом случае становится возможным увидеть подобные допущения. Границы показывают то, что может быть высказано в рамках дискурса, и то, что высказать нельзя. Подобный метод может быть возможен через изучение терминологического аппарата, характерного для данного дискурса [1, с. 169].

Объектом критики Анкерсмита оказываются те словари, которые были популярны в философии истории в предшествующие годы. В первую очередь – словарь описания и объяснения, ставший влиятельным примерно в 1940-е гг. Под объяснительной моделью Анкерсмит понимает теорию «охватывающего закона» Поппера-Гемпеля. В своей статье «Функция общих законов в истории» К. Гемпель писал, что в истории, как и в естественных науках, существуют некие общие законы, которые выполняют в обеих науках одни и те же функции. Данные законы составляют основу не только исторического исследования в целом, но и различных исследовательских процедур, которые обычно считаются специфично характерными именно для истории и социальных наук в целом, что и отличает, в значительной мере, социальные науки от естественных [4, с. 18]. История, с точки зрения данного словаря, выступает набором исторических феноменов, которые могут быть подвергнуты описанию и объяснению (см.: [6, с. 26–47]). Проблема данного словаря в том, что создаваемые дескрипции и утверждения, содержащие объяснения различных исторических феноменов, порождает вопрос об их истинности. Не меньшей критике подвергается словарь интерпретации, который вошел в употребление в 1970-е гг. Голландский философ имеет здесь в виду своеобразный гибридный вариант аналитической философии и герменевтики, а также «классическую» континентальную герменевтику. Анкерсмит поясняет это путем деления данного направления на две части: аналитическая герменевтика, восходящая к идеям Р. Коллингвуда и представленная фон Вригтом и Олафсоном и, как её называет Анкерсмит, «неразбавленная» герменевтика. Первая неправомерно и малопродуктивно смешивает словарь интерпретации со словарем объяснения. Существование второй же Анкерсмит подвергает сомнению, т. к. подобный подход характерен скорее для литературоведения. Однако, если допустить использование данного словаря в философии истории, получается некое размытие данной дисциплины, вслед-

ствие создания гибридных форм рассуждений, что, с точки зрения Анкерсмита, губительно для философии истории, поскольку лишает утверждения последовательности, которая характерна для философии [1, с. 171].

Следуя идеям интерпретационной теории, можно прийти к мысли, что история является неким целым, полным смыслов. Задача историка, таким образом, сводится к их объяснению. Анкерсмит справедливо утверждает, что герменевтика преувеличивает представленность смыслов в истории. Однако в отличие от первого словаря, применение интерпретации, в целом, возможно. Анкерсмит видит два возможных пути: во-первых, использование наработок спекулятивной философии истории, признание того, что в историческом процессе (в целом) присутствует смысл и конечная цель, которую не всегда могут распознать даже сами исторические агенты (философия Гегеля или Маркса яркий тому пример). Однако, употребляя термин «смысл» в отношении истории, мы способствуем её персонификации (можно вспомнить такие расхожие фразы, как «история рассудит» или «история накажет»). Ссылаясь на П. Мюнца, Анкерсмит вслед за ним замечает, что в истории мы не видим лица, но видим «маски», за которыми скрывается историк [1, с. 174]. Второй же путь «спасения» теории интерпретации в следовании идеям Х. Уайта и П. Рикёра. Их идеи в упрощенном виде сводятся к тому, что история, в общем и целом, похожа на текст, следовательно, она, подобно тексту, имеет собственный смысл. Однако Анкерсмит выдвигает справедливое возражение против этой идеи: текст всегда повествует о чем-то, что лежит вне его. Если следовать идеям Уайта и Рикёра, тогда получается, что история повествует сама о себе, что, разумеется, невозможно [1, с. 176]. Кроме того, осмысленность текста – вопрос дискуссионный. И если возможен текст, в котором нет смысла, то и идеи Уайта и Рикёра не валидны в данной ситуации.

Получается, что оба словаря, как описания и объяснения, так и словарь смысла и интерпретации, уводят внимание философа истории от действительно важных вещей, доступных изучению, фокусируя его внимание на малозначительных аспектах историографии.

Другим же по своему характеру видится Анкерсмицу словарь репрезентации. Данный словарь, с точки зрения голландского философа, обладает преимуществом перед предыдущими: словарь репрезентации не приписывает истории никакого смысла. Напротив, он служит тем средством, с помощью которого смысл и возникает там, где его изначально нет [1, с. 177]. Смысл репрезентационен. Смысл оказывается не данным в истории, а итогом нашего понимания исторической репрезентации, созданной другими.

В своей ранней работе «Нарративная логика» Анкерсмит использует термин «нарратив». Однако в дальнейшем он употребляет более предпочтительный, с его точки зрения, термин «репрезентация», как бо-

лее понятный. «Нарратив», утверждает Анкерсмит, указывает скорее на художественную литературу, тогда как история несводима к литературе, поскольку не является написанием, например, рассказа или романа. Для подтверждения своей мысли, Анкерсмит приводит в качестве примера швейцарского историка Якоба Буркхардта, который дает описание того или иного исторического периода, при этом минуя именно «нарративизм» [3, с. 32]. Видится, впрочем, что такое разделение не совсем верно. Следовало бы различать термины «нарратив» и «репрезентация», а не заменять один на другой. Исторический текст – нарратив. Тогда как репрезентация – это тот образ, который конструируется в нарративе и который считывает или даже создает сам читатель в ходе акта коммуникации с текстом. Таким образом, следовало бы различать понятия репрезентация и нарратив. Однако поскольку Анкерсмит использует именно термин репрезентация, далее в статье будет употребляться именно он.

Необходимо сразу отметить, что репрезентация не является документальным изображением прошлого. Это, в значительной мере, способ, которым историк смотрит на прошлое и который предлагается читателю. Читая текст, соответственно, мы видим историю глазами историка, который подобен художнику: репрезентируя прошлое, он придает ему значение через свой текст.

Следуя своему же призыву в духе конструктивизма, выраженному в книге «Нарративная логика», Анкерсмит меняет фокусировку взгляда философа истории с процесса исторического исследования на историописание, т. к. только так можно не упустить факт того, что при написании исторического текста факты и события тщательно отбираются самим историком и включаются в повествование тем образом, каким сам историк и задумал. Ценность исторического текста, по Анкерсмицу, зависит не от самих фактов, а от их нарративной интерпретации [2, с. 198]. Таким образом, в центр философии истории Анкерсмит ставит изучение написания исторического нарратива. Лучшее понимание истории приходит благодаря изучению текста в его целостности, с определением его отношения к составляющим его частям и к тому, что текст в итоге репрезентирует.

То есть, цель исторической репрезентации в том, чтобы создать определенную интерпретацию прошлого (не интерпретировать несущие в себе смысл факты, а буквально создать целостную интерпретацию). Разумеется, историческая репрезентация никоим образом не отображает историческую реальность такой, какая она есть (поскольку нет никакой исторической реальности в подобном смысле, она нам не дана).

Ключевым вопросом в понимании сущности исторической репрезентации является её структура. Каждая репрезентация состоит из единичных высказываний, но не сводима к ним, как целый текст она превосходит сумму высказываний. При этом без них репрезентация не-

возможна. Анкерсмит, таким образом, отвергает всякий редукционизм и придерживается холистического взгляда на отношения целого текста и составляющих его единичных высказываний. Если целый текст не сводится к его единичным высказываниям, тогда чем является этот текст? Ответ на этот вопрос Анкерсмит дает, описывая ту двойную роль, которую играют составляющие текста.

Анкерсмит приписывает единичным высказываниям две разные функции: во-первых, они описывают прошлое и, во-вторых, посредством данных высказываний создается образ прошлого. Получается, что, взятые отдельно, единичные высказывания соотносятся с источниками, воспроизводящими минувшее и косвенным образом с самими произошедшими событиями, описывают их, взятые же вместе и организованные определенным образом – создают уже репрезентацию [1, с. 196].

Красивый пример, иллюстрирующий способ создания исторического текста, был приведен в одном зарубежном исследовании философии Анкерсмита. Имеется утверждение: «Книга “Нарративная логика” была опубликована в 1981 г.» Данное утверждение описывает реальность, поскольку определенная книга действительно была опубликована в определенном году. Однако стоит лишь присоединить к этому высказыванию другое, чтобы получился осмысленный текст, как соединенные высказывания уже создадут определенный взгляд, с помощью которого мы будем смотреть на прошлое. Например, можно сказать, что книга «Нарративная логика» была опубликована в 1981 г. и вызвала оживленную дискуссию о референциальности исторического текста [9, с. 360]. Однако на самом деле книга Анкерсмита не вызвала подобной дискуссии, что лишь ярче демонстрирует роль историка в написании текста и тот способ, которым историк этот исторический текст конструирует вместе с исторической реальностью, которая и дана нам в репрезентации и который обуславливает наш взгляд на прошлое.

Получается, что единичные утверждения, организованные тем или иным образом, и определяют наш взгляд на книгу Анкерсмита, как на работу, указывающую на важный вопрос в философии истории. Ведь второе утверждение о вызванной данной работой дискуссии заставляет нас по-особому взглянуть на те события, которые последовали за публикацией книги. Таким образом, единичные высказывания (которые, как уже отмечалось, могут быть истинными), связанные между собой так, как угодно историку, создают образ прошлого, взгляд, которым становится возможным смотреть на прошлое. Исторический текст и состоит из таких организованных между собой высказываний, составляющие в конечном счете историческую репрезентацию, которая невозможна на уровне одних лишь единичных высказываний.

Не менее важным элементом в структуре исторической репрезентации являются логическая модель, которую Анкерсмит называет

«нарративные субстанции». Он определяет их как «множество высказываний нарратива, которые вместе осуществляют репрезентацию прошлого, предложенную в рассматриваемом историческом нарративе». Высказывания при этом уже не описывают прошлое и не отображают его, они, скорее, служат средством индивидуализации нарративной субстанции. Анкерсмит использует нарративные субстанции в качестве аргумента против идей Н. Гудмена, который писал, что денотация является ключевым моментом в репрезентации, которая «независима от принципа подобия» [8, с. 29]. Кроме того, с точки зрения Гудмена реализм – «отношения между системой репрезентации, используемой в картине, и системой репрезентативных стандартов» [8, с. 31]. Что, по мнению Анкерсмита, сводит репрезентацию к вопросу конвенции [1, с. 189].

Поскольку репрезентация является чем-то большим, чем символом репрезентируемого, Анкерсмит считает, что она невозможна без нерепренцируемых моделей. Таковыми и выступают в его концепции нарративные субстанции. А. Данто писал, что репрезентируемое не может заменить репрезентацию, т. к. в этом случае становится невозможным получить «удовольствие от имитации». Так и нерепренцируемые модели создают репрезентацию. Кроме того, Данто выдвинул идею о том, что существует логическая связь репрезентации с установлением дистанции от реальности [7, с. 578]. Именно подобное дистанцирование и обеспечивают нарративные субстанции. Помимо этого, они делают язык репрезентации «непрозрачным», что науке несвойственно.

Однако такие антиреалистические идеи оказываются для Анкерсмита недостаточными. Кроме нарративных субстанций Анкерсмит вводит в структуру исторической репрезентации еще одну логическую модель – «концепт реальности». Без такой модели историческая репрезентация невозможна, поскольку именно относительно неё являются истинными единичные высказывания. Соответственно, без такого «концепта реальности» исторической репрезентации нечего было бы репрезентировать [1, с. 198]. Анкерсмит пишет, что единичные высказывания как бы «зажаты» между двумя логическими моделями, которые не дают ничего «нового нашему знанию о мире» [1, с. 199]. Представляется, однако, что они не столько зажаты, сколько служат фундаментом для всей репрезентации, поскольку без них невозможны ни нарративные субстанции, ни концепт реальности.

Получается, что историография не способна к «наблюдению и видению». Невозможна «синонимия» между репрезентируемыми объектами и репрезентацией. Следовательно, историческая репрезентация может противоречить не столько исторической реальности (которая дана нам только лишь в нарративе), сколько другим репрезентациям [1, с. 200–201].

Значит, репрезентация не может быть ни истинной, ни ложной. Возможно говорить лишь о большей или меньшей достоверности и

правдоподобности, которые проявляются лишь в сравнении с другими репрезентациями [5, с. 284]. Неизбежно возникает вопрос о том, как возможно определение правдоподобности и достоверности текста? Анкерсмит предлагает два критерия для подобного определения: во-первых, наилучшей репрезентацией можно назвать ту, в рамках которой удалось достичь максимального единства при описании максимально разнообразных исторических явлений; во-вторых, наилучшей репрезентацией является та, которая наиболее оригинальна [5, с. 107]. Образцом для Анкерсмита, в значительной мере, является Эдвард Гиббон, который признавался, что при написании «Истории возвышения и падения Римской империи» ему пришлось трижды переписать первую главу, дважды вторую и третью, прежде чем он нашел ту золотую середину между скучной хроникой и декламацией [5, с. 107]. Объединяя оба критерия в одной репрезентации, мы получаем наилучшую – наиболее метафорическую.

Анкерсмит убежден, что подобная концепция преодолевает проблемы, которые стоят перед эпистемологической философией истории, выраженной стремлением к объяснению истории путем применения модели охватывающего закона (МОЗ) и герменевтикой (континентальной и англосаксонской). Первая, в частности, демонстрирует недостаточную чувствительность к изменениям в истории, «подгоняя» все процессы и явления под некие общие законы, что упрощает историю, тогда как вторая слишком полагается на идею схожести мыслей историка и исторического агента [1, с. 102]. Отсутствие согласования эксплананса и экспланандума в МОЗ привели, по мысли Анкерсмита, к тому, что язык историка и историческая реальность не смогли быть соединены должным образом [1, с. 103]. А. Данто, безусловно, постарался преодолеть это разрыв, когда писал о том, что историк занимается объяснением определенных событий, с данными ему определенными описаниями, и что для историка является важным включение описания в действующий механизм охватывающего закона. Однако Данто все же признавал непреодолимость той дистанции, которая лежит между прошлым во всей его сложности и языком объяснения [5, с. 222]. Аналитическая герменевтика справедливо критикуется за свою неспособность объяснить те части истории, которые не сводятся только лишь к намерениям людей. По мнению Анкерсмита, теория исторической репрезентации в рамках нарративистской философии истории – ответ на те противоречия, которыми грешат указанные модели. Однако, как представляется, здесь вырисовывается проблема несколько иного характера. В главе «Историография и постмодернизм» в книге «История и тропология: взлет и падение метафоры» Анкерсмит описывает важную для современной историографии проблему: перепроизводство. Анкерсмит справедливо указывает, что в данный момент по каждому вопросу, по каждой исторической фигуре выходит большое, даже огромное, количество

самых разных работ. Количество таких работ ведет к забвению того, с чего все начиналось. Так, к примеру, количество работ по Гоббсу достигло невероятных цифр, что ведет, как пишет Анкерсмит, к «войне интерпретаций». Вплоть до того, что студентам не рекомендуется читать самого Гоббса [1, с. 276]. То, о чем предупреждал когда-то Ницше, а именно, что историография становится препятствием для нашего взгляда на прошлое, стало реальным. Таким образом, теория исторической репрезентации выступает в качестве яркого проявления кризиса, который характерен для истории (да и для всей современной жизни в целом). Перепроизводство знания, война интерпретаций и репрезентаций ведет лишь к тому, что знание как таковое теряет всякий смысл. Историческая реальность, и без того не данная нам эмпирически, рискует окончательно превратиться в миф, конструируемый учеными. Даже более того, в несколько десятков мифов. Спор репрезентаций – не яркое проявление тезиса «в споре рождается истина». Это, скорее, показатель того, что в постмодернистском мире корректное, надежное и обоснованное знание не то, что невозможно, но, подчас, и невостребованно. Если студенты не читают Гоббса, а читают интерпретации Гоббса – возникает вопрос, а нужен ли сам Гоббс со своим «Левиафаном»? Анкерсмит видит выход в том, чтобы, отказываясь от изучения истории во всей её тотальности, обратиться к микроисториям, как сделал, например, К. Гинзбург в своей работе «Сыр и черви». Подобный подход, с точки зрения Анкерсмита, способен вывести историческое знание из тупика, созданного большим количеством работ. Микроистории, подобные истории мельника-еретика, трудно повторимы другими исследователями. Впрочем, это не панацея, поскольку никто не мешает другому ученому создать свою интерпретацию той же микроистории, поскольку интерпретация работы, например, Гинзбурга и созданной им репрезентации, неизбежно ведет к желанию создать свою, исходя из несогласия с данной или убеждения в том, что некоторые моменты недоисследованы.

Концепция исторической репрезентации Ф. Анкерсмита – серьезное и сложное явление в нарративистской философии истории. На базе аналитики предшествующих моделей исторического знания, она содержит в себе идею конструктивного характера постижения минувшего. Анкерсмит предпринимает попытку по-новому взглянуть на практику историописания, вводя термин «историческая репрезентация», который фиксирует сложность и опосредованность воспроизведения диахронии истории в форме повествования о ее событиях. Хотя он не отрицает способности историка восстановить достоверные атомарные факты минувшего, запечатлевающие его отдельные события на базе свидетельств источников, но предлагает характеризовать целостные повествования как способные быть лишь более или менее достоверными. Причина тому опора историков-профессионалов на различные аксиологические ос-

нования, мировоззренческие методологические стратегии и несхожий корпус предпосылочного знания. Само событийное многообразие истории, потенциальное многообразие связей между ними – очевидная онтологическая основа констатируемой Анкерсмитом плюральности исторических повествований относительно схожей предметности минувшего.

Сближая историописание и литературу (но не смешивая одно с другим), Анкерсмит показывает сложность достижения правдоподобия целостных нарративов даже при опоре их на достоверные атомарные утверждения о событиях прошлого. Впрочем, как представляется, подобные идеи не способны дать реального ответа по поводу перспектив исторического знания. В искусстве, с некоторыми оговорками, конечно, в целом возможно создавать искусство ради искусства. В науке и истории, в силу их особых познавательных и культурных функций, такое невозможно в принципе. Профессиональная историография обречена на исчезновение без поиска ориентиров создания надежного знания о прошлом, нужного человеческому сообществу для устройства собственной жизни, обретения самоидентичности. Голландский философ поднял важные вопросы, поиск ответа на которые нужен для определения места истории в целостности современной культуры.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры/ М.: Канон-Плюс, 2009. 400 с.
2. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
3. Ваславский Я. Как лечатся исторические травмы // Эксперт. 2016. № 43. 24-30 октября. С. 29–32.
4. Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. 240 с.
5. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
6. Лингвистический поворот и историческое познание в западной философии XX-XXI веков / отв. ред. Б.Л. Губман, К.В. Ануфриева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 304 с.
7. Ankersmit F. Historical representation. Stanford: Stanford University Press, 2002. 317 p.
8. Goodman N. Languages of Art. New York: The Bobbs-Merrill Company, inc, 1968. 278 p.
9. Zeleňak E. Exploring holism in Frank Ankersmit's historical representation // Rethinking history. 2009. V. 13, № 3. September. P. 357–369.

**«HISTORICAL REPRESENTATION» IN F. ANKERSMIT'S
PHILOSOPHY**

G.S. Itscovich

Tver State University, Tver

The article is aimed at the analysis of the concept of «historical representation» in F. Ankersmit's philosophy. This concept is an important component of the Dutch scholar narrativist philosophy of history. Using this concept, Ankersmit seeks to solve the problem of truth in historical knowledge by taking a new look at historical writing. Rejecting realism as a cognitive attitude, he inclines to the idea of the confirmability of atomic historical facts and the possibility of talking about a greater or lesser degree of reliability of historical narratives, since they depend largely on various axiological attitudes and knowledge presuppositions. Ankersmit brings history and literature together in a postmodern way, which leads to difficulties in distinguishing historical and artistic texts.

Keywords: *historical representation, narrative substances, narrative, historical narrative, historical reality, historical description, interpretation, representation.*

Об авторе:

ИЦКОВИЧ Глеб Сергеевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь. E-mail: gleb.itscovich@yandex.ru

Author information:

ITSCOVICH Gleb Sergeyevich – PhD student at the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University, Tver. E-mail: gleb.itscovich@yandex.ru

УДК 141.113

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ЗНАНИЯ: ТЕОРИЯ КЛАССИФИКАЦИИ VS ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ

С.А. Гашков

ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет
«ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова», г. С.-Петербург

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.279

В статье ставится вопрос о классификации знания как философской проблеме, и сопоставляются некоторые подходы, имеющие место в философии науки (Кедров, Мейен) с подходами, распространёнными во французской эпистемологии (Гобло, Мейерсон, Кангийем), и особенно «постструктурализме» второй половины XX в. (Барт, Деррида, Делёз, Лакан, Фуко, Касториadis). Автор приходит к выводу, что классификация в истории философии присутствует в нескольких связанных друг с другом смыслах: классификации наук, критического концепта «классификации» и классификации (периодизации) самой философской мысли.

***Ключевые слова:** философская проблема классификации знания, философия науки, французский постструктурализм.*

Постановка вопроса о единстве и классификации научного знания рано или поздно приводит к осознанию особого статуса социогуманитарного знания, имеющего дело с творческой субъективностью человека, от оценки онтологического «статуса» которой в соотношении с объектно-ориентированным естественнонаучным знанием во многом зависит порядок всей классификации. В этом смысле, особый интерес представляет традиция структуралистской и постструктуралистской философии, выстраивающаяся на убеждённости в особой роли «наук о человеке» (социально-гуманитарного и медико-биологического знания).

Проблема классификации в постструктурализме имеет три взаимосвязанных аспекта:

- 1) анализ концепта классификации, осуществляемый самими представителями «постструктурализма»;
- 2) классификация и периодизация самой философии постструктурализма;
- 3) вопрос о возможности постструктуралистской классификации наук.

«Постструктурализм» в философии представляет собой некоторый исследовательский «миф», оказавшийся весьма плодотворным для характеристики философских течений «постмодернистской» эпохи. Ключ к раскрытию научного содержания «постструктурализма», на наш взгляд, лежит не только в сравнении французского и американского ва-

рианта того, что принято называть этим термином, но и в его сопоставлении с коэволюцией, конвергенцией и дивергенцией отечественной мысли в послевоенный период. Убедительным примером такого анализа служит, на наш взгляд, монография Е.В. Бакеевой «Инкарнация мысли: постструктурализм в контексте идей М.М. Бахтина и М.К. Мамардашвили» (2015), в которой автор проводит идею о постструктурализме как об утверждении «невозможности мысли». «Собственно, сама приставка пост- применительно к пост-структурализму, – пишет Бакеева, связана прежде всего с открытием и утверждением невозможности для мысли не только начаться, но и существовать, т. е. – пребывать в настоящем. <...> Постструктурализм проблематизирует саму возможность встречи мысли с тем, что мыслится, с тем, к чему она обращена как к своему “объекту”» [1, с. 43]. Иначе говоря, классификация в постструктурализме отображает то содержание, которое уже было так когда-то помыслено, которое невозможно мыслить, поскольку невозможно мыслить иначе. Прежде чем классифицировать, мы должны «проблематизировать» саму способность к классифицированию.

1. Классификация наук и основания синтеза научного знания

Основания отечественной теории классификации закладывает Е.И. Шамурин (1889–1962), написавший «Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации» в 2-х тт. (1951–1952), в которых он дал глубокий анализ классификаций наук, известных ещё с древности.

Крупнейшей работой по истории и философии классификации выступает работа отечественного учёного Б.М. Кедрова (1903–1985), создававшего свой фундаментальный труд «Классификация наук» в течение 15 лет. Этот философ последовательно развивал материалистические идеи о классификации наук, высказанные в своё время Ф. Энгельсом. Кедров исходил из той мысли, что при классификации принципиально важным является то, как исследователь определяет субъект и объект исследования. В истории классификации наук он показывает движение от субъективных оснований (рассудок, память, воображение), свойственных ранней философии Нового Времени, к объективным основаниям единства научного знания (ставшему возможным, согласно Кедрову, лишь благодаря марксистской диалектике природного и общественного, нашедшей воплощение в принципе историзма).

Основным принципом для классификации наук Кедров видит движение от координации (соположения) к субординации (внутреннему соподчинению). «Отсюда иерархический ряд наук выступает как восходящий от низшего к высшему, от простого к сложному, отражая прин-

цип развития. При этом «низшее» выступает в высшем как подчинённое, побочное, «снятое», превзойдённое этим высшим» [5, с. 40].

Наконец, дальнейшая интеграция наук происходит благодаря их дифференциации. «В итоге общая классификация наук приобретает исключительно сложный, разветвлённый характер, сменивший былую её простоту и однолинейность. В сущности, она представляет теперь собою переплетение всех наук, их сеть, в которой самые отдалённые друг от друга науки могут обнаруживать прямую стыковку...» [5, с. 47]. Тем не менее, подобную картину, которую можно наблюдать в современных науках о природе, трудно проецировать на науки о человеке. Кедров видит будущее единой науки о мире в многомерности классификации научного знания. В будущей науке принцип функциональности будет подчинён принципу субстратности, то есть один объект будет изучаться сразу многими науками, как, например, феномен «преступности» может изучаться совершенно различными дисциплинами.

Синтетический характер научного знания обеспечивается качественным единством противоречащих друг другу положений в познаваемом предмете, пусть даже открываемый закон природы не носит, с виду, диалектического характера. Так, эволюционная теория Дарвина не является простым соединением катастрофизма Кювье с теорией эволюции Ламарка.

Процессы синтеза наук могут быть «внутренними» и «внешними». К «внутренним» относится формирование «промежуточных» дисциплин: биохимии, биофизики, астрофизики и т. д. Существование «трёх основных областей наук» обеспечивается существованием «трёх основных областей мира»: природы, мышления и общества. Общая наука – это материалистическая диалектика, которая «охватывает» все три области «законами движения». «В итоге мы получаем «треугольник наук, в котором свое наиболее общее выражение внешний, междисциплинарный синтез всех наук вообще» [5, с. 87–88]. Внешний синтез естественных и общественных наук осуществляется благодаря наукам техническим.

Прежняя раздробленность наук, ограниченных своими предметами, преодолевается уже в XIX в. Так, иерархическое отношение «биология... история» в трудовой теории антропогенеза Энгельса приобрело значение разных ступеней существования человека: биологической и социальной.

Как определяется место гуманитарных наук в объектно-ориентированной системе классификации научного знания? Нельзя забывать, что Кедров исходит из представления о движении знания от абстрактного к конкретному и о синтезе как о единстве противоположностей. Таким образом, обрисовываются три класса знания, отражающие специфику диалектики субъективного и объективного: естественные науки (в которых происходит «элиминация» субъективного), техниче-

ские (в которых, помимо объекта присутствует цель исследователя) и общественные (в которых «субъект органически входит во всё их содержание» [5, с. 127]).

Кедров настаивает на принципиальной познаваемости мира в его комплексности и гармоничной совокупности, все классы наук имеют единую объективную основу, субъективность в научных понятиях предстаёт как форма, а объективность – как содержание. «Результаты естественно-научного познания строго объективны по своему содержанию и субъективны по форме своего выражения» [5, с. 156]. Иными словами, субъективность – это не «мера всех вещей», субъект сам конформен прогрессу естественных наук, чем больше мы знаем о природе, тем более объективно мыслит субъект, избегая «извращённых» форм, навязанных «буржуазией».

Второй и третий классы наук, т. е. класс общественных наук и класс наук о мышлении объединяются в класс гуманитарных наук или наук о человеке. Это означает, что объективное и субъективное представляют собой два момента концентрического устройства научного знания. Концепциям линейной классификации наук Кедров противопоставляет спиралевидную классификацию наук, основанную на идее единства двух сторон логики: объективной и субъективной, «логики вещей» и «логики мышления». Итак, из ознакомления с его системой мы можем сделать тот вывод, что речь идёт о наукоцентричной и объектно-ориентированной модели, в которой не проводится систематического различия между антропологической и физико-математической «реальностью».

Такого рода материализм не оставляет места для «абсолютной случайности» как основания абсолютного Сознания. Отечественный биолог и философ науки С.В. Мейен объявляет абсолютную случайность «одним из свойств христианского Бога-творца». Такого рода классификация строится на концепции *процессуального* времени, созданной Мейеном на основании его палеоботанических исследований. Основная идея, которую мы можем выделить из этой био-онтологической концепции состоит в том, что формирование таксонов (крупных классов живых существ) происходило на Земле на основании «невидимого фундамента», обеспечивающего всё большее усложнение жизненных процессов: физических – химических – минеральных – органических – рефлексивных. С точки зрения официального марксизма, которого придерживался Кедров, все эти процессы представляли собой виды равномерного процесса («движения материи»), но, согласно христианскому взгляду Мейена, эволюция является сложным, градиентным процессом, носящим пирамидальный характер, бытийная иерархия носит также аксиологический характер, нередуцируемость индивидуального сознания к чему-то более общему находит своё законное оправда-

ние, а не сливается в круговорот диалектики «объективного» и «субъективного», как то предполагал марксизм.

В такого рода классификации точность естественных наук и субъективизм наук о человеке приобретают другой смысл. «Если физики имеют дело с изначальным полюсом процессуальной бытийности, где царит почти абсолют в масштабе Вселенной, то исторические науки, особенно науки о человеке, имеют дело с противоположным полюсом процессуальности, где локальность и уникальность сложнейших процессов достигает максимума, а соответствующая им гносеологическая упорядоченность и предсказуемость сокращается до минимума» [6, с. 75]. Точность наук о математических объектах и элементарных природных элементах (таких как ген) объясняется сложным пирамидальным устройством бытийной процессуальности. «Иерархия таксономических групп так или иначе есть отражение неравномерности (процессуальности) эволюции. <...> *Иерархия – это структурная ипостась древовидной модели сложного процесса.* Чем сложнее динамика процесса, тем гносеологически труднее подобрать ему адекватную статическую структуру – таксономическую иерархию» [6, с. 76]. Математическая модель иерархии является самой бедной категорией, поэтому естествознание является точной наукой. Последний этап эволюционного процесса стремится к Абсолюту, хотя и не есть сам Абсолют. Это объясняет особый статус наук, имеющих дело с человеческим сознанием и с индивидуальностью: исторических и гуманитарных наук. В этой перспективе, субъективность и «неточность» гуманитарного знания не есть его недостаток, который нужно «преодолевать» в диалектической, объектно-ориентированной логике. Это – особый тип мышления и познания, имеющий дело с индивидуальными сущностями, имеющими более высокий иерархический и аксиологический статус, чем элементарные частицы или древовидные структуры.

2. Французская послевоенная философия и проблема классификации знания

Вопрос об особом статусе социо-гуманитарных и медико-биологических наук в классификации знания является определяющим для французской послевоенной философии. Тема классификации наук обсуждается во Франции, начиная со времён О. Конта. Именно Конт предлагает разработку классификации научного знания, построенную на принципе восхождения от самого простого и общего к более сложному и специфическому: «математика-астрономия-физика-биология-социология». Философ и логик Э. Гобло (1858–1935) в своей диссертации «Эссе о классификации наук» (1898) утверждает о существовании «непрерывности» между биологией и социологией, определяя особое место знанию о жизни в системе наук. Законы дедукции, характеризую-

ющие другие науки, могут быть применены к био-социальному знанию лишь в отдалённом будущем. Этой же мысли придерживался знаменитый эпистемолог Э. Мейерсон (1895–1933), считавший, что Гегеля понимают неправильно, когда полагают, что он стремился заменить эмпирические знания спекулятивными. Диалектическая логика по Мейерсону является «идеалом научного рассуждения», которого научное знание пока не достигло. Г. Башляр уделяет особое место классификации периодических элементов Д. Менделеева, подчёркивая тот момент, что данная классификация является конструкцией, имеющей определённую эмпирическую базу. Ж. Кангийем развивал идею о конституирующем характере медико-биологических норм, оказавшую влияние на раннее творчество М. Фуко. Тем самым, он по-своему замыкает круг вопросов о взаимосвязи общества и жизни, поставленных в своё время О. Контом.

Для структурализма ведущим определением классификации выступает определение языка как классификации, произведённое его основателем, швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром. Язык как алгебраическая система отношений элементов классифицирует действительность. Другим источником (пост)-структуралистской концепции классификации послужила структуралистская этнология К. Леви-Стросса, считавшего, что первобытные люди и представители разных культур по-своему классифицируют действительность.

В рамках (пост)структурализма вопрос о классификации поднимает, в частности, Р. Барт (1915–1980). Барт отходит от естественно-научного толкования проблемы классификации, выделяя исключительно классификации лингвистические, которым он придаёт социально-детерминирующую функцию. Средством преодоления лингвистической классификации выступает по Барту индивидуальная трансгрессия.

С точки зрения Ж. Деррида, типологии (классификации) языков, начиная с Боппа до структурализма, платят дань метафизике и «логоцентризму» западноевропейской цивилизации. «В языке, в системе языка нет ничего, кроме различий. Таксономическая операция, следовательно, может предпринять систематическую, статистическую и классификационную их опись [3, с. 389]» – пишет Деррида. Чтобы передать несубстанциальный характер формирования таксономических различий, Деррида вводит знаменитый термин «различание» (*différance*). Метафизическое мышление остановилось перед оппозицией таксономической структуры и генезиса: различание позволяет его преодолеть. Если мы понимаем классификацию элементов языка не как систему онтологически иницированного присутствия, а как систему «различания», то тем самым мы преодолеваем привычные отношения активности-пассивности, причины-следствия, определённости-неопределённости и т. д. [3, с. 391]. Примером работы по различанию может послужить генеалогия Ницше, противостоящая метафизической грамматике как таковой.

Вопрос о новой классификации наук затрагивает известнейший психоаналитик и философ Ж. Лакан, в частности, в работе «Функция и поле языка и речи в психоанализе». В наши дни пришло время переосмыслить классификацию наук, сложившуюся в XIX в., провозглашает Лакан. Ошибка позитивистов состояла в том, что, поставив гуманитарные науки над всеми остальными, они тем самым «подчинили их». Современный субъект теряет свою идентичность в объективизациях дискурса. Творческая личность оказывается «сверхопределена» и требует переосмысления научной иерархии. И пионерами в этом деле оказываются лингвистика и этнология, выдвинувшие понятия фонемы и мифемы. «Отныне уже невозможно, – пишет Лакан, – не сделать общую теорию символа осью новой классификации наук, в которой науки о человеке вновь займут свое центральное место как науки о субъективности» [7]. Смысл психоанализа видится Лакану в установлении не объективирующего, а субъективирующего отношения субъекта с самим собой через ту символизацию, через которую психоанализ прочитывает его бессознательное. В отличие от классификации Кедрова такой подход выигрывает тем, что ключевую роль в нём играет понятие субъективности. Однако христианский эволюционизм Мейена нам кажется более продуктивным, чем индивидуализм Лакана.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о классификации в творчестве М. Фуко. Выделяя в истории западноевропейской цивилизации три «эпистемы»: Возрождение, «классическую» эпистему XVII-го – начала XVIII-го вв. и «современность» XVIII-XIX-го вв., философ прямо указывает на то, что классифицирование в «классическую» эпоху происходило согласно внешним таксономическим признакам, тогда как начало эволюционной биологии было положено вместе с классификацией согласно функциям живого как такового, причём это последнее было совершенно чуждо «естественной истории» классиков. Таким образом, классификация обнаруживает в себе «эпистемологический разрыв»: классическая таксономия времён Линнея и современная биология, начиная с Кювье, противоречат друг другу и не являются логическим следствием одно другого.

Если говорить о творчестве другого крупного представителя постструктурализма Ж. Делёза, то ближе всего к проблематике классификации оказывается его совместное с Ф. Гваттари сочинение «Тысяча плато» (1980). Здесь авторы развивают, в частности, идею «ризомы» («корневища»), представляющего собой, по сути, «сборку» (agencement), которую они противопоставляют древовидной иерархии (впрочем, вспомнив Мейена, можно утверждать, что древовидность – это лишь второй этап иерархии, начинающейся с элементарных частиц и идущей к более сложным органическим формам, таким как популяция). Примером такой «ризомы», согласно Делёзу, могут выступать отношения «оса-орхидея» или «лошадь-человек-лук», т. е. взаимообраз-

ные («мутуальные») отношения, не выводимые из одного «вертикального» источника. Сборка не включает в себя ни инфраструктуру, ни сверхструктуру (т. е. в ней нельзя различить «базис» и «надстройку») [2, с. 151]. Как мы видим, Делёз и Гваттари принципиально не различают между собой биологические, экономические и лингвистические термины, прибегая к собственной терминологии, которая отражает в себе работу предшествующих им французских философов, например, Фуко. Сборка, очевидно, показывает горизонтальную и неиерархическую связь между сферами гуманитарного знания, «ризоматическую модель», «по ту сторону» эпистемы Фуко. Так, идеи авторов о лингвистике живо напоминают тех лингвистов XX в., которые стремились упразднить различие между семантикой, грамматикой и прагматикой (в пользу прагматики), но авторы хотят идти дальше, подвергая критике линейный механизм порождающих грамматик Хомского.

Другой важный термин здесь – становление. Структурализм Леви-Стросса анализирует серию (например, ритуальное становление-животным в первобытных культурах) и структуру (тотем), отдавая предпочтение последней, как основанию «подлинной классификации» [2, с. 390]. Становление авторы определяют как прогрессирование и регрессирование согласно серии. Рамками структурной классификации становления в структурализме оказываются мифы, и они, согласно Делёзу и Гваттари, не фиксируют «блоки становления». Идеи авторов живо напоминают неозволюционистские теории, связывающие эволюцию видов с экологической нишей популяций, но авторы хотят идти дальше, отказываясь рассматривать видовую наследственность как таковую. Они считают «абсурдной» идею иерархии между «стаей» и «популяцией» животных. Становление подразумевает не только эволюцию, но и «инволюцию», не только дифференциацию, но и движение в сторону индифферентированного. «Становление – это ризома, – пишут они, – а не классификационное или генеалогическое древо» [2, с. 393]. Таким образом, если современный эволюционизм только подвергает сомнению градуальность (последовательность незаметных изменений), о которой писал Дарвин, определяющую роль «борьбы за существование», и исключительно дивергентный характер эволюции, то Делёз и Гваттари прямо говорят о становлении, которое может быть как эволюцией, так и «инволюцией», как прогрессом, так и регрессом.

Кроме этого, авторами затрагивается интересный теоретический момент, который теория классификации часто упускает. Ещё историк науки М. Серр (1930–2019) заметил, что необходимо написать историю классификаций, чтобы показать, насколько многообразие классификаций развеивает представление об однообразном взгляде человека на природу и самого себя. Структуралистами был изучен тот факт, что классификации характеров людей длительное время проводились в соответствии с образами животных, вплоть до сравнения внешних черт

человека и того или иного животного (зайца, лисы, волка и т. д.). Классификации человеческих характеров, недостатков и пороков часто проводились на основании сравнения с фактами из «естественной истории». Также, классификации животных не могут рассматриваться в отрыве от их отношения к человеку. Внутрикласификационные отношения человека и животных никогда не были «нейтральными». «Общество и Государство нуждаются в животных характеристиках для классификации людей; естественная история и наука нуждаются в характеристиках для классификации самих животных», – заключают Делёз и Гваттари [2, с. 393–394].

Классификации авторы предлагают, поэтому, производить, не в связи только с типами самих животных, а в связи с «разными состояниями, которыми они интегрируются в семейные институты, аппараты Государства, машины войны и т. д.» [2, с. 400]. Отождествляя себя с животным, человек отождествляет себя со множественным, ведь имя животного – это имя для стаи, а не для индивида. В этой связи возникает вопрос об имени, как о пределе классификации. Множество, согласно авторам, определяется не входящими в него компонентами, а «линиями и измерениями, которые она охватывает в «интенсивности» [2, с. 404]. Таким образом, можно сделать вывод, что собственное и видовое имя – это вещи разного порядка. Собственное имя изымает индивида из серии становления, а видовое – к нему относит. «Собственное имя не указывает на субъекта; и существительное не принимает на себя смысл собственного имени как функции формы или видов» [2, с. 435].

Можно сделать вывод, что существительное обозначает не форму или вид, как совокупность компонентов, а интенсивность становления или подвижную границу этой интенсивности, которая включает в себя все возможные аномалии. Классифицирование – это своеобразная номинация, в ходе которой мы мыслим древовидную, иерархическую форму неких единиц, компонентов или сущностей, которые, на самом деле, представляют собой имя, выражающее интенсивность динамики процессов становления, направление которого мы, согласно данным авторам, не в силах предсказать. Тем самым, авторы хотят нанести очередной удар представлению о поступательном характере развития европейского *ratio*, противопоставляя ему неоницшеанские идеи о непредсказуемости становления.

Такой «номиналистический», анти-иерархический и анти-эссенциалистский вектор во французском постструктурализме был задан изначально и прослеживается в работах Барта, Деррида, Фуко, Лакана или Делёза, не вдаваясь в подробности их разногласий, несоответствий и различий. При этом, более детальной разработки отношений между регионами знания и практики мы у них, на наш взгляд, не обнаруживаем. Проблема классификации, в том виде, в каком она ставится Кедровым или Мейеном, ими прямо не рассматривается. Классификация

для них выступает вторичным концептом в их полемике со спекулятивным рационализмом.

Альтернативной фигурой во французском постструктурализме выступает, на наш взгляд, греческо-французский мыслитель Корнелиус Касториадис (1922–1997). Значительное место в его творчестве занимает полемика с постмодернизмом в философии, который он считает бесперспективным. Его собственная постструктуралистская критика направлена не на структуры мышления, а на аргументы самих структуралистов, постулировавших наличие этих структур. Аргументу Соссюра о классифицирующем характере языка Касториадис противопоставляет следующее: пусть язык представляет собой иерархию кодов, но «значения не поддаются алгебраизации. Не существует алгебры значений, поскольку не существует элементов или атомов значений, а также детерминированных операций, управляющих “производством” значений на основе подобных элементов и атомов...» [4, с. 275]. Исключение составляет биологическая и подобная ей классификация, которая не является творчеством значений в том смысле, в каком им выступает естественный язык.

Аргументу Леви-Стросса о классифицирующих первобытных (мифологизирующих) культурах Касториадис противопоставляет следующее возражение: «Подавляющему большинству типов известных обществ, обществ мифообразующих, данность не представляется логически неполной – не потому, что им удастся классифицировать все, что поддается классификации; как и не потому, что их классификации логически полны и завершены, а потому что эти полнота и завершенность не являются для них критерием». Касториадис считает, что «попытка точного разграничения функционального, воображаемого, символического и рационального... наталкивается на невозможность придать этому разграничению ясный последовательный смысл» [4, с. 182]. Воображение для общества значит не меньше, чем функциональность или рациональность.

Рассуждения Касториадиса – субъектно-ориентированы, они вращаются вокруг вопроса о рациональной институционализации общественных отношений. Институционализация общественных отношений носит сложный онтологический характер. «Онтологическое творение, которое представляет собой институционализация общества, опирается на пласт уже имеющегося в наличии» [4, с. 288]. Классифицируемый обществом слой органической (растительной и животной) жизни представляет собой собственную материю данного общества, которую данное общество классифицирует, иерархизирует и т. д. Но и сам человек «группирует» себя в роды и виды, пользуясь практически той же иерархизирующей логикой, которую он применяет к природе. Таким образом, то единство Природы и Мышления, о котором шла речь выше,

оказывается не «диалектической», а той же «аристотелевской» логикой множеств и иерархий, переносимой с природы на общество и историю.

Заключение

Благодаря обзору разнообразных взглядов на классификацию, развивавшихся как в традиционной философии науки (Кедров, Мейен), так и в философии постструктурализма (Барт, Деррида, Лакан, Фуко, Делёз, Касториadis), нам удалось обрисовать сложность философской постановки проблемы классификации. Помимо проблемы классификации в частных науках (биологии, лингвистике, экономике и т. д.), существует философская проблема классификации. При этом она может быть поставлена двояко, в зависимости от того, как мыслится философия. Если мы предполагаем, что философия представляет собой теорию научного знания, то классификация наук оказывается некоей общей философской логикой знания, проникающей во все области знания и объединяющих их между собой, «наукой о науке» или «наукоучением». Причём она может быть как объектно-, так и субъектно-ориентированной. Если же мы видим в философии, прежде всего, критику «больших нарративов» (Лиотар), то классификация наук предстаёт в виде концепта, характеризующего мышление как «метафизическое» и «онтологическое». Следовательно, постструктуралистская «классификация» есть, прежде всего, критика не эмпирической классификации, а возможности классифицирования как такового. Классифицировать означает создавать иерархии сущностей объектов, демонстрировать гармонию Природы и Разума. Постструктурализм противопоставляет структурному неструктурное, бытию – становление. Однако сам этот уровень неструктурного оказывается беден. Смысложизненные установки постмодернизма чётко не прояснены. Пытаясь сохранить приоритет неструктурного, но предпочитая концепцию социально-исторического бытия ницшеанскому становлению, Касториadis возвращает философию к проблеме *смысла*. Классификационные исследования оказываются возможны только при условии проблематизации смысла мышления, знаний и науки.

Список литературы

1. Бакеева Е.В. Инкарнация мысли: постструктурализм в контексте идей М.М. Бахтина и М.К. Мамардашвили. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 154 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с франц. Я.И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010. Т. 2. 895 с.
3. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с франц. под ред. В. Лапицкого, СПб: Академический проект, 2000. 428 с.

4. Касториadis К. Воображаемое установление общества / пер. с франц. Г. Волкова, С. Офертаса. М.: «Гнозис»-«Логос», 2003. 480 с.
5. Кедров Б.М. Классификация наук. Прогноз Маркса о науке будущего. М.: «Мысль», 1985. Т. 3. 545 с.
6. Лазарев С.С. Памяти С.В. Мейена: о философских основаниях науки // In memoriam. С.В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. М.: ГЕОС, 2007. С. 67–83.
7. Лакан Ж. Функция и поле языка и речи в психоанализе. Доклад на Римском конгрессе, читанный в Институте психологии Римского Университета 26 и 27 сентября 1953 г. / пер. с франц. А.К. Черноглазов. М.: «Гнозис», 1995. 185 с.

PHILOSOPHICAL PROBLEM OF KNOWLEDGE CLASSIFICATION: CLASSIFICATION THEORY VS POSTSTRUCTURALISM

S.A. Gashkov

Baltic State Technical University «Voenmeh» named after D.F. Ustinov, St-Petersburg

The article raises the question of the classification of knowledge as a philosophical problem, and compares some of the approaches that take place in the philosophy of science (Kedrov, Meyen) with the approaches prevalent in French epistemology (Goblot, Meyerson, Canguilhem), and especially «post-structuralism» of the second half of the twentieth century (Barthes, Derrida, Deleuze, Lacan, Foucault, Castoriadis). The author comes to the conclusion that the classification in the history of philosophy is present in several interconnected senses: the classification of sciences, the critical concept of «classification» and the classification (periodization) of philosophical thought itself.

Keywords: *philosophical problem of classification of knowledge, philosophy of science, French poststructuralism.*

Об авторе:

ГАШКОВ Сергей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики (Р7) ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «Военмех» им Д.Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 7167-0081, ORCID ID: 0000-0002-2075-8180, e-mail: sgachkov@hotmail.com

Author information:

GASHKOV Sergey Aleksandrovich – PhD (Philosophy), Assistant Professor, Ustinov Baltic State Technical University “Voenmekh”, Sankt-Peterburg, Russian Federation. E-mail: sgachkov@hotmail.com

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ТьГУ. СЕРИЯ ФИЛОСОФИЯ»

**Все рукописи печатаются бесплатно.
Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат».**

В редакционный совет журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия» необходимо представить:

• файлы на информационном носителе (CD, DVD или др., по электронной почте):

- рукопись статьи;
- сведения об авторе(ах);
- скан рекомендации кафедры;
- скан заполненного лицензионного договора.
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
- рукопись статьи;
- сведения об авторе(ах);
- рекомендация кафедры (научного подразделения) с указанием наименования тематического раздела, в котором предполагается опубликование материала;
- заполненный лицензионный договор о предоставлении права использования произведения.

Сведения об авторе(ах) должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью, при наличии) автора.
2. Полное и сокращенное официальное наименование основного места работы (или учёбы) с указанием структурного подразделения.
3. Должность (образовательный статус – напр. «аспирант»).
4. Ученую степень, ученое звание (при наличии).
5. Адрес личной электронной почты и телефон (для связи и переписки).
6. SPIN-код – персональный идентификационный код автора в SCIENCE INDEX (РИНЦ).
7. Профиль автора в ORCID.

Автор может факультативно указать о себе иные дополнительные сведения. Следует указать, с каким автором (если их несколько) следует вести переписку. Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи

Статья должна быть тщательно отредактирована, отвечать требованиям научной публикации:

1. представляемая статья должна быть оригинальной и актуальной, иметь элементы научной новизны;
2. материалы должны соответствовать профилю журнала;
3. название рукописи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать её содержанию;
4. во введении к статье должны быть отражены актуальность темы, современное состояние исследований в рассматриваемой области, приведены необходимые ссылки на литературу;

5. выбранные методы должны быть адекватны поставленным задачам;
6. результаты исследования (выводы) должны быть обоснованы и корректны, их изложение должно быть ясным и четким;
7. за ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор(ры) статьи. Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.
8. Оформление рукописи должно соответствовать следующим правилам:
 - текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97 (название файла со статьёй даётся по фамилии первого автора (например, Petrov_text.docx, Petrov_text.rtf));
 - язык публикаций – русский. Перевод аннотации и ключевых слов должен быть сделан с учетом используемых в англоязычной литературе специальных терминов и правил транслитерации на английский язык. Возможен прием статей на английском языке с дублированием аннотации и ключевых слов на русском языке.
 - формат бумаги А4;
 - параметры страницы: поля – верхнее 3 см, левое и нижнее 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
 - к публикации принимаются статьи объёмом до 0,5 п. л., аналитические обзоры до 1 п. л., статьи аспирантов объёмом до 0,5 п. л.; сообщения (краткая информация о научной проблеме, научной жизни, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах, некрологи) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии (до 0,5 п. л.).

Общий порядок расположения частей статьи

1. УДК (выравнивание по левому краю, 10 пунктов).
2. **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ** (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов). Информация о грантовой поддержке (при ее наличии) даётся на название статьи и выносится подстрочной ссылкой в конце первой страницы текста статьи (выравнивание по ширине, 10 пунктов).
3. **Инициалы, фамилия автора(-ов)** (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
4. Название основного места работы (учёбы), город (выравнивание по центру, 11 пунктов).
5. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов,) – 100–250 слов.
6. *Ключевые слова на русском языке* (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запяту) 5–7 слов и/или словосочетаний.
7. Текст статьи (выравнивание по ширине, 12 пунктов). Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиография выверены. Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти – Заменить». Подчеркивание в тексте не применяется (смешивается с гиперссылками). Вместо подчеркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.
8. Благодарности (при их наличии) (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов).

9. Список литературы (выравнивание по левому краю, 11 пунктов). библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Номер ссылки в тексте заключается в квадратные скобки, в списке литературы – нумеруется арабскими цифрами без скобок. Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать, желательно, чтобы их количество не превышало 25% общего числа ссылок.
10. **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ** (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов).
11. **Инициалы, фамилия автора(-ов)** на английском языке (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
12. Название учреждения(-ий) на английском языке (выравнивание по центру, 11 пунктов).
13. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).
14. *Ключевые слова (Keywords) на английском языке* (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).
15. Сведения об авторах на русском языке (ФАМИЛИЯ Имя Отчество – ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы с указанием организационно-правовой формы учреждения, адреса (юридического) и почтовый индекс, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).
16. Сведения об авторах на английском языке (ФАМИЛИЯ Имя Отчество – ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы, адреса и почтового индекса, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).

Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала.

График выпуска журнала

Номер журнала	Прием статей редакцией	Дата выпуска
	до:	журнала:
1	январь	31 марта
2	май	30 июня
3	июнь	30 сентября
4	август	31 декабря

Журнал «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия» в соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Минобрнауки РФ включён в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующей группе научных специальностей: 09.00.00 – Философские науки.

Контактные данные редакционной коллегии

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31, каб. 204

Тел.: (4822) 63-01-51, (4822) 34-78-89 (глав. ред.)

E-mail: vestnik-tver@mail.ru, gubman@mail.ru

главный редактор – Губман Борис Львович;

ответственный секретарь – Рассадин Сергей Валентинович

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: Философия №2 (56), 2021

Подписной индекс: **80208** (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать **09.04.2020**. Выход в свет **10.04.2020**.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,9.

Тираж 500 экз. Заказ № **189**.

Тверской государственный университет.

Редакционно-издательское управление.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д.12.

Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

Цена свободная